ЛИТЕРАТУРНО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ **АЛЬМАНАХ**

12 2022

КАЧКАНАРСКИЕ ГРАНИ

Качканарские грани

ЛИТЕРАТУРНО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

№12
2022

г. Качканар
2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

Это тоже наша история.....5

Репрессии

ИЛЬЯ ДЕМАКОВ
Раскулачен. Репрессирован. Реабилитирован.....7

По 58-й

АЛЬБИНА КУЗЬМИНЫХ
Он очень любил людей и жизнь.....40

РИММА САБАНИНА
Остались болью в памяти и в сердце.....46

ГЕННАДИЙ МИХЕЕВ
В заключении отец прожил только год.....56

ТАТЬЯНА КОЛТЫШЕВА
«Враг народа».....58

ИРИНА ЖЕРЕБЦОВА
Грустная история нашей семьи.....60
Кто ищет, тот всегда найдёт.....62

ПАВЕЛ ОГОРЕЛЬЦЕВ
«Врагом народа никогда не был и не буду».....66

ГАЛИНА КРАСНОПЕВЦЕВА
Дорога к дому.....73

МИХАИЛ ТИТОВЕЦ
«Вредительской деятельностью я не занимался».....78

По национальному признаку

НАТАЛЬЯ МАТВЕЕВА
Немцы на Урале в 30-50-х годах.....85

СЕРГЕЙ ВАЙЦЕЛЬ
Потому, что ты – немец.....102

ЮЛИЯ ЦУБИКС
Бабушка Марта.....106

АЛЕКСАНДР ВОСТРЯКОВ
Иван Иванович Мантлер.....108

АЛИНА АНДРЕЕВСКАЯ
Friden — значит мир.....111

АНАСТАСИЯ РЕШЕТНИКОВА
Мои корни – в Финляндии.....116

МИХАИЛ ТИТОВЕЦ
Дроздзевичи – уральские поляки.....124

Раскулаченные

АННА РЫКОВА
Информационный ресурс «Книга Памяти раскулаченных Свердловской области» ***128***

ВАЛЕНТИНА ЧЕСНОКОВА
«Нужно уметь не стареть» ***133***

ИСМАГИЛ ФАЙРУШИН
Необоснованно раскулачен ***139***

ГАЛИНА КУЗМИЧ (КОТУГИНА)
Жизнь прожить – не поле перейти ***140***

ЛИДИЯ ИВАНОВА
Кулаки ***144***

ЕВГЕНИЯ БАКУЛИНА
Горжусь своей семьёй ***160***

ГРИГОРИЙ ДЕЛЛО
Жили и работали ***165***

ГАЛИНА КРАСНОПЕВЦЕВА
Переселенцы ***169***

ПАВЕЛ БАРАНОВ
Внукам краснеть не придётся ***175***

МИХАИЛ ТИТОВЕЦ
Старые документы – о судьбе семьи ***182***
Спецпереселенцы Филипповы ***189***

ГАЛИНА ОГИБЕНИНА
Топоровы ***194***

НИНА КОПТЕЛОВА, ЛЮБОВЬ ЛЕДНЁВА
Боровское – вторая родина нашей семьи ***195***

ЛИДИЯ ШТИНА
Мы реабилитированы ***199***

МАЛАЯ РОДИНА

НАДЕЖДА ШУЛЕПОВА
Боровское. Долгожданная встреча ***204***

ДОКУМЕНТ

Нижнетуринский изолятор специального назначения ***209***

ВАСИЛИЙ КОЗЛОВСКИЙ
Письмо ХРУЩЁВУ ***222***

СЕРГИЙ АРХИПОВ
Наша память ***227***

ПРОЗА

НАДЕЖДА ШУЛЕПОВА
Утро салатного цвета ***234***

NOTA BENE

МИХАИЛ ТИТОВЕЦ
Ирина Велембовская ***255***

ЭТО ТОЖЕ НАША ИСТОРИЯ

В нашей истории есть так называемые «говорящие» даты. Это когда любому, даже мало-мальски образованному человеку не нужно объяснять, какие события за ними стоят. Например, 1812 год, или 1917-й… О многом говорит и такая дата: 1937 год – говорит о жутком, страшном… Она – собирательный образ, символ и олицетворение сталинских репрессий. Хотя начались они задолго до 1937 года и не закончились даже со смертью «лучшего друга» детей и физкультурников. Просто это пик, который имел место 85 лет назад.

Этот выпуск альманаха посвящён драматической грани нашей истории, содержанием которой являются политические репрессии, в том числе – раскулачивание. Изначально мы не планировали эту тему, нам казалось, что она отработана: в 2014 году вышла замечательная книга А.Э.Андреевской «Мы – дети страшных лет России», посвящённая судьбам качканарцев, пострадавших в результате репрессий. Но… попросили хорошие люди. Решили попробовать. И были шокированы! Тема оказалась не только не исчерпана, но и неисчерпаема! В нашем распоряжении имеется список качканарцев, жертв политических репрессий. Он составлен в начале 2000-х гг., в нём – 247 фамилий! Представляете?! А ведь к этому времени многие уже умерли! Тогда сколько их было всего? Уму непостижимо!

С горечью приходится констатировать, что в массовом сознании маятник снова качнулся в сторону оправдания и самих репрессий, и их вдохновителя-организатора. Снова слышим «старые песни» о том, что «лес рубят – щепки летят», про «пятую колонну», и что в конце концов – «время такое было»… А если бы вам самим, любезные, оказаться в качестве таких «щепок»? Вашим родителям, детям?.. И как, интересно, определить, что человек из пятой колонны, а не из второй или третьей? Вот, например, бывший колчаковский офицер Леонид Говоров в годы Великой Отечественной войны станет спасителем Ленинграда, а обласканный властью бывший крестьянский паренёк Андрей Власов станет предателем. То, что пустили в расход «ленинскую гвардию» и многих партийно-государственных бонз – поделом, заслужили: за что боролись, на то и напоролись. Сложнее с расстрелянными красными командармами: будь они живы, наверняка мы меньше пролили бы кровушки в смертном бою с фашистской тёмною силой, наверняка скомандовали бы они не хуже кавалерийских маршалов Будённого, Ворошилова, Кулика… Но простых-то людей – зачем уничтожали? Полистайте Книгу памяти жертв политических репрессий Свердловской области, посмотрите социальный и профессиональный состав репрессированных. Кто там «пятая колонна»? Ассенизатор Порываев? Неграмотный 76-летний крестьянин Хвощевский? А что не так со временем? И почему оно «такое»? Какое такое? Ещё в 1934 году прошёл ХУ11 съезд ВКП(б), «Съезд победителей», объявивший полную победу социализма в

СССР. Откуда взялась такая армия «врагов народа»?

Не вдаваясь в полемику и оценочные суждения (для нас оценка очевидна), просто сформулируем нашу мотивацию создания этого выпуска альманаха. Она предельно проста: если было такое явление в нашей истории, то его нужно запечатлеть, в первую очередь – документами и воспоминаниями тех, кого это непосредственно коснулось. Что, собственно, и сделано в этом альманахе. А ещё – эти материалы в совокупности несут колоссальный воспитательный заряд, они – великий урок патриотизма! Ведь даже несправедливо претерпев от государства, эти люди не затаили злобы на свою страну, они оставались верными сынами и дочерями своего Отечества, в таком же духе воспитали своих детей и внуков, добросовестно трудились на его благо и защищали в суровую годину.

Основная масса материала сгруппирована по основаниям для репрессий: 58-я статья УК РСФСР, репрессии по национальному признаку и раскулачивание. Конечно же, представлены и документы – «живые свидетели» эпохи. Небольшой на этот раз художественный раздел представляют зарисовки о детстве внучки раскулаченного крестьянина Надежды Шулеповой и заметка о творчестве писательницы Ирины Велембовской.

Обычно в конце мы желаем приятного чтения. Но сейчас мы этого не станем делать: не та тема, не та грань. Просто прочитайте. Вдумываясь. Вчувствуясь. Сопереживая.

Редакция

Репрессии

Илья Демаков,
Главный археограф отдела научно-справочного аппарата, использования и публикации архивных документов «ГКУСО «Государственный архив административных органов Свердловской области»

РАСКУЛАЧЕН. РЕПРЕССИРОВАН. РЕАБИЛИТИРОВАН.

(Документы Государственного архива административных органов Свердловской области в отношении репрессированных жителей Исовского района)

В Базе данных «Книга Памяти жертв политических репрессий Свердловской области (Картотека реабилитированных)» (база данных архивно-следственных дел фонда № Р-1 «Управление Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Свердловской области») (далее - База данных), созданной в Государственном казенном учреждении Свердловской области «Государственный архив административных органов Свердловской области (ГААОСО)» (далее – ГААОСО, архив), на май 2022 года имеются 58896 записей в отношении арестованных в период с 1918 по 1991 годы жителях Среднего Урала. В том числе 1149 записей в отношении жителей Исовского[1] района Уральской (Свердловской) области.

Предваряя свой рассказ, хотелось сказать несколько слов об архиве. Летом 2022 года ГААОСО исполнилось 30 лет. В архивное учреждение, образованное по постановлению Главы администрации Свердловской области от 29 июня 1992 г. № 118 были переданы рассекреченные документы в отношении репрессированных граждан – жителей Среднего Урала[2].

Архив был создан в соответствии с Указом Президента РСФСР Б.Н. Ельцина «Об архивах Комитета государственной безопасности СССР» от 24 августа 1991 г. № 82, определившим необходимость передачи документов КГБ СССР в ведение архивных органов в целях предотвращения их незаконного уничтожения и создания условий для использования этих документов для нужд науки и культуры народов РСФСР.

Распоряжением Председателя Свердловского областного совета народных депутатов Э.Э. Росселя от 2 сентября 1991 года во исполнение Указа Президента РСФСР Б.Н. Ельцина № 82 и в соответствии с указаниями Председателя КГБ СССР В.В. Бакатина, Председателя КГБ РСФСР В.В. Иваненко, Председателя Комитета по делам архивов при Совете Министров РСФСР Р.Г. Пихоя была создана комиссия из сотрудников Свердловского

[1]Существовал в период с 1933 по 1955 годы.
[2]Здесь и далее - см. ГААОСО. Ф. Р-177. Оп. 1 Д. 1-а.

областного совета народных депутатов, архивного отдела Свердловского Облисполкома, УКГБ по Свердловской области, Государственного архива Свердловской области.

Перед комиссией ставилась задача в кратчайшие сроки определить состав, объем документов и их страховых копий, учетный и научно-справочный аппарат, подлежащие передаче на государственное хранение; перечень зданий и сооружений, штатную численность и фонд оплаты труда, передаваемые государственной архивной службе. Срок передачи документов определялся в полгода – до 1 марта 1992 года.

3 февраля 1992 года вышло инструктивное письмо Комитета по делам архивов при Правительстве Российской Федерации (Роскомархива) и Министерства безопасности Российской Федерации № 2/116-17/45-Б «О передаче архивов бывшего КГБ на государственное хранение». Процесс завершения передачи-приема фильтрационного и трофейного фонда и фонда архивно-следственных дел на государственное хранение предлагалось завершить не позднее 1 августа 1992 года.

27 февраля 1992 года на заседании областной комиссии по приему на государственное хранение документов УКГБ по Свердловской области было решено начать передачу фонда фильтрационно-трофейных материалов с 12 марта 1992 года.

На совещании Управления архивами Свердловской области 2 марта 1992 года принято решение о создании специализированного государственного архива административных органов для хранения фильтрационно-трофейных материалов и архивно-следственных дел.

Первоначально новый архив должен был временно располагаться на площадях ЦДООСО. 22-23 мая 1992 года первые 20 тысяч единиц хранения фильтрационно-трофейных материалов были размещены в отдельном обособленном архивохранилище ЦДООСО. Первым директором архива стал Анатолий Алексеевич Баранов[3], а штат учреждения состоял из 5 человек, включая директора.

После продолжительных поисков в 1996 году для архива было предоставлено помещение на проспекте Ленина, 34 на площадях бывшей столовой Обкома партии.

В 1992–2007 годы в архив был передан комплекс документов, составивших фонд Р-1 «Управление Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Свердловской области».

В последующие годы список источников комплектования пополнился

[3]А.А. Баранов (1937-2016) - родился 20 марта 1937 года в г. Новая Ляля Свердловской области. Воинскую службу проходил в Приморском крае в составе ВВС Тихоокеанского флота. После увольнения в запас поступил работать формовщиком в сталелитейный цех Уралмашзавода. С 1960 по 1965 год учился на вечернем отделении Свердловского юридического института, получил квалификацию юриста. В декабре 1963 года был избран председателем цехового комитета профсоюза сталелитейного цеха УЗТМ. В феврале 1966 года поступил на службу в органы госбезопасности СССР и работал там до августа 1992 года. (См. Первый директор архива. URL: (Дата обращения: 01.05.2022).

документами судов, юстиции и прокуратуры, военных комиссариатов Свердловской области и города Екатеринбурга, таможенных органов Федеральной таможенной службы России, а также документами личного происхождения. На 1 мая 2022 года в списке источников комплектования числится 178 организаций Свердловской области и Уральского федерального округа. В настоящее время ГААОСО является единственным в России специализированным архивом, комплектующимся документами силовых ведомств.

Сотрудниками архива проводится работа с держателями личных фондов. Собраны коллекции документов граждан, пострадавших от политических репрессий после 1917 года, бывших военнопленных, мирных граждан, насильственно депортированных в Германию в годы Великой Отечественной войны, свердловского отделения ассоциации «Харбин» и др.

В фондах ГААОСО находятся на хранении документы конца XIX – начала XXI вв., содержащие уникальные сведения о судьбах жителей Среднего Урала, героическом труде в тылу и боевых подвигах уральцев в годы Великой Отечественной войны, об истории индустриализации, социально-политической, культурной жизни региона.

По состоянию на 1 января 2022 года Государственный архив административных органов Свердловской области располагает 210 фондами, в которых хранится 133 тыс. 979 ед. хр.

В фонд Р-1 «Управление Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Свердловской области» включены архивно-следственные дела граждан, репрессированных по политическим мотивам в 1918 - 1960-е годы XX века (впоследствии реабилитированных); фильтрационно-трофейные материалы военнослужащих, призванных в армию из Свердловской области, взятых в плен в период Великой Отечественной войны и находившихся в концлагерях и картотека лиц, интернированных и мобилизованных органами контрразведки «СМЕРШ» из стран центральной и восточной Европы в середине 1940-х годов. В фонде находятся на хранении 105875 ед. хр. за 1918 - 2011 гг. объединенных в 3 описи.

В опись 2 дел постоянного хранения входят архивно-следственные дела граждан, арестованных и осужденных по ст. 58 УК РСФСР (в редакции 1926 г.), впоследствии реабилитированных в количестве 79085 ед. хр., за 1918 – 2011 годы. Опись № 2 архивно-следственных дел включает в себя дела, созданные в процессе следствия: архивно-следственное, наблюдательное, контрольное, контрольно-наблюдательное, агентурное дело, имущественное дело, личное дело заключенного, дело спецпроверки, учетное дело.

Архивно-следственное дело содержит документы ведения следствия:

- материалы оформления ареста и обыска: постановление на арест, постановление об избрании меры пресечения, ордер на арест, анкета арестованного, протокол обыска;

- материалы следствия: протоколы допроса обвиняемого и свидетелей, проходивших по делу, протоколы очных ставок, постановление о предъявлении обвинения, изменение меры пресечения, акты, справки госучрежде-

ний, материалы экспертизы, протокол предъявления следственных материалов, акт медицинского освидетельствования, обвинительное заключение;

- вещественные доказательства, изъятые у лиц в ходе обыска и приобщенные к делу;

- приговоры, акты о приведении приговоров в исполнение, ходатайства по пересмотру дел, справки о реабилитации, заключения о признании граждан пострадавшими от политических репрессий и т.д.

Наблюдательное дело содержит документы, созданные до возбуждения уголовного дела, дублирующие экземпляры документов следствия, если они составлялись в нескольких экземплярах, письма родственников арестованного.

Контрольное дело содержит требования на выдачу (высылку) дела из архива в другие подразделения, суд, прокуратуру, свидетельства (заключения) о смерти 1950-х гг., документы о реабилитации репрессированных конца 1980-х - начала 2000-х гг.

Контрольно-наблюдательное дело содержит документы, характерные как для контрольного, так и для наблюдательного дела.

Агентурное дело содержит документы агентурной разработки подозреваемого: доносы, сообщения, характеристики и материалы проверки подозреваемого.

Имущественное дело содержит опись конфискованного имущества, документы о его изъятии и возврате, акты о сдаче вещей в Государственный фонд, постановление о наложении ареста на имущество, переписку о возврате стоимости изъятых вещей, акт опечатывания квартиры.

Личное дело заключенного содержит следующие документы: постановление об избрании меры пресечения, талон ордера на арест, анкета, приговор, справка о вступлении приговора в законную силу, наряд на отправку в лагерь, документы об изменении срока наказания, ордер на освобождение.

Дело спецпроверки содержит материалы проверки по оперативным учётам, включающие сбор сведений по местам работы и жительства проверяемого.

Учётное дело содержит документы о реабилитации лица, на которого оно было заведено.

Вещественные доказательства

При аресте у обвиняемого изымались и приобщались к делу личные документы и вещи: паспорта, профсоюзные и военные билеты, красноармейские книжки, свидетельства о рождении и другие документы, фотографии из семейных альбомов, письма, книги, листовки, грамоты, марки, медали, значки, ордена и другие знаки различия, ручки, карандаши, ключи, очки, заготовки печатей и др.

В соответствии с п. 7 Рекомендаций по организации приема документа КГБ СССР на государственное хранение, обеспечению их сохранности и учету (приложение к письму Роскомархива от 13.08.1992 № 6/1215-А)

разработанными в соответствии с указанием Министра безопасности Российской Федерации В. Баранникова и Председателя Роскомархива Р. Пихоя от 03.02.1992 № 45-Б и 2/116-П «О передаче архивов бывшего КГБ на государственное хранение» принимаемые на государственное хранение дела считаются рассекреченными, кроме дел, содержащих сведения об организации и тактике оперативных розыскных мероприятий, что составляет государственную тайну в соответствии с Законом РФ от 13.03.1992 «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации».

Предваряя свой рассказ о документах в отношении репрессированных исовчан, остановлюсь на особенностях состава архивно-следственных дел зажиточных крестьян, крестьян-единоличников, работавших в своем хозяйстве, раскулаченных в начале 1930-х гг. и репрессированных по ст. 58 УК РСФСР. В делах помимо постановления, ордера на арест, протоколов допросов и других стандартных документов представлены следующие виды документов:

- Анкета для арестованных 1928-1932 гг. состоит из 36 вопросов и содержит помимо общебиографических сведений следующую информацию:

Количество членов семьи: трудоспособных, нетрудоспособных, состоящих на иждивении человек; где был и что делал во время захвата Урала Колчаком; имущественное положение: пахота в гектарах, сенокос в гектарах, лес в гектарах, лошади, жеребята, коровы, телята, овцы, свиньи (до революции, до раскулачивания, в настоящее время); когда разделился с отцом; пользовался ли наемным трудом; наличие производственных единиц (фабрики, заводы, мельницы, маслобойни, сукновалки, магазины, ларьки, племенные производители и т. п.) (до революции, в настоящее время); наличие домов, надворных построек (указать какие именно и на какую сумму застрахованы), сельхозмашин; имеются ли побочные заработки, какие, на какую сумму и где; сумма налога и форма обложения (индивидуально, с процентной надбавкой или в общем порядке за последние 3 года; за что индивидуально обложен; состояние здоровья: (ваше, лиц, состоящих на вашем иждивении; примечание: (в примечании представитель сельсовета и лицо, ответственное за составление анкеты отмечает неправильности сведений, указанных анкетируемым. Примечание может быть продлено на отдельном листе с приложением документальных обоснований и обязательно карточки посемейных списков)[4].

- Анкета на фигурантов по следственным делам по всем пунктам 58 ст. УК состоит из 16 пунктов, в т.ч. - Характеристика хозяйства в годы революции. Годы - начиная с 24 по 29 и далее на момент ареста.

- Анкета раскулаченного. Состоит из 12 пунктов: имя, отчество и фамилия; местожительство и возраст; количество членов семьи, пол, возраст каждого и трудоспособность; имущественное положение до раскулачивания (указать сколько имел земли, какой инвентарь, скот, жилые постройки,

[4]ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 8917 (10539). Л. 16-17 об.

предприятия и проч.); имущественное положение до революции и последние годы, включая 1930 г. (указать сколько имел земли, какой инвентарь, скот, жилые постройки, предприятия и проч.); размеры эксплуатации[5] наемного труда (указать сколько нанимал постоянных батраков, рабочих, когда, сколько времени и проч.); торговля и другие заработки (указать размеры торговли); лишен ли избирательных прав, когда и за что?; судимость; есть ли родственники в Красной Армии, кто и где, в какой части; сведения об антисоветской деятельности в прошлом и настоящем; особые сведения.

- Анкета раскулаченного. Состоит из 28 пунктов, в том числе - подлежит ли выселению, если не выслан, причины к этому; служители религиозного культа (попы всех толков, руководители секты, мулла, церковные старосты, дьяконы, псаломщики, муэдзины, ишаны и т. д.); был ли за границей: когда, как попал за границу (бежал в революцию и после одиночно, отступил в составе белой армии, попал в плен до революции); бывший военнопленный: где, когда попал в плен, где был в плену, когда вернулся; иностранец: когда, откуда прибыл, где, в качестве кого работает; перебежчик: когда, откуда, по каким причинам прибыл в СССР и чем сейчас занимается; политфизиономия в данное время (какую проявляет а/с активность); прочие компрометирующие данные; состоял ли на учете АСЭ у РУПав на основании каких данных заполнены сведения, кто может подтвердить.

Помимо вышеуказанных документов в делах встречаются также Анкета на кулака, возвратившегося из ссылки[6]; выписка из протокола Заседания комиссии при Райисполкоме по определению кулацких хозяйств для выселения; выписка из протокола заседания фракции *(Название)* Районного исполнительного комитета (РИКа); выписка из протокола № *(указан номер)* заседания Президиума *(Название)* сельсовета *(дата)* о лишении усадебного надела и просьбе Президиум *(Название)* РИКа выселить семью кулака из пределов Уральской области; выписка из поселенного списка об экономическом состоянии хозяйства; личное дело на трудпоселенца; справка на арест кулака; справка об имущественном положении жителя *(Название)* района Свердловской области; справка об экономике хозяйства; справка на трудпоселенца с указанием состава и движения его семьи выданная ОТП (Отделом трудовых поселений) Управления НКВД по Свердловской области[7]; справка на семью трудпоселенца выданная Районной комендатурой НКВД[8]; справка сельского совета; характеристика сельского совета. В приговорах Тройки при ПП ОГПУ по Уралу в качестве меры наказания помимо заключения в исправительно-трудовые лагеря указывалась также ссылка:

Выслан из пределов Тюменского округа по II категории; Ссылка на север Урала с семьей; Спецссылка в Колвинский ЛПХ Ныробского р-на и т.п.

---

[5]Так в документе.
[6]Например: в Талицкий район.
[7]Выдавалась в конце 1930-х гг.
[8]Выдавалась в 1940-е гг.

В уголовных делах 1920-1921 годов, хранящихся в ГААОСО, большое внимание уделяется проведению мероприятий по регистрации, учету и фильтрации бывших военнослужащих Белой армии. Объясняется это тем, что на Среднем Урале к тому времени скопилось значительное количество людей, служивших в Белой армии, в том числе и офицеров. После захвата в плен в Сибири и на Дальнем Востоке и фильтрационной проверки Комиссиями по фильтрации белогвардейских офицеров при Особых отделах ВЧК, участники Белого движения направлялись для отбытия наказания в исправительные учреждения Урала или были амнистированы.

Основными местами размещения пленных офицеров стали Екатеринбургский концлагерь № 1 и Нижнетуринский Исправительный рабочий дом. Согласно Приказу № 118 от 27 мая 1921 года[9] Екатеринбургского Губернского исполнительного комитета, Губчека и Губотдела принудительных работ в виду участившихся побегов вводилась круговая порука среди арестованных. За каждого бежавшего из мест заключения арестованного расстреливали 5 человек из той группы, из которой сбежал арестованный.

С самого начала своей деятельности сотрудники Екатеринбургской ЧК в ведении следственных дел руководствовались общей, разработанной центральным аппаратом ВЧК методикой, однако в уголовных делах раннего периода далеко не везде встречается стандартный набор документов: ордер на арест, протокол обыск, анкета арестованного, протоколы допросов, обвинительное заключение, приговор. В части дел отсутствуют биографические данные того или иного подследственного, среди которых, фамилия, отчество, год и место рождения человека. В связи с этим установить личность гражданина зачастую не представляется возможным.

Утверждение Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 г. стало причиной обновления и трансформации уголовного законодательства союзных республик. Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. стал первым кодифицированным уголовным законом, принятым в период действия уголовного законодательства СССР.

В Особенной части УК РСФСР 1926 г. появились две главы:

1. Контр-революционные преступления (статья 58)
2. Преступления против порядка управления (статья 59)[10].

Согласно пункту 1 статьи 58 «Контр-революционным признается всякое действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению власти Рабоче-Крестьянских Советов и существующего на основании Конституции Р.С.Ф.С.Р. Рабоче-крестьянского Правительства, а также действия в направлении помощи той части международной буржуазии,

[9]ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 46904. Л. 8.

[10]Уголовный кодекс РСФСР от 22.11.1926 г. [Электронный ресурс] // Кодекс: электронный фонд правовых и нормативно-технических документов URL: https://docs.cntd.ru/document/901757374 (дата обращения: 31.12.2021).

которая не признает равноправия приходящей на смену капитализма коммунистической системы собственности и стремится к ее свержению путем интервенции или блокады, шпионажа, финансирования прессы и т.п.

Контрреволюционным признается также и такое действие, которое, не будучи непосредственно направлено на достижение вышеуказанных целей, тем не менее, заведомо для совершившего его, содержит в себе покушение на основные политические или хозяйственные завоевания пролетарской революции».

После выхода 30 января 1930 года Постановления Политбюро ЦК ВКП(б), исковеркавшего жизнь многих тысяч крестьянских семей в Советском Союзе «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации», необходимо было немедленно в районах сплошной коллективизации провести процесс ликвидации кулацких хозяйств и решительно подавить попытки контрреволюционного противодействия кулачества колхозному движению крестьянских масс[11].

Согласно тексту приказа ОГПУ № 44/21 «О ликвидации кулака как класса» от 2 февраля 1930 года лица, признанные кулаками, подлежали выселению из районов массовой коллективизации в восточные и северные районы СССР. В том числе, в Уральскую область с 25 мая по 1 октября 1931 года предстояло вывезти 55 000 семей (из них 5 000 семей внутри области)[12].

Урал был одним из основных районов ссылки раскулаченных крестьян. Сюда везли «кулаков» со всей страны: Украинская ССР - 32127 семей, Белорусская ССР - 9113 семей, Нижняя Волга - 1878 семей, Средняя Волга - 663 семьи, Центрально-Черноземная область - 1408 семей, Северный Кавказ - 25995 семей, Крым - 2772 семьи, Татарская АССР - 7810 семей, Нижегородский край - 5201 семья, Западная область - 7308 семей, Московская область - 3112 семей, Ленинградский военный округ (ЛВО) - 337 семей и Ивановская промышленная область - 3655 семей. Из Ивановской и Западной областей все раскулаченные семьи были направлены исключительно только на Урал. Общее количество крестьянских семей, отправленных в «кулацкую ссылку» на Урал в 1930-1931 годы достигло 128233 семьи[13].

---

[11]Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Т. 65. 1927-1939. Документы и материалы. В 5-ти тт. / Т. 2. Ноябрь 1929 - декабрь 1930 / Под ред. В.Данилова, Р.Маннинг, Л.Виолы. - М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. - С. 126-130.

[12]История сталинского Гулага. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7 т. Т. 1. Массовые репрессии в СССР / М-во культуры и массовых коммуникаций РФ, Федер. архив. агентство, Гос. архив РФ, Гуверовский ин-т войны, революции и мира, отв. ред. Н. Верт, С.В. Мироненко, отв. сост. И.А. Зюзина. - М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. С. 94, 106.

[13]Судьба раскулаченных спецпереселенцев на Урале: (1930-1936 гг.): Сб. док. /Сост. А.Э. Бедель, Т.И. Славко. – Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 1994 (Банк данных по регион. Истории: Урал в XX в.; Вып. 1). С. 13.

На самом Урале раскулачиванию подверглись 28394 семьи, из них внутри региона были перемещены 26854 семьи, а в Ленинградский военный округ направлены 1540 семей[14].

На 1 января 1938 года в Советском Союзе в 1741 трудпоселке проживали 997 329 трудпоселенцев. В том числе в РСФСР – 820 000 трудпоселенцев, 1541 трудпосёлков. В Свердловской области – 171 899 трудпоселенцев – 243 трудпосёлка[15]. В середине 1930-х годов произошло ужесточение репрессивной политики, в том числе в отношении трудпоселенцев. В 1935-1936 гг. в СССР было осуждено 6530 трудпоселенцев, Свердловская область – 1019 человек, Челябинская – 354 человека. В 1937-1938 гг. в СССР было осуждено 41 215 трудпоселенцев, Свердловская и Пермская области – 18 538, т.е. свыше 10% трудпоселенцев, Челябинская область – 1979 человек[16].

Большая часть арестованных за антисоветскую деятельность жителей Исовского района – это раскулаченные крестьяне (украинцы, русские, белорусы), высланные на Северный Урал из Украинской ССР (В основном - Харьковская, Черниговская, Полтавская области и др.) Калининской, Западной[17], Ленинградской, Кировской областей, Крымской АССР, Северо-Кавказского края РСФСР, Белорусской ССР и др.

Трестом «Уралплатина» (Заозерско-Ивдельский, Кытлымский, Косьинский прииски) по данным на 26 апреля 1931 г. было принято извне Уральской области 1692 семьи с количеством 8000 человек[18].

По данным на май 1931 года в Уральской области было расселено 47157 семей спецпереселенцев, в том числе в Нижнетуринском районе (Исовский горный округ) - 1178 семей[19].

По данным Спецсводки № 3 СПО[20] ОГПУ на 14 августа 1931 года на территории Уральской области находилось до 120 тыс. семей спецпереселенцев, что составляет около 600 тыс. чел. Имелись большие проблемы в строительстве, в продовольственном снабжении кулацкой ссылки. «В Нижнетуринском районе полученные три вагона муки для спецпереселенцев распоряжением председателя правления ЦРК[21] были израсходованы на коренное местное население. Спецпереселенцы ничего из них не полу-

---

[14]Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930-1960 / В.Н. Земсков; Ин-т рос. Истории. – М.: Наука, 2005. С. 18.

[15]Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930-1960 / В.Н. Земсков; Ин-т рос. Истории. – М.: Наука, 2005. С. 33.

[16]Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930-1960 / В.Н. Земсков; Ин-т рос. Истории. – М.: Наука, 2005. С. 58-60.

[17]Западная область РСФСР (1929-1937 гг.) с центром в г. Смоленск.

[18]Раскулаченные спецпереселенцы на Урале (1930-1936 гг.). Сб. документов. Екатеринбург: УИФ «Наука». 1993. С. 42.

[19]Раскулаченные спецпереселенцы на Урале (1930-1936 гг.). Сб. документов. Екатеринбург: УИФ «Наука». 1993. С. 44.

[20]СПО - секретно-политический отдел при ПП ОГПУ.

[21]ЦРК - возможно, Центральная ревизионная комиссия.

чили и голодали. В Туринском[22] районе секретарь партийной ячейки прииска Косья в отношении обращающихся за медицинской помощью спецпереселенцев дал врачу установку: «Гоните переселенцев к чертовой матери»[23].

В результате такого бесчеловечного отношения местных властей Исовского (Нижнетуринского) районов к спецпереселенцам отмечалось развитие эпидемических заболеваний и усиление смертности. Нижнетуринский район в январе 1932 года входил в перечень особо неблагополучных по развитию сыпного тифа и брюшного тифа районов Уральской области. Согласно оперативному плану по борьбе с эпидемиями в районах спецссылки в Нижнетуринском районе необходимо было создать санпроппункт при штатной команде на 50 мест[24]. На 10 февраля 1932 года в Нижнетуринском районе проживало 27869 спецпереселенцев[25]. К апрелю 1932 г. спецпереселенцы составляли 52 % по отношению к численности коренного населения в Нижнетуринском районе[26].

На совещании хозяйственников при ОСП ПП ОГПУ[27] 7 июня 1934 года было намечено разместить пункты организации домов отдыха в течение двух месяцев 700 человек, в том числе - трест «Уралзолото» Исовский район 20 человек[28]. Согласно Рапорта начальника ГУЛАГ М.Д. Бермана наркому внутренних дел СССР Г.Г. Ягоде о ходе восстановления в правах спецпереселенцев на ноябрь 1934 года по четырем районам Свердловской области в золотой промышленности было одновременно восстановлено в правах 900 семей - 3240 чел., что составляет 50 % общего контингента трудпоселенцев, работающих в золотой промышленности этой области. Из восстановленных по Исовскому району 588 семей, уехало 30 семей и свыше 80 семей настроены к отъезду[29].

---

[22]Так в документе. Правильно - Нижнетуринском.

[23]История сталинского Гулага. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7 т. Т. 1. Массовые репрессии в СССР / М-во культуры и массовых коммуникаций РФ, Федер. архив. агентство, Гос. архив РФ, Гуверовский ин-т войны, революции и мира, отв. ред. Н. Верт, С.В. Мироненко, отв. сост. И.А. Зюзина. - М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. С.156-157.

[24]Раскулаченные спецпереселенцы на Урале (1930-1936 гг.). Сб. документов. Екатеринбург: УИФ «Наука». 1993. С. 80-82.

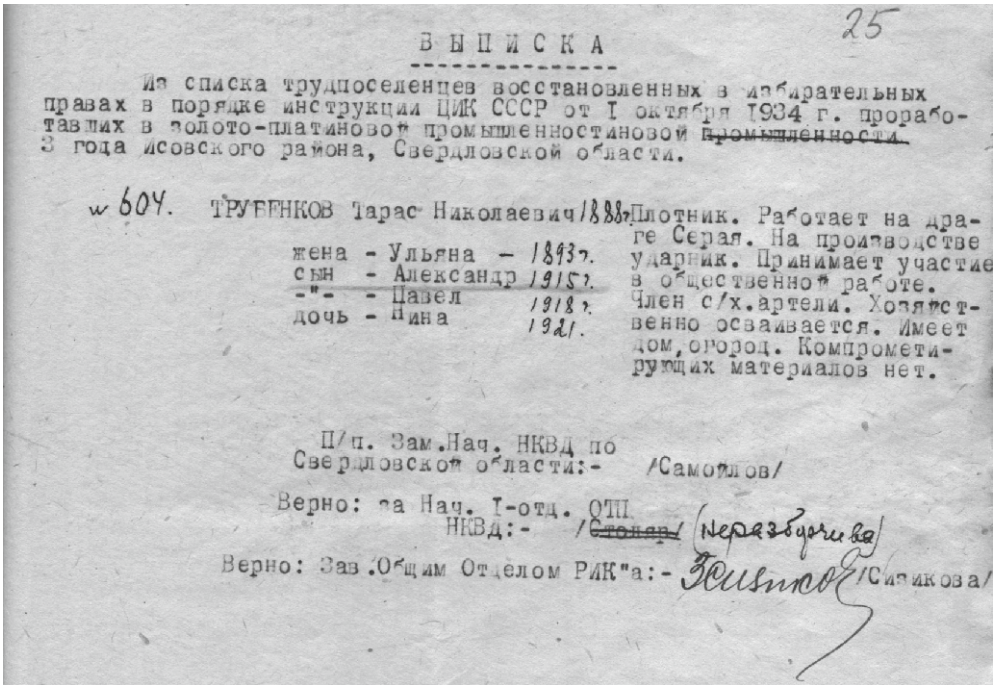
[25]Раскулаченные спецпереселенцы на Урале (1930-1936 гг.). Сб. документов. Екатеринбург: УИФ «Наука». 1993. С. 103.

[26]Славко Т.И. Кулацкая ссылка на Урале. 1930-1936. М.: Мосгорархив. 1995. С. 73.

[27]Отдел спецпоселений Полномочного представительства Объединенного государственного политического управления

[28]Раскулаченные спецпереселенцы на Урале (1930-1936 гг.). Сб. документов. Екатеринбург: УИФ «Наука». 1993. С. 193.

[29]История сталинского Гулага. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7 т. Т. 1. Массовые репрессии в СССР / М-во культуры и массовых коммуникаций РФ, Федер. архив. агентство, Гос. архив РФ, Гуверовский ин-т войны, революции и мира, отв. ред. Н. Верт, С.В. Мироненко, отв. сост. И.А. Зюзина. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. С. 207-208.



25

ВЫПИСКА

Из списка трудпоселенцев восстановленных в избирательных правах в порядке инструкции ЦИК СССР от 1 октября 1934 г. проработавших в золото-платиновой промышленностиновой ~~промышленности~~ 3 года Исовского района, Свердловской области.

№ 604. ТРУБЕНКОВ Тарас Николаевич 1888г. Плотник. Работает на драге Серал. На производстве ударник. Принимает участие в общественной работе. Член с/х.артели. Хозяйственно осваивается. Имеет дом, огород. Компрометирующих материалов нет.

жена - Ульяна - 1893г.
сын - Александр 1915г.
-"- - Павел 1918г.
дочь - Нина 1921.

П/п. Зам.Нач. НКВД по Свердловской области:- /Самойлов/

Верно: за Нач. I-отд. ОТП НКВД:- /~~Столяр~~/ (Неразборчиво)

Верно: Зав.Общим Отделом РИК"а:- /Сивикова/

Выписка из списка трудпоселенцев, восстановленных в избирательных правах в отношении семьи Т.Н. Трубенкова. Не ранее 1934 г. ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 1168 (1029). Л. 25.

По данным на 1941 год в Исовском районе Свердловской области было размещено 10 спецпоселков: Федино - 942 чел., Исовский ЗПУ; Боровое — 558 чел., Косьвинское ЗПУ; Лабазка — 578 чел.,; Нясьма — 521 чел., Рудный — 519 чел. и Лубянка — 242 чел. - все три посёлка Ново-Лялинского леспромхоза; Восьмиверстка — 151 чел., Южный — 326 чел. Кытлымский ЛПУ; Серебрянка — 275 чел. отделения Севлага НКВД и Ляленка — 279 чел. Отделения Ураллага НКВД[30].

5 декабря 1936 года Постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза ССР была утверждена Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик[31]. Статья 125 Конституции гарантировала гражданам СССР «в соответствии с интересами трудящихся и в целях укрепления социалистического строя» свободу слова, свободу печати, свободу собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций.

Согласно статьи 102 «Правосудие в СССР осуществляется Верховным Судом СССР, Верховными Судами союзных республик, краевыми и областными судами, судами автономных республик и автономных областей,

[30]Мазур Л. Н. Край ссылки: особенности формирования и развития системы расселения на Урале в 1930-1950-е гг. / Л. Н. Мазур // Документ. Архив. История. Современность. - Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2002. - Вып. 2. - С. 203.
[31]Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. https://docs.cntd.ru/document/901941395 (дата обращения: 08.11.2021).

окружными судами, специальными судами СССР, создаваемыми по постановлению Верховного Совета СССР, народными судами». Разбирательство дел во всех судах СССР открытое, с обеспечением обвиняемому права на защиту (статья 111). Гражданам СССР обеспечивается неприкосновенность личности. Никто не может быть подвергнут аресту иначе как по постановлению суда или с санкции прокурора. Неприкосновенность жилища граждан и тайна переписки охраняются законом (Статьи 127-128). За всеми гражданами советского государства признавалась свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды.

К сожалению, все регламентированные Конституцией 1936 года права и свободы граждан в годы массовых репрессий в Советском Союзе остались забыты. Право на свободу слова ограничивалось, неугодные власти высказывания отслеживались и виновные беспощадно наказывались. Антисоветской пропагандой и агитацией признавались и проповеди священников в дни церковных праздников и высказывания школьников и студентов в защиту теорий Троцкого и Бухарина.

5 марта 1937 года завершил работу пленум ЦК ВКП (б), на котором был санкционирован массовый террор против политических противников советской власти[32].

30 июля 1937 года был подписан приказ НКВД СССР № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов». Согласно тексту приказа «материалами следствия по делам антисоветских формирований, устанавливается, что в деревне осело значительное количество бывших кулаков, ранее репрессированных, скрывшихся от репрессий, бежавших из лагерей, ссылки и трудпоселков. Осело много, в прошлом репрессированных церковников и сектантов, бывших активных участников антисоветских вооруженных выступлений».

Операция началась с 5 августа 1937 г. Именно эту дату считают началом эпохи «Большого террора».

Все репрессированные разбивались на 2 категории:

1 категория – наиболее враждебные антисоветские элементы. Они подлежали немедленному аресту и, по рассмотрению их дел на тройках НКВД, - расстрелу.

2 категория – все остальные менее активные, но все же враждебные элементы. Они подлежали аресту и заключению в лагеря на срок от 8 до 10 лет.

Согласно разнарядке в Свердловской области только за 4 месяца 1937 г. по 1 категории необходимо было репрессировать 4000 человек, по 2 категории – 6000 человек. Всего – 10000 человек. По Челябинской области (куда в то время входили несколько восточных районов Свердловской области - Каменский, Покровский, Талицкий, Буткинский, Пышминский)

[32]История Екатеринбургской епархии. Екатеринбург: Издательство «Сократ», 2010. С. 478.

1500 человек по 1 категории, 4500 по 2 категории. Всего 6000 человек. По Омской области (куда входил Верхнетавдинский[33] район - 1000 человек по 1 категории и 2500 человек по 2 категории. Всего 3500 человек[34].

Согласно приказу НКВД СССР № 00447 были созданы республиканские, краевые и областные тройки по рассмотрению дел арестованных. В состав этих троек входили в качестве председателя – наркомы внутренних дел, начальники краевых или областных управлений НКВД, в качестве членов – первые секретари ЦК компартий союзных республик, секретари крайкомов и обкомов партии и соответствующие прокуроры. В связи с проведением массовых арестов в соответствии с приказами НКВД от 11 августа 1937 г. и от 20 сентября 1937 г. списки лиц, подлежащих репрессиям, рассматривались также двойками: наркомами, начальниками УНКВД совместно с соответствующим прокурором республики, края, области[35].

В 1937-1938 гг. органы НКВД СССР провели целый ряд операций по аресту и осуждению граждан определенных национальностей. Среди «национальных» выделяют одиннадцать операций: польскую (1), немецкую (2), румынскую (3), финскую (4), латышскую (5), эстонскую (6), греческую (7), иранскую (8), афганскую (9), а также харбинскую (10) – по репрессированию бывших сотрудников Китайско-Восточной железной дороги, вернувшихся в СССР в 1935 году и ранее. Одиннадцатой стала операция в отношении «лиц, обвиняемых в шпионской и диверсионной деятельности в пользу иностранных государств»: Австрии, Англии, Америки, Болгарии, Италии, Франции и других. Репрессированные в ходе этой операции люди в отчетах НКВД проходили по разделу «Разные»[36].

Старатель Косьинского золотоплатинового комбината Дмитрий Дмитриевич Осинцев родился в 1893 году в поселке Висимо-Шайтанского завода. Арестован 22 октября 1937 года за антисоветскую агитацию (ст. 58-10 УК РСФСР), выразившуюся в следующем: «выступил на демонстрации 1 мая «*Вон вся голодная масса идет, плачет да идет праздновать Советский праздник, а на уме у всех, как и у меня, как бы избавиться от советской власти с ее крепостным правом*»[37]. В паспорте гражданина СССР выданном в 1936 года фамилия обвиняемого указано иначе чем в следственных документах – «*Осенцов Д.Д.*, дети - *Осенцова Галина* 18.2.23, *Осенцов Владимир 19.07.34*»[38]. Жена - Осинцева Татьяна Ивановна, 37 л. и старший сын - Осинцев Александр, 18 л. на 1937 г.

Счетовод Исовского золотоплатинового управления, житель трудпоселка Федино Николай Иванович Морозов родился в 1891 году в селе Яковлевичи Ельнинского уезда Смоленской губернии в семье псаломщика. Закончил Смоленскую духовную семинарию. Согласно сведениям из

[35]Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. – М.: Республика: Верховный Совет Рос. Федерации, 1993. С. 63.
[36] Кривенко С.В., Прудовский С.Б. Статистика национальных операций НКВД 1937 – 1938 годов. URL: https://lib.memo.ru/media/book/27344.pdf (дата обращения: 02.12.2021).
[37]ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 48628 (77244). Л. 10.
[38]ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 48628 (77244). Л. 14

личного дела кулака-трудпоселенца, Н. Морозов до революции и после имел кулацкое хозяйство - пахотной земли 3 га, сенокоса - 4 га, лошадей - 1, коров - 2, мелкого скота - 6. Кулак-священник. Служил священником с 1915 года. Был лишен избирательных прав в 1920 г. как служитель культа. В 1929 г. осужден к 40 рублям штрафа за причащение находящегося при смерти колхозника. В 1931 г. раскулачен и выслан с семьей. Состав семьи - жена - Морозова Надежда Алексеевна и дочь Елена. Арестован 13 января 1938 года за принадлежность к польской разведке, в проведении диверсий и участии в вооруженном восстании. Постановлением УНКВД по Пермской области от 17 марта 1939 года дело в отношении Н. И. Морозова было прекращено[39].

Уроженец хутора Бакшеевка Волчанского района Харьковской области Яков Васильевич Крикун был раскулачен и выслан с семьей, работал лесорубом Новолялинского леспромхоза. Был арестован 10 января 1938 года по обвинению в причастности к немецкой разведке и проведении диверсионной работы: «*вывел из строя 2 лошадей, в 1937 г. перед моментом ареста поджег автотракторный гараж с целью вывести из строя трактора*»[40].

Через две недели после ареста, 25 января 1938 года появляется типичное и стандартное по содержанию заявление от подследственно арестованного в НКВД. Такие признательные заявления есть почти во всех делах арестованных того времени. Яков Крикун написал о своей причастности к немецкой разведке и назвал своего вербовщика и других членов шпионской сети. «*В протокол допроса дам подробные показания*»[41].

Показательна формулировка Заключения по делу от 19 сентября 1938 года «С*ледствием шпионско-диверсионная деятельность Крикун Я.В. не подтверждена, но учитывая, что он сын кулака, в 1931 г. выслан с родителями на Урал, в настоящее время брат Иван с 1912 г.р. тоже арестован органами НКВД, поэтому считая его социально опасным, Полагал-бы: Следственное дело Исовского РО НКВД № 32759 по обвинению Крикун Якова Васильевича по ст. 58 п. 2-6-9 УК РСФСР направить по подсудности*»[42]. Впечатляет цинизм следователей. Несмотря на отсутствие доказательств следствие настаивало на осуждении Якова Крикуна из его «опасности» для общества.

Я.В. Крикун дал признательные показания, которые затем в результате дальнейших следственных действий опроверг полностью, в связи с чем следственное дело Постановлением УНКВД по Пермской области от 24 декабря 1938 года было прекращено за недоказанностью преступления. 7 января 1939 года Яков Крикун был освобожден из Соликамской тюрьмы. Как и все освобожденные из-под следствия Я. Крикун дал следующую подписку «*Я, Крикун Яков Васильев. Даю настоящую подписку в том, что*

[39]ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 15457 (14564). Л. 1-3, 7-8 об., 19.
[40] ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 15110 (14165). Л. 7.
[41]ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 15110 (14165). Л. 2.
[42]ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 15110 (14165). Л. 12.

обязуюсь сущность своего дела и все, что мне известно от арестованных, всякие разговоры и т. д. - НЕ РАЗГЛАШАТЬ. За нарушение подписки несу ответственность»[43].

Брату Якова - Ивану Васильевичу Крикуну, повезло меньше. За обвинения в шпионаже, вредительстве и вооруженном восстании ему было назначено наказание в виде 5 лет лишения свободы. Иван Крикун умер 4 июля 1943 г. в Вятлаге Кировской области[44].

О том какими методами выбивались необходимые следствию показания рассказывают материалы дела Александра Мурашева. Александр Васильевич Мурашев родился в 1916 году в Ленинградской области, в 1931 году был раскулачен и направлен на Урал. В 1934 году восстановлен в избирательных правах. Работал забойщиком Косьинского золотоплатинового управления. Арестован 13 января 1938 года по обвинению в принадлежности к эстонской разведке.

В Постановлении о прекращении уголовного дела от 20 августа 1938 г. составленном в Соликамске записаны следующие показания А. Мурашева.

«*27 января 1938 г. меня в числе других обвиняемых в количестве человек 25 вызвали на допрос. Протокол допроса был написан ранее и предложили мне подписать протокол. Я стал отказываться, тогда один из следователей, фамилию его не знаю, заявил мне: «Если не подпишешь, посадим в карцер». Дальше заявил: «Подписать протокол допроса требует партия и советское правительство. Подпишешь, сделаем для себя лучше». Поскольку так я решил протокол подписать. Должен заметить, что в комнате в это время играл патефон...*»[45].

В Исовский район были выселены эстонцы из приграничных с Эстонией районов Ленинградской области, Западной и Калининской областей. Среди них Альберт Иванович Мульт, Густав Иванович Раут, Август Иванович Пювви, Рудольф Артурович Ремер, Крестьян Иванович Розбаум, Альберт Иванович Сивас, Густав Гансович Тэаро, Александр Августович Вехнин, Матвей Иванович Карама и другие. Фотограф клуб имени Артема в трудпоселке Федино Иван Петрович Колк был арестован в апреле 1937 года за антисоветскую агитацию и спустя полгода был осужден к 10 годам лишения свободы. 13 и 15 апреля 1937 года в фотолаборатории клуба изъяты 21 шт. фотоснимков и 7 негативов. В деле фотодокументы отсутствуют[46]. Жена Ивана Павловича - Павла Яковлевна Колк, фотограф Добровольного общества РОКК поселка Песчанка, была осуждена за шпионаж в июне 1938 года к 10 годам исправительно-трудовых лагерей. Павла Колк обвинялась в том, что, проживая в Ленинграде, фотографировала морской порт, очереди, нищих, военные казармы в Пскове. При аресте изъято 12 шт. фотографий — в деле также отсутствуют[47].

---

[43]ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 15110 (14165). Л. 17.
[44]ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 28610 (37149).
[45] ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 7334 (8633). Л. 19.
[46]ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 29036 (37963). Л. 17.
[47]ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 39640 (59884). Л. 4-6, 10.

Часть из эстонцев обвинялась в принадлежности к эстонской разведке, как например житель трудпоселка Федино, береговой рабочий драга «Синяя» № 2 Петр Яковлевич Метусон[48]. Уроженец села Неледино Пеновского района Калининской области, слесарь синей драги Ивановского золотого прииска Эдуард Павлович Нирк подписал «признательный» протокол после пребывания в холодном карцере в течение 30 минут[49].

Баянист клуба имени Артема в поселке Ис Леонид Васильевич Соколов был арестован 12 января 1937 года по обвинению в шпионаже, подготовке вооруженного восстания и диверсии, как указано в справке начальника л/отдела Исовского приискового управления «*В 1935 г. был произведен поджог штабеля досок в посёлке и также была попытка поджечь учебный комбинат в момент его строительства*»[50]. Следствие велось более двадцати одного месяца и закончилось назначением наказания Л. В. Соколову 31 октября 1938 года в 3 года гласного надзора.

Сержант государственной безопасности Виктор Николаевич Мужиков, уроженец Кушвы был арестован 17 сентября 1937 года по обвинению в том, что «работая начальником Алапаевского РО НКВД имея в своем распоряжении конкретные материалы о вредительской, диверсионной и террористической деятельности врагов народа-троцкистов Шевченко, Швецова, Филиппович, Трофимова, Менькова, Ростемяшина и других не только их не репрессировал, а в отдельных случаях вставал на их защиту. В результате бездеятельности Мужикова враги народа нанесли Алапаевскому заводу за 1 квартал 37 года убыток в 1.583 рубля, Асбестовскому руднику в 642.000 руб., сожжены электромастерская и завод огнеупорного кирпича»[51].

22 августа 1938 года у В. Мужикова взята подписка о невыезде. Постановлением Военной прокуратуры внутренних войск НКВД Уральского округа от 22 июля 1938 года ст. 58-10 исключена. Постановлением УНКВД по Свердловской области от 11 февраля 1939 года дело прекращено, подписка аннулирована.

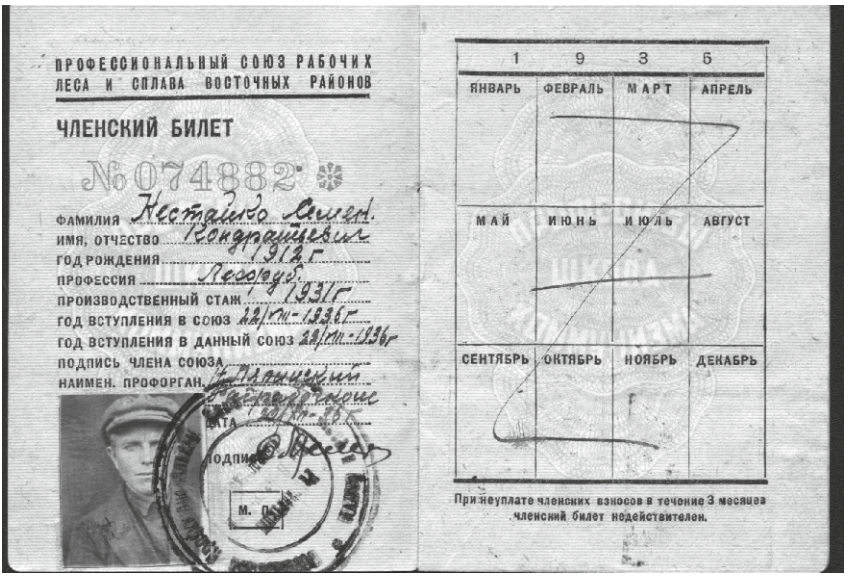
Из деревни Хотомля Старосалтовского[52] района Харьковской области Украинской ССР была выслана на Урал в трудпоселок Нясьма семья Нестайко – отец Кондратий (Кондрат) Данилович, мать - Агафья Назаровна, сыновья – Яков, Семен, Иван, Павел, дочери - Нина (по другим данным - Анна), Татьяна. Трое из сыновей были арестованы.

Глава семьи – чернорабочий Нясьминского лесоучастка К.Д. Нестайко[53] первоначально в 1929 г. выслан как кулак в Архангельск, в 1933 г. осужден за кражу на 2 г., оправдан, был осужден в ноябре 1937 года на 10 лет ИТЛ за антисоветскую агитацию. Сын Иван Нестайко[54], 1917 г.р. лесоруб Новоля-

---

[48] ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 31683 (43685). Л. 1-2.
[49] ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 7184 (8448). Л. 14 об. [50] ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. 36176 (52811). Л. 7.
[51] ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 18876 (19827). Л. 3.
[52] В настоящее время – Волчанский район.
[53] ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 19172 (20415).
[54] ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 40322 (61277).

линского леспромхоза, расстрелян 19 марта 1938 года. Семен Нестайко[55], 1912 г.р. возчик Нясьминского лесоучастка, после десятимесячного следствия был осужден в ноябре 1938 г. на 5 лет ИТЛ. Яков Нестойко[56], 1907 г.р. коновозчик Нясьминского лесоучастка, находился под следствием шестнадцать месяцев – с января 1938 г. по май 1939 г. Дело было прекращено. Я. Нестойко обвинялся в диверсии.


ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ СОЮЗ РАБОЧИХ ЛЕСА И СПЛАВА ВОСТОЧНЫХ РАЙОНОВ

ЧЛЕНСКИЙ БИЛЕТ

№ 074882

ФАМИЛИЯ Нестайко Семен

ИМЯ, ОТЧЕСТВО Кондратьевич

ГОД РОЖДЕНИЯ 1912 г.

ПРОФЕССИЯ Лесоруб

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ СТАЖ 1931 г.

ГОД ВСТУПЛЕНИЯ В СОЮЗ 22/VII-1936 г.

ГОД ВСТУПЛЕНИЯ В ДАННЫЙ СОЮЗ 22/VII-1936 г.

ПОДПИСЬ ЧЛЕНА СОЮЗА

НАИМЕН. ПРОФОРГАН.

ДАТА

ПОДПИСЬ

М. П.

1 9 3 6

ЯНВАРЬ ФЕВРАЛЬ МАРТ АПРЕЛЬ

МАЙ ИЮНЬ ИЮЛЬ АВГУСТ

СЕНТЯБРЬ ОКТЯБРЬ НОЯБРЬ ДЕКАБРЬ

При неуплате членских взносов в течение 3 месяцев членский билет недействителен.

Профсоюзный билет С.К. Нестайко. 1936 г. ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 35513 (51572). Л. 13-а.

Как указано в протоколе допроса Максима Спиридоновича Болотова от 07.02.1939 г.

Вопрос: Что Вам известно о случае убийства лошади в 1937 году деревом?

Ответ: Случая убийства лошади деревом в 1937 г. не было, а было в 1934 г. на участке «Сахалин», мы, т. е. Я и Ребоштан работали на возке леса, то я помню, что ветром свалило дерево, которое упало на лошадь и вывело из строя, на лошади той работал Нестойко Яков.

Вопрос: Дерево ветром подломило или его кто умышленно свалил на лошадь?

Ответ: Дерево подломило ветром и оно упало на лошадь»[57].

О методах проведения следствия в отношений исовчан свидетельствует объяснение сотрудника одного райотдела НКВД У[58]. от 4 мая 1939 года

«В момент ведения следствия по перечисленным выше обвиняемым никаких конкретных материалов, изобличающих в к-р деятельности каждого в отдельности, я лично не видел, кроме как материалов оформле-

[55]ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 35513 (51572).
[56]ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 2035. Л. 22.
[57] Подчеркнуто синим карандашом.
[58]Фамилия опущена автором.

ния характеризующих, что он кулак раскулачен и выселен. Оформление протоколом допроса проходило по заранее выработанному Березниковским Го НКВД стандартному типу протоколов вымышленного характера и каждый следователь обязан был руководствоваться этим протоколом. Как правило следователем в большинстве случаев дела не давались, а давался список обвиняемых разбитых по линии определенной разведки. Каждый протокол ...проверялся Ш[59], его заместителем или оперуполномоченным.

Подписание подобных протоколов проводилось массовым порядком, вызывались по нескольку человек в одну комнату. Причем следователи в большинстве случаев при подписывании протоколов не присутствовали. Из вышеизложенного следует, что показания, полученные от обвиняемых, не соответствуют действительности»[60].

Интересным для исследователя станет дело директора Кытлымского приискового управления Ф.М. Николенко. Федосий Маркович Николенко родился в 1886 году в деревне Боброво Муратовской волости Старобельского уезда Харьковской губернии. Образование – 4 группы сельской школы и два с половиной года учебы в промышленной академии. Член РСДРП в 1906-1908 гг., член ВКП (б) в 1917-1938 гг., исключен за развал работы.

Поводом для ареста Николенко 20 января 1938 года и обвинения в подрывной деятельности стали письма трудящихся в газеты по поводу безобразий творящихся в Кытлымском приисковом управлении. В начале января 1938 года редакция газеты «Прииисковый Рабочий» направила в Свердловск управляющему трестом «Уралзолото» Одинцову и Райпрокурору Плаксину копию письма рабочих Кытлымской электростанции для расследования и принятия срочных мер. Начинается письмо следующим образом: «При Кытлымском комбинате имеется ряд ненормальностей...». Далее перечисляются проблемы с аварийными ситуациями на драгах, говорится о срыве стахановского движения, бытовых проблемах и т. п.[61]

В середине января 1938 г. Прокурору Исовского района из прокуратуры Свердловской области была направлена неопубликованная корреспонденция под названием «Гнездо провокаторов и убийц»[62] для срочного расследования до 25 января 1938 года и привлечения Николенко к уголовной ответственности. Автором письма стал бывший начальник пожарной охраны Ч-ов[63]. В своем послании автор перечислял многочисленные, по его мнению, проступки Николенко, аварии на производстве, нарушения в охране труда и технике безопасности, повлекшие гибель рабочих, незаконные увольнения и выселения из жилья и т. п. Завершается письмо следующим: «*Милая наша заступница редакция «Ур. Раб.» - долго ли будет изде-*

[59] Фамилия неразборчива.
[60] ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 3991 (4533). Л. 26.
[61] ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 5784 (6553). Л. 25-26 об.
[62] ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 5784 (6553). Л. 27-30.
[63] Фамилия опущена.

ваться директор Николенко, разбуди острием печати Исовскую и областную прокуратуру и посадите этого идиота в клетку.[64] *Потерпевший*». Далее указаны место жительства, место работы, должность и фамилия.

К делу приобщены Акт от 10 февраля 1939 года о простое драги № 4 в 1937 г., сведения о выполнении плана и движении рабочей силы по Кытлымскому приисковому управлению за 1937 г., письмо Ф.М. Николенко первому секретарю Свердловского обкома ВКП(б) (имя не указано) от 9 апреля 1939 г. с просьбой ускорить процесс следствия и разобрать его делу по справедливости[65].

Постановлением УНКВД по Свердловской области от 14 ноября 1939 года дело в отношении Ф.М. Николенко было прекращено, т.к. факты обвинения были опровергнуты проведенными экспертизами и представленной документацией, а часть фактов признана несостоятельными и не могут служить в качестве обвинения.

Тюремная фотография Ф.М. Николенко. 1938 г. ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 5784 (6553). Л. 295.

Уроженец села Сычево Ельнинского района Западной области[66] Василий Дмитриевич Оглоблин в 1931 году был выслан в Исовский район. Работал лесорубом Косьинского золотоплатинового управления и проживал с семьей в трудпоселке Лабазка. Основанием для обвинения в антисовет-

[64] Подчеркнуто в тексте фиолетовыми чернилами.
[65] ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 5784 (6553). Л. 113-114, 241.
[66] В настоящее время – Смоленская область

ской агитации послужили «сигналы» с мест.

Агентурное донесение в органы государственной безопасности содержало следующую компрометирующую информацию: «*30/5-35 г. в квартире Гаврютина был Оглоблин Василий, который говорил: «что скоро на Кочканаре*[67] *откроется вулкан, который может затопить половину Урала, но жалко, что не достанет Москву, если бы затопило Москву, то тогда бы Советская власть лопнула*»[68]. 6 июля 1937 года поселковому коменданту НКВД Тихомирову была подана докладная записка[69]: «*Сообщаю, что из членов комиссии по распространению займа Васильева Варвара заявила, что она больше не пойдет, в виду того, что, зайдя в квартиру Оглоблина Василия получила от них разныя насмишки и ругонь коковыя были противниками Постановления трудящихся о выпуске займов. 6 июля 1937 Подпись*»[70]. После шестидневного следствия, проведенного с 23 по 29 октября 1937 года, Василию Оглоблину был вынесен приговор – 10 лет лишения свободы.

В связи с политикой индустриализации на Урале началось строительство заводов - гигантов промышленности. Созданным предприятиям необходимы были рабочие руки. Значительное число перебежчиков из Польши, Финляндии, Румынии, прошедших фильтрацию в Саровском Особом Карантинном лагере ОГПУ для предварительной изоляции нарушителей границы[71] направлялись для последующего трудоустройства в уральские города: Надеждинск, Первоуральск, Нижний Тагил и др. Сведения о лицах, задержанных на границе СССР, бежавших в СССР из Польши, Финляндии, Румынии, Турции и других стран в 1930-е годы, т.н. перебежчиков находятся на хранении в описи № 1 архивного фонда Р-1 «Управление Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Свердловской области». Это - фильтрационно-проверочные дела, содержащие следующие материалы: анкеты, автобиографии, протоколы задержания-опроса, протоколы допросов, постановления, определения, решения, копии приговоров.

Оперативный приказ НКВД СССР № 00485 «Об операции по репрессированию членов Польской военной организации (ПОВ) в СССР» от 11 августа 1937 года послужил толчком для начала массовых репрессий уроженцев Польши, перебежчиков из Польши, а их насчитывалось в СССР 15 000 человек и других категорий граждан польского происхождения[72].

---

[67]Так в документе. Правильно – Качканаре.

[68]ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 39867 (60348). Л. 6.

[69]Стиль автора сохранен.

[70]ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 39867 (60348). Л. 9.

[71]Саровский карантинный лагерь располагался на территории современного города Арзамас-16 Нижегородской области.

[72]История сталинского Гулага. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7 т. Т. 1. Массовые репрессии в СССР / М-во культуры и массовых коммуникаций РФ, Федер. архив. агентство, Гос. архив РФ, Гуверовский ин-т войны, революции и мира, отв. ред. Н. Верт, С.В. Мироненко, отв. сост. И.А. Зюзина. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. С. 275-277.

По данным Базы данных в Свердловской области было арестовано почти 2000 человек, отмеченных особым признаком «перебежчик». Среди них и жители Исовского района, в том числе М. Черкес.

Меер Лейбович Черкес[73], житель села Липканы Хотинского уезда Бессарабии летом 1935 года нелегально перешел границу из Румынии в СССР. Прошел проверку и был направлен на работу в г. Первоуральск, где с октября 1936 г. по апрель 1937 г. находился под следствием по подозрению в связях с агентом румынской политической полиции[74]. После освобождения Меер Лейбович Черкес переехал в поселок Нижняя Тура, где работал закройщиком утильцеха Нижнетуринского листопрокатного завода. В октябре 1937 года М.Л. Черкес был арестован по стандартному для всех бывших перебежчиков обвинению в шпионаже, на этот раз в пользу Румынии и, несмотря на непризнание своей вины, был осужден и расстрелян 23 февраля 1938 года[75].

Уроженец Ирана, перс Сафар Алеев в 1934 году нелегально попал в Советский Союз, за что был подвергнут аресту на 4 месяца. После проверки был направлен на работу на Урал, работал станочником Нижнетуринского завода. Был расстрелян за шпионаж 13 декабря 1937 года. 22-х летняя жена Сафара Алеева - Мария Григорьевна Морозова, рабочая Нижнетуринского листопрокатного завода была обвинена в том, что передавала Алееву сведения о мощности завода, о выпускаемой продукции и в феврале 1938 года была также расстреляна[76].

После присоединения в 1939 году территорий Западной Украины и Западной Белоруссии к Советскому Союзу в восточные районы страны, в том числе и в Свердловскую область, были высланы так называемые осадники.

Осадники (от польск. Osadnik – поселенец) – переселенцы, вышедшие в отставку военнослужащие Войска Польского, члены их семей, а также гражданские переселенцы – граждане Речи Посполитой, получившие после окончания советско-польской войны 1919-1921 гг. и позднее земельные наделы на территориях Западной Украины и Западной Белоруссии.

Операция по переселению осадников из западных областей УССР и БССР началась 1 февраля 1940 года. По данным на 2 апреля 1940 года было переселено 139 596 чел. осадников, которые расселены в 21 краях и областях в 115 спецпоселках. В Свердловскую область было направлено 2809 семей осадников[77].

Часть осадников была осуждена за антисоветскую агитацию. 12 августа 1941 года Совнарком и ЦК ВКП(б) приняли Постановление «О порядке освобождения и направления польских граждан, амнистируемых согласно

---

[76]ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 42473 (65539).

[77]История сталинского Гулага. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7 т. Т. 1. Массовые репрессии в СССР / М-во культуры и массовых коммуникаций РФ, Федер. архив. агентство, Гос. архив РФ, Гуверовский ин-т войны, революции и мира, отв. ред. Н. Верт, С.В. Мироненко, отв. сост. И.А. Зюзина. - М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. С. 273.

Тюремная фотография уроженца Докшицкого уезда Виленской губернии Г.С. Сивко. 1937 г. ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. 42998 (31308). Л. 27.

Указу Президиума Верховного Совета СССР», которое предписывало освободить осадников и членов их семей. Этим постановлением осадникам разрешалось проживать на территории СССР, за исключением приграничных районов, режимных городов и местностей, объявленных на военном положении.

В Исовском районе осадники проживали в поселке Федино. 24 июня 1941 года в этом поселке за антисоветскую агитацию и участие в контрреволюционной организации были арестованы три осадника - сапожник Флориан Францевич Гайдуга (Хайдуга), плотники ОКС[78] Исовского приискового управления Францишек Себастьянович Партыка и Ян Францишкович Черный. Спустя два месяца, 28 августа 1941 года, все трое арестованные были освобождены на основании Указа Верховного Совета СССР от 12.08.1941 г. как бывшие польские граждане[79].

С середины 1940-х годов Исовский район стал пристанищем для спецпереселенцев из Крымской АССР РСФСР. Крымские татары и представители других народов, населявших Крымский полуостров (болгары, греки, армяне) обвинялись в измене Родине, в сотрудничестве с немецкими оккупационными войсками в годы Великой Отечественной войны и были выселены по Постановлению ГКО № 5899сс от 11 мая и Постановлению ГКО № 5984сс от 2 июня 1944 года. По данным на 1 июля 1944 года было

[78]ОКС - отдел капитального строительства.
[79]ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 47288.

выселено 183 155 крымских татар, в т.ч. в Свердловской области расселено – 3591 чел.; греки, армяне, немцы и др. в количестве 38 202 чел. находятся в пути и будут расселены из них в Свердловской области – 10702 чел[80]. Среди высланных и впоследствии репрессированных уроженцев Крымской АССР – житель спецпоселка Лубянка Сеит Умер Омеров[81], 1902 г.р. коновозчик Старолялинской сплавконторы, Рустем Муртазаев[82], 1909 г.р., уроженец Симферополя Мамут Османов[83], 1907 г.р. и другие.

Все фигуранты архивно-следственных дел, хранящихся в Государственном архиве административных органов Свердловской области, реабилитированы в 1950-2000-е годы.

Документы о реабилитации могут составлять как отдельный том дела, так и являться продолжением основного дела. При пересмотре дела в 1950-1970-х годах как правило, заводилось «Дело с материалами дополнительной проверки по делу…» (далее следовали фамилии репрессированных). Это дело содержит: заявление репрессированного или его родственников (супруги, детей, братьев, сестер или матери) о реабилитации; запросы КГБ Свердловской области в Управления КГБ других областей или республик, если ранее по делу в качестве свидетелей проходили лица, репрессированные в других местностях; справки из государственных архивов и архивных отделов КГБ в отношении репрессированных; обзорные справки по следственным делам на лиц, проходивших по пересматриваемому делу в качестве обвиняемых или свидетелей, заключение. При недостатке этих документов для вынесения решения о прекращении дела или отказе в реабилитации, сотрудники следственного отдела КГБ выясняли адреса свидетелей и проводили их допрос. Как правило, свидетели отрицали свои показания, данные ими в процессе следствия или на суде в тридцатые годы, ссылаясь на то, что им давали подписывать протокол допроса, не читая. В архивно-следственных делах можно встретить заявления арестованного, жалобы, характеристики с места учебы, работы. Для архивно-следственных дел 1920-х годов характерным документов были прошения.

В делах подшиты следующие виды документов о реабилитации репрессированных граждан:

Письма (жалобы) осужденного или родственников осужденного; Протоколы допросов бывших следователей и данные о привлечении их к ответственности; Ответы в виде справок, архивных выписок на официальные запросы прокурора из архивов и других организаций в отношении самого лица и других лиц, проходящих по этому же делу; Акты, отражаю-

[80]История сталинского Гулага. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7 т. Т. 1. Массовые репрессии в СССР / М-во культуры и массовых коммуникаций РФ, Федер. архив. агентство, Гос. архив РФ, Гуверовский ин-т войны, революции и мира, отв. ред. Н. Верт, С.В. Мироненко, отв. сост. И.А. Зюзина. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. С. 498-504.
[81]ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 48955 (77934).
[82]ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 46248.
[83]ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 45782.

щие ход реабилитации и основанные на выше перечисленных документах; Протесты (в порядке надзора) от Прокуратуры Свердловской области в Президиум Свердловского областного суда; Постановление Президиума Свердловского Областного суда; Заключение военного прокурора в порядке ст. 378 УПК РСФСР в Военную Коллегию Верховного Суда СССР; Определение Военной Коллегии Верховного Суда СССР; Выписка из Определения Военной Коллегии Верховного Суда СССР об отмене приговора и прекращении производства дела за отсутствием состава преступления; Расписка об объявлении Определения Военной Коллегии Верховного Суда СССР о реабилитации; Справка о реабилитации от председателя Свердловского областного суда; Справка по архивно-уголовному делу Управления КГБ по Свердловской области 1989 г. в Комиссию партийного контроля Свердловского областного комитета КПСС (для проведения партийной реабилитации и восстановлении в партии); Справка с биографическими данными осужденного из Управления КГБ по Свердловской области 1989 г. в Музей истории комсомольских организаций Среднего Урала (движение «Коммунары»); Заключение по материалам уголовного дела Прокуратуры Свердловской области о реабилитации в соответствии со ст. 3 Закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 года.

В соответствии со с статьей 5 Закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 года лица, осужденные за антисоветскую агитацию и пропаганду, реабилитируются независимо от **фактически обоснованного предъявленного обвинения**[84].

Самым спорным и нерешенным до настоящего времени вопросом является статистика репрессий в СССР, на Урале в целом и в Свердловской области в частности.

В начале 1954 г. в МВД СССР была составлена справка на имя Н.С. Хрущева о числе осужденных за контрреволюционные преступления, т.е. по ст. 58 УК РСФСР и по соответствующим статьям других союзных республик. Согласно данным, содержащимся в справке в период с 1921 г. по начало 1954 г. за контрреволюционные преступления было осуждено коллегией ОГПУ, тройками НКВД, Особым совещанием, Военной коллегией, судами и военными трибуналами 3 777 380 чел., в том числе к высшей мере наказания – 642 980. Число осужденных за контрреволюционные и другие особо-опасные преступления с 1 января 1921 г. по 1 июля 1953 г. составило 4 060 306 человек (3 777 380 осужденных за контрреволюционные преступления и 282 926 человек за другие особо-опасные преступления (ст. 59 п. 2 и 3, ст. 193 п. 24 УК РСФСР)[85].

Общее число осужденных по политическим мотивам по учету КГБ СССР

[84]Выделено автором.

[85]Земсков В.Н. Сталинская эпоха. Экономика, репрессии, индустриализация. 1924-1954 / Виктор Земсков. – М. : Вече, 2018. С. 261-262.

за 1918-1990 гг. (3 853 900) подразделяется по времени на две части: 3 815 721 – за 1918 – 1952 гг. и 38 179 – за 1953-1990 гг.[86].

В СССР в 1937-1938 гг. за контрреволюционную агитацию и пропаганду (ст. ст. 58 п. 10, 59 п. 7 УК РСФСР) было арестовано: - в 1937 г. - 234 301 человек, в 1938 г. - 57 366 человек[87].

На 1962 г. в органах государственной безопасности хранилось 2 790 918 дел на 4 308 487 человек, из них на 835 194 приговоренных к ВМН. По данным О. Мозохина приговоренных к высшей мере наказания за 1918-1953 гг. было 862 513 человек[88].

В 1937 году по следственным делам привлечено 945 268 человек, из них арестованы 936 750 человек. К ВМСЗ (расстрелу) приговорены 353 074 человек: в том числе - в Свердловской области - 28 724 человек, в Челябинской области - 15 618 человек.

В 1938 году по следственным делам привлечено 641 762 человека, из них арестованы 638 509 человек. К ВМН (расстрелу) приговорены 328 618 человек, к ВМН с заменой ИТЛ - 545 человек: в том числе - в Свердловской области - 17016 человек, в Челябинской области - 11 489 человек, в Пермской области - 122 человека[89].

В 1937-1938 гг. в Свердловской области (вместе с Пермским регионом) к высшей мере наказания были приговорены 11840 человек, а к заключению в лагеря – 7779 человек, в итоге – 19619 человек[90]. В Пермском государственном архиве новейшей истории[91] хранятся всего 36 тысяч архивно-следственных дел за период 1918– 1985 гг. Из них 8 тысяч (22,2 %) приходится на действие приказа № 00447 от 30 июля 1937 г., то есть на период август 1937 – сентябрь 1938 г. Из 8 тысяч человек 5060 (63,8 %) были расстреляны[92].

По данным В.Н. Хаустова в 1936 г. в Свердловской области было арестовано 2428 чел., в 1937 г. - 28 724, в 1938 г. - 17 016 чел., т. е. всего арестовано -

---

[86]Земсков В.Н. Сталинская эпоха. Экономика, репрессии, индустриализация. 1924-1954 / Виктор Земсков. – М.: Вече, 2018. С. 282.

[87]Мозохин О.Б. Репрессии в цифрах и документах. Деятельность органов ВЧК—ОГПУ—НКВД—МГБ (1918-1953 гг.) / Олег Мозозин. - Вече, 2018. - 480 с. - (Сталиниана). С. 195, 199.

[88]Мозохин О.Б. Репрессии в цифрах и документах. Деятельность органов ВЧК—ОГПУ—НКВД—МГБ (1918-1953 гг.) / Олег Мозозин. - Вече, 2018. - 480 с. - (Сталиниана). С. 45.

[89]Мозохин О.Б. Репрессии в цифрах и документах. Деятельность органов ВЧК—ОГПУ—НКВД—МГБ (1918-1953 гг.) / Олег Мозозин. - Вече, 2018. — 480 с. - (Сталиниана). С. 193, 195, 197-199.

[90]Сталинизм в советской провинции 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447 / сост.: М. Юнге, Б. Бонвеч, Р. Биннер. М. : РОССПЭН ; Герман. ист. ин-т в Москве, 2009. 927 с. С. 45.

[91]В настоящее время - Пермский государственный архив социально-политической истории (ПермГАСПИ).

[92]Нечаев М.Г. Политические репрессии в Пермской (Молотовской) области накануне и в годы Великой Отечественной войны (1939-1945 годы) // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 22 (351). История. Вып. 61. С. 77–90.

48 168 чел. Сколько из них осуждено, точно неизвестно, а приговорено к ВМН - около 21 тыс.[93].

Согласно материалам Справки секретаря Челябинского обкома КПСС М. Соломенцева от 22 января 1956 года направленной секретарю ЦК КПСС А.Б. Аристову за два года (1937–1938 гг.) УНКВД по Челябинской области было арестовано 25 368[94] человек, из них приговорено 14 379 человек к ВМН, остальные к различным срокам лишения свободы. Тройкой УНКВД рассмотрено следственных дел на 16 786 человек, по которым приговорено 8656 ч[еловек] к ВМН. Решением наркома внутренних дел СССР и [Генерального] прокурора СССР рассмотрено следственных дел на 4706 человек, из них 4468 человек приговорены к ВМН[95].

В предисловии к многотомному изданию Книги памяти жертв политических репрессий Свердловской области, составленном Свердловской областной комиссией по восстановлению прав реабилитированных жертв политических репрессий, указано, что за период с 1918 по 1953 гг. в области были возбуждены 46 844 уголовных дела по ст. 58 УК РСФСР, по которым привлекались к уголовной ответственности 64 104 человека. В течение двух лет (1937-1938) Управлением НКВД по Свердловской области было возбуждено 14 885 дел на 45 823 человека, из которых расстреляны 19 410 человек[96].

Руководитель ассоциации жертв политических репрессии по городскому округу «Верхняя Пышма» и городскому округу «Среднеуральск», почетный гражданин города Верхняя Пышма Анатолий Павлович Казанцев (1935-2021) утверждал, что в Свердловской области были осуждены, а затем реабилитированы 35 140 человек, из них 20 816 человек расстреляны[97].

По данным архива Управления Федеральной службы безопасности России по Свердловской области по состоянию на 1 июня 1938 г. численность арестованных по Свердловской области составляла 20 944 человека, из них арестованных по массовым операциям - 18 344; аннулировано решений «особой тройки» по 1 категории - 146, по 2 категории - 419 (плюс по Перми по 1 категории - 26, по 2 - 139). Всего «особой тройкой» рассмотрено 4 256 дел, по 1 категории осуждено 342 человека. Осуждено кулаков

---

[93]Первоначальная публикация - Хаустов В. Н. Репрессии второй половины 30-х годов // История репрессий на Урале в годы советской власти. Тезисы научной конференции. Екатеринбург, 1994. С. 101. //Книга памяти: Екатеринбург репрессированный 1917 — сер. 1980-х гг. : Часть I. Научные исследования / В. М. Кириллов [и д. р.]. — [б. м.] : Издательские решения, 2021. С. 502.

[94]Здесь и далее подчеркнутые цифры вписаны в машинописный текст рукой.

[95]Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. В 3-х томах. Том 1. Март 1953 — февраль 1956. Сост. Артизов А. Н., Сигачев Ю.В., Хлопов В.Г., Шевчук И.Н. — М.: МФД, 2000. С. 303-307

[96]Книга памяти жертв политических репрессий. Свердловская область. Том третий. Е-И. Екатеринбург: ГИПП «Уральский рабочий». 2001. С. 6.

[97]Казанцев А.П. 20 816. Очень личное исследование темы репрессий на Урале в 1930-1950-е гг. А.П. Казанцев. – М. Издательство Перо, 2021. С. 11.

по 1 категории - 10 892, вне лимита 109, исполнено - 10 994, осталось - 7. Осуждено по 2 категории 7 635, всего осуждено - 18 527. Всего исполнено по 1 категории - 16 467, осталось - 83. В период с 1 июня по 1 декабря освобождено из-под стражи с прекращением дел 1 917 человек, из них по решению «тройки» - 455.

Всего с 1 июля по 8 декабря 1938 г. включительно в Свердловской области освобождено за прекращением дел 1373 арестованных[98].

В соответствии со справкой начальника 8 отдела УНКВД СССР по Свердловской области, по состоянию на 8 декабря 1938 г. всего по кулацкой операции было осуждено 19 460 человек, из них по первой категории - 11 817 и по второй категории - 7643 человека, что почти в два раза превышает изначальные цифры. Из числа всех осужденных Москвой было осуждено 10030 человек, 7876 и 2154 человека первой и второй категорий соответственно. Численность арестованных на 1 декабря 1938 г. составляла 18 344 человека; освобождено из-под ареста с 1 ноября по 8 декабря 1938 г. 1462 человека; опротестовано решений 226, из них по первой категории - 134[99].

В период проведения «национальных операций» в отношении поляков, румын, латышей, эстонцев, финнов, харбинцев и др. приказом НКВД СССР от 11 августа 1937 г. № 00485 «О репрессиях против поляков» действовали «двойки» НКВД. В отношении всех иностранцев предусматривалось заочное альбомное» рассмотрение следственных дел. Так называемых «альбомных» следственных дел в УНКВД по Свердловской области по состоянию на 5 декабря 1938 г. имелось на 6603 человека[100].

Работники Государственного архива административных органов Свердловской области в 2020-2021 годах на основе сведений из Базы данных «Книга Памяти жертв политических репрессий Свердловской области (Картотека реабилитированных)» (база данных архивно-следственных дел фонда № Р-1 «Управление Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Свердловской области») предприняли попытку проанализировать статистические данные в отношении репрессированных на Среднем Урале. В виду технического несовершенства Базы статистические данные, полученные в результате выборки, не являются полностью достоверными.

По сведениям Базы данных в период с 1918 по 1953 гг. на Среднем Урале были арестованы почти 56100 человек, более 12560 человек из них приго-

---

[98]Гребенщикова И.В. К вопросу о деятельности «троек» НКВД СССР в годы массовых репрессий (1937–1938 гг.) на территории Свердловской области. Вестник Московского университета МВД России. 2020(4). С. 28.

[99]Гребенщикова И.В. К вопросу о деятельности «троек» НКВД СССР в годы массовых репрессий (1937–1938 гг.) на территории Свердловской области. Вестник Московского университета МВД России. 2020(4). С. 26.

[100]Гребенщикова И.В. К вопросу о деятельности «троек» НКВД СССР в годы массовых репрессий (1937–1938 гг.) на территории Свердловской области. Вестник Московского университета МВД России. 2020(4). С. 27.

ворены к расстрелу. Не все приговоренные к расстрелу были в последствии расстреляны, что приводит к искажению статистики. В первые годы советской власти в 1918-1921 гг. расхождения в количестве расстрелов с числом приговоров о расстреле связаны с отсутствием документов о приведении приговоров в исполнение. В 1922-1927 гг., в 1945 г., в 1947-1953 гг. к расстрелу никого из жителей Среднего Урала не приговаривали.

Документы политического следствия 1930-х годов являются особенно ценными источниками для исследования политической культуры советских людей. Это подтверждает и структура данного вида документов: каждый из них представляет собой уникальный комплекс материалов, отражающих все аспекты взаимоотношений человека (политических, правовых, экономических и морально-психологических) с историей и властью[101].

Политические репрессии оставили печальный след в истории нашей страны. В Свердловской области их жертвами стали несколько десятков тысяч человек, незаслуженно обвиненных в контрреволюционных преступлениях и члены их семей.

30 октября в нашей стране считается национальным Днем памяти жертв политических репрессий. Это название было установлено решением Верховного Совета РСФСР от 18 октября 1991 года.

В Концепции государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 15 августа 2015 г. № 1561-р говорится о том, что «Россия не может в полной мере стать правовым государством и занять ведущую роль в мировом сообществе, не увековечив память многих миллионов своих граждан, ставших жертвами политических репрессий». В 1991 - 2014 годах в Российской Федерации были реабилитированы 3510818 человек, а также признаны подвергшимися политическим репрессиям и реабилитированы 264085 человек (детей репрессированных лиц)[102].

18 апреля 1991 года была образована Свердловская областная общественная благотворительная организация пенсионеров и инвалидов – Ассоциация жертв политических репрессий. На 2021 год в состав Ассоциации входят организации из 17 городов Свердловской области и 7 районов города Екатеринбурга. Общее количество ее членов составляет более 3 000 человек. В настоящее время в Свердловской области проживает свыше 14 тысяч человек, реабилитированных и признанных пострадав-

[101]Быкова С. И. «Наказанная память»: свидетельства о прошлом в следственных делах НКВД. [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. 2009. № 2 (64). С. 38-54. URL: http://magazines.russ.ru/nz/2009/2/by4-pr.html (дата обращения: 01.11.2021).

[102]Концепция государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 15 августа 2015 г. № 1561-р. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71064538/ (дата обращения: 07.11.2021).

шими от политических репрессий[103].

Согласно Устава целями организации при создании были следующие: претворение в жизнь Указов Президента и Постановления Правительства Российской Федерации по обеспечению реальных гарантий и льгот для всех реабилитированных граждан; сохранение и увековечение памяти о жертвах незаконных политических репрессий; восстановление исторической правды о преступлениях тоталитаризма, участие в установлении мест массовых захоронений жертв политических репрессий; содействие полной и гласной реабилитации жертв незаконных репрессий[104].

В соответствии с Постановлением Главы Екатеринбурга о создании Мемориального комплекса жертв политических репрессий в 1993 году начато строительство на 12 километре Московского тракта. Открытие Мемориального комплекса жертв политических репрессий 1930-1950 годов состоялось 26 октября 1996 года. На плитах, установленных на Мемориале, размещены фамилии более 18500 репрессированных жителей Свердловской и Пермской областей.

Использование фондов ГААОСО имеет большое социальное значение. Во исполнение постановления Правительства Свердловской области от 10.11.1995 года № 57-П коллективом архива подготовлена Книга памяти жертв политических репрессий Свердловской области в 10 томах. В них собрана информация о репрессированных по ст. 58 УК РСФСР 1926 года и впоследствии реабилитированных жителей Свердловской области. Всего в десять томов издания включены имена 36540 репрессированных.

Государственный архив административных органов Свердловской области проводит мероприятия по увековечению памяти жертв политических репрессий - выставки, уроки, экскурсии, издание статей, публикаций, книг, ознакомление с архивно-следственными делами в читальном зале архива, исполнение запросов граждан и др.

Прием запросов в ГААОСО осуществляется через Многофункциональный центр предоставления государственных и муниципальных услуг по месту жительства и Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций) Портал государственных услуг, посредством почтовой связи и при личном приеме граждан: 620075, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 34.

Электронная почта ГКУСО «ГААОСО»: info@gaaoso.ru

Сайт ГААОСО: https://гаоосо.рф

Телефоны для справок: (343) 371-10-32; (343) 371-58-98

Читальный зал архива: (343) 371-58-98

В информационной системе «Единый портал государственных и муниципальных услуг» работает государственная услуга «Оказание информационных услуг на основе архивных документов». После отправки пользо-

---

[103] 30 лет Ассоциации жертв политических репрессий. 20 апреля 2021. URL: https://dvp.midural.ru/news/show/id/127 (дата обращения: 30.10.2021).

[104] ГААОСО. Ф. Р-3. Оп. 4. Д. 6. Л. 3-4.

вателем запроса через портал запрос поступает в Управление архивами Свердловской области и далее направляется для исполнения в подведомственные государственные архивные учреждения.

Запросы в отношении репрессированных граждан подразделяются на социально-правовые и тематические запросы.

Архив исполняет запросы по документам архивно-следственных дел для подтверждения факта репрессии, уточнения состава семьи, национальности, года рождения, фамилии, имени, отчества и т.п.

Социально-правовые запросы - это запросы, связанные с социальной защитой граждан, предусматривающие их пенсионное обеспечение, а также получение льгот и компенсаций в соответствии с законодательством Российской Федерации и международными обязательствами Российской Федерации. Социально-правовые запросы исполняются государственными архивами бесплатно. Срок исполнения запроса по архивным документам государственного архива не должен превышать 30 дней со дня регистрации запроса.

Социально-правовые запросы исполняются архивом безвозмездно в соответствии с п. 3 ст. 26 Федерального закона Российской Федерации от 22.10.2004 г. № 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации», и пп. 1 п. 46.1 и п. 46.6 раздела XLVI Правил организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных и муниципальных архивах, музеях и библиотеках, научных организаций (приказ Росархива от 2 марта 2020 № 24), при наличии документов удостоверяющих личность и подтверждающих родство.

Тематические запросы - это запросы о предоставлении информации по определенной проблеме, теме, событию или факту. Разновидностью тематических запросов являются биографические запросы - это запросы, по которым устанавливаются или уточняются сведения, необходимые для изучения жизни и деятельности конкретных лиц. Тематические запросы граждан и организаций исполняются в порядке оказания платных услуг или безвозмездно.

В соответствии с п. 4 ст. 26 Федерального закона Российской Федерации «Об архивном деле в Российской Федерации» от 22.10.2004 г. № 125-ФЗ и пп. 2 п. 46.1; п. 46.7 раздела XLVI Правил организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных и муниципальных архивах, музеях и библиотеках, научных организаций, (утверждено Приказом Федерального архивного агентства от 2 марта 2020 № 24) платный тематический запрос исполняется архивом на основании Договора возмездного оказания услуг. Сроки и стоимость работ по исполнению тематического запроса в предварительном порядке согласовываются с пользователем.

Тематические запросы государственных органов или органов местного самоуправления, связанные с исполнением ими своих функций, архив

рассматривает в первоочередном порядке в установленные законодательством либо в согласованные с ними сроки. Исполнение такого запроса осуществляется на безвозмездной основе.

Доступ пользователей в читальный зал архива осуществляется на основании Федерального закона от 22 октября 2004 г. № 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации», Закона Свердловской области от 25 марта 2005 г. № 5-ОЗ «Об архивном деле в Свердловской области», Положения о порядке доступа к материалам, хранящимся в государственных архивах и архивах государственных органов Российской Федерации, прекращенных уголовных и административных дел в отношении лиц, подвергшихся политическим репрессиям, а также фильтрационно-проверочных дел, утвержденным приказом Министерства культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации, Министерства внутренних дел Российской Федерации и Федеральной службы безопасности Российской Федерации от 25 июля 2006 года №375/584/352, Правил организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных и муниципальных архивах, музеях и библиотеках, научных организациях, утвержденными приказом Федерального архивного агентства от 2 марта 2020 г. № 24, Порядка работы читального зала Государственного казенного учреждения Свердловской области «Государственный архив административных органов Свердловской области» (ГКУСО «ГААОСО») утвержденного протоколом ЭМК ГКУСО «ГААОСО» от 30 июля 2020 г. № 7 и Порядка использования архивных документов в государственных и муниципальных архивах Российской Федерации, утвержденного приказом Федерального архивного агентства Российской Федерации от 1 сентября 2017 г. № 143.

Согласно п. 2 ст. 25 Федерального закона от 22.10.2004 № 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации» «Ограничивается доступ к архивным документам независимо от их форм собственности, содержащим сведения, составляющие государственную и иную охраняемую законодательством Российской Федерации тайну, а также к подлинникам особо ценных документов, в том числе уникальных документов, и документам Архивного фонда Российской Федерации, признанным в порядке, установленном специально уполномоченным Правительством Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти, находящимися в неудовлетворительном физическом состоянии».

Согласно п. 3 ст. 25 Федерального закона от 22.10.2004 № 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации» «ограничение на доступ к архивным документам, содержащим сведения о личной и семейной тайне гражданина, его частной жизни, а также сведения, создающие угрозу для его безопасности, устанавливается на срок 75 лет со дня создания указанных документов».

Согласно ст. 7 Федерального закона «О Федеральной службе безопасности» от 03.04.1995 № 40-ФЗ (с изменениями на 6 июля 2016 года) «Сведения

о военнослужащих, федеральных государственных гражданских служащих, работниках органов федеральной службы безопасности, лицах, уволенных из органов федеральной службы безопасности, гражданах, поступающих на военную службу по контракту, на федеральную государственную гражданскую службу или на работу в органы федеральной службы безопасности, лицах, оказывающих или оказывавших им содействие на конфиденциальной основе, могут передаваться органами федеральной службы безопасности другим государственным органам, иным организациям и гражданам только в случаях, предусмотренных федеральными законами. В остальных случаях указанные сведения могут передаваться на основании решения руководителя федерального органа исполнительной власти в области обеспечения безопасности или уполномоченного им должностного лица» (в редакции, введенной в действие со 2 августа 2011 года Федеральным законом от 18 июля 2011 года № 241-ФЗ).

Согласно п. 17 Положения о порядке доступа к материалам, хранящимся в государственных архивах и архивах государственных органов Российской Федерации, прекращенных уголовных и административных дел в отношении лиц, подвергшихся политическим репрессиям, а также фильтрационно-проверочных дел» утвержденным приказом Минкультуры РФ, МВД РФ и ФСБ РФ от 25.06.2006 № 375/584/352 «Пользователь обязан соблюдать режим конфиденциальности в отношении ставшей ему известной информации, использование и распространение которой ограничивается согласно законодательству Российской Федерации.

Использование полученных сведений в ущерб правам и законным интересам реабилитированных лиц и лиц, в отношении которых велось производство по фильтрационно-проверочным делам, их родственников и наследников преследуется в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации.

Согласно ст. 11 Закона РФ от 18 октября 1991 г. № 1761-I «О реабилитации жертв политических репрессий» в редакции 9 марта 2016 года «реабилитированные лица, а с их согласия или в случае их смерти - родственники имеют право на ознакомление с материалами прекращенных уголовных и административных дел и получение копий документов. Ознакомление других лиц с указанными материалами производится в порядке, установленном для ознакомления с материалами государственных архивов.

Использование полученных сведений в ущерб правам и законным интересам проходящих по делу лиц и их родственников не допускается и преследуется в установленном законом порядке».

Право доступа к материалам прекращенных уголовных и фильтрационно-проверочных дел имеют:

- реабилитированные лица и лица, в отношении которых велось производство по фильтрационно-проверочным делам и их ближайшие родственники;

- прямые наследники и лица, представляющие интересы вышеперечис-

ленных граждан;

Указанные лица представляют:

- заявление;

- документы, удостоверяющие личность или родство;

- доверенность, оформленную в установленном законом порядке, подтверждающую право представлять интересы доверителя и его право доступа к материалам дел.

Другие лица могут быть допущены к материалам архивно-следственных и фильтрационно-проверочных дел до истечения 75-летнего срока с момента создания документов с письменного согласия реабилитированных лиц или лиц, в отношении которых велось производство по фильтрационно-проверочным делам, а после их смерти – наследников, на основании следующих документов:

- соответствующего заявления или ходатайства;

- документов, удостоверяющих личность;

- доверенности, оформленной в установленном законом порядке.

Исследователи, работающие в читальном зале архива, заполняют анкету установленного образца.

Для посетителей осуществляется ксерокопирование и сканирование документов. Посетители имеют право осуществлять самостоятельное копирование архивных документов собственными техническими средствами.

В своем повествовании я поведал лишь о нескольких трагических историях жизни жителей Исовского района Свердловской области в 1930-1940-е годы. Исследователи могут обратить свои взоры и на иные архивно-следственные дела в отношении жителей Среднего Урала и обратиться в ГААОСО.

По 58-й

О своем репрессированном отце рассказывает КУЗЬМИНЫХ Альбина Михайловна, много лет проработавшая учителем русского языка и литературы в школе № 4 г. Качканара

ОН ОЧЕНЬ ЛЮБИЛ ЛЮДЕЙ И ЖИЗНЬ

Вы, конечно, понимаете, что о папе я знаю только с маминых слов, ведь я родилась в 1936 году, а папу расстреляли в 1938-м. Мама о том времени очень не любила рассказывать, так как для неё, конечно, это всё было слишком больно и страшно. Это похоже на то, как многие фронтовики не любили рассказывать о войне.

Мой папа, Голобоков Михаил Иванович, 1907 года рождения, жил и работал в городе Николаевске-на-Амуре, в то

М.И.Голобоков. Начало 30-х годов

Папу часто направляли выступать с лекциями на корабли Дальневосточного флота. Сохранилась фотография, где он среди моряков. На заднем плане можно рассмотреть знамя, на котором указано, по-видимому, название судна – «Сун-ят-сен». Очевидно, оно было дано кораблю в честь китайского революционера Сун-Ят-сена. Мама рассказывала, что папа очень любил всех нас, свою семью, жену и двух дочек. Когда бывал дома, на одну руку сажал меня, а на другую мою старшую сестру Люсю и говорил: «Как же я вас люблю, мои марнышки!» Что означало это слово, думаю, никто

не знал, но мама настаивала, что именно так он нас с сестрой называл, и звучало это очень ласково.

Когда в 1935-1937 годах начались аресты, сначала за решётку попадали люди, которых он близко не знал. Но в разговорах с мамой настойчиво повторял, что ничего плохого о них не слышал, и они никогда не производили впечатления предателей и шпионов.

Но вот в 1938 году стали арестовывать людей, которых он уже знал хорошо, а потом арестовали его близкого друга. Я, к сожалению, не помню его имени. Папа договорился с одним своим хорошим знакомым по фамилии Игнатьев, чтобы вдвоём с ним поехать в Хабаровск и попытаться выручить этого арестованного друга. Он, видимо, наивно полагал, как и многие в то время, что арест - это какая-то ошибка, и надо просто с кем-то поговорить, рассказать, какой это хороший, порядочный человек, никакой не враг и не предатель. И тогда органы разберутся и отпустят арестованного.

М.И.Голобоков среди моряков

Но когда папа с Игнатьевым сошли с парохода в Хабаровске, их тут же арестовали. Это было в марте 1938 года. Семья его больше уже никогда не увидела.

Информация об их аресте быстро докатилась до Николаевска, в какой-то местной газете вышла отвратительная статья под названием «Голобоковщина», где папу обвинили во всех смертных грехах, как это было принято: ведь, как известно, «у нас без причины не сажают»!

Мама осталась одна с двумя маленькими дочками, и теперь она уже была «жена врага народа». С ней перестали здороваться даже близкие друзья и

знакомые, все отвернулись. Когда она шла по городу, люди переходили на другую сторону улицы.

Мама собралась с духом, оставила нас, детей, родителям отца и поехала в Хабаровск тем же путём, что папа, по Амуру на пароходе, как она выразилась, «вызволять Мишу». И с ней произошло то же, что и с папой: как только она сошла на пристань, её арестовали.

Мои родители Мария Ивановна и Михаил Иванович Голобоковы

В тюрьме сначала всех арестованных сталкивали в одну камеру, людей было очень много, и подвозили всё новых. Скоро стало настолько тесно, что не только лечь, но и сесть было невозможно. Люди стояли впритык, сжатые со всех сторон, дышать было нечем.

Среди арестованных оказалась жена какого-то большого военачальника, фамилию мама не помнила. Её увели на допрос, а когда вернули, идти сама она уже не могла, её притащили охранники. У неё был выбит глаз. Мама рассказывала, что когда женщины в их камере это всё увидели, то так заорали и заголосили, что охранники быстро подхватили эту женщину и вынесли из общей камеры, видимо, чтобы только не слышать этих воплей.

Из хабаровской тюрьмы НКВД маму перевезли обратно в Николаевск. Однажды её вели с допроса, а навстречу на допрос вели мужчину. Тот её узнал и закричал: «Голобокова!» - а она не поняла, кто это. Охранник тут же его оборвал: «Молчать, лицом к стене!» Мама потом с ужасом думала, что вдруг папа тоже находится в николаевской тюрьме, и этот его знакомый сидит с ним в одной камере. Тогда он точно рассказал Мише, что и его жена тоже арестована и находится в этой же тюрьме. Для папы это был бы страшный удар. Хотя, думаю, его и так шантажировали семьёй, тогда людей зачастую этим и ломали. Подписывай признание, мол, что ты шпион и диверсант, иначе мы всю твою семью арестуем и уничтожим! А подпишешь – тебя, конечно, расстреляем, но семья будет жить. Люди верили и подписывали признание, а их семьи зачастую гибли вслед за ними.

Маме, как жене врага народа, вынесли приговор: 5 лет исправительно-трудовых лагерей без права переписки в первый год.

В тюрьме и в лагере мама оказалась вместе с женой того самого Игнатьева, с которым вместе папа в последний раз поехал в Хабаровск выручать своего друга. Её звали Валентина. Они с тех пор крепко подружились и поддерживали связь до конца жизни.

Вот вместе с этой Валей мама и оказалась в лагере. Когда их привели в барак, все нары там были заняты. Им с Валей пришлось спать под нарами на

полу. Сколько там было клопов – словами не описать! Антисанитария полнейшая, холод, голод.

Это был лесоповал. Работа состояла в рубке вековых деревьев. А до ареста мама работала в банке и ничем похожим никогда в жизни не занималась.

Теперь маме, как и всем остальным, выдавали в начале смены по большому топору. Все женщины должны были рубить деревья, очищать их от веток, готовить к транспортировке. Зимой в этих краях снегу по пояс и выше, а летом тучи мошки. Каждая из осуждённых ежедневно должна была выполнить определённую норму выработки. Нормы были очень большие, а не выполнишь – не получишь пайку хлеба. А не получишь пайку – это голодная смерть. Так что можешь - не можешь, а выполняй, если хочешь жить.

Я уже говорила, что приговор у мамы был: 5 лет исправительно-трудовых лагерей без права переписки в первый год. Представьте, каково было женщине, у которой муж арестован, и она ничего о нём не знает, а двух совсем маленьких дочерей она оставила деду с бабушкой и тоже ничего о них не знает.

Когда прошёл этот бесконечный первый год без права переписки, мама наконец-то смогла написать отцу папы, нашему деду. Её подруга Валя Игнатьева тоже оставила на воле маленького сына и тоже ужасно переживала, что ничего не знает ни о нём, ни о муже. Они обе стали ждать весточки от своих родных, и вот письма пришли к ним одновременно. Мама рассказывала, что когда они забирали эти конверты, у них руки тряслись так, что они боялись, как бы ни уронить.

За их лагерем был большой обрыв, они с Валей пошли туда, подальше от всех. Рыдали обе, не могли остановиться, долго боялись открыть конверты: вдруг там что-то ужасное про детей! Плакали-плакали, потом всё-таки открыли свои конверты и узнали, что дети у каждой из них живы, слава Богу! А Валя Игнатьева так плакала в этот вечер, что у неё веки опухли и глаза закрылись, она потом несколько дней не могла их открыть.

С детьми было всё в порядке, потому что нас разобрали родственники, не сдали в приюты для детей врагов народа. А со многими бывало и по-другому. Когда дети попадали в такие приюты, им часто давали новые имена и фамилии. И если кто-то из родителей всё-таки возвращался из лагерей живым, то найти своих детей они просто не могли, так как их новых имён и фамилий не знали, и никакие государственные органы помощи им в этом не оказывали, а даже наоборот, скрывали от них информацию. Мама рассказывала, что некоторые её подруги по лагерю так никогда и не смогли найти своих детей, даже позже, после реабилитации.

Мама отбыла эти 5 лет в лагерях на лесоповале. Когда вышла оттуда, узнала, что папа был арестован по 58-й статье УК РСФСР, приговор – 10 лет без права переписки. Тогда она не знала, что это означает расстрел. Она думала, что папа, возможно, так же, как и она до этого, где-то в лагере валит лес. Она писала много запросов в разные инстанции, и ей приходили

ответы. В одном было написано, что её муж умер в таком-то году в таком-то лагере по такой-то причине, в другом ответе значился другой год смерти и другой лагерь и т. д. Но ни в одном ответе не было сказано, что он расстрелян. Мама так и не узнала точно, что с ним произошло на самом деле. В 1957 году, после XX съезда партии, маме пришла справка из Москвы от Военной Коллегии Верховного Суда СССР, в которой было указано, что дело по обвинению Голобокова М.И. пересмотрено и прекращено за отсутствием состава преступления, приговор от 1938 года отменён, и Голобоков М.И. реабилитирован посмертно.

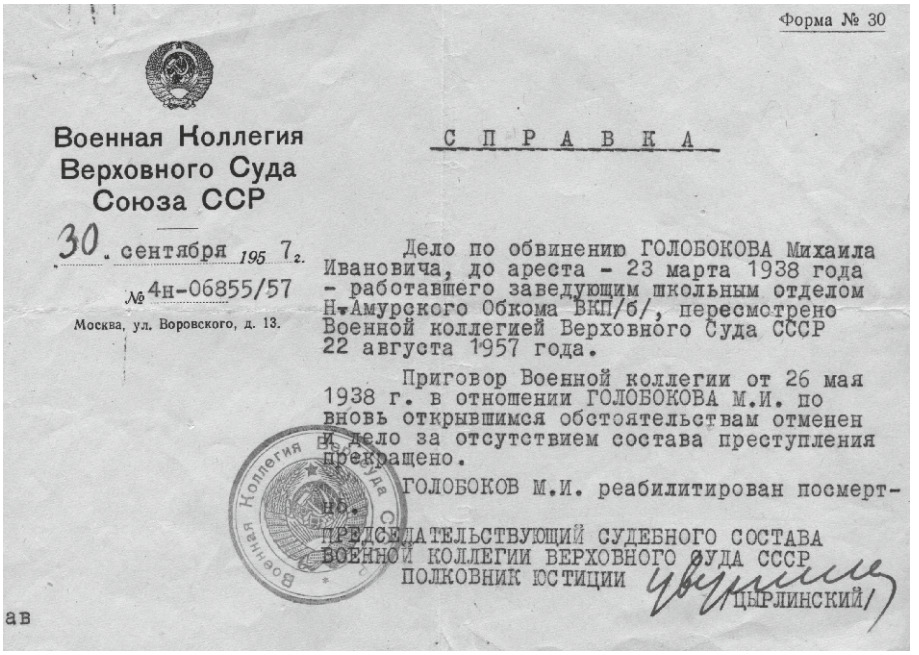
А мы с сестрой о судьбе отца узнали в 1990-е годы, когда мне родственники с Дальнего Востока прислали книгу, написанную хабаровским журналистом Александром Степановичем Сутуриным, «Дело краевого масштаба. О жертвах сталинского беззакония на Дальнем Востоке», Хабаровское книжное издательство, 1991 г. Он собрал много материалов о репрессиях 1930-х годов на Дальнем Востоке, о нашем папе там всего несколько строк на стр. 162: «Истинные масштабы драмы, разыгравшейся в Нижне-Амурской области, трудно представить, пока многие документы находятся в специальных архивах. Но и то, что удалось узнать, потрясает… Был арестован и уничтожен весь начальствующий состав укрепрайонов, два состава обкома ВКП(б), работники горкома, райкомов ВКП(б) и райисполкомов. 6 июня 1938 года по приговору выездной сессии Военной коллегии Верховного суда СССР в Николаевске-на-Амуре были расстреляны первый секретарь Нижне-Амурского обкома ВКП (б), делегат XVII съезда партии И. А. Васильев, второй секретарь Ульчского райкома ВКП (б) Михаил Иванович Голобоков. Сообщение о приведении приговора в исполнение областная газета «Красный маяк» напечатала 6 июня 1938 года на четвертой странице».

Мама в это время была уже арестована, все родственники жили в небольших посёлках и деревнях далеко от областного центра, и эта газетная публикация, видимо, до них не дошла.

Сутурин А.С. взялся собирать материалы для своей книги, так как в конце 1980-х годов ему неоднократно пришлось читать и слышать высказывания различных деятелей, что репрессии, может, и были в центральной России, но на Дальнем Востоке их не было. После таких заявлений в редакции местных газет и телеканалов пошли потоком письма, в которых люди подробно, в деталях, рассказывали обо всём, что сами ещё помнили об этом времени или слышали от старших родственников и знакомых. Многие просили найти хоть какую-то информацию о своих родных, исчезнувших без следа в застенках НКВД и сталинских лагерях. В это время приоткрыли архивы, и А.С. Сутурин смог ознакомиться с большим количеством документов, которые доказывали, что репрессии были страшные, людей тысячами и десятками тысяч бросали в тюрьмы, расстреливали, отправляли в лагеря. Это происходило по всей стране, и Дальний Восток точно никаким исключением не был.

В книге Сутурин А.С. рассказывает о том, как следователи НКВД в массо-

вом масштабе фабриковали дела о «троцкистско-шпионских заговорах» во всех сферах деятельности и отраслях: на железной дороге, в армии, на флоте, в лесной промышленности, в сельском хозяйстве и т.д. Арестованных безжалостно избивали, пытали, калечили и таким образом добивались признательных показаний об их «вредительской деятельности». Было немало случаев, когда людей на допросах забивали насмерть. Причём занимавшиеся этим следователи зачастую сами вскоре могли оказаться на месте арестованных в тех же тюрьмах. Кровавое колесо перемалывало всех, кто в него попадал…



Форма № 30

Военная Коллегия
Верховного Суда
Союза ССР

30 сентября 195 7 г.

№ 4н-06855/57

Москва, ул. Воровского, д. 13.

СПРАВКА

Дело по обвинению ГОЛОБОКОВА Михаила Ивановича, до ареста - 23 марта 1938 года - работавшего заведующим школьным отделом Н-Амурского Обкома ВКП/б/, пересмотрено Военной коллегией Верховного Суда СССР 22 августа 1957 года.

Приговор Военной коллегии от 26 мая 1938 г. в отношении ГОЛОБОКОВА М.И. по вновь открывшимся обстоятельствам отменен и дело за отсутствием состава преступления прекращено.

ГОЛОБОКОВ М.И. реабилитирован посмертно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ СУДЕБНОГО СОСТАВА
ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР
ПОЛКОВНИК ЮСТИЦИИ /ЦЫРЛИНСКИЙ/

ав

Справка о реабилитации М.И.Голобокова

Таких историй, как история моей семьи, моих родителей – миллионы в нашей стране. Репрессии 1930-х годов оставили нашу маму без мужа, а нас с сестрой без отца.

Этого нельзя забывать. Это всё очень страшно, особенно когда пытаешься себя поставить на место своих родителей и понять хотя бы приблизительно, что они чувствовали, думали, как они проживали все эти события, что творилось в их душах, как им было больно, невыносимо, безнадёжно… У меня от этого ужаса волосы на голове начинают шевелиться. Дай Бог, чтобы это не повторилось больше никогда. Упокой, Господи, души всех безвинно убиенных и прими их в царствии твоём…

Римма САБАНИНА,
Заслуженный учитель России, Почётный гражданин города Качканара

ОСТАЛИСЬ БОЛЬЮ В ПАМЯТИ И СЕРДЦЕ

История нашей страны, помимо побед и достижений, имеет и трагические страницы. Во многих семьях есть типичная история прошлых лет, помнить о которой — непосильный груз, а забыть — непростительный грех. Есть она и в нашей семье.

Началась история задолго до моего появления на свет. Узнала же я о ней, когда достигла совершеннолетия.

Я выросла в семье, где было четверо детей. С самого рождения мы привыкли к объятиям родных — нежным, любящим, спасительным. Они защищали и благословляли, утешали и исцеляли. Мама, отец, сёстры, брат. Все любили друг друга, жили дружно и складно.

Словно в зеркале, оживлённые силой памяти, передо мной часто проходят яркие картинки моего детства.

Наиболее близка я была с братом. Вот Юра сидит за столом, перед ним книжки. Он уже большой, учится в первом классе, а я пойду в школу только на следующий год. Иногда он не пускает меня в комнату, дёргает за косички, дразнит, но я всё равно люблю его. Бывает, что наше общение заканчивается шумной ссорой. Урезонивая нас, мама шлёпает полотенцем пониже спины. Отец всегда говорил: «Не надо этого делать. Жизнь сама накажет их». Что скрывалось за этой фразой, я поняла много лет спустя. Сам отец, чтобы привести нас в чувство, молча брал детей за руки и разводил по разным углам. Сразу становилось скучно. Мы один за другим просили прощения и мирились.

Мама часто рассказывала детям о своём детстве, которое прошло в небольшом селе Всеволожского района Ленинградской области. Отец добавлял к воспоминаниям мамы свои. Он жил в Волховском районе той же области.

Иногда я удивлялась, почему наши родители из таких благодатных мест, где был мягкий климат, а в садах зрели фрукты, перебрались на Урал? Но в детскую голову мысль быстро приходит и так же быстро покидает её. Маленькому человеку надо успеть многое увидеть, познать, везде успеть, так что детский вопрос так и оставался без ответа.

После окончания школы моя спокойная жизнь в отчем доме плавно перешла в студенческую, полную бесконечных лекций, семинаров, зачётов, экзаменов. В родительский дом приезжала только на каникулы. В один из таких дней мама неожиданно задала мне вопрос, возникавший у меня в детстве: «Тебя интересует, почему мы с папой оказались на Урале?». И сразу сама же ответила: «Нас сюда сослали». Она стала рассказывать о том, как в 1933 году был арестован мой дед-священник, а через два года в административном порядке была выслана его жена Ольга Николаевна Вознесенская вместе с детьми: Иваном (1920 г.р.), Ниной (1923 г.р.), Ольгой (1926 г.р.). Мой отец — Михаил Васильевич Вознесенский был отправлен с ними как кормилец. Вместе с другими спецпереселенцами они долго ехали в товарном вагоне по печальному маршруту в город Североуральск. Имущество семьи было конфисковано.

За несколько месяцев до этих событий мои родители стали супругами, но мир повернулся к молодожёнам тёмной стороной. На маму, Анну Николаевну Вознесенскую, кара не распространялась, но она не оставила в беде мужа и поехала с ним.

Ольга Васильевна и Нина Васильевна

Я смотрела на мокрое от слёз мамино лицо и остро ощущала, как страдает её душа. Это непередаваемое ощущение ужаса и боли, не физической, а какой-то особенной, которая съедала её изнутри, передавалось и мне.

Задала я маме только один вопрос: «А за что всё это?». «Да ни за что»,- ответила она. «Времена такие были: подъезжала ночью машина к дому, человека арестовывали и увозили неизвестно куда, и он бесследно исчезал».

Тогда почти никто не знал, что акции подобного рода проводились по строгому плану, абсолютно без всякой связи с фактическим поведением отдельных лиц, принадлежащих к категории, запланированной к изъятию.

Что-то сместилось в моём сознании. Мир мгновенно потерял интерес и привлекательность. Получается, думала я, что мы уже много лет имеем

статус «врагов народа» и «детей врагов народа».

Хорошо, что мама не рассказала нам, своим детям, об этом ужасе раньше. Трудно предугадать, как бы это известие отразилось на неокрепшей детской психике.

Впервые в жизни передо мной встала задача самостоятельно разобраться в хитросплетении тех событий. К этому времени я окончила второй курс физико-математического факультета пединститута, где мудрые преподаватели терпеливо учили своих студентов логически мыслить.

С отцом Михаилом Васильевичем

Начав обдумывать ситуацию, я задала себе первый вопрос: «Можно ли считать психически здоровыми людей, отправлявших в ссылку несовершеннолетних детей?». Ответ очевиден — конечно, нет. А власть выбрала гиблую долю для трёх детей и их матери. Надежды на выживание были иллюзорны. С отцом Михаилом Васильевичем

Первая страшная трагедия произошла через год: Ивану на лесопилке оторвало правую руку. Это подкосило и без того слабое здоровье его матери, и спустя два года она ушла из жизни.

Страшно представить, что ещё могло случиться с тремя подростками, если бы не настойчивые хлопоты мужа старшей сестры отца. Он приложил много усилий, чтобы увезти детей в Ленинград, где вместе с тетей Лизой они дали им возможность окончить среднюю школу и определиться с выбором профессии.

Мои родители продолжали отбывать наказание в Североуральске. Отец был экономист по образованию, но работать по специальности ему не позволили. Он вынужден был зарабатывать на жизнь разнорабочим. Угнетает мысль, что отец был бесправен, его швыряли, как вещь, оскорбля-

ли, унижали. После рождения первой дочери их переместили в город Серов. Видимо, там понадобился экономист, потому что отцу предложили работу по специальности, а вместе с этим и служебное жильё. Мама стала работать контролёром ОТК на металлургическом заводе.

Вскоре страну постигли тяжёлые испытания военных лет. Трудно и голодно тогда было всем. Денег почти не было, выживали чудом. От голода спасал огород и кое-какая живность. В 1943 году наша старшая сестра Валя начала учиться в средней школе №22 города Серова. После победного завершения войны стала посещать вокальную студию Дворца культуры металлургов.

Когда с разницей в полтора года появились на свет мы с братом, мама оставила работу и занялась хозяйством и воспитанием детей.

Когда мне было 6 лет, семья переехала в посёлок Лесохимкомбинат, расположенный рядом с Верхней Синячихой.

Отец работал главным бухгалтером на комбинате. Там родилась моя младшая сестра Ольга. Мы с братом один за другим пошли учиться в школу, а когда подросли, то стали хорошим подспорьем в домашних делах. Нашей главной заботой был большой огород, который не только давал хороший урожай, но и воспитывал. Работа с землёй развивала терпение, старание, ответственность, выдержку, трудолюбие.

В.М.Яновская и Р.М.Сабанина

Приобретённые навыки помогли мне уже в первые годы работы учителем. Отправившись однажды летом со старшеклассниками в село Старая Калитва Воронежской области оказывать помощь колхозу в уборке урожая яблок, мы получили ещё и задание окапывать приствольные круги у плодовых деревьев. Мои ученики с этим делом не были знакомы. Пришлось провести мастер-класс и удивить ребят тем, что я, умея доказывать теоремы и решать задачи, ещё и проворно орудую лопатой.

Родители учили нас не только работать, совершенствоваться, не искать лёгких путей, но и прививали стойкий иммунитет от отрицательных влияний среды. Им не нравилось, когда мы, подражая кому-либо, копировали весьма свободные манеры, обороты речи. Мама в этих случаях говорила:

«Надо быть собой!».

Очень удачно эту родительскую позицию выразил в одной из своих песен кумир нашего поколения Александр Градский:

Ах, как хочется порой
Нам играть чужую роль.
А быть таким, какой ты есть -
Вот достоинство и честь!

Завершили обучение в средней школе мы с братом уже в городе Ивделе, куда в очередной раз переехала наша семья. Младшая сестра начала и окончила школьное обучение в этом городе.

Результатами учебной работы мы давали повод родителям для гордости и радости. Тон задала старшая сестра Валентина Михайловна Яновская. Обладая весёлым нравом, она в то же время была требовательной, ответственной и строгой. Окончив Свердловский педагогический институт, полвека работала учителем математики, большую часть в школе №4 г.Качканара, где работала и я. Труд моей сестры — предмет восхищения и безмерного уважения её учеников и их родителей, был отмечен многочисленными грамотами, значком «Отличник народного просвещения», медалью «Ветеран труда». Два раза она избиралась депутатом городского совета, где возглавляла комиссию по народному образованию.

Любимый и единственный брат Юрий Михайлович Вознесенский, окончив Омское авиационное училище спецслужб гражданского воздушного флота, получил направление в Челябинский аэропорт, где проработал до выхода на заслуженный отдых. Его ценили как умного, ответственного, инициативного специалиста, поощряли грамотами, дипломами, денежными премиями.

Наша послушная и внимательная младшая сестра Ольга Михайловна Колегова пошла по стопам отца. Она блестяще окончила Ивдельскую среднюю школу и поступила на инженерно-экономический факультет Уральского лесотехнического института. Завершив учёбу, работала по специальности в Перми, а затем переехала в Кунгур, где проживали родственники её мужа. Коллеги отмечали её пытливый ум, собранность и принципиальность.

Решать финансовые проблемы в период нашего обучения в высшей школе семье было довольно сложно. Денег катастрофически не хватало. Особенно было трудно, когда училась старшая сестра. Экономили на всём, чтобы поддержать её материально. Когда учились мы с братом, семье уже могла помогать старшая сестра, ну а мы с братом, в свою очередь, поддерживали обучение младшей сестры Ольги.

Наши родители, пройдя через советскую чистку, смогли не только пережить то, чего не могли изменить, но и воспитали детей, не боязливых на работу и не разводящих руками в трудных ситуациях.

Жестокие испытания пришлось пережить моему деду Василию Алексеевичу Вознесенскому, с ареста которого и началась семейная трагедия.

Он родился в 1885 году в селе Мелихово Чудовского уезда Санкт-Петербургской губернии. Образование получил в Санкт-Петербургской Духовной Семинарии. Окончил её в 1909 году. Местом его служения было назначено село Прусынская Горка Волховского уезда той же губернии, где он, молодой иерей, получил должность настоятеля. Женой его стала Ольга Николаевна Брянцева. В семье родились и выросли дети: Елизавета, Михаил, Василий, Иван, Нина, Ольга. И родители, и дети счастливо жили в большой и дружной семье. Но в стране стало твориться что-то невероятное. Затворялись двери русских православных Храмов, начался арест и истребление священников, которые являлись носителями нравственных ценностей.

В конце 1933 года был арестован и помещён в Волховский оперсектор ОГПУ и мой дед. Цель пребывания в тюрьме - принудить заключённого голодом и страхом к покорности; заставить подписать документы об участии в несовершённом преступлении. Через два месяца после ареста деду было предъявлено обвинение и озвучено наказание: пять лет концлагерей за то, что он «состоял в к/р группе церковников».

Долго сопоставляла я эту формулировку с жизнедеятельностью деда.

Во-первых: о каком участии в «группе церковников» может идти речь, если в семье священника было шестеро детей, которых надо было кормить, поить, одевать, учить. Дети в семье были главной заботой, так что на «группу церковников» у деда просто не оставалось времени.

Во-вторых: у христиан вообще никогда не было задачи изменить мир и построить новый. У них одна задача — свидетельствовать о Христе, что и являлось главной темой общения настоятеля с прихожанами.

И, наконец, в-третьих: дед был реабилитирован в советское время, а это значит, что власть признала свою ошибку.

Страшнее всего то, что дед вместо пяти лет пробыл в заключении двенадцать. Год окончания его пребывания в ИТЛ — 1946-й.

Страдания лагерной жизни морально деда не сломили, а вот здоровья лишили. Вернулся он с тяжёлой формой туберкулёза и вскоре скончался.

Сведения о злоключениях моего деда в период репрессий взяты в базе данных соцсетей. Там не указано, где располагался тот адский заповедник, в котором он потерял всё своё здоровье, а потом и жизнь. Дед прожил достойную жизнь, оставаясь настоящим человеком, до конца верным Богу. Он никого не оболгал и не предал, чтобы спасти свою жизнь, что случалось в те лихие времена довольно часто.

Дети дедушки и бабушки тоже прожили свою жизнь достойно. Старшая дочь Елизавета Васильевна Баландина была учителем химии. За большие успехи в педагогической деятельности она получила почётное звание «Заслуженный учитель РСФСР», в 60-е годы прошлого века была депутатом Верховного Совета СССР.

Нина Васильевна Вознесенская преподавала географию в одной из школ Петрозаводска, куда была направлена после окончания института. Она полюбила Карелию, увлечённо занималась с учениками краеведением. О

поисковой работе краеведов нам однажды довелось услышать содержательную передачу Всесоюзного радио.

Младшая дочь Ольга Васильевна Радлова жила в Ленинграде, как и старшая сестра. Они работали в одной школе, где младшая учила детей письму, чтению, счёту и другим премудростям начальной школы.

Сыновья Михаил, Василий и Иван — экономисты, трудились в различных отраслях промышленности.

На память о дедушке и бабушке у их детей осталась только одна фотография. На снимке они молодые и счастливые. Оба мечтали долго жить, воспитывать детей и радоваться жизни, но получили смертельный удар от глупой и жестокой власти.

Ушли в мир иной и дети бабушки и дедушки. Мысленно я часто обращаюсь к ним. Они являют своей жизнью высокие образцы душевной стойкости, верности и человечности. Вечная им память.

Священник Василий Алексеевич Вознесенский с женой Ольгой Николаевной

Не избежали репрессий и родственники по линии нашей бабушки – священнослужители Павел Алексеевич и Николай Николаевич Брянцевы. Они были арестованы так же, как и наш дед, в декабре 1933 года «за участие в к/р группе церковников». На момент ареста оба проживали в Ленинградской области: П.А. Брянцев в селе Мешино Киришского района, Н.Н. Брянцев - в селе Помялово Волховского района. Осуждены тройкой при ПП ОГПУ по Ленинградской области: о. Павел – 25.05.1934г, о. Николай – 26.02.1934г. на 5 лет концлагерей.

В чем же увидели вину этих людей представители власти? Отец Павел имел неосторожность вступить в полемику по вопросу колхозного строительства с пролетарским поэтом Демьяном Бедным. Обладая поэтическим даром, он выразил свои соображения в стихотворной форме и отправил их адресату со своей дочерью. Стихотворение о. Павел озаглавил «На Новый завет без изъяна евангелиста Демьяна». Последовал донос. Автору поставили в вину то, что он агитировал крестьян против организации колхозов, призывал к объединению духовенства и верующих для борьбы с советской властью.

Отбывал срок отец Павел в Средне-Бельском лагпункте Хабаровского края. Не смягчил наказания даже тот факт, что в 1914 году он был призван в

действующую армию, был дважды ранен, причем после второго ранения в ногу был призван негодным к военной службе по причине инвалидности.

В письмах к семье отец Павел сообщал об условиях содержания в лагере, скудном питании и отсутствии медицинской помощи, в результате чего приобрел миокардит, туберкулез, цингу, но он не унывал, мечтал о возвращении к родным. Его жена Евдокия Алексеевна в это время тоже была далеко от родных мест. Вместе с двумя малолетними сыновьями ее выслали в пос. Ямба Уватского района Тюменской области.

В одном из писем к семье есть стихотворные строчки отца Павла:

Суровый край, прекрасный, но не милый,
Где дни мои томительно текли,
Ты мне грозишь безвременной могилой
Вдали от Родины, и от друзей вдали.

В этих словах предчувствие еще более трагических событий.

В 1938 году в лагере против отца Павла и других священников было заведено новое дело. Всю группу арестовали и перевезли в Благовещенскую тюрьму. И хотя никто из них себя виновным не признал, тройка при УНКВД по Хабаровскому краю всех их приговорила к расстрелу. По отношению к отцу Павлу приговор не был приведен в исполнение: он умер 13 мая 1938 года, за две недели до исполнения приговора, и погребен в безымянной могиле.

Священник Павел Брянцев (справа) с братом Николаем и дочерью Елизаветой

Священномученик Павел Брянцев Архиерейским собором Русской Православной церкви был канонизирован 20 августа 2000 года.

Николай Николаевич Брянцев свои пять лет концлагерей получил за то, что не донёс о существовании к/р стихов отца Павла. Этот поступок порядочного человека сразу поставил его под удар.

Выпавшие на его долю испытания священник переносил стойко, а не замечать ударов – это признак истинного величия. Так, огромный зверь спокойно взирает на лающих собак. Личность отца Николая не может не вызвать симпатий. Она трогает до слез.

Власть лишила страдальцев возможности быть рядом с родными, отобрала не только свободу, но и жизнь. Бога она отнять не смогла, ибо

царство Божие внутри нас.

Анализ хитросплетений жизни людей сродни доказательству сложной теоремы. Проделав это на примере моих родственников, я убедилась, что «враг народа» - это страшное клеймо не для невинных страдальцев времён сталинизма. Враги народа - те, кто во главе с одним из величайших злодеев человечества затеяли кровавый эксперимент над своим народом. И ещё. Нет ничего человеческого во власти, которая основана на безнаказанности одних и обречённости других.

Общее чувство растоптанности человеческого достоинства, страх перед ближайшим будущим подвергшиеся репрессиям люди переживали очень мучительно. Боялись всего. Боялись стука в дверь, боялись проронить лишнее слово. Страх породил усиленную осторожность. Мои родители побоялись окрестить своих детей, чтобы не навлечь новую волну кошмара, постигшего семью.

Страдания душевные гораздо страшнее физических. Важно было сохранить в сердце доброту, великодушие, человечность, чтобы не озлобиться. А не озлобиться моим родителям помогал маленький мирок — наша семья.

Мама у нас была человеком чутким, живым, не впадающим в уныние. Заметив мрачное лицо отца, она молча обнимала его, садилась рядом и вполголоса начинала напевать. Могла исполнить песню девушек из оперы «Аскольдова могила» Верстовского, или песню про Самару-городок или просто какую-нибудь частушку:

Миша мой, Миша мой,
Я бежала за тобой,
Какие лютые морозы,
А я в кофточке одной.

Слушая мамин чистый и звонкий голос, отец начинал улыбаться. Маме помогала ещё одна семейная певунья — старшая сестра Валя. У неё был свой репертуар: хор девушек из оперы «Евгений Онегин» Чайковского, третья песня Леля из оперы «Снегурочка» Римского-Корсакова — это любимые произведения отца. Отец успокаивался. Это значило, что ушли боль и тревога, и осталось только счастье — счастье любить свою жену и деток.

Ощутить большое чувство покоя отцу помогало его увлечение рыбалкой. На Урале он рыбачил на реках Каква, Сосьва, Лангур и других, в зависимости от того, где жила на тот момент семья. Когда жили в Ивделе, то рыбачили на реке Лозьва. Главными действующими лицами были отец и брат, а я была «на подхвате». Потрошила рыбу, перекладывала её крапивой, чтобы не портилась, варила уху, кипятила чай. К тому времени у нас была деревянная лодка удлинённой формы с мотором «Вихрь». На ней мы добирались до любимого места — устья реки Орья, впадавшей в Лозьву. Ставили палатку, обустраивали кострoвище и 5-6 дней жили полными отшельниками. С вечера ловили на удочку чебаков, окуней и другую мелкую рыбёшку, ставили на ночь жерлицы, а утром снимали улов. Балова-

лись и спиннингами.

Любили сидеть у костра, обхватив руками колени. Глядели в огонь, не в силах отвести от него глаз. Слушали, как лёгкий ветерок набегал на кроны высоких берёз, шелестел листвой и тут же улетал куда-то. Не нарушали гармонию даже комары, которые ели нас нещадно. Не отставала и мошкара. Но нам всё было нипочём! Природа — лучший психотерапевт. Проходили и нервный тик, и головная боль, и мысли приобретали светлый оттенок.

На рыбалке

В Свердловской области поэтапно в 1996, 1991, 2001 г.г. был открыт Мемориальный комплекс жертв политических репрессий 30-50 годов. На памятных плитах высечены имена более двух десятков тысяч невинных жертв — наших советских граждан, простых тружеников и высоких руководителей, одинаково бесправных и обездоленных перед могущественной государственной машиной. Всех объединяло одно: они погибли, замученные или расстрелянные, жертвы случая или жестокой мести, фанатизма или предательства. Их короткая судьба - это наша вечная боль.

Два раза в год у Мемориала Скорби проводятся поминальные обряды, один из которых приходится на 30 октября. В этот день Ассоциация жертв политических репрессий города Качканара для всех, кто желает почтить память погибших, организует коллективную поездку к месту поминовения. Приезжают поклониться жертвам репрессий жители других городов Свердловской и соседних областей.

Приятно видеть, что и молодёжь противостоит вечности забвения, снимая шапку перед памятью честных и самоотверженных людей, погибших от сфабрикованных политических обвинений. Это обнадёживает, что подобное не повторится никогда.

Геннадий МИХЕЕВ, ветеран труда

В ЗАКЛЮЧЕНИИ ОТЕЦ ПРОЖИЛ ТОЛЬКО ГОД

П.П. Михеев

Наши корни – в Кировской области. Под Уржумом была наша деревня. Дед был крестьянин, и отец Пётр Константинович был крестьянин. Занимались они сельским хозяйством, были колхозниками. На войну отец по возрасту уже не попал – он был 1889 года рождения. У него было нас шестеро. Витька умер от простуды. Остались два брата, три сестры.

В 1951 году нашлись в деревне три человека (я их прекрасно знаю), они написали донос - и пятерых человек у нас в одну ночь забрали. Что им предъявили – сказано в решении суда, там накручено – будь здоров: что Михеев, «будучи антисоветски настроенным, длительное время проводил антисоветскую агитацию и высказывал террористические настроения в отношении руководителей ВКП(б) и Советского правительства». А фактически, как люди говорили, - они анекдоты рассказывали. Суд был закрытый, никого туда не пускали. Сестра была на суде. Она рассказывала, что в зал заседаний их не пустили, суд прошёл при зарытых дверях. Их пятерых вывели, даже попрощаться не дали, потом вышли и нам зачитали приговор: всех пятерых осудили на 25 лет с конфискацией всего имущества.

Его увезли в лагеря Иркутской области. Он там и года не отсидел: 10 ноября 1951 года осудили, а уже 7 сентября 1952 года умер в местах лишения свободы (так написано в справке о признании пострадавшим от политических репрессий). От него было одно письмо и похоронка: упадок сердечной деятельности. Я даже не знаю, где его могила. Когда меня в армию повезли через Иркутск на Дальний Восток, я сижу, гляжу в окно и думаю: где-то здесь, в этих лесах лежит мой отец…

Отобрали у нас дом, корову, ульи с пчёлами. У нас ещё лес был на сруб на новый дом. В 1947 году полдеревни сгорело, и наш дом тоже сгорел. Отец построил маленький домик и хотел построить большой дом. Так вот и этот лес ушёл: в документах не указаны были эти брёвна.

Мы с матерью к тёте Пане ушли на квартиру - это наша деревенская

знакомая, у неё и жили. Брат Володя то ли в армии был, то ли в ФЗУ. Сёстры уже все взрослые были - в разъезде. Брат с 1931 года - младше их был, а я самый младший - с 1947-го. А потом, когда брат уже обосновался на лесоучастке - это тоже в Кировской области, он нас с матерью забрал к себе. Но мама долго не зажилась, она вскоре умерла.

Меня хотели сдать в детдом, сестра с севера, с Лунданки приехала, а я сбежал, не поехал в детдом. Потом вижу из-за угла: сестра Нина приехала, ну, я и вылез. Нина решила: «Всё, я его на север Кировской области забираю!» И к себе туда увезла. Там ещё старшая сестра Нюра жила. Так вот в Лунданке мы и жили. А потом я к брату обратно на лесоучасток приехал.

Я лично на себе никаких гонения не испытал, да и брат и сёстры тоже: в деревнях такого не было. Я был октябрёнком, пионером, комсомольцем, в конце, когда уже учился в техникуме - стал членом партии, и даже партсекретарём в Северном карьере поработал.

Я отслужил три года во Владивостоке, уволился в запас в 1968 году. У меня в Лысьве жила сестра - решил к ней заехать. А там работал мужик с нашей деревни - старший мастер прокатного стана Пихтин Илья Иванович. Он говорит: «Давай к нам на прокат, я тебя устрою». Действительно, без труда устроил: его там все знали и уважали. Я в Лысьве отработал, с садчика металла до вальцовщика.

Потом познакомился с одной качканарской женщиной и решил перебраться в Качканар. Приехал сюда в 1977 году. Мне нужно было полтора года горячего стажа, и в этом деле помогла Клавдия Павловна Сухенко: пробила меня в литейку, где я отработал четыре года. Затем перешёл в ГОК, работал в Северном карьере помощником буровика, секретарём партийной организации, машинистом бурстанка - и так до 1997 года, до пенсии. Но и потом ещё какое-то время поработал электриком.

Вопрос о реабилитации стала поднимать сестра. Потом сообщила мне. Я отсюда, с Качканара, направил письмо в прокуратуру Кировской области, и мне пришли документы. Отец полностью был реабилитирован, и я получил статус пострадавшего. Мы получили компенсацию – 6 тысяч рублей, по две тысячи каждому (нас тогда в живых осталось трое). На эти деньги я купил себе баян.

Познакомился с З.И.Пашенковой – она возглавляла отделение ассоциации жертв политических репрессий в Качканаре. Принимал участие в различных мероприятиях.

Татьяна КОЛТЫШЕВА

«ВРАГ НАРОДА»

«Чтоб начать жизнь в настоящем,
надо искупить наше прошлое»
Антон Чехов

Много в нашей истории есть причин для гордости. Мы гордимся боевой славой, научными и культурными достижениями. Но есть в нашей истории и трагические следы, связанные с периодом репрессий. Репрессии - одна из самых трагических страниц летописи истории нашей страны. Не важно, в какой части России ты жил и трудился; неважно, какие заслуги были у тебя перед Отечеством, - репрессии не щадили никого: ни детей, ни взрослых, ни простых рабочих, ни представителей власти – звание «Враг народа» мог получить каждый.

А.С. Щербинин

Мой прадед, Щербинин Аполлон Семенович (1897 г. р.), родился в селе Аскино, был крестьянином-середняком, очень трудолюбивым, добрым и веселым человеком. Служил в белой, а потом и в красной армии. Женился на Анисье Афанасьевне вторым браком, первая жена его умерла и оставила ему двоих сыновей: Александра и Василия. Пятерых детей ему родила Анисья: Федора, Анну, Екатерину (мою бабушку), Семена и Риту. Аполлон работал заведующим молочно-товарной фермы (МТФ) колхоза «Вперед», Анисья была птичницей. Семья жила скромно, трудились, помогали друг другу, жили мирно и дружно.

Но, к великому сожалению, в стране в годы становления советской власти было много перегибов, и одним из них явилось отречение от церкви, прославление атеизма. В эти годы множество православных храмов было уничтожено по всей стране, не обошло это горе и наше село. В один из дней в село Аскино Башкирской АССР, где жила семья моего прадеда, приехали какие-то люди на конях и стали ломать церковь. Полетели колокола на землю, падали и ломались иконы, разбивались стекла. Все жители села сбежались посмотреть на это злодейство. Как рассказывала моя бабушка, в той толпе был и ее отец, мой прадед Аполлон. Для глубоко

верующего человека это было очень страшно и нестерпимо больно, и он выкрикнул из толпы: «Зачем вы все разрушаете церковь?! Заколотите досками, и пусть стоит». Эти слова стали для него роковыми…

Вечером того же дня в его дом пришли с обыском. Как и у многих в то время, в доме из мебели были только лавки, большой стол, полати, на которых спала вся семья, печь, да много икон в углу. Перепуганные дети наблюдали за обыском с полатей. Один из милиционеров обнаружил в кармане Аполлона золотые часы, оценил их взглядом и положил себе в карман. Прадеда арестовали и увезли, не дали даже проститься с семьей, не было и суда. Когда увозили, старшие дети долго бежали за машиной; Аполлон, увидев бегущих детей, снял с себя полушубок и бросил его детям, так и уехал раздетым в ноябре месяце. В память о нем осталась только одна фотография, и эта небольшая история, сохранившаяся в памяти моей бабушки об её отце (ей в ту пору было всего 5 лет). Его увезли, и связь с ним была потеряна навсегда, никто из семьи с тех пор не знал, где он и как закончилась его жизнь.

Мы и представить себе не можем, сколько боли, переживаний, страданий было в душе каждого из них. Они были вырваны из привычной жизни, испытали голод и холод, разлуку с родственниками. У многих из них практически не сохранились фотографии, письма и все те привычные мелочи обычной жизни, которые хранят память семьи. Только воспоминания и ярлык «врага народа», который преследовал их долгие годы.

Эти события затрагивали не только людей, которые были осуждены, как правило, страдали и их семьи. Дети становились сиротами или были сосланы в лагеря с родителями и наряду со взрослыми делили все тяготы и невзгоды того нелегкого времени.

В семье моего прадеда без средств к существованию остались жена и семеро детей. За работу на ферме в те годы платили стакан муки в день, денег не платили совсем. Жили впроголодь. Спасало то, что Анисья хорошо шила. И соседи просили сшить, кому полушубок, кому - тулуп. Платили остатками или отрезами ткани. Из них Анисья шила детям одежду.

Потом были бесчисленные попытки узнать любую информацию о его судьбе. Прошло больше 80 лет, прежде чем мы узнали, что он был осужден, где отбывал свое наказание и что с ним стало. В 2021 году мы получили рассекреченные архивные документы.

Холод в душе охватил меня после чтения архивных документов. Если бы не эти материалы, то кто бы смог рассказать сегодня настоящую историю жизни моего прадеда.

Прадед был осужден 14 ноября 1937 г по статье 58, п.10 и п.11. Его обвинили в контрреволюционной деятельности, антисоветской агитации и приговорили к 10 годам лишения свободы в Печерском ж/д лагере НКВД. Приговор был приведен в исполнение 22 ноября 1937 года. Это – наглядный пример того, как жертвой террора и репрессий стал обычный человек из крестьянской семьи, далекий от политики.

В лагере, где он отбывал свое наказание, работал плотником, и, судя по

архивным записям, он не дожил до окончания своего срока 4 года.

В России во многих местах установлены памятники жертвам политических репрессий. Мы должны помнить о невинно пострадавших людях.

Но до сих пор миллионы людей не знают, где похоронены их родители, деды и прадеды. Они хотят найти хоть какие-то сведения о судьбах родственников. В разных регионах бывшего Советского Союза издают Книги памяти жертв политических репрессий. Основное содержание этих книг – краткие биографические справки о расстрелянных, отправленных в лагеря, насильственно депортированных. Эти справки нужны сотням, тысячам людей и в нашей стране, и в других странах мира, где живут наши соотечественники. Это нужно для того, чтобы сохранить память о жертвах и помочь людям восстановить историю их семей.

Забвение своих предков, нежелание узнать о них, прочувствовать их судьбу может иметь грустные последствия не только для каждой конкретной семьи. Ведь история страны складывается из маленьких историй семей. Мы изучаем историю, чтобы не повторять её ошибок.

Ирина ЖЕРЕБЦОВА

ГРУСТНАЯ ИСТОРИЯ НАШЕЙ СЕМЬИ

Сколько вспоминаю свое детство, меня, родившуюся в 60-е годы, всегда интересовал вопрос, почему у многих моих знакомых есть дедушки, а у меня нет! И, конечно же, с этим вопросам я приходила к моей маме Щербининой Екатерине Аполлоновне. Было время, когда ответа на мой вопрос о деде я не получала, мама гладила меня по голове, прижимала к груди и плакала. Я долго не могла понять, что это значит. Это сейчас я могу понять, почему в те годы не хотелось афишировать, что ты дочь «врага народа». Когда я стала постарше, то услышала ту грустную, страшную историю о жизни нашей семьи, в 30-е годы, которая передается в нашей семье из поколения в поколение.

Воспоминаний было немного, да и что могла запомнить пятилетняя девочка - только боль, страх и беспокойство за судьбу мужа и детей в глазах своей матери Анисьи. Хотя нужно отметить, что Анисья никогда не роптала и не жаловалась на судьбу, вырастила и подняла на ноги всех своих детей, никогда даже словом не обмолвилась, что Александр и Василий неродные, любила их, как родных, и они отвечали ей сыновней любовью.

Старшие сыновья Александр, Василий и Федор прошли войну. Федор в годы войны, будучи 17-летним подростком, оказался неподалеку от места, где была совершена кража меда (проходил мимо, играя на гармони), но раз он был сыном «врага народа», сразу же без разбирательств, был признан

виновным и осужден. Отсидев срок, возвращаться домой тюремщиком Федор не захотел и за месяц до окончания срока подал прошение об отправке его на фронт. Конечно же, из тюрьмы можно было попасть только на передовую. Федор был веселым, подвижным парнем, поэтому и письма его с фронта всегда были с юмором, живые и веселые. Перед самой Победой пришло письмо, он писал своим родным: «…Мы идем у Берлина, снаряды и пули летят, все вокруг меня падают, как скошенные, а мне ничего не делается, я иду вперёд!..». Это было его последнее письмо, рядовой Щербинин Федор Аполлонович пропал без вести.

Семейная жизнь Александра после войны не сложилась, но у него остался сын Александр.

У Василия была хорошая, дружная семья: жена Екатерина и три сына. Долгие годы ветеран Великой Отечественной войны Щербинин Василий Аполлонович, награжденный медалью «За отвагу» (1944г.), орденом Отечественной войны I степени (1985 г.), жил в соседнем доме, рядом со своей матерью Анисьей. Был прекрасным художником-самоучкой, рисовал картины, делал поделки из объёмного стекла (гравированные картины), первым в родном селе начал делать новогодние скульптуры из снега на новогодние рождественские праздники, доставляя огромную радость не только детям, но и взрослым Аскинского районного центра. Многие годы работал в школе учителем черчения и рисования, отдавая своё сердце детям.

У дочери Анны была большая семья. Муж Попов Александр трагически погиб, когда ее четверо сыновей: Владимир, Василий, Виктор и Егор - были еще совсем юными. И ей пришлось одной поднимать своих мальчишек. Растить из них взрослых, ответственных мужчин. Сейчас в родном селе Аскино живет только один ее сын Василий, у которого хорошая, дружная семья: жена Любаша, дети и внуки. Владимир погиб, а с Виктором и Егором, к сожалению, связь с оборвалась, и я не знаю, как и где они живут.

Екатерина с мужем Токаревым Павлом Федоровичем родили три дочери: Татьяну, Нину и Ирину. У пятерых ее внуков уже свои семьи. Продолжением нашего рода уже становятся девять правнуков Екатерины Аполлоновны. Очень хочется, чтобы они выросли хорошими, честными людьми и сохранили память о своих предках.

Сколько себя помню, мама всегда с любовью, заботой и трепетом относилась к своему младшему брату Семену. Каждую неделю мы с мамой и папой ходили к ним в гости. Бабушка Анисья жила со своим младшим сыном. Семен Аполлонович со своей женой Таисьей воспитали трех замечательных сыновей: Александра, Павла и Михаила. Все они живут в родном селе со своими детьми и внуками, огромной и дружной семьей.

Десятки лет мы жили с мыслью, что уже вряд ли кто узнает, как погиб и где похоронен наш дедушка, где погиб наш дядя Федор Аполлонович. Идут годы, уходят близкие и родные люди, и становится очень обидно, что в свое время мы о многом не поговорили, не успели расспросить их о своих родственниках. С уходом каждого члена семьи уходит и частичка истории.

В 1989 году умерла бабушка Анисья, добрый и светлый человек, который нес окружающим только добро. В 2005 году не стало и нашей мамы Токаревой Екатерины Аполлоновны. Ушли, так и не узнав правду о жизни и гибели своих самых дорогих людей.

КТО ИЩЕТ, ТОТ ВСЕГДА НАЙДЕТ

«...ищите - и обрящете,
просите - и дано вам будет,
стучите - и отворят вам...»
Евангелие

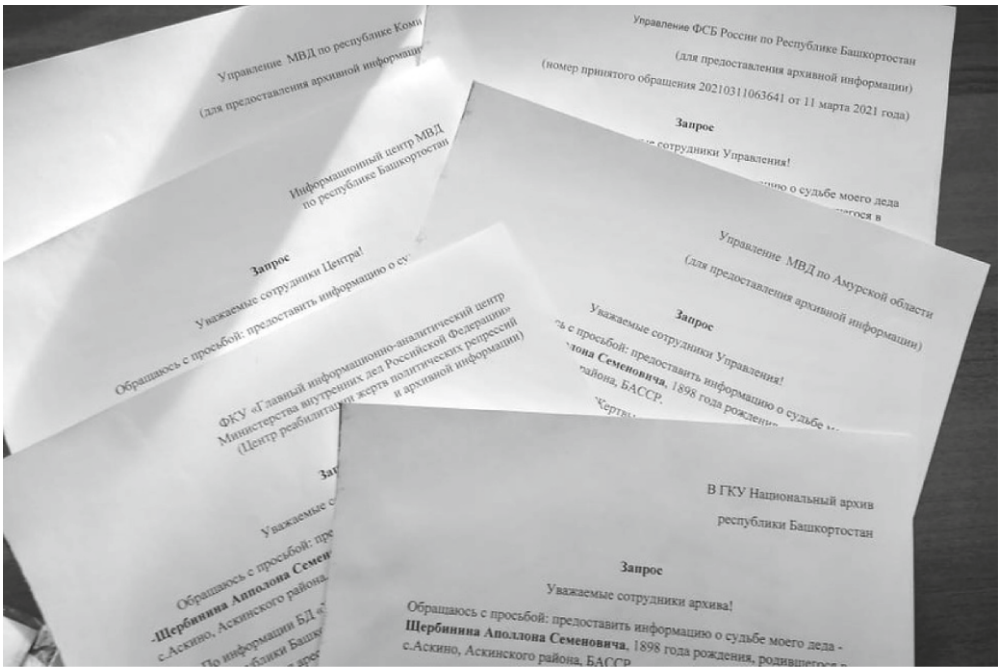
Многие сейчас ругают век информатизации и компьютеризации, говорят, что от этого один вред: люди перестали друг с другом общаться, видеть, слышать, жить болью других. Но именно эти технологии, оказывается, нам, сегодняшним, открывают правду прошлого. Возвращают нас в прошлую эпоху, и мы можем восстановить историю своей семьи, жизнь своих родных.

В прошлом году в разговоре со своим сыном Артемом мы вновь затронули неизвестные странички истории нашей семьи. И каково же было мое удивление, когда буквально через несколько дней, после нашего разговора, сын Артем мне присылает сведения о нашем дяде, пропавшем без вести во время Великой Отечественной войны Щербинине Федоре Аполлоновиче. Оказывается, сейчас открыты для поиска электронные базы данных, в которых можно найти информацию о местах службы, наградах и местах захоронений своих родных.

Как оказалось, Федор отбывал наказание (1 год лишения свободы) в исправительно-трудовом лагере Красноярского края. По окончании срока был передан в распоряжение Емельяновского райвоенкомата 01.10.1944 года. Оттуда был отправлен в 1-ю Гвардейскую воздушно-десантную Звенигородско-Бухарестской ордена Суворова дивизию, с которой и дошел почти до Берлина. 05.04.1945 года погиб, не дожив до Победы один месяц у с. Велки-Орвиште, и похоронен на кладбище Чехословакия, сх. 123. А в 1946 году был перезахоронен в г Братислава в военно-мемориальном комплексе «Славин».

С этого момента и началась наша дальнейшая поисковая деятельность.

По информации базы данных «Жертвы политического террора в СССР», книги памяти республики Башкортостан, сын нашел сведения о том, что Щербинин Аполлон Семенович, малограмотный, колхозник, беспартийный, был арестован 14 ноября 1937 года, обвинение по ст.58 п 10; ст. 58 п.11.



и приговорен к лишению свободы на 10 лет. Реабилитирован – 30 июня 1959 года.

В 1959 году у нашей мамы родилась уже вторая дочь Нина. Но о реабилитации нашего деда ни жене, ни детям никто не сообщил. Эти сведения и стали отправной точкой нашего поиска. Первые запросы по предоставлению информации о нашем родном человеке были отправлены 27 января 2021 года на сайт Национального архива Республики Башкортостан. (https://narb-gku.bashkortostan.ru/request/personal) и в ФКУ «Главный информационно-аналитический центр Министерства внутренних дел Российской Федерации» (Центр реабилитации жертв политических репрессий и архивной информации) (сайт - https://мвд.рф).

28 января 2021 года пришел ответ из Национального архива Республики Башкортостан. Ответ – «Уголовное дело в отношении выше указанного лица на хранение в архив не поступало». Ответ отрицательный, но предоставлена информация, где могут храниться сведения о репрессированных гражданах, куда можно.

Следующий пункт поиска - Федеральное казенное учреждение «Главный информационно-аналитический центр МВД России» по адресу 117418 г. Москва, ул. Новочеремушкинская, д.67. Сразу же хочу отметить, что отправлять письма обычным письмом я не стала: по всем этим ведомствам можно найти адреса электронной почты, либо обращения заполняются сразу на сайте учреждения, в разделе «Обращения», это значительно быстрее.

18 февраля 2021 года пришел ответ из МВД по республике Башкортостан – и вновь ответ: «…уголовного дела и других архивных документов

Щ.А.С. в информационном центре МВД по Республике Башкортостан на архивном хранении не имеется».

Ответ отрицательный, но посоветовали обратиться в следующие инстанции, где могут храниться данные документы:

1) УФСБ России по Республике Башкортостан (по адресу: 450000, г.Уфа, ул. Крупской , д.19.) - по материалам из архивного уголовного дела.

2) Прокуратура Республики Башкортостан по адресу: 450000, г Уфа, ул. Крупской, д.19 – с целью получения справки о реабилитации Щербинина А.С.

Для поиска сведений о судьбе деда после вынесения приговора:

3) Информационный центр МВД по Республике Коми по адресу: 167000, г. Сыктывкар, ул. Советская, д. 61;

4) Информационный центр УМВД России по Амурской области по адресу: 675000, Амурская область, г. Благовещенск, ул. 50 лет Октября, д.18.

26 февраля 2021 года приходит ответ из ФКУ «Главный информационно-аналитический центр Министерства внутренних дел Российской Федерации» (Центр реабилитации жертв политических репрессий и архивной информации): «В результате проведенной поисковой работы по имеющимся архивным материалам установлено, что Центральный архив МВД России архивных документов в отношении Щербинина Аполлона Семеновича, 1898 года рождения, уроженца с. Аскино Аскинского района Башкирской АССР, на хранении не имеет и сведениями о применении политической репрессии, аресте, судимости, нахождении в местах лишения свободы, в ссылке, высылке, на спецпоселении и другими данными (в том числе о дате смерти и месте захоронения) в отношении указанного лица не располагает.

12 марта получен ответ Информационного центра УМВД России по Амурской области, где сообщается, что мое заявление для дополнительной проверки и ответа направлено по месту возможного хранения документов в Информационный центр УМВД России по Мурманской области.

16 марта пришел ответ Информационного центра УМВД России по Мурманской области: «Сведениями не располагаем». Когда получаешь многочисленные ответы с фразой «сведениями об указанном лице не располагаем», приходят горечь и разочарование, и невозможно понять, как мог потеряться живой человек. Исчез бесследно?!

И вот, наконец-то, получен долгожданный ответ! 19 марта 2021 года пришел ответ из МВД по Республике Коми «О направлении архивной справки». Сказано, что оригинал справки в отношении Щербинина Аполлона Семеновича, 1997(1998) года рождения, отправлен почтой. От этой новости так защемило сердце, и радость и грусть подступили одновременно. Ожидание было беспокойным: что же узнаю о своем деде? Как сложилась его дальнейшая жизнь?

Слезы! Море эмоций принес с собой этот документ. Радость оттого, что все-таки нашла сведения о родном деде! Горечь оттого, что его жена и дети

так и не узнали, где и по какой причине погиб их любимый муж и отец! Огромная печаль о тех мучениях, которые пришлось ему пережить!

Но это только один документ, подтверждающий то, что Щербинин Аполлон Семенович, малограмотный крестьянин, без суда и следствия заседанием тройки НКВД Башкирской АССР по доносу был приговорен к 10 годам лишения свободы за контрреволюционную агитацию и отбывал наказание в самых страшных лагерях Печорлага НКВД СССР.

25 марта 2021 года Прокуратура Республики Башкортостан отправила мое заявление в Верховный суд Республики Башкортостан для выдачи справки о реабилитации Щербинина Аполлона Семеновича. 31 марта 2021 года я получила справку о реабилитации моего осужденного деда. Документ, подтверждающий невиновность человека, который за эту ошибку расплатился своей жизнью. Получив эту справку, я смогла подать заявление на получение копий документов и материалов концентрационного дела моего деда в МВД республики Коми, где отбывал свой срок заключения Щербинин Аполлон Семенович.

26 марта 2021 года из УФСБ России по Республике Башкортостан направлены и 12 апреля пришли по почте копии материалов архивного уголовного дела № В -18172. Нам прислали, справку – донос начальника Аскинского РО НКВД мл. лейтенанта гос. безопасности Кривда, по которой было принято решение об аресте, ордер на арест, анкету арестованного и протоколы допроса, при чтении которых кровь останавливалась в жилах. После слов «… следствие убедило меня говорить правду..». становится понятно, каким образом следствие вело допрос, делало выводы и получало ответы. А также постановление Президиума Верховного суда Башкирской АССР о реабилитации. По количеству заклеенных строк в обвинительном заключении № 4465 по обвинению группы граждан, с фамилиями привлеченных к ответственности, охватывает ужас, сколько жизней было загублено (приговорено к расстрелу, к заключению в концентрационные лагеря, где выжить было практически невозможно) по одному слову, намеку, доносу, предположению. Сколько семей лишилось своих отцов, сколько детей осиротело и сколько семей осталось в неведении, что случилось дальше с их самыми дорогими людьми. А сколько таких обвинительных заключений принималось по всей стране, сколько жизней простых людей принесено в жертву? Ради чего?

Вскоре МВД по Республике Коми пришли и копии материалов архивного личного дела заключенного Щербинина Аполлона Семеновича. Мой дед Щербинин Аполлон Семенович, глубоко верующий человек, церковный староста, был очень далек от политики; все, что он хотел, это иметь право спокойно жить, растить детей, приходить в храм и сохранить веру в бога. В результате жизнь деда превратилась в каторгу, малограмотный крестьянин был обвинен в контрреволюционной деятельности, доказательств которой никто не нашел, его жизнь превратили в пытку, отправили в самые страшные лагеря Гулага, откуда живыми никто не возвращался. Дети лишились отца, всю свою жизнь несли бремя детей «врага народа»,

боялись говорить вслух и вспоминать о своем родном человеке. Его жизнь оборвалась 16 января 1943 году, за 4 года до окончания срока заключения, от болевого шока при получении травм, разрыв почки, переломы плечевой кости и многочисленные переломы реберных дуг. До лазарета живым он не доехал. Похоронен на кладбище лазарета. Наконец-то мы знаем, где находится могила нашего деда. Знаем правду об одной из страниц истории нашей семьи.

Очень хочется, чтобы наши дети и внуки сохранили память о своих предках, выросли честными и добрыми людьми. Всегда помнили о том, что нет будущего у тех, кто не помнит своего прошлого. Все, кто еще не знает правды о жизни своих осужденных родных, ищите! Кто ищет, тот найдет, это я знаю точно!

Павел ОГОРЕЛЬЦЕВ, студент Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета им. Б.Н.Ельцина

Я НЕ БЫЛ ВРАГОМ НАРОДА И НЕ БУДУ

Даниил Константинович Ломако родился в бедной крестьянской семье в 1910 году в селе Шарино Уманского района Киевской области, которая на тот момент была в составе Российской империи. Глава семейства занимался различной работой по найму, всё домашнее хозяйство держалось на 30-летней супруге Степаниде Исаковне. До революции у Ломако был только небольшой огород с избой, пахотной земли не имелось.

1917 год внес большие изменения в жизнь этих украинских бедняков: так совпало, что в это время родилась дочь Ксения, а от новой советской власти семья получила целых 3 гектара земли для вспашки, до четверти гектара увеличился размер огорода. К концу гражданской войны родился третий ребёнок в семье – Тодось.

На трудные годы пришлось освоение старшим ребенком Даниилом начального образования, когда формировалось его отношение к жизни, определялась дальнейшая судьба. Окончив фабрично-заводскую семилетку, он выбрал учительскую стезю. В 1927 году наш герой становится комсомольцем, а через два года едет в райцентр и поступает в Уманский педагогический техникум (нынешний Уманский гуманитарно-педагогический колледж им. Т. Г. Шевченко), где проучился два года. Успешно освоив программу и сдав экзамены, Даниил Константинович получил специальность «учитель начальной школы»[1].

Общеизвестно, что в советское время существовала система распреде-

[1]Государственный архив административных органов Свердловской области. Ф. Р-1. Оп. 12. Д. 31222. Л.3.

ления молодых кадров после окончания учёбы, вот и Ломако был направлен Комсомолом и Народным комиссариатом просвещения Украинской республики на выполнение задач педагогического фронта на Урал. Переезд дался относительно безболезненно – к тому времени уже умер отец, который раньше работал на земле зажиточных соседей, поэтому первенец в семье стал кормильцем матери, брата и сестры. Дельные и толковые работники сферы образования в провинции Страны Советов были на вес золота, и, как показала практика, Даниил Константинович полностью оправдал возложенные на него ожидания. Его трудовая деятельность началась в спецпереселенческих посёлках Павдинского сельского совета, которые относились к ведению Туринского отдела народного образования. Стоит отметить, что контингент, проживающий там, пусть даже и детский, был особенным, контрреволюционным, по мнению власти, а потому и настроения там царили соответствующие. Успеваемость в местных школах была существенно ниже, чем в среднем по области, однако молодой педагог смог не просто хорошо выполнить свою работу, но и заслужить поощрения и премирования.

Неизвестно, как и где точно наш герой встретил свою будущую жену Клавдию Романовну, но, вероятно, они сошлись на почве общей работы в педагогической сфере (девушка была моложе на 5 лет и тоже работала учителем). После женитьбы в 1933 году Даниил Константинович сменил свою неприглядную фамилию на более звучную фамилию жены – Андреев. Успешно проработав два года, Даниил Андреев был призван в ряды Красной Армии. Служил рядовым в артиллерийских войсках, после краткой

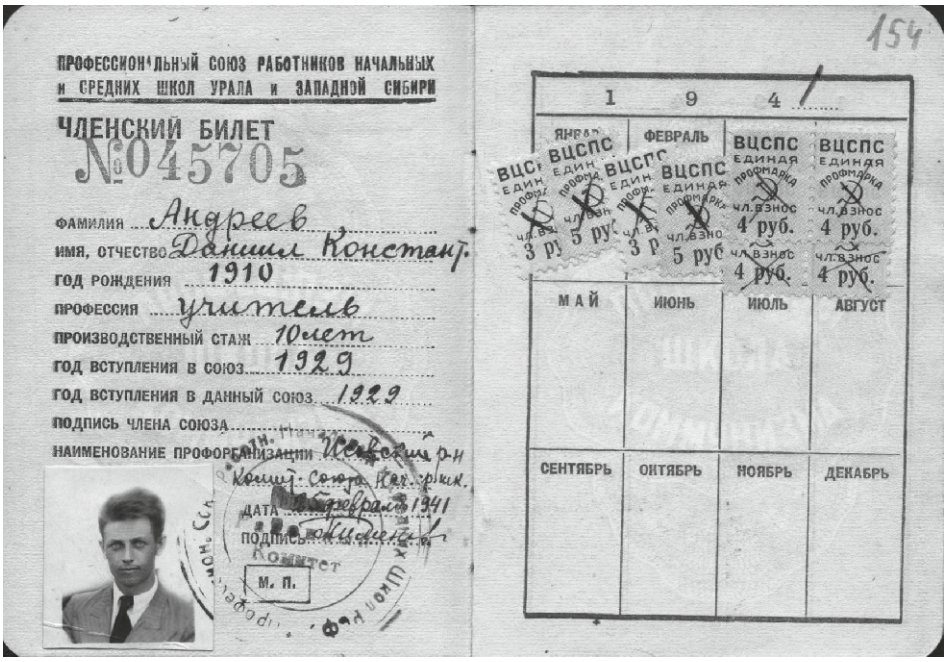
Педагогические работники Исовского РОНО, 1930-е гг. Д. К. Андреев второй справа во втором ряду[2].

[2]Личный архив автора. Ф.1. Оп.1 Д.7. Л.3.

учёбы получил специальность «вычислитель-топографист». За весь срок нахождения в РККА взысканий не имел, после демобилизации вернулся к педагогической деятельности.

В это время у него родилась дочь Муза. Недолгий период преподавания математики и немецкого языка в 5-7 классах завершился переводом на должность директора Боровской неполной средней школы. Но и тут не удалось закрепиться надолго: вышестоящее начальство заметило успехи молодого специалиста и пригласило ценный кадр работать инспектором специальной сети всего Исовского райотдела народного образования. Областной союз начальных и средних школ избрал Андреева членом пленума обкома, по партийной линии также все шло в гору: членство в бюро парторганизации исполкома райсовета, должность внештатного пропагандиста. С увеличением профессиональных обязанностей и полномочий расширялась и семья: родился сын Геннадий. В 1938 году произошло очередное и последнее повышение – вместо инспектора Даниил Константинович стал заведующим отделом. Спустя несколько месяцев Андреев вступает во Всесоюзную коммунистическую партию большевиков, таким образом закрепив свой относительно высокий статус и авторитет.

Вышеупомянутые обстоятельства позволили семье Даниила Константиновича претендовать на расширение жилплощади. Какое-то время Андреевы жили по адресу: Новый посёлок, улица Ворошилова, д.20, но


ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ СОЮЗ РАБОТНИКОВ НАЧАЛЬНЫХ И СРЕДНИХ ШКОЛ УРАЛА И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

ЧЛЕНСКИЙ БИЛЕТ
№045705

ФАМИЛИЯ Андреев
ИМЯ, ОТЧЕСТВО Даниил Констант.
ГОД РОЖДЕНИЯ 1910
ПРОФЕССИЯ учитель
ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ СТАЖ 10 лет
ГОД ВСТУПЛЕНИЯ В СОЮЗ 1929
ГОД ВСТУПЛЕНИЯ В ДАННЫЙ СОЮЗ 1929
ПОДПИСЬ ЧЛЕНА СОЮЗА
НАИМЕНОВАНИЕ ПРОФОРГАНИЗАЦИИ Исовский р-н
ДАТА 5 февраля 1941
ПОДПИСЬ
Комитет
М. П.

154

1 9 4 1

ЯНВАРЬ	ФЕВРАЛЬ	МАРТ	АПРЕЛЬ
ВЦСПС ЕДИН. ПРОФБ.	ВЦСПС ЕДИНАЯ ПРОФМАРКА	ВЦСПС ЕДИНАЯ ПРОФМАРКА	ВЦСПС ЕДИНАЯ ПРОФМАРКА
ЧЛ. ВЗНОС 3 руб. 5 руб.	ЧЛ. ВЗНОС 3 руб. 5 руб.	ЧЛ. ВЗНОС 4 руб.	ЧЛ. ВЗНОС 4 руб.
		ЧЛ. ВЗНОС 4 руб.	ЧЛ. ВЗНОС 4 руб.
МАЙ	ИЮНЬ	ИЮЛЬ	АВГУСТ
СЕНТЯБРЬ	ОКТЯБРЬ	НОЯБРЬ	ДЕКАБРЬ

Профсоюзный билет, принадлежащий Андрееву Д. К., 1930-е гг[3].

[3]ГААО СО. Ф. Р-1. Оп. 12. Д. 31222. Л. 154.

аккурат перед войной, летом 1941-го они переехали в только что отстроенный дом на Советской, 6.

Спокойная жизнь Даниила Константиновича и членов его семьи закончилась с началом Великой Отечественной войны. По возрасту и должности глава семейства не был призван на фронт, а вот младший брат Тодось уже служил в Красной Армии с 1940 года. 7 августа от него пришло письмо семье Андреевых, которое было адресовано Клавдии Романовне (вероятно, для упрощения получения). Брат писал, что пока жив-здоров, чудесным образом нисколько не пострадал. Интересовался жизнью брата, его семьи и матери. В конверт, кроме исписанного карандашом тетрадного листка, были вложены две маленькие немецкие пропагандистские листовки, которые были сброшены вражескими самолётами на линии фронта. Безграмотно переведенный на русский язык текст призывал красноармейцев прекратить «бессмысленную бойню», «здаватся» и переходить на сторону фашистов. Там им обещалась сытная кормёжка, безопасность и гарантированное сохранение жизни. Для подтверждения этих слов на обороте одной из листовок была размещена фотография якобы советских военнопленных, которые хлебали суп из чашек, смеялись и разговаривали с немцами. Очевидно, что никакого злого умысла это отправление за собой не несло, Тодось прямо писал, что прислал эти материалы в качестве демонстрации того, чем еще фашисты их «кормят», кроме пуль и бомб. После прочтения Даниил Константинович решил взять письмо и листовки на работу – показать коллегам, которые хорошо знали его брата. В середине месяца после одного из рабочих совещаний Андреев показал материалы сотрудникам, чуть позже с ними ознакомились еще несколько человек. Большинство из них согласилось с негативной оценкой попытки завербовать отечественных солдат, некоторые еще удивились, почему почтовая цензура пропустила подобное.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ СОЮЗ РАБОТНИКОВ НАЧАЛЬНЫХ И СРЕДНИХ ШКОЛ РСФСР

г. Свердловск 1 февраля 1938 г.

Удостоверение № 22

Настоящее удостоверение выдано тов. Андрееву Д.К.

в том, что он является членом пленума Свердловского Областного Комитета союза работников начальных и средних школ.

Председатель Обкома НСШ

Секретарь

Подпись владельца билета

Избран на 1 м Областном С'езде Союза.

Удостоверение действительно до Второго С'езда Союза.

Упол. Свердобл. № Ц—3|VI.1935 г. Изд. Обком учителей Т. 200

Типо-литография Свердполиграфа заказ 1826

Удостоверение члена пленума Свердловского обкома союза работников начальных и средних школ, принадлежащее Андрееву Д.К., 1935г.[4]

[4]Там же. Л. 138.

Спустя три дня Даниил Константинович был задержан, исключён из Коммунистической партии как не оправдавший общественного доверия. 19 августа в доме по улице Советской,6, прошёл обыск. Среди прочих вещей были найдены: вырезки из немецких журналов, биография Гитлера на немецком языке, радиоприёмник и те самые листовки с письмом. Во время обыска мать нашего героя, Степанида Исаковна, в сердцах выкрикнула сотрудникам госбезопасности: «Вот, собаки, скоро и вы будете так же собираться, как мой сын…Собачья жизнь, одного сына в армию забрали, а другого вы забираете»[5]. На следующий день заведующий Исовским РОНО был вызван на допрос в местный отдел УНКВД. Сначала произошел уточняющий диалог о личности задержанного. На вопрос следователя о цели показа фашистских материалов Даниил Константинович ответил, что он просто знакомил узкий круг лиц с письмом родственника и листовками соответственно. Каждый из коллег знал Тодося, листовки отдельно от письма не показывались никогда и никому. Также Андреев отметил, что знал о запрете на проведение антикоммунистической пропаганды в целом, но конкретно данные листовки предназначались для фронтовиков, и раз уж они на них не подействовали, то на тыл и подавно. Следующий вопрос: «Откуда получили немецкий журнал, из которого делали вырезки?». Ответ: «Дайте мне эти вырезки, и я скажу о каждой в отдельности»[6]. На этом первый допрос закончился.

В следующий раз другой сотрудник госбезопасности спросил задержанного про следующий факт, отягчающий его положение. В 1938 году Даниил Константинович приобрел радиоприёмник, который проходил регистрацию только в первые два года, хотя требовалось ежегодно. 25 июля 1941 года вышло Постановление Совета Народных Комиссаров СССР №1750 «О сдаче населением радиоприемных и радиопередающих устройств», по которому вся радиоаппаратура подлежала обязательной сдаче. Д.К.Андреев и этого не сделал. В свою защиту обвиняемый высказал, что в это время был на учительских курсах, а потому не мог физически этого сделать. Здесь стоит отметить, что в целом версия могла бы быть убедительной, если бы не последующее противоречие с показаниями свидетелей. Жена Клавдия Романовна на допросе показала, что неоднократно говорила мужу о необходимости сдачи, но Андреев говорил «сдадим, сдадим», а времени так и не хватило. Сосед по дому, Семён Евсеевич, рассказал следователю о том, что раньше обвиняемый говорил ему, что уже сдал радиоприёмник на почту. Другой сосед, Яков Степанович, уточнил, что радио у Андреева говорило всегда.

Поселковый монтёр Захар Венедиктович Попов указал, что Даниил Константинович в июле 1941 года самовольно подключился к трансляционной сети, испортив её[7]. Сложно судить о беспристрастности обвинения в

[5]Там же. Л.77.
[6]Там же. Л. 138.
[7]Там же. Л.85.

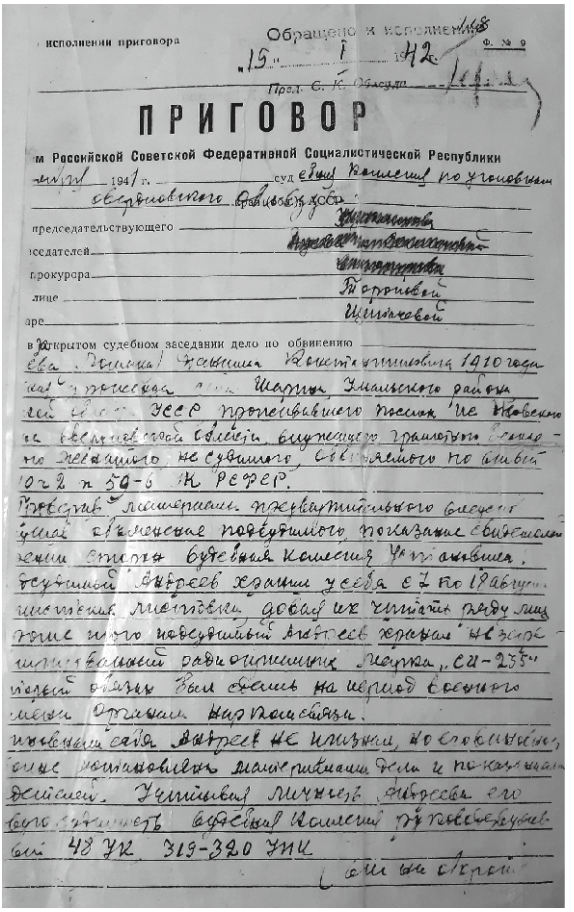
целом, но конкретно этот факт нарушения закона заслуживает определенного доверия.

Спустя месяц, во время очередной встречи со следователем наш герой рассказал, что вырезки он не делал, их присылал ему брат во время службы в Латвии год назад. В период присоединения этой страны к Советскому Союзу, во дворце одного бывшего местного капиталиста в г. Даугавпилсе Тодось обнаружил мешки старых газет и журналов, в том числе с антикоммунистической пропагандой. Смеха ради он изредка присылал их домой, опять же лишь в целях демонстрации: «Посмотрите, как они нас там». На неоднократные вопросы о признании своей вины Андреев отвечал: «Виновным себя не признаю».

В следственном деле, кроме показаний свидетелей, малоинтересных материалов очных ставок (в которых свидетели и обвиняемый не показывали ровным счётом ничего друг о друге) и личных документов Даниила Константиновича, особого внимания заслуживают две характеристики, которые были явно написаны «по назначению». В первой, партийной, упоминалось, что обвиняемый «в отдельных случаях проявлял недисциплинированность в выполнении партийных поручений»; а во второй, производственной, фиксировалось: «положительных сторон в работе не имел… к учителям проявлял грубое отношение», средняя успеваемость учеников по району была ниже областной на 24% в 1940-41 учебном году[8]. Всё это явно контрастировало с многочисленными поощрительными листами, премированиями, карьерной лестницей и статусом бывшего заведующего Исовским районным отделом народного образования.

[8]Там же. Л.89.

В конце 1941 года состоялся суд, который вынес приговор: путём сложения по статьям 58-10 ч.2 и 59-6 УК РСФСР назначить 10 лет лишения свободы с поражением в правах на 5 лет и конфискацией имущества[9]. На последнем слове Даниил Константинович сказал: «Я не был врагом народа и не буду». Андреев написал кассационную жалобу с просьбой об изменении меры наказания на службу в рядах Советской армии дабы доказать свою невиновность. Но безуспешно, приговор вышестоящей инстанцией был оставлен без изменений. Андреев был отправлен на трудовые работы в район Соликамска. 2 сентября 1942 года Даниил Константинович скончался в УсольЛаге, не прожив и года в заключении.



исполнении приговора Обращено к исполнению
.15" 1 1942
Прот. С. К. Облсуда
ПРИГОВОР
м Российской Советской Федеративной Социалистической Республики
1941 г. суд
председательствующего
иседателей
прокурора
лице
аре
в открытом судебном заседании дело по обвинению
Андреев Даниил Константинович 1910 года
ей, проживал в г. Шарья Шарьинского района
ей обл. УССР проживавшего после Не Новского
ей Сверд. обл. будучего гражданства
но осуждено не судимого, обвиняемого по статьи
ч 2 п 58-6 УК РСФСР.
Руководствуясь материалами предварительного следст
дела, обстоятельства подсудимого показания свидетелей
ения суда Судебная Коллегия Установила,
подсудимый Андреев хранил у себя с 7 по 19 августа
шегося материал, давая их читать разным
лицам и что подсудимый Андреев хранил и изгото
шил большой радиоприемник марки „СИ-235"
время войны был обвинен на период военного
меры Органами Нар. Госсвязи.
указанный сам Андреев не признал, но своими объяс
ениями подтвердил материалы дела и показания
детелей. Учитывая личность Андреева его
ого отношение Судебная Коллегия Руководствуясь
ей 47 УК 319-320 УПК
Копия приговора Д.К.Андрееву. 1941 г.

Спустя ровно полвека, 6 февраля 1992 года, заключением прокурора Свердловской области Андреев Даниил Константинович был полностью реабилитирован, о чём было сообщено его жене и детям.

[9]Там же. Л. 169 об

Галина КРАСНОПЕВЦЕВА

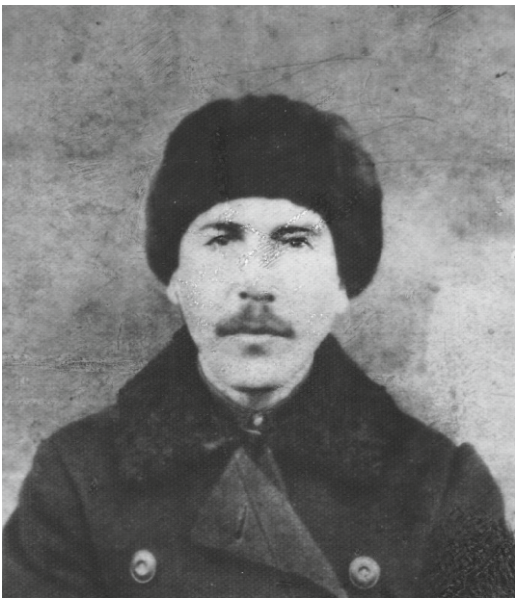
ДОРОГА К ДОМУ

А.А.Смирнова

Вот эта улица – Набережная: длинная шеренга деревянных домов, обращенных окнами на качканарское «море».

Вот этот дом на три окошка. Отсюда сквозь прозрачный весенний лес хорошо видны и «море», и гора Качканар. К дому ведет широкая дорога, гладкой асфальтовой лентой она весело бежит по Набережной. Но если мы вместе с хозяевами дома Евгением и Анастасией Смирновыми станем раскручивать эту ленту, то увидим, что не всегда она была веселой и гладкой. Дорога к их качканарскому дому началась не в далеких краях, но в далеких 30-х годах прошлого века.

В деревне Малая Именная в те годы был создан колхоз, который одно время возглавлял Александр Еловиков, мудрый крестьянин, преданный советской власти человек. Когда его, отца большого семейства, жена упрекала, что он мало внимания уделяет детям, Александр Андреевич говорил: «Я на общее благо тружусь». Он искренне верил, что коллективный труд приведет к всеобщему благу. Но увидеть его Александру Еловикову не довелось.



А.А.Еловиков

«Моего отца арестовали 14 августа 1937 года. Нас осталось шестеро детей. И сразу же на нас навешали ярлык «враги народа». Мама и 14-летний брат, старший

из детей, работали в колхозе, получали на трудодень 500 граммов муки. Чтобы прокормиться, пришлось пойти на работу и сестрам, которым было 12 и 10 лет. Работу давали наихудшую; протестовать нельзя было: «Молчите, враги народа!» Близкие и родственники от нас отвернулись: боялись, что из-за нас и их арестуют. Только и слышалось: «Враги народа! С корнем бы вырвать всех!» Дрова из леса на себе таскали: лошадей нам не давали. Жили в унижении, в постоянном страхе. Старшая сестра не вынесла всего этого – покончила жизнь самоубийством.

Была у нас корова, но сенокос нам не выделяли, и мы собирали траву в лесу, где придется. А налоги государству надо было платить – и молоком, и маслом, и мясом.

Мама рано стала нетрудоспособной. Врачи прописали легкий труд – поставили маму сторожем на ферму. Но и там обязали ее и корма заваривать, и варить картошку, и выполнять другую работу – то есть двойная нагрузка. А мы, малолетки, в холодном доме одни, дрожим от холода, голода и страха. Ждали отца. Мама умерла рано, не дождалась его реабилитации. Старший брат прошел всю войну, вернулся израненный, с наградами. Его тоже уже нет в живых.

Нам, девчонкам, работу давали не всегда, нигде мы были не нужны. И сверстники-то нас укоряли: «Где отец – и вас туда же надо!» И в школе – так же: даже в комсомол долго не принимали. Но все же мы выжили. Сейчас в живых нас четыре сестры, все пенсионерки».

Это строки из письма Анастасии Александровны Смирновой, которое она приложила к заявлению в прокуратуру Свердловской области с просьбой признать ее и сестер жертвами политических репрессий.

Вот справка из прокуратуры, выданная А.А.Смирновой в том, что в 1937 году ее отец, Еловиков Александр Андреевич, был необоснованно репрессирован по политическим мотивам и расстрелян, в связи с чем Анастасия Александровна в несовершеннолетнем возрасте осталась без попечения родителя и является пострадавшей от политических репрессий.

Еще один документ – из Свердловского областного суда: справка о реабилитации Еловикова Александра Андреевича. Постановление Тройки при УНКВД Свердловской области в отношении А.А.Еловикова отменено и дело производством прекращено за отсутствием состава преступления.

Вот так. Преступления не было, а человека расстреляли.

– В том году, – говорит Анастасия Александровна, – из нашей деревни забрали пять мужчин, и всех от больших семей.

Забрали, не задумываясь о дальнейшей судьбе детей, о нелегких их жизненных дорогах... Давайте пройдем по одной из этих дорог – вместе с Настей Еловиковой.

Летом главная Настина дорога – на работу в колхоз, зимой – на учебу, сначала в соседнее село Большая Именная, где была начальная школа, а с пятого класса – в Нижнюю Туру. До Большой Именной – два километра, до Нижней Туры – двенадцать. И все ножками, все пешком. Ходила Настя эти километры и годы, еще не подозревая, что именно отсюда и началась ее

дорога к дому на берегу качканарского «моря».

Потом эта дорога пролегла через большую стройку: в 40-х годах прошлого века возводилась и вошла в строй Нижнетуринская ГРЭС. Совсем рядом. Но автобусного движения тогда не было – и пять километров по городу до стройки, а после работы обратно ходили пешком. Участвовала в строительстве; потом Настю, смышленую девушку, взяли учеником счетовода. Позднее она окончила курсы бухгалтеров.

Е.М. Смирнов

На строительстве ГРЭС было много молодежи и комсомольцев – работали ударно, жили активно. И на одном из комсомольских собраний Настя Еловикова познакомилась с Евгением Смирновым, простым работящим парнем. Он тоже был из большой семьи, тоже рано лишился отца, тоже учился в школе и работал в колхозе. Тогда город Нижняя Тура снабжал себя сам: были сенокосные угодья, животноводческая ферма, мельница, на месте нынешней «семерки» (Лесного) простирались колхозные поля.

Евгений в числе самых первых был принят на Нижнетуринскую ГРЭС учеником токаря и вскоре стал хорошим специалистом: работал на английских и американских токарных станках, на немецком расточном (после войны было много иностранной техники). Отличный работник, добрый и скромный человек, и просто красавец – таков был Евгений Смирнов, в котором Настя Еловикова сразу почувствовала родную душу. И вскоре их жизненные дороги слились в одну: в феврале 1951 года Евгений и Анастасия поженились. Жили в Нижней Туре, в семье Смирновых. Работали, ждали первенца.

Родился Саша, наполнив жизнь молодых родителей новым светом, новым смыслом и радостью. С отцовской радостью в сердце ушел Евгений служить на флот. И почти четыре года жена и сын были ярким маяком на его морских путях-дорогах. Вернулся в 1956 году – в семью и на производство. А вскоре уже призывно протрубил Качканар.

Анастасия Александровна Смирнова оказалась в числе первых работников треста «Качканаррудстрой»: с 30 мая 1957 года ее дорога, тоже пешая, протянулась через всю Нижнюю Туру к железнодорожному вокзалу, на

перевалочную базу, где А.Смирнова работала бухгалтером. Через эту базу долго шли грузы для Качканара.

В том же направлении, на Качканар, в 1959 году отправились и Смирновы с сыновьями: первоклассником Сашей и двухлетним Толей. Александр до сих пор помнит свои детские впечатления от дороги, которая показалась ему длинной и тряской; от квартиры в деревянном доме с печным отоплением и «удобствами» во дворе. В этой трехкомнатной квартире на втором этаже вместе со Смирновыми жили еще Ульдановы и семья литовцев. Кухня – общая. Помнит Александр свою первую школу в деревянном одноэтажном здании, первую учительницу Елизавету Григорьевну Лобанову, свой первый класс, вместе с которым в одной комнате учились еще второй и третий классы, а всего 12 человек. Помнит, как дружно все жили, как ходили с тазиками в маленькую деревянную баню. Саша учился, папа работал токарем в управлении механизации, мама – бухгалтером в конторе материально-технического снабжения треста «Качканаррудстрой», а Толя под присмотром соседки или один сидел дома и ждал Сашу из школы. У всех были свои дела, свои тропинки в неуюте новостроек, и была у них одна общая дорога, которая довольно скоро вырулила на Набережную.

Нет, берега пока не было, поскольку не плескалось еще качканарское «море», кругом было лишь «зеленое море тайги». А улицу уже звали Набережной, так как верили, что «море» здесь обязательно разольется. Улица уже обозначилась: стройно в один ряд стояли свеженькие дома тех, кто получил участки и начал строительство раньше. Смирновым тоже был выделен участок – и вот четко определился маршрут, который станет для них привычным и навеки родным. Каждый день после работы и в воскресенье, единственный в ту пору выходной, спешили они к своему будущему дому. Помогали родные, помогали друзья по работе, соседи-первостроители. И вот уже есть четыре стены, есть крыша – можно заселяться. И Смирновы заехали в эти родные стены, под эту крышу, новенькую и такую надежную. А потом уже ставили внутренние перегородки, доводили до ума прочие элементы благоустройства. И у нового дома по Набережной появился свой документ – домовая книга, начатая 21 декабря 1960 года.

Дом ожил, в нем поселились тепло и радость. А в августе 1961-го дом принял под свой кров коренную качканарочку: у Смирновых родилась Танечка. Девочка росла вместе с рабочим поселком, в котором каждый день появлялось что-нибудь новое. Еще недавно окна домов на Набережной видели только лес, густой лес, где было много грибов и ягод, где бегали зайцы (привяжешь петлю к березе – и обязательно попадется косой), где Евгений Михайлович косил траву для козы и коровы; где в зарослях бежала говорливая Выя – и вот уже не стало леса и обозначилось дно будущего «моря», и вздохнула Выя, будто вырвалась на свободу. Но на пути ее встала плотина. Ее строительство, помнят Смирновы, завершилось большим праздником, на котором присутствовали нижнетуринцы и высокие областные гости... Прошло время – и маленькая Выя подарила Качканару боль-

шое «море», а рабочий поселок стал современным городом, самым юным на Урале.

Во имя этого жили и трудились качканарцы, трудились Смирновы. Вся качканарская биография Евгения Михайловича связана с одним коллективом – управлением механизации. Токарь самого высокого разряда, он работал и на фрезерном, и строгальном, долбежном станках, мог выточить любую деталь – от самой мелкой гайки до огромных и тяжелых анкерных болтов; делал все, что необходимо было для ремонта строительной техники, для нужд комбината. Руки его были умелыми, мысль пытливой. Недаром Е.М.Смирнов был признан лучшим рационализатором главка. До сих пор хранится у него нагрудный значок «Отличник изобретательства и рационализации».

Анастасия Александровна в 1962 году перешла из треста в ГОК – работала старшим бухгалтером энергоцехов, заведующей конторой энергоцехов, потом в главной бухгалтерии комбината начальником бюро затрат на производство, не раз исполняла обязанности главного бухгалтера. Постоянно повышала она свою квалификацию; успешно окончила двухгодичный финансово-экономический институт, защитив диплом на «отлично».

Жить Смирновы тоже всегда старались на «отлично». Добросовестные, неравнодушные, они никогда не были в стороне от общих дел. Благоустраивали свой маленький дом на Набережной и свой большой дом, каким стал для них Качканар. Вместе с другими участвовали в субботниках, наводя порядок на улице и на площади, при строительстве кинотеатра «Юность», чистили завалы на фабриках. Евгений Михайлович был активным спортсменом, имел первый разряд по лыжам. Анастасия Александровна избиралась депутатом Качканарского поселкового Совета, Евгений Михайлович – депутатом городского Совета трех созывов.

Оба они награждены юбилейными Ленинскими медалями, значками «Ударник коммунистического труда». Кстати, на удостоверении к этому значку – ленинское изречение: «Мы придем к победе коммунистического труда!» Верил в это Ильич. А разве не так? Разве не был коммунистическим труд поколения, к которому принадлежат Смирновы? Труд бескорыстный, вдохновенный.

– Мой отец работал на общее благо, – говорит Анастасия Александровна, – и мы всю жизнь, не жалея сил, трудились ради светлого будущего.

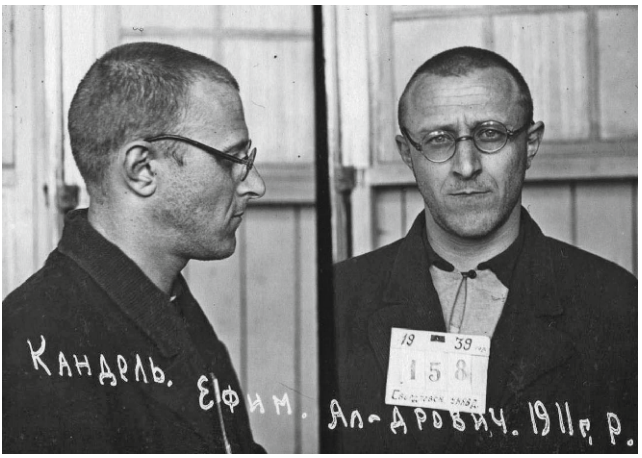
И вот он, светлый город Качканар – результат их самоотверженной работы, отмеченной медалями «Ветеран труда». Кстати, Смирновы, как и все труженики тыла, теперь по праву считаются ветеранами Отечественной войны. Высшая награда Евгения Михайловича – орден «Знак Почета».

Смотрю я теперь на этого ветерана, у которого уж и ноженьки-то плохо ходят (более сорока лет простояли они у токарного станка, а сколько верст по земле исходили!), смотрю на Евгения Михайловича и думаю о том, что эти люди, отдавшие всю молодость созиданию, достойны в старости если не знаков великого почета, так хотя бы знаков малейшего внимания. А нынешнее время так скупо на подобные знаки!

А время идет, и все дальше бежит дорога, наматывая на спидометр жизни километры и годы. Заканчивалась зима 1951-го, когда Евгений и Анастасия Смирновы отправились в общий путь. И вот позади уже 55 лет и зим. И снова весна. Вместе с ними встречают ее два внука, внучка и правнук Смирновых. Оживает и вновь молодеет зеленый берег качканарского «моря» – Набережная примеряет весенний наряд. И весело бежит вдоль улицы гладкая лента дороги.

Михаил ТИТОВЕЦ

ВРЕДИТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ Я НЕ ЗАНИМАЛСЯ



На этих фото – один и тот же человек. Это Е.А.Кандель. Только в одном случае это легендарный директор Качканарского горно-обогатительного комбината, при котором предприятие было запущено в строй, а во втором – подследственный. Разница во времени появления этих фотографий – 30 лет.

То, что Кандель «сидел», такая «пуля» летала давно. Так, один ветеран вспоминал, что как-то в присутствии Канделя зашёл разговор о Нижнетуринской тюрьме, и Ефим Александрович сказал: «Вы мне будете рассказывать?! Я там сидел!» Упоминает об этом факте в своей книге и Е.А.Карпов, многолетний директор Нижнетуринского машиностроительного завода. Но слово к делу не пришьешь! А документально этот факт не отражён даже в личных делах – в производственном и партийном.

Как прояснить ситуацию? Адресоваться в Государственный архив административных органов Свердловской области. В этом архиве хранятся документы силовых структур, в том числе и следственные дела мрачного периода в истории страны, периода репрессий. Плюсом – в этом архиве работают прекрасные архивисты, настоящие профессионалы и чуткие люди, которые помогут, подскажут, посоветуют.

И вот оно – **«Следственное дело №22784 по обвинению Кандель Ефим Александрович»**

Первый документ – **«Постановление об избрании меры пресечения и предъявления обвинения».**

Город Н-Тагил 1937 г. Августа 31 дня.

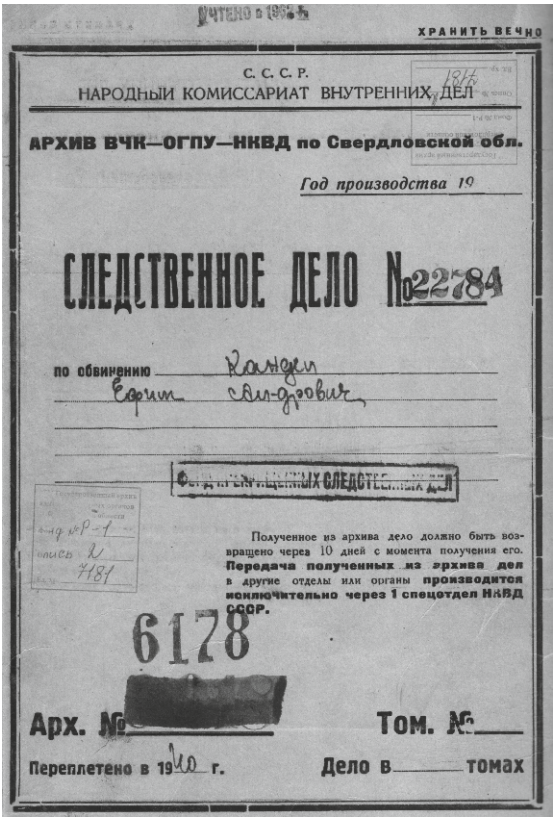
Я, О/Уполн. сержант Г.Б. СТРЕЖИК «З» отделения Тагильского горотдела Управления НКВД по Свердловской области, рассмотрев следственный материал по делу №___ и приняв во внимание, что гр-н Кандель Ефим Александрович, 1911 года рождения, урож. г. Свердловска, в настоящее время работает в должности главного электрика Высокогорского железного рудника треста «Востокруда», достаточно изобличается в том, что Кандель Ефим

Александрович состоит членом контрреволюционной подрывной вредительской организации, проводящей подрывную деятельность в горнорудной промышленности

Постановил:

Гр. Кандель Е.А. привлечь в качестве обвиняемого по ст.58-7, 58-11 УК, мерой пресечения избрать содержание под стражей.

Следует пояснить, что пункт 7 печально знаменитой статьи 58 УК – подрыв государственной промышленности, транспорта, торговли, денежного обращения..., совершенный в контрреволюционных целях; пункт 11 – участие в контрреволюционной организации. Серьёзные пункты, по которым ничего не стоило получить расстрельный приговор.


ХРАНИТЬ ВЕЧНО

С. С. С. Р.
НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

АРХИВ ВЧК—ОГПУ—НКВД по Свердловской обл.

Год производства 19

СЛЕДСТВЕННОЕ ДЕЛО №22784

по обвинению Кандель Ефим Александрович

Полученное из архива дело должно быть возвращено через 10 дней с момента получения его. Передача полученных из архива дел в другие отделы или органы производится исключительно через 1 спецотдел НКВД СССР.

6178

Арх. № [redacted] Том. №___

Переплетено в 1940 г. Дело в ___ томах

7 сентября был проведён обыск в квартире. Что искали – непонятно, изъяли паспорт. Так для Е.А.Канделя началась следственно-тюремная эпопея длиною в два с половиной года.

Во время следствия наш будущий директор занимал позицию активной обороны. Вот фрагмент допроса 8 октября 1937 года.

Вопрос: *Вы арестованы как участник шпионско-диверсионно-вредительской*

организации на Высокогорском железном руднике. Предлагаем дать правдивые показания по существу.

Ответ: *Участником шпионско-диверсионно-вредительской организации никогда не состоял, не состою и дать показания по этому вопросу не могу.*

Вопрос: *Вы говорите неправду. Следствие располагает фактами, уличающими вас к принадлежности к шпионско-диверсионно-вредительской организации на Высокогорском железном руднике. Следствие требует дачи правдивого показания по существу поставленного вопроса.*

Ответ: *Вторично заявляю следствию, что я участником шпионско-диверсионно-вредительской организации не состоял, не состою, по этому вопросу показаний никаких дать не могу.*

И дальше всё в таком же духе.

Арестованный ходатайствовал о приобщении к делу 12 документов, в основном технического характера, и заново допросить двух «изобличителей». Однако оперуполномоченный Бурашников посчитал, что обвиняемый просто хочет запутать следствие, и приобщил к делу всего один документ – справку о сведениях, представляемых промышленными предприятиями в Энергосбыт Уралэнерго. Отказ был оформлен постановлением, с которым подследственного нужно было ознакомить. Но не тут-то было: подследственный не стал подписывать документ. «Обвиняемому Кандель был задан вопрос, будет или нет он подписывать постановление? Тогда он ответил: «С постановлением я не знаком и знакомиться не хочу». Я с целью ознакомления обв. Кандель с содержанием постановления начал последнее читать вслух, обвиняемый Кандель зажал уши руками и слушать не стал. Постановление мною было прочитано полностью и обвиняемому Кандель было предложено расписаться на постановлении, обв. Кандель от подписи на постановлении категорически отказался». Вот так!

Через год и десять месяцев после ареста Е.А.Канделю было предъявлено обвинение.

Постановление
(о предъявлении обвинения)

1939 года мая 28 дня, г. Свердловск, я, о/уполномоченный 2 отдела УГБ УНКВД по Свердловской области Бурашников, рассмотрев следственное дело №22784 по обвинению Кандель Ефима Александровича по ст.58-6-7-11 УК РСФСР

НАШЁЛ

Кандель Ефим Александрович, 1911 г.р. до ареста работал главным энергетиком треста «Востокруда», достаточно изобличается в том, что, работая на Высокогорском железном руднике, входил в состав контрреволюционной организации и занимался шпионской вредительской работой, а именно:

1) В 1932 г. передал Александрову сведения о количестве имеющихся на

руднике подстанций об установленных на них трансформаторах рабочих и резервных.

2) 24/XII-32 г. организовал аварию трансформаторного киоска,

3) За проведённую шпионскую диверсионную работу получал от Александрова денежное вознаграждение в сумме 600 рублей.

4) Вредительски начал строить электростанцию, чем вызвал лишние работы и нанёс материальный ущерб Высокогорскому железному руднику.

5) В 1935 году совместно с Ненадкевичем разработали проект постройки электрокар; когда были электрокары изготовлены, то их пришлось за невозможностью использования разбирать, чем также руднику был нанесён материальный ущерб.

На основании изложенного, руководствуясь ст.128-1 УПК

ПОСТАНОВИЛ

Гр. Кандель Ефима Александровича привлечь в качестве обвиняемого по настоящему делу, предъявив ему обвинение в участии в к-р организации и шпионской вредительской деятельности, т.е. в преступлениях, предусмотренных с. 58-6-7-11, о чем объявить обвиняемому под расписку на сем же.

О/уполномочен. 2 отдела УГБ Сверд. Области Бурашников

Согласны: нач. о/следствен. Группы УНКВД сержант государственной безопасности Бойцов

Зам. нач. следственной части УНКВД мл. лейтенант государственной безопасности Петров

Ниже постановления рукой Е.А. Канделя написано: «Виновным себя в предъявленном обвинении не признаю. Вредительской деятельностью не занимался, а если можно считать официальную передачу сведений электроснабжающим организациям – шпионской деятельностью – то это так. Никаких денег и никогда я от Александрова не получал.

2-й, 4-й и 5-й пункты обвинения вообще похожи на бред.

29/V/1939»

В таком же ключе составлено обвинительное заключение:

а) с 1932 года являлся участником к-р организации;

б) занимался сбором и передачей шпионских сведений;

в) организовал диверсионный акт – пробоину в кабеле трансформаторного киоска;

г) вредительски построил электрокары и электростанцию.

Дело передавалось на рассмотрение Особого совещания при НКВД – существовал такой административный орган с правом принятия внесудебных решений. Вот, казалось бы, и всё. Осталось только подследственному втянуть голову в плечи и ждать.

Но тут для бравых свердловских оперов что-то пошло не так. А именно: в этом пресловутом Особом совещании взяли да ознакомились с делом! И нашли кучу нестыковок в показаниях свидетелей.

Но самое главное, на что обратили внимание в Москве: основным криминалом являлись материалы дела 1933 года, когда Кандель был арестован в первый раз. Но тогда обвинения не подтвердились и следствие было прекращено. И вот уже в 1937 году сотрудники НКВД ничего лучше не придумали, как снова предъявить те, старые обвинения. Как говорится, всё то же, но в исполнении на трубе. В общем, дело вернули в УНКВД Свердловской области на доследование. А чего доследовать-то, если дело высосано из пальца?

Однако была создана техническая комиссия из специалистов, которые именно с технической стороны проанализировали предъявленные Канделю обвинения, и ни по одному из пунктов комиссия не нашла его вины.

И ещё один любопытный документ: копия протокола допроса целого начальника 11-го отдела Управления госбезопасности УНКВД Шарикова, который попался на подлогах. Не документ, а песня! Прямо «подарок» для твёрдолобых сталинистов, по мнению которых в годы сталинских репрессий якобы уничтожалась «пятая колонна». А в этом документе очень наглядно показано, как эта самая «колонна» формировалась в Свердловской области. Не где-то, а в высоких кабинетах руководства областного Управления НКВД придумали повстанческую организацию, в составе которой якобы был Нижнетагильский повстанческий округ. «Рекрутировали» в повстанцев просто: брали списки тех, кто состоял на учёте (раскулаченные, ранее привлекавшиеся и т.п.), и переписывали их в «повстанческие» списки. Поназаписывали 2 000 человек (а надо было по их придумке аж 3,5 тысячи!) Бывших белогвардейцев записывали командирами рот и батальонов. Сами сочиняли протоколы допросов… - в общем – жуть! Среди активных участников подлогов – бывший петлюровец Булгаков, он же – один из главных свидетелей «шпионско-вредительской» деятельности Канделя. Понятно, что при таких «свидетелях» их показаниям была грош цена.

И ещё об одном документе. Это письмо жены Канделя Л.А.Фиеничевой на имя народного комиссара внутренних дел СССР Л.П.Берия. По сути это крик души женщины, которая более двух лет не могла прояснить судьбу своего мужа. Чьи дети постоянно в слезах, потому что слышат во дворе, что их отец – троцкист и сидит в тюрьме. Она просит «ускорить это бесконечное расследование» по делу её мужа, и «если он достоин суда – судите». Как говорится, лучше ужасный конец, чем ужас без конца. Но, к счастью, суда не было, и закончилось всё благополучно.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

1940 года, 21 марта, гор. Н-Тагил

Я, следователь Н-Тагильского горотдела НКВД мл. лейтенант Государственной безопасности БЕКАРЕВ, рассмотрев следственное дело

№22784 по обвинению Кандель Ефима Александровича в преступлении, предусмотренном ст.58-6-7-11 УК РСФСР,

НАШЕЛ

Произведённым расследованием и документации к-р вредительской деятельности Канделя, предъявленное ему обвинение не подтвердилось. Допрошенный Степанов А.Ф., изобличающий Канделя в причастности к к-р организации, заявил, что показаний в отношении Кандель и вообще о существовании к-р организации он никогда никому не давал, протокол, приложенный в дело Кандель, является вымышленным следователем, не соответствует действительности, и Степанов его не подписывал

По показаниям Китаева И.С., изобличающими Кандель в причастности к к-р организации, в дело приложено объяснение бывшего сотрудника ГО Русинова, из которого видно, что Китаев допрошен провокационным методом и его показания не соответствовали действительности. Также и Китаев от ранее данных им показаний отказался.

Показание Булгакова А.В. также не соответствуют действительности, что подтверждается приложенными в дело показаниями Шарикова, который допрашивал Булгакова.

Изобличающими данными в причастности Кандель к к-р шпионско-диверсионной организации остаются единственные показания Александрова от 13.VI1933 г., которые также сомнительны в их правдоподобности, поскольку в них имеются противоречия, как, например: Александров познакомился с Кандель в апреле 1931 года, тогда как Кандель прибыл в Н-Тагил в сентябре 1931 года. К тому же Кандель в 1933 году с Александровым совместно арестовывался, но из-под стражи был освобождён, и показания Александрова не могут иметь доказательной силы в данное время. Передопросить Александрова для уточнения его показания в данное время не представляется возможности ввиду неизвестного его местонахождения.

По уточнению фактов вредительских действий, совершённых Канделем на ВЖР, была создана экспертная комиссия, которая также вредительских действий со стороны Кандель не выявила (см акт эксп. комиссии).

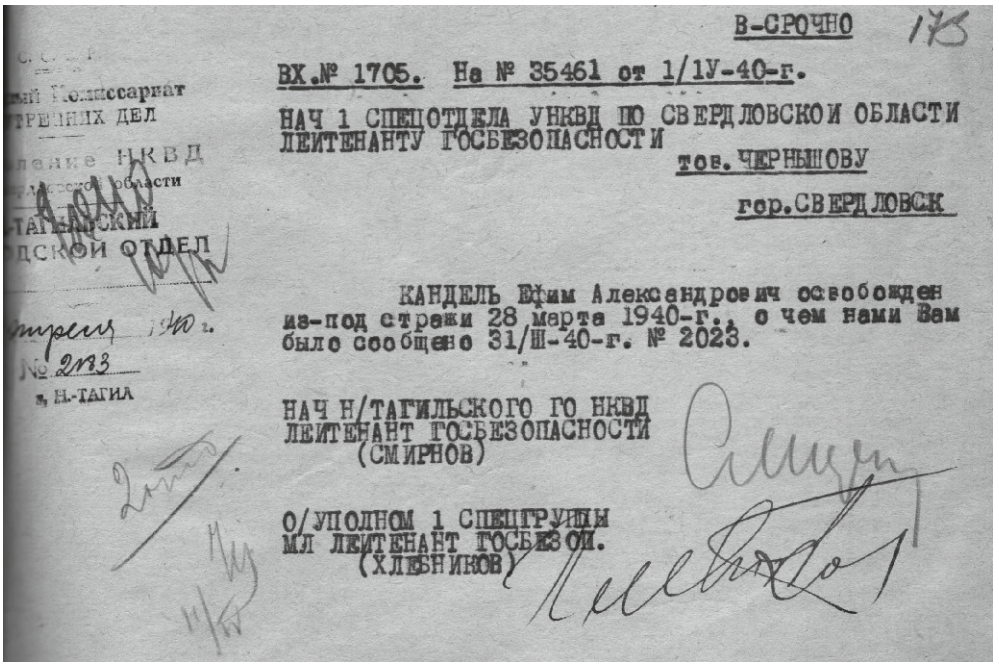
На основании вышеизложенного и принимая во внимание, что предъявленное обвинение Кандель следствием не доказано и виновность его в к-р деятельности не подтвердилась, а потому, руководствуясь ст. 204 п. «б» УПК

ПОСТАНОВИЛ:

- Дело по обвинению Кандель Е.А. производством прекратить и сдать в архив

1-го спецотдела УНКВД по Свердловской области.

- Обвиняемого Кандель Ефима Александровича из-под стражи освободить.



В-СРОЧНО

ВХ.№ 1705. На № 35461 от 1/IУ-40-г.

НАЧ 1 СПЕЦОТДЕЛА УНКВД ПО СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ
ЛЕЙТЕНАНТУ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ
тов. ЧЕРНЫШОВУ
гор. СВЕРДЛОВСК

КАНДЕЛЬ Ефим Александрович освобожден из-под стражи 28 марта 1940-г., о чем нами Вам было сообщено 31/Ш-40-г. № 2023.

НАЧ Н/ТАГИЛЬСКОГО ГО НКВД
ЛЕЙТЕНАНТ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ
(СМИРНОВ)

О/УПОЛНОМ 1 СПЕЦГРУППЫ
МЛ ЛЕЙТЕНАНТ ГОСБЕЗОП.
(ХЛЕБНИКОВ)

Что даёт нам знакомство со следственным делом Е.А.Канделя? Ну, во-первых, ликвидируется «белое пятно» в биографии легендарного директора Качканарского ГОКа. А во-вторых, мы получили ещё один веский повод уважать этого замечательного человека. Не дай Бог пройти такие испытания, какие выпали на его долю. Но как достойно он их прошёл! Не сломался, не оговорил ни себя, ни других, не лебезил, чтобы выпросить себе снисхождения… Настоящий человек даже в самых нечеловеческих условиях всё равно остаётся человеком. Е.А.Кандель был настоящим человеком, Человеком с большой буквы.

По национальному признаку

Наталья МАТВЕЕВА,
директор городского музея, кандидат исторических наук

НЕМЦЫ НА УРАЛЕ В 30-50-х ГОДАХ

Вторая половина 20-х – 30-е годы XX века были периодом кардинальных перемен в СССР. В это время в стране была проведена всеобщая коллективизация, форсированными темпами осуществлялась индустриализация. Эти процессы сопровождались огромными экономическими потерями, так как осуществлялись за счет катастрофического падения уровня жизни населения, на базе экспансии методов директивного управления народным хозяйством, расширения сферы принудительного и полупринудительного труда в экономике, ужесточения политического режима в стране. Сталинская модернизация сопровождалась созданием новой «социалистической» культуры, принудительным насаждением коммунистического единомыслия среди народов СССР.

В этот гигантский эксперимент были включены и советские (российские) немцы, проживавшие компактными группами во многих областях, краях и республиках СССР. Не стал исключением и Уральский регион, где немцы всегда занимали свою особую нишу.

Во второй половине 1920-1930-х годах в состав Уральского региона входили следующие территории: Башкирская и Удмуртская Автономные Советские Социалистические республики, Молотовская (Пермская), Челябинская, Чкаловская (Оренбургская), Свердловская области. Численность немецкого населения на территории Урала была сравнительно небольшой и не превышала 0,5% от численности всего населения. Исключение составляла Чкаловская область, на территории которой ещё во второй половине XIX века появились немецкие колонии, поэтому процент численности немецкого населения был выше и в среднем составлял 1,5% от численности всего населения. К концу 1920-х годов на Урале проживало 22 753 немца[1].

С началом коллективизации среди немцев Урала (преимущественно в Чкаловской области) распространились эмиграционные настроения, но любая попытка покинуть место жительства сразу же блокировалась властями.

На Урал были сосланы многие раскулаченные немецкие крестьяне из разных регионов СССР. Прибывшие в качестве трудпоселенцев немцы были в большей степени уроженцами Крымской АССР и АССР Немцев Поволжья и проживали на территории трудпосёлков Заречный, Северный Крым, Новая

[1]Всесоюзная перепись населения 1939 г. РГАЭ.Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1058. Л.100, 197, 241, 258.

Кола, Коноваловка и других. Концентрация трудпосёлков была наиболее плотной в районе современного Северного округа Свердловской области. К сожалению, установить количество раскулаченных немцев, прибывших на территорию области, не представляется возможным в силу отсутствия подобных статистических данных.

Коллективизация стала прологом бедствий, обрушившихся на немецкое население СССР. Следующим этапом репрессивной политики в отношении немцев СССР в 1930-х. годах стала в 1937-1938 годах масштабная «немецкая операция», в ходе которой погибли от 69 до 73 тыс. немцев[2].

Как известно, 1937–1938 годы стали временем, когда репрессивная политика сталинского режима в отношении населения достигла своего апогея. Целью «большого террора» была ликвидация всех потенциальных и реальных врагов советской власти в условиях предвоенной ситуации, не вписывавшихся в рамки строящейся социалистической модели общества и потому представляющих опасность для неё. Наряду с чисткой партийно-государственной номенклатуры, способствовавшей становлению культа личности И.В. Сталина, 3 июля 1937 года оперативным приказом №00447 был дан старт операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов. Вслед за «кулацкой операцией» были проведены так называемые национальные операции, главной задачей которых была ликвидация в СССР «шпионско-диверсионной базы» стран «капиталистического окружения». Преследованию подверглись, прежде всего, иностранные граждане и представители национальностей, чья историческая родина представляла для СССР угрозу и опасность, а также сопредельных с ней стран. Одной из первых и массовых стала «польская операция 11 августа 1937 года (оперативный приказ НКВД СССР №00485). «Немецкая операция», согласно приказу НКВД СССР№00439, началась в ночь на 30 июля 1938-го и продолжалась почти до конца 1938 года. Её история, ход, особенности и документальная база представлена и подробно проанализирована в статье Н.Г. Охотина и А.Б. Рогинского (ссылку!)

В разных регионах репрессии шли с разной степенью интенсивности. Особенностью «немецкой операции» на территории Свердловской области, как отмечают историки, была её масштабность, и это при том, что количество немцев, проживавших на территории Свердловской области в 1930-х годах, было небольшим и составляло около 5 тысяч человек.

Одним из источников, позволяющих исследовать широкий круг вопросов по функционированию системы репрессий в отношении немецкого населения, отражающих специфику «немецкой операции» в Свердловской

---

[2]Охотин Н., Рогинский А. Из истории «немецкой операции» НКВД 1937–1938 гг. // Репрессии против российских немцев. Наказанный народ. По материалам конференции «Репрессии против российских немцев в Советском Союзе в контексте советской национальной политики», проведенной культурным центром им. Гете в Москве совместно с обществом «Мемориал» 18 – 20 ноября 1998 года. М., 1999. С. 66, 71.

области в 1937-1938 годах, являются архивно-следственные дела, хранящиеся в УГААОСО[3]. Именно они дают возможность определить, каких социальных слоев коснулись репрессии, что было поводом к аресту и последующему наказанию.

Исследование и анализ архивно-следственных дел приводит, прежде всего, к выводу о том, что репрессии в рамках «немецкой операции» затронули все слои населения Свердловской области, независимо от места работы и проживания, занимаемой должности. Это были иностранные специалисты, трудпоселенцы, служащие, рабочие. Главное, что объединяло все эти категории населения, – эти люди были немцами, и их национальная принадлежность была для представителей местной власти и НКВД определяющей. Косвенным подтверждением данного вывода является то, что во многих архивно-следственных делах при записи национальности слово «немец» жирно подчеркивалось красным карандашом.

Судя по данным анкет, содержащихся в архивно-следственных делах, среди занятий немцев-трудпоселенцев преобладали профессии малоквалифицированного труда: чернорабочий, дворник, моторист, слесарь, коновозчик, рабочий на лесоучастке и т.д. Как правило, это были немцы-трудпоселенцы, высланные на Урал в ходе коллективизации. Положение трудпоселенцев усугублялось тем, что они находились под постоянным контролем власти, были ущемлены в правах и не имели права самовольно покинуть место ссылки. В дальнейшем, в условиях проживания среди инонационального окружения, нагнетания массовой истерии населения, нацеленного властями на поиски внутреннего врага, этот «учетный» контингент стал наиболее уязвимым в вихре террора. Поэтому неудивительно, что в первую очередь в 1937–1938 годах с началом «немецкой операции» было репрессировано практически всё немецкое население трудпосёлков.

Не избежали ареста и служащие. Среди исследованных архивно-следственных дел фигурируют, в основном, учителя немецкого языка, причём некоторые из них были в 20-х годах коммунистами, занимали ответственные посты на предприятиях или в других органах власти. Часть служащих каким-либо образом была связана с Германией, например, специалисты на предприятиях не раз находились в этой стране в длительных командировках или были политэмигрантами[4]. Всё это впоследствии стало одним из отягчающих обстоятельств, подтверждающих виновность и лишний раз доказывающих «связи с германской разведкой». В работе следственных органов с категорией служащих, безусловно, учитывалось их образование, положение и условия работы. Об этом свидетельствуют

[3]Разинков С.Л. Социальный портрет и судьбы советских немцев – трудармейцев, мобилизованных в лагеря НКВД на территории Свердловской области 1941-1946 гг.: опыт создания и применения электронной базы данных. дис.канд.ист.наук., 2002. С. 51.
[4]УГААОСО.Ф.Р-1.Оп. 2. Д.28838, Д.20957, Д.25816, Д.02675, Д.31854, Д.35535, Д.27052, Д.28586, Д.42684; Немцы в Прикамье. XX век: Сборник документов и материалов в 2-х томах. Том 1. Архивные документы. Кн.2., С.40-69.

протоколы допросов, заявления, письма подследственных.

Сравнивая эти документы с аналогичными бумагами, содержащимися в делах репрессированных немцев-трудпоселенцев, мы также можем увидеть, что, несмотря на идентичные условия содержания под стражей, предъявляемые обвинения, люди по-разному реагировали на сложившуюся ситуацию. Для категории немцев-трудпоселенцев характерно отсутствие сопротивления, пассивное поведение в ходе следствия, они быстрее поддавались давлению следователей, признавали свою вину в том, что являлись «членами шпионско-диверсионной организации», занимались диверсиями на предприятиях, разведывательной деятельностью, антисоветской агитацией. «Диверсанты», как выяснялось в ходе следствия, выводили оборудование на предприятиях, осуществляли фотосъёмку аэродромов и заводов, поджигали склады. При этом следствие нимало не смущало, что по своему статусу это были люди, стеснённые в способах и средствах передвижения, не обладающие достаточным уровнем образования для ведения разведывательной деятельности, а также, как минимум, каким-либо допуском на режимные охраняемые объекты[5]. Во многом этому способствовало то, что эти люди уже пережили репрессии в годы коллективизации, знали, с кем имеют дело, и были уверены, что сопротивление властям бесполезно. Подобной линии поведения добивались и оперативно-чекистские службы, которые, как известно, не гнушались использовать «незаконные методы следствия» (выстойки, конвейерные допросы, избиения, фальсификацию следственных дел, упрощавшуюся тем, что значительная часть немцев, плохо владевших русским языком, часто подписывала чистые бланки, заполнявшиеся потом следователем по своему усмотрению)[6].

В случае, если арестованными были представители интеллигенции, ситуация складывалась иначе. Как правило, эти люди в силу своего образования и положения, несмотря на оказываемое физическое и моральное давление со стороны следственных органов, понимали абсурдность предъявляемых обвинений и отказывались признавать их. В качестве средств защиты они отказывались ставить подпись под протоколом, писали письма в вышестоящие инстанции, в которых подробно излагали свою точку зрения, пытались отстаивать собственную позицию на допросах. Однако и в этой ситуации снятие обвинений с подозреваемого и его освобождение случалось крайне редко, даже в случае непризнания вины в качестве наказания назначались разные сроки заключения в ИТЛ, которые, как правило, заканчивались смертью осуждённого.

Фактически в ходе «немецкой операции» органы НКВД Свердловской области арестовали практически все взрослое немецкое население – 4739

[5]УГААОСО. – Ф. Р-1.-Оп. 2. – Д.35535, Д.27052, Д.28586, Д.42684

[6]Немцы в Прикамье. XX век: Сборник документов и материалов в 2-х томах. Том 1. Архивные документы. Кн.2., С.12.; Белковец Л.П. «Большой террор» и судьбы немецкой деревни в Сибири: Конец 1920-х – 1930-е годы. М.: МСНК.-1995.- 317 с.- С. 231.

человек; из них расстреляли 1467[7].

Следующий удар был нанесен по системе образования. 13 марта 1938 года Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) издали Постановление «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей». В результате все национальные немецкие учебные заведения, за исключением АССР Немцев Поволжья, были ликвидированы или реорганизованы, преподавание осуществлялось только на русском языке, функции немецкого языка отныне ограничивались лишь бытовым уровнем. Всё это создавало устойчивые тенденции для его утраты молодыми поколениями немцев, наносило огромный урон немецкой культуре. 20 февраля 1939 года Политбюро ЦК ВКП(б) приняло Постановление «О ликвидации и преобразовании искусственно созданных национальных районов и сельсоветов». Этот документ обозначил новый этап в истории немецкого народа – надолго исключил из сферы национальной политики социально-экономические, культурные и духовные потребности немецких граждан. С карты СССР и союзных республик исчезли, опять же за исключением АССР Немцев Поволжья, немецкие национальные образования.

Вторжение на территорию СССР немецких войск 22 июня 1941 года стало переломным моментом в жизни всего советского народа. В полной мере это ощутили на себе советские немцы. В условиях военного времени Политбюро ЦК ВКП (б) приняло решение о депортации немецкого населения из Поволжья и Европейской части страны (Постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП (б) «О переселении немцев из Республики немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей в другие края и области» от 26 августа 1941 г.).

Перед отъездом население должно было рассчитаться с государством по хлебозаготовкам, сдать скот и имущество (сельхозпостройки, технику) представителям **Наркомзема, Наркоммясмолока и Наркомзага**, которые выезжали в колхозы и проводили работу по приёму сельхозпродукции и имущества в соответствии с директивами и инструкциями центральных органов Союза ССР. Однако работа в этом направлении велась медленно, в результате по ряду кантонов не были составлены оценочные акты на имущество, принадлежащее колхозным хозяйствам. Росло количество недоимок сельскохозяйственной продукции, следствием которого стало резкое ослабление госпоставок и поступления денежных средств в бюджет[8]. Одновременно перед местными властями встала ещё одна проблема – что делать с принятым имуществом, как его сохранить. Партийные руководители отмечали, что «в ряде колхозов молочный скот, принятый от колхозных ферм и от переселяемых колхозников, не обеспечивается уходом, особенно медленно комплектуется доярками, пастухами и зоотехническим персоналом…. хлеб, находящийся на токах, не убирается под

[7]Охотин Н., Рогинский А. Из истории «немецкой операции» НКВД 1937–1938 гг. // Репрессии против российских немцев … С. 66, 71.
[8] РГАСПИ Ф.17. Оп.22. Д.1870. Л.6.

навес, не охраняется, что делает возможным его расхищение и порчу»[9]. Чтобы хоть как-то исправить положение, в бывшие немецкие районы и колхозы из городов и русских районов Саратовской области было мобилизовано до 30 000 колхозников, рабочих и служащих для временной работы. Активно велась агитация по переселению в эту местность среди эвакуированных советских граждан[10].

Депортация немцев СССР в 1941–1942 годах, по сути, являлась продолжением репрессивного курса, а также в полной мере способствовала реализации поставленных советским режимом задач: осуществление тотального контроля за потенциально опасной категорией населения; использование трудовых ресурсов немцев СССР, известных высоким уровнем развития сельского хозяйства, культуры и трудолюбием в освоении восточных районов страны.

Общее количество депортированных немцев в 1941–1942 годах, по нашим расчётам, составляет 855 779 человек[11]. Переселение немцев из основных районов проживания растянулось на долгое время (1941–1945 годы)

Депортация в 1941–1942 годах в корне изменила территориальное размещение немецкого населения СССР. Немецкие поселения Поволжья, Крыма, Украины, в которых на протяжении более полутора веков формировалась самобытная этническая общность российских немцев, перестали существовать. Компактное проживание сменила распыленность по огромным территориям Урала, Сибири, Казахстана.

С начала 1942 года все немцы-мужчины в возрасте от 15 до 55 лет и женщины от 16 до 45 лет, имевшие детей старше трех лет, были мобилизованы в «трудармию». В период 1941-1945 годов, по подсчётам А.Н.Курочкина и А.А. Германа, было мобилизовано свыше 316 тысяч советских немцев[12]. К 1943 году 243 тысяч трудармейцев были направлены в составе рабочих колонн на работы в важнейшие оборонные строительства, угольную и нефтяную промышленность[13].

Самыми крупными лагерями Урала, в которых весной – летом 1942 года концентрировались немцы-трудармейцы, были: Бакаллаг – 26480 тыс. (86,8% от общей численности контингента ИТЛ), Ивдельлаг – 12 899тыс. (40,4%), Севураллаг – 8 441 (46,3%), Богословлаг – 12311 (42,9%), Соликамлаг – 2537 (56,0%), Тагиллаг – 3371(9,0%), Тавдинлаг – 1918 (46,7%)[14].

---

[9] Там же.
[10] РГАСПИ. Ф.17.Оп.22. Д.2277. л.35.
[11] ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 83. Л. 37–38; Д. 85. Л. 199; «Мобилизовать немцев в рабочие колонны… И. Сталин». Сб. док. (1940-е годы) М.: Готика, 1998. С. 26, 34.
[12] Герман А.А. Курочкин А.Н. Немцы СССР в трудовой армии.- М.: Готика- С.66-67
[13] РРГАСПИ Ф. 17. О.121. Д.241 «Докладные записки, докладные Наркомата Рыбной промышленности, НКВД, Архангельского, Бурят-Монгольского, Мурманского обкомов ВКП(б) по вопросам о выполнении постановлений СНК СССР и ЦК ВКП(б) о развитии рыбных промыслов в Баренцевом и Белом морях, на реках Сибири. Л. 60,61.
[14] Рассчитано ГАРФ Ф. 9414.- Оп. 1.- Д. 740.- Л.-3,9,17,19,22,23,26.

Анализ архивных материалов, сделанный на основе карточек учёта движения немецкого контингента, карточек трудового учёта, документации политотделов уральских лагерей в 1942–1944 годах, позволяет сделать вывод о том, в лагерях НКВД немецкий контингент отличался многочисленностью и составлял основной трудовой фонд на производстве и строительстве промышленных объектов.

Общее количество мобилизованных в трудармию советских немцев в период 1941–1945 годов составило свыше 316 тысяч человек[15]. Из этого количества свыше 182 тыс. составляли трудовой контингент НКВД, свыше 133 тысяч числились на предприятиях других наркоматов[16].

Прибытие немецкого контингента в уральские лагеря происходило на протяжении 1942–1944 годов. В течение 1942 года в лагеря Урала прибыло 104 919 трудмобилизованных немцев; с учётом прибывших в 1941 году в Богословлаг (6247), Ивдельлаг (2308) и Соликамлаг (160) общее количество составило 113 634[17]. Количество немцев в контингентах ИТЛ составило в середине 1942 года более 42%, а их число на крупных гражданских предприятиях доходило до 37% рабочей силы.

Отличительными особенностями использования немцев-трудармейцев от других контингентов лагерей НКВД было их промежуточное положение между вольнонаемным составом и заключёнными, изолированность содержания, применение на объектах, где требовался тяжелый физический труд.

Для большинства советских немцев размещение за колючей проволокой было неожиданно и непонятно. Особенную горечь и недоумение испытывали поколения советских немцев, воспитанных на социалистической идеологии, вступивших в ряды ВКП(б) и ВЛКСМ. Те же, кто прошёл через жернова репрессий 1930-х годов, рассматривали создавшееся положение как продолжение антинемецких кампаний, но чувство незаслуженной обиды и разочарования не покидало и эту часть немцев. Архивные данные свидетельствуют о том, что немцы по-разному реагировали на сложившуюся ситуацию. Из отчётов и спецдонесений Политотделов уральских лагерей можно увидеть, что в зависимости от своего поведения и психологического состояния немецкий контингент подразделялся на три группы. К первой группе относились немцы, проявлявшие открытое неповиновение власти, которое проявлялось в таких формах, как саботаж, антисоветская пропаганда, дезертирство и т.д. От общей численности немецкого контингента лагеря они составляли 15-25%. Ко второй группе, составлявшей примерно такой же процент, относились немцы, чье психологическое состояние характеризовалось подавленностью, полным безразличием к происходящему. Третью, наиболее значительную группу

[15] Герман А.А., Курочкин А.Н. Немцы СССР в трудовой армии (1941–1945 гг.). М.: Готика, 1998. С. 66–67.
[16] Герман А.А. Курочкин А.Н. Указ. соч. С. 66–67.
[17] Рассчитано: ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1172. Л. 1–16.

составили трудармейцы, которые активным трудом и высокими производственными показателями пытались показать властям свою лояльность и патриотизм[18].

Администрация лагеря, в свою очередь, использовала любой предлог для того, чтобы усилить психологическое давление на трудармейцев. За политнастроениями советских немцев неуклонно следил Политотдел лагеря через политруков отрядов и инструкторский аппарат, а также с помощью проведения совещаний с секретарями партийных организаций при начальнике Политотдела лагеря. Партийные и комсомольские организации немцев в лагерях во многом были опорой власти, через которые она проводила свою политику в отношении немецкого народа, и были обязаны принимать активное участие в общественной жизни лагеря, в первую очередь, разъясняя соотечественникам необходимость их пребывания за колючей проволокой. Стоит также отметить, что по указанию политотдела ГУЛАГа от 30 марта 1942 года партийные и комсомольские организации трудмобилизованных не могли производить приём в партию и комсомол, поэтому партийно-комсомольская прослойка в большинстве лагерей, где находились советские немцы, в среднем составляла 8% к числу всех трудмобилизованных[19]. Цена за право считать себя коммунистом или комсомольцем также была немалая. Коммунисты и комсомольцы были обязаны выполнять и перевыполнять производственные задания, вести активную общественную работу в своей бригаде. За малейшее нарушение правил следовало неминуемое наказание – исключение из рядов ВКП (б) и ВЛКСМ.

С помощью первичных партийных и комсомольских организаций среди трудармейцев проводилась мощная агитационная и пропагандистская работа. Среди часто используемых форм агитационной и пропагандистской работы выделялись: организация социалистического соревнования, фронтовых бригад, сталинских вахт, увеличение числа стахановцев, разного рода слёты и совещания. Для неподчинившихся использовались другие методы принуждения. Например, в соответствии с приказом начальника строительства Богословского алюминиевого завода и лагеря НКВД от 6 марта 1942 года не выполнивших норму дневного задания оставляли на производстве. Выдача заработанной платы производилась только тем «мобилизованным немцам», кто не имел особых замечаний по работе и дисциплине. Стоит отметить, что и в этом случае трудармеец практически имел мизерные шансы получить кровью и потом заработанные деньги. Например, при среднем заработке трудармейца в Ивдельлаге, который составлял 120 –130 рублей, приходилось удержаний на питание и накладные расходы около 140–150 рублей[20]. Свидания с родственниками также разрешались только при условии выполнения и перевыполнения производственных заданий. Роль материального стимула труда «мобили-

[18]ЦДООСО. Ф. 5248.Оп. 1. Д. 53. Л. 71
[19]ГЦДООСО. Ф. 1115. Оп. 1. Д. 9.Л. 22
[20]ЦДООСО. Ф. 5248.Оп. 1. Д. 53. Л. 77.

зованных немцев» играла «котловка», которая в условиях низких норм питания 1942-1943 годов оставляла заключенным ГУЛАГа очень мало шансов на выживание, так как необходимых продуктов питания практически не оказывалось в рационе.

К злостным нарушителям применялась высшая мера наказания – расстрел. Используя все выше перечисленные методы, администрации лагерей Урала удалось добиться того, чтобы средняя норма выработки среди трудармейцев держалась на уровне 110-130%. Достигалась эта цифра в том числе и за счёт работы стахановцев - «тысячников», «пятисотников», «двухсотников», комсомольских и коммунистических фронтовых бригад, которые, добившись этого звания, фактически подписывали себе приговор и обязывались ежедневно, ежемесячно перевыполнять норму выработки[21]. Одной из форм выполнения и перевыполнения плана стала сталинская вахта – это выход на работу передовых бригад в дни особо важных политических событий, накануне праздников или в тех случаях, когда требовалось особо срочно выполнить заказ строительства. Только в 14-м отряде Богословлага, где в 1942-1945 годах находилось 80% трудмобилизованных немцев, за первое полугодие 1944 года было проведено сталинских вахт: в честь подписания новогоднего отчета уральцев товарищу Сталину - 129 вахт; в период социалистического соревнования в честь 26-й годовщины Красной Армии – 210; в дни предмайского социалистического соревнования – 283; в течение фронтовых декадников, предшествовавших подписанию полугодового рапорта уральцев товарищу Сталину, – 158 вахт[22]. Для выполнения и перевыполнения нормы выработки некоторые трудармейцы пытались рационализировать свой труд, усовершенствовать рабочее оборудование. В результате это позволило увеличивать производительность труда до 1000%[23]. Однако, в целом, по строительству промышленных объектов на Урале, в которых были заняты трудмобилизованные немцы, план систематически срывался из-за нехватки квалифицированной рабочей силы, отсутствия сносных бытовых условий, холода, голода, физического и морального истощения немецкого контингента.

За время существования «трудармии» рабочие отряды и колонны из советских немцев построили на Урале металлургические, коксохимические заводы и комбинаты (Бакалстрой НКВД в Челябинской области, Тагиллаг НКВД в Свердловской области), алюминиевый завод (Богословлаг НКВД Свердловской области), целлюлозно-бумажные комбинаты (Соликамбумстрой НКВД в Молотовской области), железные дороги и автодороги, заготавливали лес, (Ивдельлаг, Тавдинлаг, Севураллаг, Востураллаг в Свердловской области, Усольлаг в Молотовской области).

К концу войны режим содержания мобилизованных немцев в лагерях стал понемногу смягчаться. В ряде лагерей, вследствие отсутствия повсед-

[21]ЦДООСО. Ф. 1115. Оп. 1.Д. 9. Л. 78-79.
[22]ЦДООСО. Ф. 1115.Оп. 1. Д. 71. Л. 90.
[23]ЦДООСО. Ф. 1115. Оп. 1. Д. 9. Л. 71.

невного контроля за поведением трудмобилизованных немцев, расширились контакты с вольнонаемным составом, имели место самовольные отлучки в город, ослабление учета. По донесениям Политотдела Ивдельлага в лагере проводились совместные вечера мобилизованных немцев с их сотрудниками и членами их семей, были случаи совместного сожительства немцев с вольнонаемными сотрудниками, работы немцев у местного населения по заготовке кормов, разделке дров и ремонту квартир[24].

Начиная с 1945 года, в соответствии с директивой №28/ОК/ 2382 от 3 мая 1945 года, часть отобранных специалистов из числа трудмобилизованных немцев, была направлена в качестве переводчиков, учётчиков, бригадиров в лагеря военнопленных. Судя по материалам Политотделов, целью работы немцев-трудармейцев среди военнопленных стала не столько помощь в адаптации к новым условиям лагерной жизни, сколько, прежде всего, задача добиться от пленных немцев такой же качественной и высокопроизводительной работы, которую выполняли на протяжении всей войны трудмобилизованные советские немцы. Каждый из работающих в отрядах и колоннах военнопленных трудармейцев нёс ответственность за соблюдение правил режима, выполнение норм выработки как в лагере, так и на производстве[25].

С мая 1945 года начался процесс демобилизации советских немцев из трудармии, который осуществлялся, прежде всего, в отношении тех, кто был признан военно-экспертными комиссиями инвалидами. В апреле 1946 года трудармия была ликвидирована, немцев перевели на спецпоселение под административный надзор территориальных органов МВД.

Режим спецпоселения в 1945-1955 годах стал для власти универсальным способом решения целого комплекса экономических и политических проблем. Контингент спецпоселенцев рассматривался властью как кадровый резерв промышленности на плохо освоенных территориях и в районах, где имелся дефицит рабочей силы.

Начиная с 1942 года и до начала 1950–х доля спецконтингента только в областях и республиках Уральского региона составила в среднем 30%. В 1949 году на территории Урала находилось на спецпоселении 162 017 немцев[26]. Вместе с немцами на спецпоселении находились депортированные в 1943-1944 годах народы Крыма, Прибалтики, а также такие контингенты, как власовцы, оуновцы. К 1950 году на Урале немецкий контингент преобладал, составляя – 69,4%.

Немцам и немкам, находящимся на спецпоселении, разрешалось вступать в брак на общих основаниях со всеми гражданами СССР, с регистрацией брака в органах ЗАГСа. В тех местностях, где введена паспортная система, им должны были выдавать паспорта, но с отметкой, установленной для спецпоселенцев, в соответствии с приказом НКВД СССР №00189 от 26

[24]ЦДООСО Ф. 5248. Оп. 1. Д. 132. Л. 37.
[25]ЦДООСО. Ф. 1115. Оп. 1. Д.71. Л. 111-112,119-121.
[26]ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 509. Л. 95–109, Л.150–156.; Д. 511. Л. 180–184.

февраля 1944 года. Немцам также разрешалось оформлять вызов на постоянное поселение семей через ОСП УМВД краев и областей, где их семьи проживали на тот момент[27]. При решении вопроса о воссоединении семей спецпоселенцев местные власти должны были руководствоваться директивами МВД СССР №121 от 30 июля 1945 года и №4 от 8 января 1946 года. Согласно этим документам, немцы-спецпоселенцы могли вызывать к себе на постоянное место жительства жену, детей, родителей, а также несовершеннолетних братьев и сестер, за исключением тех членов семей, которые работают в угольной промышленности и в лагерях МВД[28].

Значительная часть немцев, находившихся на спецпоселении в областях и республиках Уральского региона, воспользовалась этой возможностью.

На промышленных предприятиях Уральского региона, где в основном трудились немцы-спецпоселенцы, трудовой потенциал российских немцев, в большинстве случаев, использовался при выполнении работ, сопряженных с большими физическими затратами при минимальной оплате за их выполнение. Согласно директиве начальника управления НКГБ по Свердловской области комиссара госбезопасности Борщёва, спецпереселенцы на промышленных предприятиях, особенно на оборонных заводах, могли быть использованы только на строительных и подсобных работах, а также в механических цехах предприятий. за исключением взрывоопасных участков производства. В каждом отдельном случае власть решала вопрос о допуске спецпоселенцев на производство, исходя из «местных условий и обеспечивая за ними тщательное агентурное наблюдение»[29].

Работа по укреплению режима в местах поселения включала в себя, прежде всего, организацию гласного и негласного надзора за спецпоселенцами. Гласный надзор включал в себя регулярные проверки со стороны коменданта, ведение и заполнение персональных учётных и семейных карточек, проведение еженедельной и ежемесячной регистрации спецпоселенцев. Комендантам спецкомендатур вменялось в обязанность следить за материально-бытовым положением спецпоселенцев на местах их поселения, принимать необходимые меры по жалобам и заявлениям немцев.

Негласный надзор за немцами-спецпоселенцами осуществлялся с помощью создания в каждом из мест поселения тайной агентурно-осведомительной сети, включавшей в свой состав резидентов, секретных осведомителей, агентов, содержателей явочных квартир. Главными задачами в процессе ее функционирования стало изучение поведения, связей и антисоветских настроений спецпоселенцев, выявление и пресечение попыток побегов с мест расселения, активное содействие розыску и задержанию бежавших.

---

[27]ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 247. Л. 138.
[28]ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 247. Л. 176.
[29]ГАРФ. Ф. 9479. Оп.1. Д.247. Л.310.

Руководство многих промышленных предприятий, где работали немцы, практически не занималось вопросами материально-бытового обеспечения немецкого контингента. Главной проблемой для многих немцев-спецпоселенцев, работавших в разных отраслях промышленности Уральского региона, стало отсутствие жилья, неприспособленность помещений для проживания.

Практически на всех территориях, особенно в период 1945–1950 годов наблюдались постоянные перебои с поставками продовольствия. Снабжение немцев было организовано неудовлетворительно. В Свердловской области довольно частыми были случаи, когда в магазин не завозился хлеб, а мыло, соль, спички совершенно исчезли с прилавков и не отоваривались даже по карточкам на протяжении долгого времени[30].

Были случаи, когда на протяжении всего месяца немцы не имели возможности ни купить, ни получить по карточкам продукты питания[31]. В этих случаях работающих спецпоселенцев спасало питание, которое они получали в столовых, либо незначительное количество продуктов, которое за наличный расчёт отпускало предприятие.

Выделяемое питание работающим спецпоселенцам было малокалорийным и не отличалось разнообразием. Так, обед и ужин, которые получали немцы-спецпоселенцы, работавшие на лесозаготовках Новолялинского леспромхоза в Исовском районе Свердловской области через котлопункты, состоял из 200 г муки, 320 г картофеля и 3 г жиров[32]. В результате вследствие недоедания, как отмечается в докладной записке лесного отдела Свердловского обкома ВКП (б), «получился упадок физического состояния рабочих»[33]. Производительность труда среди немцев-спецпоселенцев не превышала 60%, поэтому большинство из них получали низкую заработную плату. Средний заработок немца-спецпоселенца на торфоразработках составлял 180-200 рублей, на строительстве - 100–150 рублей в месяц[34]. В лесной промышленности были предприятия, на которых заработная плата составляла 7 руб. 78 коп., что было явно недостаточно для обеспечения семьи[35]. Только в случае выполнения нормы до 400%, можно было рассчитывать на заработок свыше 1000 рублей, но такие случаи были единичными. При заработке немцев-спецпоселенцев, который и так был ниже прожиточного минимума, на предприятиях довольно частыми были случаи ее задержки до двух-трех месяцев[36].

Выжить в таких условиях можно было только за счёт дополнительно выделяемых государством фондов либо за счёт небольшого приусадебного хозяйства. В Исовском районе Новолялинского леспромхоза Свердловской

[30]Там же. Л.155.
[31]Там же. Л.141.
[32]ЦДООСО. Ф.4. Оп.43. Д.241. Л.34.
[33]Там же.
[34]ГАРФ. Ф. 9479. Оп.1. Д.247. Л.239.; Д. 215. Л.126.
[35]ЦДООСО. Ф.4. Оп.43. Д.241. Л.33-34.
[36]ГАРФ. Ф. 9479. Оп.1. Д.247. Л.239.

области все немцы-спецпоселенцы были обеспечены огородными участками от 0,05 до 0,1 га. Почти все семьи имели дойных коз. Однако большая часть спецпоселенцев была вынуждена довольствоваться небольшими подачками либо за счёт фондов предприятий, либо за счёт государства[37].

Дети спецпоселенцев и иждивенцы не получали и этого минимума, их рацион часто ограничивался только получением хлеба. Особенно тяжёлым было положение спецпереселенцев, размещённых в сельской местности, где иждивенцы получали только 200 граммов хлеба в сутки[38]. В сложившейся ситуации спасением для детей дошкольного возраста и их родителей могли стать детские сады и ясли, где ребёнок мог рассчитывать на какой-то более разнообразный рацион, позволяющий минимально поддерживать ослабленный организм. Суточное меню детских садов, в которых находились дети немецких и крымских спецпоселенцев, работавших в Новолялинском леспромхозе Исовского района Свердловской области в 1947 году, было следующим.

Суточное меню ребенка посещающего дошкольное учреждение в 1947 г.[39]

Наименование продуктов	Детсад в пос. Мурзинка	Детсад в пос. Байковка
Мука	60 гр.	-
Сахар	20 гр.	27 гр.
Масло сливоч.	20 гр.	43 гр.
Картофель	240 гр.	160 гр.
Мясо рыба	20 гр.	30 гр.
Сгущенное молоко	30 гр.	-
Лапша	36 гр.	27 гр.
Пряники	-	37 гр.
Манная крупа	-	26 гр.

Безусловно, это количество продуктов обеспечивало лишь полуголодное существование, но в условиях дефицита продовольствия было спасением и для детей, и для родителей. В целях оздоровления контингента в посёлке Новая Ляля Свердловской области, где и находился леспромхоз,

[37]ЦДООСО. Ф.4. Оп.43. Д.241. Л.34.
[38]ГАРФ. Ф. 9479. Оп.1. Д.247. Л.241.
[39]ЦДООСО. Ф.4. Оп.43. Д.241. Л.34.

был открыт детский санаторий для ослабленных детей спецпоселенцев. Дети находились в санатории по 2 месяца и «выходили вполне здоровыми». Показателем здоровья для местных властей было то, что среди детей, пребывавших в санатории, не было смертельных случаев[40].

Однако проявление такой заботы со стороны предприятия было скорее исключением, чем правилом. В большинстве случаев в местах поселения детские сады и ясли отсутствовали, дети школьного возраста не могли посещать занятия, так как не было ни одежды, ни обуви, ни школьных принадлежностей для продолжения учёбы.

В целом же физическое состояние немцев-спецпоселенцев как взрослых, так и детей, оставалось неудовлетворительным. Согласно справке о состоянии материально-бытового положения спецпоселенцев и репатриированных немцев, размещённых на лесоучастках Новолялинского леспромхоза в Исовском районе за первый квартал 1947 года из 1717 немцев-спецпоселенцев 638 человек были отнесены к категории «больных и истощённых», из этого количества 485 человек – дети до 16 лет, 286 – рабочие леспромхоза. Умерло за этот период 60 человек, из которых 42 – по истощению и болезни.

Всего, по неполным данным НКВД - МВД СССР, в период 1942-1948 годов от эпидемий, голода, болезней, непосильного труда в стране умерло 45,3 тыс. немцев-спецпоселенцев[41]. За этими сухими цифрами – искалеченные судьбы реальных людей, многие из которых впоследствии, после снятия режима спецпоселения, предпочитали не афишировать свою национальность, не рассказывать своим детям и внукам о пережитых невзгодах, опасаясь не за себя, а за их будущее.

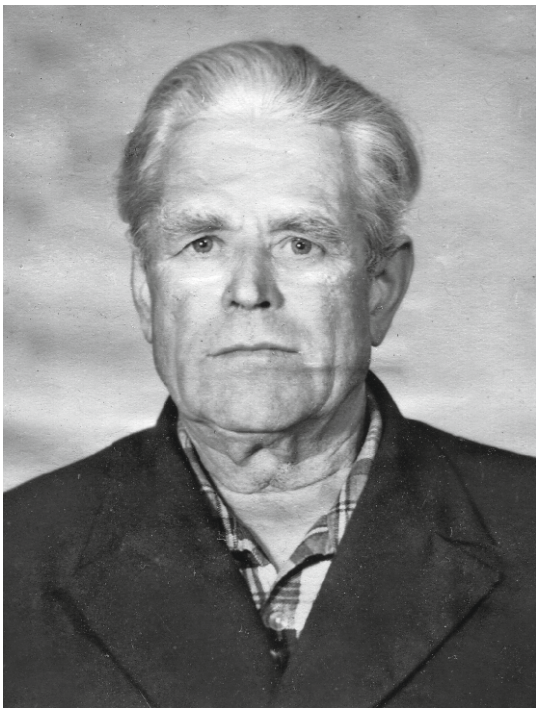
Автору статьи довелось пообщаться с потомками советских (сегодня российских) немцев, которые связали свою жизнь с судьбой нашего города. Это семьи Баудер, Матис, Роор, Шерф. Выражаю им огромную признательность за то, что они дали нотариально заверенное разрешение посмотреть документы родственников, а точнее - архивно-следственные дела, которые находятся в Информационном Центре ФСБ Свердловской области. Просмотренные документы, дополненные воспоминаниями детей и внуков спецпоселенцев, в целом, подтверждают всё изложенное выше. Для всех Урал стал местом мобилизации в трудармию и спецпоселения.

Практически все потомки немцев-спецпоселенцев мало что знали о жизни своих отцов, дедов и прадедов. Для большинства семей впервые приоткрылись страницы судьбы их родственников. Так, Баудер Эрнст Эммануилович, Роор Александр Иванович, Шерф Федор Федорович вместе с семьями были депортированы из разных районов СССР в 1941 году в Сибирь и Казахстан. Все они – крестьяне, трудившиеся в колхозах в немецких районах, Грузии, АССР Немцев Поволжья. Вслед за депортацией после-

[40]Там же

[41]Немцы России: энциклопедия.Т.3: П-Я/ Редкол.: .Кубицкая (пред.рекол.) и др.М.: «ЭРН»,2006.-896с.-С.463

довала мобилизация в трудармию в лагеря Урала: Э.Э.Баудер и Ф.Ф.Шерф - в Севураллаг, А.И. Роор - в Ивдельлаг. Семьи остались без кормильцев в местах переселения. После войны все они стали спецпоселенцами в посёлке Косья Исовского района, работали на прииске: Э.Э.Баудер – столяром, А.И.Роор – трактористом, Ф.Ф.Шерф – разнорабочим. За время трудармии Э.Э. Баудер потерял жену, которая умерла в 1944 году. Неизвестной осталась судьба жены Ф.Ф. Шерфа – Гермах Марии Христиановны, которая также была мобилизована в трудармию, и больше с тех пор никаких известий о ней не поступало.



П.К.Матис

Самой главной болью всех спецпоселенцев была их семья, которая находилась за тысячи километров от них. Для того чтобы воссоединиться с близкими, пришлось пройти много мытарств, получить разрешение и от руководства предприятия, и от всех органов власти, начиная от поселкового коменданта до областного начальства. Все это усугублялось тем, что все немцы по-прежнему плохо владели русским языком и любые контакты с властью и русскоязычным окружением давались им с трудом. Каждый шаг спецпоселенца строго контролировался. Тем не менее, все усилия увенчались успехом. К Александру Ивановичу из Новосибирской области приехала жена с дочерьми Марией, Паулиной, Ирмой и сыном Александром. Остальные родственники: родители, сестры, братья - остались в Новосибирской области и Казахстане. Смог выехать в Кустанайскую область Казахской ССР за своими дочерьми Эльзой и Гетвигой, находившимися после смерти жены в детском доме, Э.Э. Баудер. Он привёз их на Урал, где уже была новая семья.

После многих перипетий создал семью и Ф. Ф. Шерф, в которой родились дети – Валентина и Алексей.

Немного отличается от них судьба немца-спецпоселенца Петра Корнеевича Матиса. Он также родился в крестьянской семье немцев, которые проживали на Украине, в селе Николайсдорф Черниговского района Запорожской области. Семья была зажиточная, а потому не избежала раскулачивания в годы коллективизации. По воспоминаниям сына Петра Корнеевича – Андрея Петровича Матиса, когда пришли их раскулачивать,

отец Петра крикнул сыну: «Петро – беги!». Сын выскочил из окна, и так началась его самостоятельная жизнь. После многих скитаний Пётр оказался в Московской области, откуда в 1940 году был призван в ряды РККА, где служил в 7-й танковой отдельной бригаде механиком-водителем до 1941 года. В сентябре 1941 года он был выслан из Москвы сначала в Казахстан, а затем на Урал. Дело Петра Корнеевича отличается от всех просмотренных тем, что он в анкете и в других документах, заполнявшихся на каждого спецпоселенца, не называет своих родственников,.Только из автобиографии, написанной в 1950 году, можно узнать, что у него было двое братьев – Корней Корнеевич и Генрих Корнеевич, о судьбе которых он с 1941 года ничего не знал.

После демобилизации из трудармии Петр Корнеевич стал спецпоселенцем. Работал на 2-м угольном разрезе треста «Волчанскуголь» Краснотурьинского района Свердловской области. В 1948 году был переведён в город Волчанск директором кирпичного завода, а в 1949 году перешёл на разрез №4. Постепенно сложилась и личная жизнь. Супруга Клавдия Георгиевна всегда и во всем поддерживала своего мужа. В 1947 году родился сын Андрей, а позже семья пополнилась еще тремя дочерьми и сыном.

Жизнь советских немцев в условиях спецпоселения, как мы видим, была очень непростой. Они не могли свободно перемещаться, менять место работы, находились под неусыпным надзором власти. Любое нарушение режима спецпоселения сразу же пресекалось и наказывалось вне зависимости от обстоятельств произошедшего. Достаточно было не явиться вовремя в спецкомендатуру для того, чтобы поставить подпись в бланках о ежемесячной перерегистрации. Такой случай был поводом для наказания независимо от причин произошедшей ситуации. Так, комендант спецкомендатуры №63 посёлка 4-го разреза Краснотурьинского района Свердловской области постановил за совершённый проступок подвергнуть спецпоселенца штрафу в размере 50 рублей за то, что «выселенец» П.К.Матис не явился своевременно на перерегистрацию и тем самым нарушил режим, установленный в посёлке». Объяснительные Петра Корнеевича о том, что он в течение этого времени до позднего вечера задерживался на работе, так как был

С внучкой Оксаной

в наряде и готовил участок к зимним условиям, во внимание приняты не были.

Отношения с местным населением у всех спецпоселенцев складывались по-разному. В основном жители посёлков и деревень, где находились немцы-спецпоселенцы, относились к сложившейся ситуации с пониманием, хотя, безусловно, принадлежность к немецкой национальности в условиях послевоенного времени сыграла свою негативную роль. Были случаи, когда немцев называли «фашистами», обвиняли в смерти близких. Дети немцев-спецпселенцев были долгое время лишены права получать высшее образование. В целом, все зависело от конкретного места, условий и окружения, в котором находились советские (российские) немцы.

В 1955 году режим спецпоселения был снят, и немцы получили право переезжать в другие районы страны. Но в указе подчеркивалось, что речь не идет о возвращении немцам конфискованного при депортации имущества или об их возвращении в места, откуда они были выселены, – появляться там им вообще запрещалось. Частичная реабилитация российских немцев последовала лишь в 1964 году, когда появился указ от 29 августа, в котором утверждалось, что «огульные обвинения» немцев Поволжья в пособничестве фашистским захватчикам «были неосновательными и явились проявлением произвола в условиях культа личности Сталина». Лишь указ 1972 года, не подлежавший опубликованию, снимал ограничения на места проживания немцев. Тем не менее, ни республика на Волге, ни немецкие районы в других местах не были восстановлены.

Пережившие все эти трудные годы советские немцы предпочитали не делиться своими воспоминаниями о выпавших на их долю событиях даже с самыми близкими – детьми, внуками, полагая, что тем самым уберегут их жизнь, карьеру от несправедливых нареканий со стороны власти. Так, Петр Корнеевич Матис на любые вопросы своей семьи, рассказать о своих родственниках, всегда отвечал отказом. Сын Петра Корнеевича – Андрей Петрович был очень обеспокоен тем, что его дочь Оксана Андреевна Матис, сегодня преподаватель школы искусств, руководитель полюбившегося многим жителям нашего города ансамбля скрипачей «Дивертисмент», получая советский паспорт, в графе «национальность», указала: немка.

В заключение можно отметить, что политика Советской власти нанесла сильнейший удар по российским немцам, поставив их на грань выживания, подтолкнув ассимиляционные и эмиграционные процессы. Значительная их часть в 1990-е, не получив от власти ответов на волнующие вопросы, не дождавшись полной реабилитации народа, предпочла уехать на историческую родину. Пик миграционной активности немцев приходится на середину 1994-1996 годов, после чего их абсолютная численность среди населения области заметно сократилась[42].

[42]Текущий архив отдела статистики населения Свердловского областного комитета по статистике. Таблицы А 3000099 «Распределение мигрантов по территории прибытия, выбытия и национальности за 1994 год»; «Национальный состав мигрантов за 2000 год».

Возможно при чтении этой статьи справедливо возникнет мнение о том, что не одни немцы попали в жернова сталинских репрессий. Тяжело было всем советским людям. Не будем спорить. Лишь упомяну, что, в отличие от других народов, российские немцы так и не были реабилитированы полностью. А ещё мы должны помнить о том, что любая репрессивная политика государства в отношении как отдельного гражданина, так и целого народа ради оправдания своих действий и своего укрепления в конечном счете приводит к его разрушению.

Сергей ВАЙЦЕЛЬ

ПОТОМУ, ЧТО ТЫ – НЕМЕЦ!

Отец никогда не говорил «про это». Он был обычным человеком, немногословным, аккуратным, «помешанным» на своей работе.

Помню, как почти каждые выходные мы шли по легендарной лежневке с улицы Советской в путейские мастерские, где он работал мастером. Там я попадал в почти фантастический мир причудливых дрезин, автомотрис, снегоуборочных поездов и прочей непонятной техники. Папа рассказывал интересные случаи из своей жизни, любил цитировать известных людей; когда гуляли в лесу, показывал разные секреты выживания: как очистить воду из лужи, какие растения можно есть, какие - нельзя… Его нечаянную реплику: «Ты не знаешь, что такое голод, ты даже не представляешь, что готов съесть, когда по-настоящему голоден…» - я осознал гораздо позже…

Я знал, что он по национальности - немец, воспитывался в детском доме, хлебнул, как говорится, полной ложкой трудностей и лишений, но не придавал этому какого-то специального значения, в общем: «была война, всем было несладко». Да и не влезло бы ничего такого в мою пионерскую голову.

Все вдруг изменилось, когда папа получил справку о реабилитации. Невзрачный листок серой бумаги с плохо различимым текстом произвел

на меня очень сильное впечатление. Все эти расплодившиеся в девяностых-нулевых публикации о репрессиях, депортациях и прочих «прелестях» советского режима вдруг обрели вполне конкретные очертания, более того, они, оказывается, коснулись моей семьи. Я был потрясен.

Я начал интересоваться этой темой, прочитал кое-что про немцев Поволжья, изучил документы о «выселении с треском», познакомился с воспоминаниями участников этих драматических событий. Следующие строки – это попытка объединить крохи информации из имеющихся документов, рассказов отца и матери, догадок.

«Жили в Саратове при городской больнице (В справке о реабилитации – в АССР немцев Поволжья, к которой Саратов не относился, но отец всегда уверенно называл этот город местом своего рождения. Может, это был Энгельс, который находился по соседству?). Отец (дед по отношению ко мне, звали, вероятно, Владимиром) был хирургом (или главврачом). Мать (предположительно, Мария) не работала, занималась хозяйством. Был свой дом, сад. Сначала забрали Владимира (ночью, как обычно), с концами. Затем, в 1941-м по Указу ПВС СССР от 28.08.41 г. началось «…выселение в административном порядке по национальному признаку на спецпоселение...» По воспоминаниям отца, везли на подводах (скорее всего, до железнодорожной станции, где их погрузили в «теплушки»). На одной из подвод оказались вместе отец, мать (бабушка по отношению ко мне), мужчина с маленьким ребенком, молодая женщина (может быть, сестра, якобы сбежала по дороге, когда конвоир отвлекся).

Боровской лесопункт. Первая производственная практика. 1957 г.

По прибытии на место ссылки, в Ярковский район Тюменской области, выделили дом. Мужчина оставил ребенка на время, пока обживется. Самого его устроили в соседнюю деревню трактористом. За ребенком он так и не вернулся. Так у отца появился брат Володя. Мария работала в местном госпитале — стирала бинты, белье. Однажды сильно простудилась (теплых вещей не хватало, при переселении не давали

много пожиток брать с собой) и через некоторое время умерла — просто не проснулась утром. Яша и Володя остались одни. Побирались, собирали объедки. По ночам промышляли на огородах. Ходили с просьбами к председателю, он выписывал картофель, немного и нечасто.

Отец как-то рассказал мне жутковатую историю. Раздобыли они с братом пригоршню какой-то крупы, а голодный Вовка стал хватать ее руками и есть. Яшка, на правах старшего, стал его убеждать сначала сварить похлебку: и сытней, и хватит надолго. Но маленький Володя ничего не хотел слушать. Отец решил, не от большого ума, конечно, припугнуть младшенького ножиком, а тот схватился кулачком за лезвие. В горячке папа дернул нож к себе, братик сильно порезался.

Дров не было. Разобрали и истопили почти весь пол, и все, что смогли сжечь, сожгли. Так они прожили целый год! Два ребенка – дошкольника!! Без взрослых!!! Завшивели, оголодали и сгинули бы, наверное, если бы не одна сердобольная женщина, которая взяла на себя труд пристроить их в детдом (с. Загваздино Дубровинского района.) Там, конечно, тоже был «не сахар». Над «немчурой» постоянно издевались, обзывали фашистами, ребята постарше отбирали хлеб и кидали в грязь, в коровий навоз. Настоящий голод – штука жестокая, чистили куски, как могли, и ели...

Возле железнодорожного училища, г. Тюмень

(Во время войны, да и много лет спустя, немцев, мягко говоря, не любили. Не брали во внимание, что поволжский немец – немец же! Достаточно сказать, что моя мать, выходя замуж в 1963 году, не решилась открыть своей родне настоящую национальность мужа - так и остался он навсегда для них «латышом»).

В 1955 году отец поступил в Талицкий лесотехнический техникум. (Я так понимаю, после 1953-го были некоторые послабления и ссыльным разрешили

покидать «резервацию»). Про поступление есть история. Завалил на вступительных экзаменах математику, должны были отчислить - вмешалась женщина, у которой поселился будущий студент. Сходила к директору и объяснила популярно, что мальчик – круглый сирота, должно быть какое-то снисхождение. Разрешили пересдать.

В 1959 окончил учебу и распределился в поселок Вогулка Шалинского района Свердловской области, в леспромхоз. В 1962 году приехал в Качканар, на комсомольскую стройку. Володя (окончил Тюменское железнодорожное училище) был уже здесь. Жили как родные братья, держались друг за друга до старости. Отец также говорил, будто бы его самого звали не Яков, а Владимир, «Яшка» - это кличка, приклеившаяся в детдоме. Я видел на одной из фотографий надпись: «Яшке Векселю от Андрюхи Кредита». Отец объяснил смысл этой надписи. Он был очень экономным и бережливым и во время учебы в техникуме многие у него одалживались. Но это было, как я понимаю, уже не в детдоме. В общем, информации не густо. И эта порой вызывает сомнения, если учесть что на момент переселения немцев Поволжья отцу исполнилось всего 3 года (по воспоминаниям отца - 5), а брату и года не было. Может, возраст восстановлен неправильно... Во всех документах место рождения — «Тюменская область…», в то же время в справке о реабилитации написано, что «выселен из бывшей АССР немцев Поволжья». В Свидетельстве о рождении — «возраст восстановлен 29 июля 1950 года», и ни отца, ни матери…»

Перечитываю эти строки, и ком подступает к горлу. Как так-то? За что?! В той великой стране, 1/6 части суши, «…где так вольно дышит человек!»

Однажды я, в избытке чувств, спросил отца: «Пап, ты же, по большому счету, должен бы ненавидеть это государство за то, что оно с тобой сделало…» На что он мне ответил: «Ты что, сдурел? Время было такое, по-другому было нельзя!»

А так – можно?! Превентивно (!) обвинить в измене, осудить и сослать за Урал. Лишить дома, имущества, родственных связей, права вернуться на малую родину, отобрать даже память о том, кто твои родители, как их зовут – за какое такое преступление?.. Нет ответа...

Юлия ЦУБИКС

БАБУШКА МАРТА

Бабушка, Цубикс Марта Яковлевна, родилась 24 мая 1927 года в Сталинградской области Фроловского района, в деревне Добринка. У них в семье было шесть детей: пять девочек (одна в возрасте трех лет умерла) и последние два мальчика. Марта была третьим ребёнком. Мама у них умерла рано, бабушка её почти не помнила. Папа, Михель Яков Андреевич, работал председателем колхоза. Жили они в полном достатке: большой дом, полный сарай скотины, полные амбары зерна.

8 марта 1937 года, в 4 часа утра, приехал «чёрный ворон», отца арестовали как врага народа, а детей со старой бабушкой выслали в Восточный Казахстан.

До этого бабушка успела окончить 4 класса, учиться больше не пришлось: старшие девчонки наравне со взрослыми работали в поле, чтобы помочь бабушкиной бабушке поднимать младших детей. Когда началась война, старших двух сестёр отправили в трудовую армию, а Марту оставили с младшими детьми и ухаживать за больной бабушкой.

Жили в старом доме: земляной пол, топлива нет… Дали участок, где можно было садить картошку и другие овощи, и они, дети, и дрова добывали, и в огороде работали, и в поле - везде успевали.

Хлеб, лапшу выдавали по карточкам. Иногда редко давали какие-то кости, чьи и откуда - непонятно.

Цубикс Марта Яковлевна (справа)

Умирает старая бабушка, и через неделю Марте пришла повестка, чтобы явиться в комендатуру для отправки в трудармию. На деревню давали норму вагон, а это 100-200 человек. Не было ни тёплой одежды, ни обуви. Поезд постоянно останавливался, то вообще в тупике стояли сутками. Вагоны были грузовые (телятники), в них жуткая холодина, люди умирали от холода и голода, их на остановках убирали и ехали дальше. Вагоны отцепляли в Серове, чтобы лесные хозяйства обеспечить трудар-

мейцами, в Краснотурьинске для строительства алюминиевого завода, а остальных привезли в Карпинск 26 ноября 1942 года для работы на угольных разрезах.

Это был самый большой эшелон, в нем было 3600 человек. Увезли их в лагерь, где было три зоны, поселили в бараках, которые насквозь продувало, по 15 человек в комнату. Стояли трёхъярусные кровати. Бараки были огорожены высоким забором и сверху колючая проволока, ворота, чтоб никто не мог сбежать, а бежать и некуда было. На работу и с работы водили под конвоем. Работали по 14-16 часов в сутки. Зима стояла очень холодная, до 40-45 градусов. Работали на обогатительной фабрике, стояли цепочкой вдоль транспортёрной ленты и отбрасывали камни породы - в резиновых галошах и без теплой одежды. Питание было скудное: похлёбка из крупы и 150 г хлеба на весь день. Летом было легче - собирали крапиву, лебеду (они росли на территории) и добавляли в похлёбку.

Многие не выдерживали, болели и умирали, хоронили их по несколько человек в одной могиле там, где сейчас парк за Уралом. Некоторые могилы сохранились до сих пор. В 1944 году бабушка обморозила ноги, её положили в больницу и готовили к ампутации обеих ног. Но у нас работал очень хороший хирург-немец, Александр Генрихович Франк, он тоже был эвакуирован сюда, в нашу больницу. Он сказал, что отрезать ноги мы всегда успеем, но надо попробовать их спасти. Не помню, сколько бабушка лежала (три или четыре месяца), но ноги ей спасли. Правда, ноги у неё потом всегда мёрзли.

9 мая 1945 года утром возвращались с ночной смены, шёл мелкий дождик, ворота были открыты, документы никто не проверял, по динамику передали, что война закончилась. Радости не было предела. Они могли свободно передвигаться, из одной зоны ходить в гости в другую. В 11 вечера нужно было возвращаться в свою зону. Бабушка Марта с дедушкой Генрихом Цубиксом расписались в январе 1948 года, но год жили в разных зонах. А потом им дали комнату на три семьи, они жили, отделившись простынями.

К 70-летию Победы напротив музея (или на окраине кладбища) положена плита «Жертвам политических репрессий», 30 октября отмечается как день памяти жертв политических репрессий. В этот день там проходят митинги. Этот день отмечают и в Краснотурьинске в лютеранской церкви.

У Цубикс Генриха Генриховича, в

семье было трое детей. Родился он в Саратовской области, в селе Ней-Лауб. Старшего брата в 1938 году призвали в армию, и до 1956 года о нём никто ничего не слышал и не знал. А бабушку, дедушку, тётю Аню, папу и тётю Эмму (жену старшего брата) в 1941 году эвакуировали сначала в Северный Казахстан, а оттуда всех, кому было 16 лет (в их числе был папу), отправили на Урал, на угольный разрез. До войны он успел окончить 7 классов. Они все остались в Казахстане до конца войны. В Карпинск они приехали в 1949 году, но сестра уехала обратно в Казахстан, а потом в 1992 году – в Германию.

Александр ВОСТРЯКОВ

ИВАН ИВАНОВИЧ МАНТЛЕР

И.И.Мантлер

Своей родословной я стал интересоваться со времен студенчества в Исовском геологоразведочном техникуме.

На втором курсе я писал исследовательскую работу – описывал роль учебного заведения в жизни моей семьи. В ходе написания работы я получил первоначальные навыки интервьюирования родственников, сбора, упорядочения и хранения информации. Позже, лет пять спустя, результатами моей деятельности заинтересовался родственник, который решил исследовать свою ветвь при помощи профессионального генеалога. Я со своей стороны контролировал работу специалиста, доставал необходимую информацию и, глядя на его работу, набирался опыта.

Примерно в это же время я осознал, что в нашей семье почти ничего неизвестно о Мантлере Иване Ивановиче, который приходится мне прадедушкой, и его матери – Мантлер Елене Францевне. О них было известно, что были репрессированы по национальному признаку и направлены отбывать наказание в поселок Сахалин. Информация на сайте «Открытый список» дала понять, что их дела хранятся в архиве УВД Свердловской области. Обратившись в архив, я получил отказ в доступе к делу, так как

согласно закону «О персональных данных», кроме предоставления факта родства, нужно было предоставить, доказательство смерти Ивана Ивановича. Но мне не были известны ни место, ни дата его смерти.

Такое доказательство повезло найти в архиве администрации поселка Кочубеевский в Ставропольском крае, где он жил в 1963 году. В выписке из похозяйственной книги была указана дата его смерти – 13.04.1998. Такой ответ устроил сотрудников ГУ МВД России по Свердловской области - и сначала мне выдали справку, а затем и вообще разрешили лично ознакомиться с делом. Ознакомление с делом происходило в присутствии сотрудника архива; не все раздела дела были рассекречены – с ними ознакомиться не удалось. Но самое для меня важное – автобиография, которая написана лично Иваном Ивановичем, была мне доступна, и мне предоставили ее копию! Приведу ее полностью, с сохранением авторской орфографии и пунктуации.

«Начиная с 1927 года. В 1927 году меня дядя родный взял к себе на Кубань. Минводский район село Суворовская, где я учился в немецкой школе в 1 классе, который я не мог закончить, поскольку я очень плохо владел родным языком. В 1928 г. моя мать приехала и забрала домой на станцию Мамет-Кара, где отец мой в то время работал заготовителем. Из-за болезни малярия, от которой заболела вся наша семья и после смерти 2 детей отец мой был переведен по своей должности заготовителем в гор. Дербент, где он работал до 1929 года.

В 1929 году осенью отец получил перевод в гор. Минеральные воды по той же профессии, а наша семья, вернее мать, брат и я, жили в Суворовской, где в то время открылась русская начальная школа, в которой я проучился 2 года. За это время верней я сдал за 2 и 3 класса (раза) на хорошо. В 1931 году отец сдал на заочные курсы на бухгалтера и уехал работать на персидскую границу в г. Ленкоран в колхоз «Ингараб» село Сутомурдоб, где я учился до 1934 года. Там я начал учиться. В 1932 году, начиная с 4 класса и кончил 4 классом. В 1934 году сдал экзамен за 4 класса сельской школы на хорошо и в тот же год уехал учиться в г. Баку, в школу ФЗУ Каспморфлота «Красная Кузня», где я учился до 1935 года на механизатора-слесаря, а в тот же 1935 год был послан на практику на пароход «Горняк», где я и остался. В школу я не вернулся, был юнгой до 1936 года. В 1936 году в августе месяце из-за отсутствия матроса 1 класса или рулевого, я был зачислен в судовую команду матросом 1 класса капитаном парохода «Горняк» (Китупицын). В 1937 году мне пришлось уехать на Кубань к матери и брату, которые в 1935 году из-за тяжелой болезни отца были вынуждены по предписанию врачей выехать с отцом на Кубань. Бывший Орджон. край Либнектовский район, село Великокняжеское, где мой отец в 1935 г 17 августа и скончался.

Мать осталась одна с братом. Брат тоже болел и должен был учиться. Вот по просьбе в 1937 году я рассчитался с парохода и приехал в Великокняжескую, где мать уже работала с 1935 г. на Либнехтовском луб. заводе приемщицей. Я устроился на этот же завод костроносом, верней носить из цеха отбитую костру от конопли. В 1932 году, в май мес. Луб. завод встал на

ремонт, а я перешел по просьбе дирекции завода «Красный октябрь» к ним работать строгальщиком, работа с которой я был знаком с ФЗУ. А на нашем заводе, верней Луб. заводе, кроме ремонта машин работы не было из за отсутствия сырья. На заводе «Красный октябрь» я работал до 1940 года. 17.02.40 года я был взят в ряды РККА в город Новороссийск в противотанковую часть 142 ОДПТО, в которой служил до 1941 года 28 июня водителем запаса на тягачах для противотанкового орудия. 28 июля наша часть занимала оборону у села Скулений по левой стороне тракта, где прямым попаданием был разбит наш расчет. Я один остался в живых, был ранен в обе ноги. При попытке вывести тягач и орудие из зоны обстрела был ранен вторично в голову, грудь, руку и лицо. На этом моя служба и закончилась. Привезли меня в гор. Одесса, госпиталь, где я пришел в сознание, но очень смутно помню что я должен был эвакуироваться еще куда то. Это в Днепропетровск. Там я отправился в госпиталь №8. Я не помню, но знаю что раньше, в этом здании помещалась Железнодорожная ФЗУ. Из госпиталя и был направлен в батальон выздоравливающих, который находился в здании Транспортный институт. Из батальона выздоравливающих был направлен в сборную дивизию, номер которой не помню, где формировались особые роты из немцев, куда я и попал. После отправки роты, мне оставили в расположении части и уже после того была собрана 2 рая обобщ. рота, которую по приказанию начальника штаб Сборной дивизии пришло мне принять и сопровождать в качестве командира роты количест. 84 человека до Свердловской области, Серовский р-он, ст. Сама, где много люди были сданы полностью. Из станции Сама, нас перебросили в Ивдель-Полуночная, на марганцовый рудник, где я работал до 1944 года электрослесарем. В 1944 году был осужден по ст. 162 п.2 на 2 года, которые отбывал в Свердловской области на медных рудниках электрослесарем.

В 1945 году освободился по амнистии и направлен в Исовской район МГБ, которое меня направило в колхоз этого же района к/х «коллективный труд», где я работаю в данное время трактористом.

Брат мой – Мантлер Федор Иванович умер в трудармии Сверд. области, Серовский район село Сосьва от воспаления легких в 1943 году. Жена моя – Коротова Антонина Тимофеевна, или по регистрации Мантлер А.Т. 1922 г.р. и дочь моя Мантлер Елена Ивановна 1939 г.р. находясь под оккупацией в Ставропольском крае Невинномысского района Ольгинского с/совета, родившаяся в этом же селе, по национальности казачка, пропали без вести. Она не эвакуировалась в связи с работой. А какой, я не знаю, это со слов матери. И на все мои запросы я получил ответ из Центрального справочного бюро, что в списки населения не числится.

Прошу убедительно не отказать в просьбе разобрать мою биографию и освободить меня и мою семью из мест спец. поселения».

Дело Ивана Ивановича было рассмотрено, и 13 января 1953 года он был освобожден. После освобождения он предпочел вернуться в село, которое считал родным – село Кочубеевское Ставропольского края. Ранее оно называлось Великокняжеским, потом было переименовано, росло и

слилось с селом Ольгинское.

Село Кочубевское интересно тем, что его основали в 1963 году немцы новоменнонитской веры. Это движение откололось от меннонитов, и его последователи были изгнаны из своих общин, расположенных в Молочанской колонии (сейчас это Запорожская область Украины).

По приезде на родину Иван Иванович работал на Кочубеевском заводе «АСО» сварщиком до выхода на пенсию в 1978 году.

Остается только удивляться тому, как человек, который пережил эпидемии, войну, голод, предательство государства и другие невзгоды, нашел в себе силы жить дальше. Истории таких людей, и миллионов других, подвернутых репрессиям, должны быть настоящими примерами мужества и стойкости духа.

Алина АНДРЕЕВСКАЯ

Friden – ЗНАЧИТ МИР

Мы — лишь точки мирозданья,
Чья-то тонкая резьба,
Наш рассвет и угасанье
Называется — судьба.
Валентин Гафт

Село Тонкошуровка Есильского (ранее Ленинского) района Северо-Казахстанской области являлось дочерним селом колонии Мариенталь на Волге и располагается сейчас в 160 километрах от города Петропавловска в степи, которая в своей истории никогда не знала плуга.

Село основано в 1909 году. Первыми в степь по столыпинской реформе двинулись немцы из Саратовской губернии. Обещания были заманчивы: освобождение от налогов, помощь в строительстве жилья, независимость и др.

По этой степи в те же годы кочевали «кыргызы» - кочевые народы Казахстана и Средней Азии. В первые годы у новых поселенцев было немало стычек, и даже кровавых, из-за кражи кочевниками людей и скота.

Климат в этой части Казахстана резко континентальный с малым количеством осадков, резкими ветрами и долгой, морозной зимой. Зимой часто случались бураны. Ветер был такой страшной силы, что ничего нельзя было различить в округе. Смотришь на улицу — и не видишь даже забора.

Земледелие в тех краях относилось к рискованным занятиям, поэтому

труд населения был очень тяжёлым и малоэффективным. Это край вечнозелёных помидоров, где, кроме моркови, ничего не росло.

В 1909 году на разведку первыми поехали Гассман Я.Я. и Беккер Ф.Ф. А 10 февраля 1910 года они и ещё 14 семей прибыли в село Розовка, где прожили до весны. Переселенцы привезли несколько лошадей, коров и сельхозинвентарь. Весной 1910 года на месте будущей Тонкошуровки разбили палатки и начали обрабатывать землю. К зиме построили себе землянки, так как обещанных домов не было. Первый год выдался неурожайным. Пришлось испытать голод.

Тяжёлые условия жизни и климат не смогли сломить переселенцев из Поволжья. Строили дома, распахивали вековую степь. Единоличным хозяйством жили до революции.

В 1925 году создали артель. В неё вошло 14 семей. Но она через три года распалась.

В 1930 году Тонкошуровку, как и всю страну, настигла всеобщая коллективизация. Был создан первый колхоз «Фриден», что в переводе на русский язык означает — мир. Хорошее слово, верное, доброе. Мир на земле, мир в твоей стране, мир в семье и в душе.

В колхоз сразу вошли 64 семьи. Первым председателем был избран Райгерт Маркус.

До войны этот колхоз, благодаря трудолюбивому немецкому народу, был процветающим. Несмотря на жёсткие климатические условия, добивались рекордных урожаев зерновых, картофеля и других корнеплодов.

В то же время на окраине села был посажен очень большой по площади яблоневый сад, который стал символом села. По весне школьники выходили в сад, каждый класс на свою территорию, с граблями, лопатами и вёдрами, чтобы убрать прошлогоднюю листву, обрезать ненужные ветки, расчистить дорожки. В мае сад расцветал своими нежными бело-розовыми цветами и благоухал. Стар и млад — все спешили туда, чтобы напитаться живительными ароматами природы и полюбоваться этой неземной красотой. А уж влюблённым парочкам сам Бог велел встречаться в этом саду и без конца говорить, говорить о любви…

1941 год. Война с Германией принесла огромное горе в семьи сельчан. Население села — немцы, а раз немец — значит, фашист. Они, как никто другой, прочувствовали на себе всю ненависть русского народа. Защищать страну от общего врага им не разрешили. Разве можно давать оружие в руки немцам? И никто не хотел брать в расчёт, что это были те немцы, для которых Советский Союз уже давным-давно стал Родиной.

Все мужчины и подростки с 16 лет в конце 1941 года были мобилизованы органами НКВД в трудовую армию. Трудовая армия для немцев — это тот же лагерь для заключённых. Работы на шахтах, стройках, лесоповалах, проживание в бараках, мало пригодных для жилья, плохое питание, скученность людей. И как следствие — болезни и смерти. Кроме того, бесконечные несчастные случаи на работе, где не соблюдались никакие нормы техники безопасности. И самое страшное в жизни — полное бесправие под

охраной и днём, и ночью. На работу — в колонне и обратно так же. Постоянные унижения за то, что ты немец, хотя пашешь не покладая рук, чтобы приблизить победу.

С 1942 года тонкошуровские мужчины и подростки, а затем женщины и девушки проходили трудовую армию и в шахтах Челябинской области, и на лесоповалах Севера, и на стройках Нижнего Тагила, Краснотурьинска, Карпинска. Они могут гордиться, что их самоотверженным трудом были построены очень многие объекты.

Дома остались женщины с детьми до трех лет, старики. Как им приходилось выживать - одному Богу известно. Приезжающие из райцентра уполномоченные требовали уплатить налоги, хотя видели, что во многих домах дети спят на соломенных матрацах прямо на полу. Молоденьких женщин называли «фашистскими подстилками» и другими непотребными словами.

Вот так и выживали. Работали в колхозе за трудодни-палочки, растили и воспитывали деток и ждали, когда же закончится проклятая война, когда же вернутся домой отцы, мужья, братья, сёстры. Далеко не все вернулись после трудармии в Тонкошуровку. Одни умерли от несчастных случаев на работе, другие — от болезней, третьи остались там, где в годы войны оказались по воле судьбы. Поэтому на Урале, особенно в Челябинской области, в Магнитогорске было много семей с немецкими фамилиями.

С 1954 года колхоз, как и вся страна, поднимал целину. Увеличилось число пахотных земель, на которых засевались зерновые культуры, картофель. Страна менялась. Колхоз ушёл в историю. Теперь это было отделение большого совхоза. Управляющим отделением совхоза был казах - и это в селе, где 95% населения было немецким! Такова была кадровая политика в национальных республиках. Руководителями предприятий назначались прежде всего представители коренной национальности. А кадры, как известно, решают всё.

Так как в районе было два села, где преобладало немецкое население, то одно из них называлось в народе «Большим Берлином», а другое - «Маленьким Берлином». Тонкошуровка была «Маленьким Берлином».

В конце 60-х годов я приехала по направлению РОНО работать учителем в Тонкошуровскую восьмилетнюю школу. Директор школы — Никитенко Анатолий Васильевич. Учителя, в основном, русские. Несколько человек в коллективе были из местных немцев. Школа - обычная, типовая, на русском языке велись все предметы, а немецкий язык — иностранный. Всё это в классах, где один-два ученика были не немцами. Дома они разговаривали только на родном языке, поэтому я до сих пор удивляюсь, как мог семилетний ребёнок понимать учителя, говорящего на русском языке?

Многие взрослые говорили по-русски, хотя и с большим акцентом. Примерно такой диалог двух женщин, встретившихся утром у колодца и желающих показать, что они грамотные и умеют говорить по-русски:

- Наша Эльза вышла замуж.

- За кому?

- Да за Яшка, рыжий парень, за тому.

Школа размещалась в двух зданиях и работала в две смены. Здания были старые, построенные неизвестно когда. После выстроят прекрасную двухэтажную школу, которая работает и по сей день. Директор школы Барабаш Людмила свободно говорит на немецком языке.Сельский хор

Никаких квартир или общежитий для учителей в то время не было. Меня поселили на частной квартире. Хозяин дома Функ Адам Петрович и его жена Амалия Ивановна — бездетная пара, в возрасте 50 с «хвостиком», выделили мне маленькую комнатку для жилья. В основном, я приходила с работы вечером, так что практически только ночевала. Учителя все молодые, целыми днями работали, а по вечерам ходили в кино, на репетиции, на концерты.

Сельский хор

У супругов Функ были очень тёплые отношения. Адам Петрович в годы войны работал в трудармии в Магнитогорске. После возвращения трудился столяром в мастерской. Амалия Ивановна вела домашнее хозяйство: корова, свиньи, утки, куры, гуси. Всех надо накормить, напоить, подоить корову. Да ещё немецкая чистоплотность: белые занавески, салфетки, скатерти. Кругом — ни пылинки. Так день и пролетает, покушать приготовит — и мужа с работы ждёт. Несмотря на прожитые вместе несколько десятков лет, супруги Функ общались друг с другом так, как будто только вчера поженились и у них медовый месяц. Рассказывали те, кто с Адамом Петровичем вместе были в трудармии, как после определённых послаблений после войны мужчины по вечерам уходили проводить время у знакомых женщин, с вытекающими из этого последствиям. Звали с собой и Адама Петровича. Да только он уклончиво отвечал, что этим очень обидит свою Амалию. А он бы не хотел её ничем огорчать.

После ужина, по вечерам, Адам Петрович разворачивал газету для советских немцев «Neues Ieben" , что в переводе означало «Новая жизнь», и районную многотиражку, а потом тихо и спокойно они вместе обсуждали прочитанное. Как-то Амалия Ивановна сходила в магазин, принесла продукты и сказала мне: «В магазин привезли хоних». Как называется этот продукт на русском, она не знала. Как же она мне только ни пыталась объяснить, что это такое. Говорила, что есть такие домики в садах, и там получают этот «хоних». Только сходив в магазин, я узнала, о чём говорила Амалия. Honig в переводе на русский - это мёд. И если здесь жить и работать, то нужно обязательно учить немецкий язык.

Школа на русском языке, а дети — немецкой национальности. Дома и в быту они говорили только на родном языке. Как работалось нам, учителям? Да хорошо работалось! Хорошо и интересно! Ведь эти дети ходили в школу с большим желанием и интересом, старательно выполняли все домашние задания и с большим уважением относились к учителям. Учительский коллектив был настолько молод, что сейчас можно только позавидовать: самой старшей из учителей начальных классов не было и сорока лет. Поэтому молодого задора, энтузиазма, разных увлечений было предостаточно.

Школьники на экскурсии в Омске

В сентябре, отучившись недели две, все школьники в Казахстане четырнадцать дней работали на полях, убирали картофель. Так было и в моём детстве. Хорошо, если погода тёплая и сухая, а если дождик, туманы, изморозь, то простуды не избежать.

Итак, в первый день и учителя, и ученики 5-8 классов с лопатами и вёдрами выезжали на картофельное поле. Водитель машины, весёлый парень, предупреждал: «Как только поедем, пойте песни, а не будете — пойдёте пешком». Только отъехали — грянуло:

Вставай, стана огромная!
Вставай на смертный бой
С фашистской силой тёмною,
С проклятою ордой!

Почему пели эти девочки и мальчики именно эту песню? Ведь они родились, когда уже давно было мирное небо над головой. Конечно, они знали многое из рассказов своих родителей о войне и о том, что пришлось им, «русским немцам», пережить в эти трудные времена. Наверное, пели, чтобы помнить, чтобы такого больше никогда не повторилось. Ведь их предки: Зальцман, Гуш, Вольф, Шиллер, Роор, Ганзен, Каппес, Герман, Гоникер, Функ, Франк, Беккер, Гильдт, Шунк - когда-то, в далёком 1909 году, основали здесь село Тонкошуровку. Оно и стало их Родиной.

В селе была партийная и комсомольская организации. Все жители села, от мала до велика, жили в те годы в своей стране как единый часовой механизм. По утрам провожали детей кого в школу, кого в детский сад, спешили на работу.

С перестройкой всё изменилось. Поэтому, когда власти разрешили переезд на жительство в Германию, многие сделали выбор в пользу Германии - и из большого села получился не просто маленький, а крохотный «Берли». По переписи 1999 года в нём проживало всего 606 человек (312 мужчин и 294 женщины). Через десять лет население уменьшилось вдвое, и на 2009 год осталось 259 человек. Но, тем не менее, в селе есть детский сад, школа, магазин смешанных товаров, клуб.

Хотя сейчас в Казахстане, после известных событий начала января 2022 года, никто не знает, как дальше здесь жить. А жить надо просто и пытаться сберечь в себе человека.

Анастасия РЕШЕТНИКОВА

МОИ КОРНИ – В ФИНЛЯНДИИ

В трёхмесячном возрасте в 1989 году родители привезли меня в город Качканар Свердловской области. Здесь я выросла, окончила школу. Здесь, в Качканаре, родились мои младшие сёстры Марина, Ирина и брат Илья. Таким образом, Качканар - это моя родина. Мне нравится мой город. Мои любимые места в нём - это парк и моя школа, школа имени К. Н. Новикова, в

которой я училась с первого класса. Ещё мне очень нравится наша природа, живописные красоты вокруг города, особенно гора Качканар.

Так получилось, что корни моей семьи находятся в другой стране, в стране Калевалы, волшебной мельницы Сампо... Это Финляндия. О своих финских корнях я кое-что знала. Я ездила в гости в Финляндию к своим родственникам, которые живут в городе Фореса. Чем-то этот город похож на наш Качканар, только он очень чистый, прибранный, ухоженный. Хоть это и северный город, там очень много цветов, которые растут прямо на улицах и площадях. Удивило, что один из самых развитых видов транспорта у них – велосипед, и ездят целыми семьями. Ездят в магазин, ездят на работу. Народ очень приветливый, доброжелательный, продавцы улыбаются, всё очень тихо и спокойно. Ритм жизни размеренный. Эта поездка позволила мне лучше узнать страну, которую можно считать второй родиной.

Изучать историю своей семьи я начала ещё в школе, после того, как нам на уроке истории предложили написать творческую работу "Откуда я родом?". В написании работы большую помощь мне оказала мама Ольга Владимировна. Очень удачно получилось, что перед рождественскими праздниками к нам в гости из Финляндии приезжала бабушка Софья Васильевна. Она очень много мне рассказала. Некоторые вопросы я уточнила с помощью дяди Лёши, брата моей мамы, созваниваясь с ним по телефону. Он прислал из Финляндии ксерокопированные фотографии, перевод статьи, напечатанный в газете "Лянси-Суоми", и рисунок. Мне хотелось как можно подробнее изучить историю моей семьи, особенно тех её членов, в жилах которых течёт финская кровь.

Всё, что я узнала, - это интересно и поучительно. Через меня и мою семью протянулась как бы ниточка между Уралом и Финляндией, а, между прочим, финно-угорские народы - древнейшее коренное население Урала. Поэтому и получается, что я могу назвать Урал и Финляндию своей родиной.

Семья Юхо Роси

Мою прабабушку зовут Майя Роси. Мы называли её просто баба Маруся.

Родилась она 30 апреля 1909 года в Финляндии, в городе Сиикайоки. Отрывочные сведения о её происхождении содержатся в документе, который она получила, выходя на пенсию. Ей нужно было подтвердить возраст. Для этого в 1964 году ей прислали справку из Финляндии, из церковного прихода города Оулу. В ней говорится, что она дочь безземельного крестьянина Юхо Роси, родилась в городе Сиикайоки. В 1922 году вместе со своими родителями переехала в город Кемпе.

Известно, что жили они в землянке с маленьким окошечком. В хозяйстве держали корову. Её мама Сильё работала служанкой в одной из богатых семей. Ещё она шила одежду на заказ. Отец, Юхо Росси, получал заработки, ухаживая за лошадьми. Как видим, жили очень бедно. Это сейчас Финляндия - богатая и процветающая страна, а в то время бедняков в ней хватало.

К тому же семья Юхо и Сильё Роси была большой. У них было девять детей. Трое из них умерли в раннем возрасте, шестеро выросли и достигли пожилого возраста. Это Сюльви, Айну, Майя, Лайла, два брата-близнеца - имена их не помним.

Майя Роси

Судьба разбросала членов семьи. Старшая сестра Айну в 18 лет уехала в Канаду. Судьба близнецов была довольно трагичной. Один из них погиб во время советско-финской войны 1939-1940 годов. Эта война принесла много горя финскому народу, большие потери понесли в ней и советские войска. Брат прабабушки защищал свою родину - Финляндию, он был партизаном. Однажды он шёл по лесу, и в него прямым попаданием попала бомба. Тело разнесло в клочья, остался лишь один сапог. У другого брата-близнеца была семья: жена и трое детей - дочь Тойни(1936г.), сын Тауно (1938г.) и сын Каукко. В 20 лет Каукко разбился на мотоцикле. Жизнь его отца тоже оборвалась трагически. Однажды он взял охапку сена вместе с миной. Мина взорвалась у него в руках. Таким образом, оба брата погибли, став жертвами войн. Первый - советско- финской, а второй - второй мировой.

В 17 лет моя прабабушка вышла замуж за Мартти Путало. Мартти работал журналистом в газете “Калева” в городе Оулу. С фотографии смотрит на нас симпатичный, молодой, интеллигентный человек. Он совсем не принимал алкогольных напитков, зато имел репутацию женского угодника. Майя прожила с ним в браке пять лет. Детей у них не было. Работала она нянькой, присматривала за хозяйством. Брак не был счастливым, к тому же Мартти полюбил младшую сестру Майи Лайлу. С ней он обрёл своё семейное счастье. Они вместе прожили всю жизнь.

Это была одна из причин, почему Майя Роси решила круто поменять свою жизнь и уехать в Советский Союз - первое в мире государство рабочих и крестьян. А Финляндия в то время переживала очень трудные времена. Её, как и другие западные страны, постиг жестокий экономический кризис в конце 20-х - начале 30-х годов XX века. А в Советском Союзе была полнос-

тью ликвидирована безработица. Там не было эксплуатации человека человеком, поэтому Советский Союз был очень притягательной страной в глазах финнов. Многие из них уехали туда в поисках лучшей доли. Были даже такие, которые сначала уехали в Америку, а потом перебрались в СССР. Главная проблема заключалась в том, что перебираться нужно было нелегально. На этом делали бизнес специальные люди вербовщики. 15000 финнов прибегли к их услугам[43]. Одной из них была Майя Роси. В то время ей было 23 года. Она была в расцвете трудовых сил.

Трудные годы в Советском Союзе

Границу Майя Роси нелегально перешла в один из дней 1932 года. С собой у неё был рюкзак, еда – всё, как инструктировали вербовщики. Границу перешли удачно лесом. Ночевать приходилось под открытым небом, приходилось встречать диких животных. Когда закончилась еда, питались ягодами. На советской территории её задержали, но через несколько суток отпустили: бедная женщина у пограничников не вызывала подозрений.

Перебежчиков на лошадиных повозках довезли до Петрозаводска, а потом на место - строительство канала. Там работали люди разных национальностей. Среди них - 500 финнов. Сразу же стали развеиваться мечты о свободном труде. Жили в бараках, питание было очень скудным: пустые щи и кусок хлеба составляли обычный обед. На строительстве канала Майя проработала год. Потом её вместе с другими рабочими отправили в другое место работы, в Сибирь, в переполненных теплушках, в которых было тесно и душно. На новом месте людей расположили в закрытом монастыре. Там был создан карантин - распределитель, своеобразный трудовой лагерь для эмигрантов. Здесь из них “воспитывали” советских граждан. В этом лагере также было много финнов, из которых 72% было мужчин, 28% - женщин. Кроме финнов, там были ещё поляки, эстонцы, евреи, немцы. Обитатели лагеря работали на лесоповале и на пилораме. Еда - солёная капуста и картошка. Пребывание в лагере продолжалось год.

Следующий пункт пребывания Майи - Магнитогорск, стройка первой пятилетки, крупный центр металлургической промышленности на Урале. Майя стала работать на заводе в литейном цехе. Здесь тоже работали люди разных национальностей, поэтому были проблемы с языком. Работали практически за зарплату и за еду, потому что из зарплаты вычитали налоги, профсоюзные взносы, подписывались на государственный заём. Считалось, что взносы платили добровольно, на самом деле - принудительно.

На этом же заводе она познакомилась с человеком, финном по национальности, которого звали Вуорисало Вильхард. Он родился 3 марта 1888 года в селе Чучма в Финляндии, имел начальное образование: 4 класса финской школы. В 1932 году перешёл государственную границу, тоже

[43]Антонио Роухио “О пропавшем сыне горюю по-прежнему...”, - “Лянси - Суоми”, 5 апреля 1992 года

нелегально, за что был арестован на 10 месяцев, но потом выпущен. И хоть он был старше Майи на 21 год, они поженились. На заводе он работал слесарем.

Вскоре их перевели в Первоуральск, где начиналось строительство кирпичного завода. Жили они в бараке. В одной комнате барака жили четыре семейных пары. Каждый день с 8 утра до позднего вечера баба Маруся трудилась на лесоповале, а её муж был слесарем - водопроводчиком Динасового завода города Первоуральска.

В июне 1937 года у них родилась дочь, моя бабушка. Назвали её Сигне - Эдит, но в ЗАГСе её по ошибке записали Сикнеэрита. Но их семейная жизнь была недолгой, ведь это был пик сталинских репрессий. Врагов искали везде и повсюду. Такими врагами становились люди, в своё время нелегально перебежавшие границу. Очень часто забирали финских граждан. Они просто пропадали, а об их дальнейшей судьбе приходилось только догадываться. Дочка Соня быстро подросла, несмотря на тяжёлые условия. Мастер на все руки Вильхард погладил дочку по голове, обнял крепко Майю и больше никогда не вернулся. Из того же барака забрали и других. Один из финнов сунул горсть скомканных рублей в руку выбежавшей во двор Майе и сказал: “У тебя всё-таки ребёнок, а мне деньги больше не понадобятся”. С тех пор Вильхард Вуорисало пропал, и о нём ничего не было известно. И лишь в 1994 году баба Соня сделала запрос в управление федеральной службы контрразведки по Свердловской области. В ответе сообщалось, что Вильхард обвинялся в участии в диверсионной организации и проведении якобы “шпионской работы”. Особой тройкой при УНКВД по Свердловской области он был приговорён к высшей мере наказания. 10 декабря 1938 года приговор был приведён в исполнение. Где он похоронен - неизвестно. Известно лишь, что массовые захоронения производились на 12-м километре автодороги Екатеринбург - Первоуральск с правой стороны по ходу движения. Такова трагическая судьба Вуорисало Вильхарда, скромного труженика, который в стране советов хотел найти лучшую долю, а обрёл трагический конец. Майя горевала долго, пока нашла в себе силы идти на работу - рытьё глины из котлованов на изготовление кирпичей. Соню определили в детский сад, но она стала часто болеть, и это потребовало от Майи постоянного ухода за дочкой.

На этом испытания для Майи не закончились. Её перевели на лесоповал в t* уральскую глушь. Там она познакомилась с финном по имени Хейкки, который работал слесарем на пилораме, где пилили из леса привезённые брёвна. Однажды Хейкки дал Майе нож, сделанный из куска сломанной пилы. Охранник подумал, что нож был украден, и Майю посадили под замок. Она не знала, что говорить на допросе, потому что не хотела подводить Хейкки. Ведь и его тоже могли забрать. На допросе Мария стала плакать и жаловаться, что дома осталась маленькая дочь. Соню тоже привели в камеру, но после этого Майю больше не трогали. Майя по-прежнему работала на лесоповале. Во время сильных морозов она отморозила руки и попала в больницу.

Ещё сложнее стало, когда началась вторая мировая война. Майя, Хейкки и другие перебежчики были отправлены в район города Карпинска, в трудовой лагерь. Здесь же жили и военнопленные немцы. Это была закрытая зона, огороженная колючей проволокой, с тюремным режимом. Условия жизни были ужасные. Люди недоедали. Поначалу бараки, где жили перебежчики, кишели крысами, но потом и они пропали. И финны, и немцы стали употреблять их в пищу, чтобы каким-то образом выжить. Крысятина была знакомым блюдом и для Майи. Хлеб она берегла для дочки. «Не брезгуй, у грызуна хорошее мясо. Ведь зайцев тоже едят» - успокаивал Хейкки Майю.

С приходом весны стали варить суп из крапивы, который после пустых щей казался божественным. Когда-то отмороженные руки давали о себе знать, и Майю определили на уборку бараков. В отличие от военнопленных, перебежчики имели свободу перемещения за пределами лагеря. Однажды Майя пошла собирать грибы и ягоды в лес. За ней увязался один из военнопленных, но его застрелили прямо у ворот. В другой раз Майя и Хейкки вместе пошли собирать ягоды, чтобы продать их потом в городе. К своему несчастью, они забрели на колхозное поле и стали подбирать оставленную там картошку. Их задержали, но после допроса отпустили. Майя и Хейкки продали ягоды и возвратились в лагерь, а охранникам сказали, что заблудились в лесу. Но охранники всё равно стали относиться к ним с недоверием. Через несколько дней Хейкки забрали. Уже несколько лет спустя Майю спросили, была ли она женой Хейкки и где его финский паспорт. Майя ответила, что женой его она не была и про паспорт ничего не знает. С тех пор о судьбе Хейкки ей ничего не было известно.

Колючую проволоку вокруг лагеря убрали после того, как немецких военнопленных перевели в другое место, но по-прежнему остро чувствовался голод и недостаток в одежде. Однажды умерла старая немка с верхней полати, и Майя сразу же взяла себе её одежду. Подобный поступок был в порядке вещей. Если бы не она, то это сделал бы кто-нибудь другой.

В лагере Майя познакомилась с финном по имени Ууно, сапожником по специальности. Майя, Соня и Ууно стали жить вместе в сапожной мастерской. Обуви не хватало, как и одежды, кожу было трудно достать. Вскоре у Майи родился сын, которого назвали Вовой. Казалось, что жизнь начинает налаживаться, но.... Однажды Ууно нашел старую транспортёрную ленту на заброшенном заводе, сделал из неё сапоги и продал их. Однако один мужчина стал утверждать, что лента была украдена. Ууно стали подозревать в воровстве, и он ушёл в соседний колхоз. Через какое-то время и Майя последовала вместе с детьми за ним, но у Ууно там уже была другая женщина. Но всё-таки он сказал, чтобы Майя стала жить вместе с детьми при колхозной столовой. Однажды она молола муку для бригадира, а за работу получила одни отруби. Тогда Майя напомнила бригадиру, что он-то обещал муки. Разгорелась ссора, и бригадир вцепился ей в горло. В отчаянии Мария пнула бригадира в уязвимое место промеж ног. После этого незамедлительно последовало увольнение. Оставшись без средств существования,

Майя вынуждена была заниматься попрошайничеством. Русский народ добрый, всегда кто-нибудь что-нибудь подавал: то картошки, то хлеба, то лука. Но её ждал ещё один, очень сильный удар. Однажды Майя с детьми ждала на вокзале поезда. К ним подошла незнакомая женщина. Она заговорила уверенно и спокойно, стала жалеть детей. Потом она дала им хлеба с маслом и сказала, что знает место в городе, где маленьким детям дают молоко. Майя поверила сладким речам и согласилась на уговоры. Дети были голодны, и она отпустила Вову с женщиной в город. В условленное время они не вернулись. Долго Майя прождала и проплакала, но своего родного Вовушку так больше и не увидела.

Майя много лет проработала в Карпинске. Она была там одной из последних финнов. В 1962 году вместе с дочерью Соней она переедет в Краснодарский край. Там она успела поработать до выхода на пенсию на консервном заводе. Пенсию ей начислили 30 рублей в месяц. Как видим, отдав стране все лучшие годы, она не смогла себе обеспечить достойную старость.

В 1973 году Сюльви - сестра моей прабабушки - сделала ей вызов, и она уехала к себе на родину, где живёт по сей день.

Вызывает удивление, сколько бед и невзгод выпало на судьбу моей прабабушки, и как только она сумела все их перенести. Это хороший пример мужества и жизнестойкости.

Рисунок из газеты "Лянси-Суоми"

Семейная жизнь Софьи

Баба Соня впервые пошла в школу в 12 лет. Это было в городе Карпинске. Отучилась она там неполных 5 классов.В гостях у прабабушки

В 1956 году, когда бабе Соне было примерно 20 лет, она вышла замуж за моего дедушку Поздеева Владимира Александровича. Моя бабушка очень часто любила и любит путешествовать и что-нибудь менять в своей жизни. В 1957 году с мужем она уехала в Казахстан, где родилась их первая дочь Татьяна. В Казахстане в это время осваивали целину. Баба Соня работала телятницей, а дед Володя был плотником.

В 1958 году они ехали обратно на Урал, в город Карпинск. В этом городе родился мой дядя Саша. Работали мои бабушка и дедушка на угольном разрезе (добыча угля). Дедушка - сварщиком, бабушка - выборщицей (выбирала горные породы).

В 1962 году их семья переехала на Кубань. Там в станице Пластуновская у них родился сын Алексей. В этой станице дед Владимир и баба Соня работали на сахарном заводе. Владимир - также сварщиком, Соня - на строительном участке.

В 1967 году семья Поздеевых снова переезжает, на этот раз в город Качканар. Здесь родилась моя мама Ольга в 1969 году. А бабушка, второй раз выйдя замуж, с новым мужем уехала в Брянскую область, где родился мой дядя Андрей. В 1981 году все снова приехали в Качканар. Здесь мы живём по сей день, а бабушка в 1996 году уехала в Финляндию, в город Фореса. Теперь она живёт там с дядей Лёшей, его женой Марьей, дочерью Юлией-Анни-Еленой и с бабой Майей.

Изучив историю моей семьи, я увидела, что в ней было очень много трагических страниц. Хорошо, что все они уже позади. Жизнь вошла в нормальный ритм, и не является преступлением то, что разные члены одной семьи живут в разных странах, могут переписываться между собой и ездить в гости. Поэтому я считаю, что моя родина - Урал и Финляндия. А Земля - наш общий дом.

В гостях у прабабушки

Михаил ТИТОВЕЦ

ДРОЗДЗЕВИЧИ – УРАЛЬСКИЕ ПОЛЯКИ

Русский, немец и поляк танцевали краковяк

Э.Б.Котова

Испокон веков наше Отечество было многонациональным. Представители различных наций и народностей из поколения в поколение жили рядом, вместе работали, вместе защищали страну в суровую годину; беды и праздники — всё вместе. Ну, и роднились, конечно. Поэтому очень даже запросто могли танцевать и польский краковяк, и русскую плясовую, и другие танцы. Ну, а краковяк мы упомянули еще и потому, что речь пойдет о российских поляках. Такую возможность нам предоставила Э.Б.КОТОВА.

Теперь уж и не вспомнить, когда, в каком году Элеонора Брониславовна пришла в архив, пришла познакомить нас со своими розысканиями. Вообще это здорово, что архив является центром притяжения людей неординарных, творческих, креативных. Но после изучения «Как такое возможно?» — такой или примерно такой вопрос задавали коллеги по чиновничьему цеху, не скрывая удивленного восхищения или восхищенного удивления от знакомства с этим колоссальным трудом. Возможно! Такое возможно, когда человек без этого уже не мыслит своего бытия, когда знание своих корней становится насущной потребностью.

Увлекательный поиск Элеоноры Брониславовны начался с художественно-публицистического альманаха «Камышловские встречи», в котором упоминался её дедушка Томаш Дроздзевич. Написала в Камышлов — ей ответили. Ну, и процесс, как говорится, пошёл. Были опасения «нарваться» на пресловутую «польскую спесь» новообретенных родственников, но ничуть не бывало: какой же нормальный человек откажется от счастья обретения, в данном случае — самих себя в исторической ретроспективе. Однако Элеонора Брониславовна по-дружески предупреждала о неизбежных материальных затратах: почтовые расходы и междугородние переговоры не дёшевы. От себя добавим, что генеалогические запросы в государственные архивы — это платная услуга.

Но результат налицо: в десяти объемных папках-скоросшивателях

запечатлены факты биографий десятков представителей рода Дроздзевич и Сцисло в виде архивных документов, писем, фотографий, воспоминаний, подробных генеалогических таблиц. Вполне хватило бы материала на биографический роман-эпопею, в котором были бы образцы беззаветного служения, трагически поломанные судьбы, возможно — роковые страсти (полякам без них нельзя). Мы же попытаемся из всего этого генеалогического богатства выхватить пару-тройку сюжетов.

Корни

Поляки в России — отнюдь не откровение, а скорее норма: после Третьего раздела Речи Посполитой в 1795 году большая часть Польши находилась в составе Российской империи, и Российский император титуловался в том числе царём Польским. В экономическом плане польские губернии были очень развиты, поэтому среди поляков было много технических специалистов, востребованных в других регионах страны.

Томаш Дроздзевич оказался востребованным на Урале, в уездном городке Камышлове, куда был приглашён своим бывшим воинским начальником полковником Ольдероге, куда и перебирается в конце XIX века из польского городка Сташева. «Сташев наших прадедов (на переломе веков)» — так называется книжечка на польском, правда, языке об исторической родине Э.Б.Котовой и её многочисленных родственников. В ней мы находим упоминания о Дроздзевичах и Сцисло. Станислава Сцисло, дочь Игнацио и Валерии (урожденной Генца) стала женой Томаша Дроздзевича, сына Франтишека и Марианны (урождённая Хойна) 16 октября 1895 года. Так гласит свидетельство о бракосочетании, такое, знаете, с особым каким-то

Марианна и Бронислав

А.Ф.Дроздзевич

колоритом и неповторимой эстетикой, характерной для документов дореволюционной эпохи. Как и для фотографий той поры. Это не только свидетели эпохи, но и произведения искусства. Как, например, те, которыми «угостила» меня Э.Б.Котова при нашей последней встрече. На одной из них солидный господин, точнее будет сказать, «пан», пан Адам Францевич Дроздзевич, родной брат Томаша. На другой - дети Томаша: Марианна и Бронислав, соответственно тётя и будущий отец Э.Б.Котовой (о них мы ещё скажем).

Ну, и как же чувствовали себя польские уральцы? Да, судя по всему, прижились на благодатной камышловской почве и дали хорошие плоды. Детьми Станиславу и Томаша Дроздзевич Бог не обидел. Уже коренными уральцами стали Марианна, Ян, Пётр, Юлия, Софья, Хеля, Валерия, Бронислав. Их пощадили вихри революции и гражданской войны (хотя Камышловский уезд был ареной достаточно жестоких сражений), зато больно ударило «наступление социализма по всему фронту».

Поломанные судьбы

При советской власти поляки, бывшие подданные Российской империи, ставшие гражданами СССР, в одночасье стали людьми подозрительными. Уж не знаю, помнят ли «польские паны конармейские наши штыки», но мы-то знаем, что уже в 1920 году армия только что отпочковавшейся от России Польши так вломила нашим «конармейцам», что те галопом неслись от Варшавы и даже сдали Киев. Киев с грехом пополам вернули, а вот Западные Украина и Белоруссия находились в составе Польши аж до 1939 года. Ну, и понятно, что, когда начались массовые репрессии в 30-е годы, притянуть поляков было для энкавэдэшников беспроигрышной лотереей. Так, например, в Камышлове они придумали контрреволюционную националистическую организацию ПОВ (Польская организация войсковая), которая якобы передавала шпионские сведения польской разведке, занималась диверсионной деятельностью и готовила вооруженное восстание (в центре страны? Смысл?).

Среди документов Э.Б.Котовой — архивные справки о судьбах её репрессированных родственников. Страшные по содержанию документы. И ещё более страшные оттого, что в файликах с ними находятся портреты этих несчастных. Люди как на подбор очень красивые, наверняка мечтавшие о счастье... А преступный режим взял да и поломал им судьбы. Просто так! Ни одно из обвинений не подтвердилось!

Дроздзевич Ян Томашевич, 1899 года рождения, арестован 10 июня 1938 года по обвинению в принадлежности к ПОВ. Постановлением Особой Тройки от 8 октября 1938 года приговорен к расстрелу. Приговор приведён в исполнение 29 октября 1938 года.

Дроздзевич Петр Томашевич, 1911 года рождения, заведующий учебными мастерскими школы ФЗУ на станции Камышлов, был арестован 18 декабря 1937 года по обвинению в подрывной деятельности в школе ФЗУ и контрреволюционной агитации. Постановлением Особого Совещания при НКВД СССР от 1 апреля 1938 года приговорён к заключению

сроком на 10 лет. В 1940 году срок заключения снижен до 5 лет.

Дроздзевич Елена Томашевна, 1908 года рождения, из рабочих. Арестована 21 марта 1938 года по обвинению в контрреволюционной деятельности и причастности к разведывательным органам. Постановлением Особого Совещания от 15 июня 1938 года приговорена к заключению на 10 лет.

Методика получения признательных показаний была в духе времени. По рассказам самой Елены Томашевны, её, беременную двойняшками, следователи избивали и выбили несколько зубов. С следственной камере она находилась вместе с уголовницами, и те советовали ей подписать все обвинения, чтобы скорей оказаться в лагере, где беременных женщин хотя бы не избивали.

Звезды, что ли, были благосклонны к Елене Томашевне, но постановление по её делу было отменено. Есть предположение, что для этого крепко постарался её муж Г.Т.Пшеничников. Он был начальником цеха на ВИЗе в горячий момент, когда там монтировался прокатный стан для производства трансформаторной стали. Дело столь важное, что начальник цеха получил даже телеграмму за подписью Сталина. С её-то помощью и удалось вызволить несчастную женщину, хотя она уже подписала все обвинения.

В пермской тюрьме №2 умер старый железнодорожник **Адам Игнатьевич Сцисло**. Ему на момент ареста было 58 лет. Через два месяца после ареста его не стало. Отказало ли сердце, или запытали, или всё вместе — этого мы уже не узнаем.

Но правящий режим — это ещё не страна. Когда же на страну напал грозный враг, её доблестно защищал **Бронислав Томашевич Дроздзевич**, отец Э.Б.Котовой. Действительно доблестно, с июля 1941 года и до конца войны, за что награждён орденом Красной Звезды и медалями.

Почему-то вспоминается актер М.Евдокимов со своей знаменитой фразой: «Судьба...»

Итак, коротенечко мы познакомились с биографией одной российской семьи, точнее, лишь с некоторыми фактами этой биографии. Но, думается, и их достаточно, чтобы убедиться, что Россия — не только для русских.. Она для всех, кто любит Россию, кто приумножает ее материальное достояние, кто был с нею в минуты роковые.

РАСКУЛАЧИВАНИЕ

Анна Сергеевна Рыкова, заведующий отделом научно-справочного аппарата Государственного архива Свердловской области

Информационный ресурс «Книга Памяти раскулаченных Свердловской области»

В ноябре 2017 года в рамках рабочей встречи делегации межведомственной рабочей группы по координации деятельности, направленной на реализацию Концепции государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека, губернатора Свердловской области и начальника Управления архивами Свердловской области в целях перспективы дальнейшего сотрудничества, было принято решение о необходимости создания Книги Памяти раскулаченных Свердловской области.

Государственный архив Свердловской области (далее - ГАСО) в течение 2018 года провел ряд подготовительных мероприятий: совершена рабочая поездка по обмену опытом в Объединенный Государственный архив Челябинской области; изучен опыт Омской области и Пермского края по созданию баз данных и книг Памяти по раскулаченным; проанализирована имеющаяся в ГАСО тематическая картотека по раскулаченным, выявлены ранее не проработанные по данной тематике фонды; собрана информация о наличии необходимых сведений о раскулаченных в фондах архивных учреждений Свердловской области, так, в архивные учреждения Свердловской области были направлены письма с запросом о наличии или отсутствии сведений о раскулаченных в фондах данных учреждений. Опрос производился посредством сплошного охвата. Информационные письма были разосланы в 79 учреждений. В результате получено 14 положительных ответов и 65 – отрицательных; проведена работа по подготовке проекта информационного ресурса по раскулаченным Свердловской области.

Помимо этого, на базе Управления архивами Свердловской области была создана рабочая группа, в состав которой вошли Управление архивами Свердловской области, государственные архивы Свердловской области, содержащие в своих фондах информацию по раскулаченным, в группу приглашены представители Информационного центра Главного Управления МВД России по Свердловской области, Управления ФСБ по Свердловской области и Уполномоченного по правам человека в Свердловской области.

26 апреля 2019 года на базе ГАСО проведен круглый стол по вопросу создания Книги Памяти раскулаченных Свердловской области, по итогам которого было принято решение в качестве подготовительного этапа создания Книги Памяти создать **информационный ресурс** «Книга Памяти раскулаченных крестьян Свердловской области» (далее – Ресурс) (рис. 1). Данное решение закреплено Резолюцией, согласно которой Государственный архив Свердловской области является ответственным организатором взаимодействия всех участников проекта по внесению сведений о раскулаченных Свердловской области, а также организатором издания Книги Памяти «Раскулаченные. Свердловская область» после завершения работ по внесению сведений в тематическую базу данных[1]. Также был составлен график подключения муниципальных архивов муниципальных образований, расположенных на территории Свердловской области, для наполнения электронного ресурса «раскулаченные.рф».

В июне 2019 года создана база данных «Книга Памяти раскулаченных Свердловской области» («раскулаченные.рф)», содержание которой - персональные карточки. На каждую персоналию создается электронная карточка, содержащая следующие поля для заполнения:

- Фамилия
- Имя
- Отчество
- Фильтр «раскулаченный/лишенный избирательных прав»
- Год рождения
- Возраст/ Возраст (дополнительно)
- Состав семьи
- Спецпереселенец/ Трудпоселенец

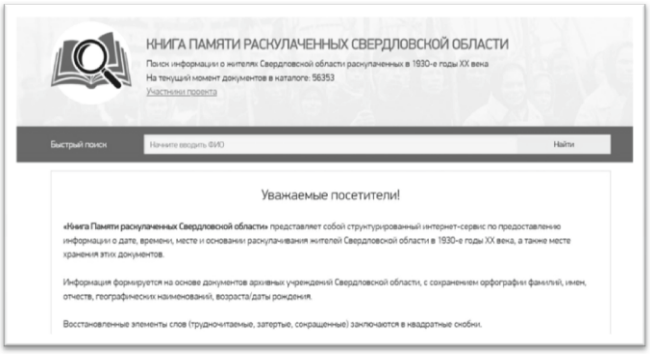


Рис. 1 Главная страница информационного ресурса

- Сведения о лишении избирательных прав/раскулачивании
- Сведения об отмене решения раскулачивании/восстановлении прав
- Место жительства : область – район– населенный пункт
- Основание для лишения избирательных прав
- Категория раскулачивания
- Основание для раскулачивания
- Мера наказания
- Опись имущества
- Документ-основание о раскулачивании/лишении прав
- Документ-основание об отмене раскулачивания/восстановлении прав
- Фонд/Опись/Дело/Лист

[1]Резолюция межрегионального круглого стола «Обеспечение доступа и создание информационно-поисковых систем к архивным документам, содержащим информацию о мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации», г. Екатеринбург, 26 апреля 2019 г.

- Архив
- Место выселения
- Связи

Все сведения для создания карточки персоналии должны быть основаны на конкретных архивных документах.

Ресурс формируется на основе сведений тематических картотек и документов, отложившихся в архивных фондах окружных, районных и сельских Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, действовавших на территории современной Свердловской области. Также сведения о проведении раскулачивания в Уральской области содержатся и в архивно-следственных делах ГКУСО «Государственный архив административных органов Свердловской области».

Данные воспроизводятся в карточке персоналии так, как они изложены в архивных документах. Не допускаются изменения, исправления, комментарии, собственные выводы архива по содержанию архивных документов, на основании которых вносятся данные[2].

В Ресурс вносятся сведения о раскулаченных на территории Уральской (современной Свердловской) области, о лицах, лишенных избирательных прав, за исключением лиц, признанных в установленном порядке душевнобольными и умалишенными, а также высланных на Урал.

Работа по наполнению Ресурса государственными архивами началась во II квартале 2019 года. Муниципальные архивные учреждения подключились к работе по внесению сведений согласно утвержденному графику: ежеквартально в течение 2020 года. Все участники проекта своевременно прошли обучающие занятия на базе ГАСО, получили методические материалы, ссылки на видеоинструкции. В 2021 году на основе рабочей инструкции по работе в ресурсе создана «Памятка по внесению и редактированию сведений в информационном ресурсе «раскулаченные.рф» (Книга Памяти раскулаченных крестьян Свердловской области)», цель которой – обеспечить корректное и единообразное внесение и редактирование сведений в ресурс. Памятка предназначена для сотрудников архивных учреждений Свердловской области, которые работают в ресурсе[3].

Информационный ресурс доступен любому пользователю сети Интернет и предоставляет возможность поиска по атрибутам, именному и географическому указателям, быстрый поиск по ключевому слову, возможность фильтрования именных списков. Также Ресурс предоставляет возможность для обратной связи с внешними пользователями. Дополни-

[2]Правила организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных и муниципальных архивах, музеях и библиотеках, научных организациях/М-во культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации, Федер. арх. агентство, ВНИИДАД. – М., 2020 – 88 с.

[3]Памятка по внесению и редактированию сведений в информационном ресурсе «раскулаченные.рф» (Книга Памяти раскулаченных крестьян Свердловской области), г. Екатеринбург, 2021 г.

тельно создан сервис «фотоархив.раскулаченные.рф» (Рис. 2), содержащий тематические фотографии из фондов архивов-участников проекта, а также из личных архивов сотрудников архивных учреждений. На главной странице Ресурса находится счётчик, показывающий общее количество персональных карточек на текущий момент. По состоянию на 01.01.2022 фотоархив содержит 38 архивных фотодокументов.

Ресурс «раскулаченные.рф» имеет мобильную версию.

Рис. 2 Главная страница фотоархива

Такая тематическая база данных для нашего субъекта создана впервые. Несмотря на изучение опыта создания аналогичных ресурсов в других субъектах Российской Федерации, мы столкнулись с определенными сложностями в работе.

Во-первых, это количество и состав документов, подлежащих просмотру. Так как база данных предполагает структурирование информации первоисточника, а при разработке структуры ресурса учесть и отразить всю имеющуюся в документах информацию невозможно[4], усовершенствование базы происходило одновременно с ее наполнением. Именно поэтому информационный ресурс следует рассматривать как инструмент для поиска, а не как полноценную замену исторического источника.

Во-вторых – физическое состояние архивных документов. Документы, из которых берутся данные для ввода в Ресурс, представлены в виде списков, анкет, жалоб, заявлений, характеристик, личных дел раскулаченных, протоколов заседаний и постановлений различных уровней исполнительно-распорядительной власти, докладных записок и иных тематических документов, находятся в различном физическом состоянии (Рис. 3). Специфика времени создания документа заставляет архивиста снизить темп переноса информации с традиционного на электронный носитель, вчитаться в полупрозрачные листы кальки, размытые чернила, затухающий текст печатной машинки, в рукописный текст.

Помимо физического состояния, хронологическая разрозненность документов требует дополнительного времени на выявление необходимой для занесения в Ресурс информации и установления последовательности создания документов. Отличительной особенностью Ресурса является то, что ввод информации в базу данных осуществляется каждым участником проекта индивидуально, посредством входа в личный каби-

[4] Твердюкова Е.Д. Опыт создания базы данных «Руководители блокадного Ленинграда» // Отечественные архивы. 2021. № 3. С. 17

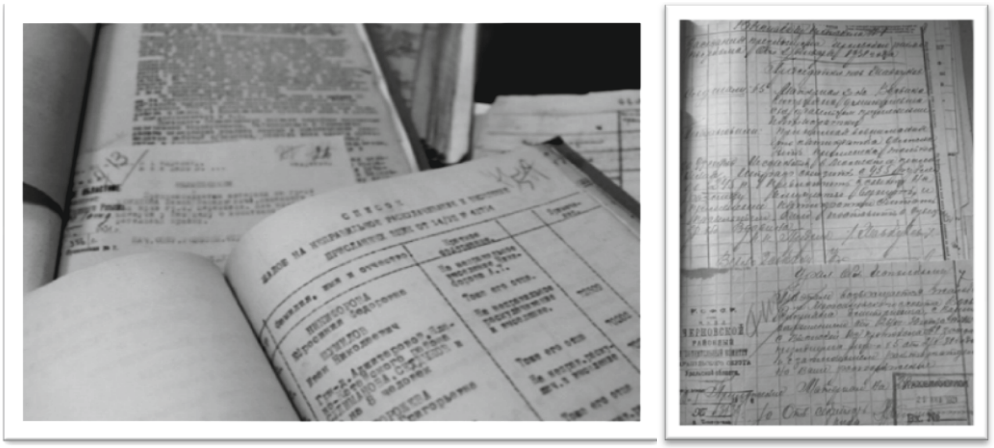


Рис. 3 Архивные документы по раскулаченным

нет. Такая организация работы исключает необходимость пересылки сведений между участниками проекта и персонифицирует ответственность исполнителя.

Контроль работы в Ресурсе происходит в онлайн-режиме: отработка технических сбоев работы самого ресурса, контроль качества ввода данных, консультирование участников по возникающим вопросам.

На сегодняшний день в Ресурс занесено более 56000 имён, что составляет более половины из планируемого объема. Работа по наполнению ресурса продлится до 2027 года. Количество участников на 01.01.2022 составляет 8 архивных учреждений из изначальных 19.

Содержание карточек персоналий различное: от самого минимального набора сведений до полного описания быта раскулаченного, включая членов его семьи. Благодаря наличию в Ресурсе информации о лишении избирательных прав можно проследить этапность процесса раскулачивания отдельной личности, за что ее раскулачили, в каком возрасте, какое было наказание, куда был выслан. В Ресурсе представлена форма поиска (Рис. 4), заполнив которую по известным пользователю сведениям, можно найти своего родственника, если сведения о нем внесены.

Для заполнения формы необходимо знать максимально точные данные о персоналии для более эффективного поиска. Помимо этого, содержание Ресурса дает общее представление об административно-территориальных границах Уральской области в 30-е годы, позволяет увидеть количество раскулаченных как в пределах небольших населенных пунктов, так и в рамках целых округов. Наиболее полно отражение процесса раскулачивания в Свердловской области будет представлено по окончании наполнения базы данных, так как одновременно с ее наполнением происходит проверка сведений на дублетность и корректность внесенных данных.

Исовский район представлен в ресурсе несколькими персоналиями, одна из которых имеет статус раскулаченного - Кутузов Андрей Филиппович, остальные – лица, лишенные избирательных прав по различным

основаниям: торговцы, члены семей лиц, лишенных избирательных прав. Более подробную информацию о них можно узнать, обратившись в соответствующий архив, указанный в архивной ссылке. Вероятно, количество сведений по Исовскому району в Ресурсе в предстоящие годы увеличится, так как наполненность Ресурса данными достигла только своего экватора, и предстоит просмотреть еще не одну тысячу архивных документов в ближайшие 5 лет.

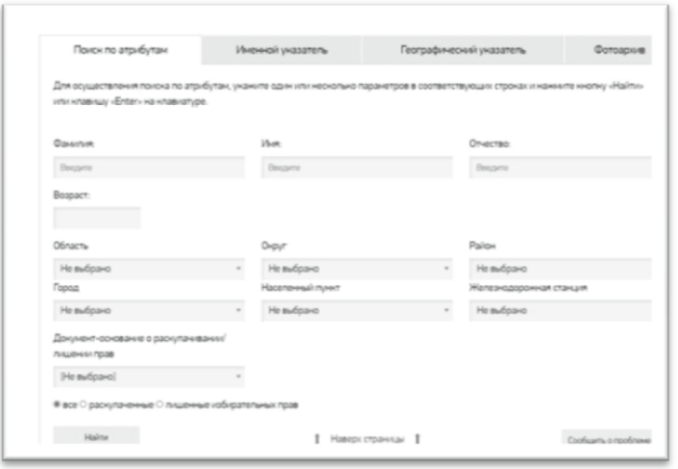


Рис. 4. Форма поиска персоналии

Воспоминания счастливой женщины, преподавателя Исовской средней школы КИРСАНОВОЙ-ЧЕСНОКОВОЙ Валентины Ивановны, высланной в 1931 году из Смоленской области на Урал

НУЖНО УМЕТЬ НЕ СТАРЕТЬ

В.И.Чеснокова

Смоленская область, Дорогобужский район, село Казанка. Это маленькая деревушка, но окрестности её очень красивые. Дорога около колодца, за ним малинник, а через дорогу перейдёшь - там поле, за полем маленькая берёзовая роща, куда мы с дедушкой Силей (его полное имя Силантий) ходили за грибами. Особенно весело было весной, когда прилетали птицы. Я и теперь помню, как мы с дедом уходили к маленькой речушке Добрейке, на берегу её, на пригорке стоял красивый большой дуб, а за Добрейкой сплошной орешник, и мы с дедушкой лакомились орешками

самые первые, когда орешки в зелёных коронах только поспевали. Иногда дедушка собирал несколько утиных яиц и на маленьком костре делал глазунью, и мы с ним лакомились.

У нас, кроме коровы Машки, жили лошади, два маленьких жеребёнка - Тобик и Аста, которые ходили за мной, как собачки. Я сяду на лугу, а они ложатся рядом. Я сяду на лежачих верхом, а они поднимутся, покатают меня и снова осторожно ложатся. С тех пор у меня всю жизнь особое чувство любви к лошадям.

Однажды мы с мамой поехали в Смоленск, там вошли в трамвай, где было одно место свободное. Мама меня посадила, а я заплакала и сказала: «Мама садись, а то я уеду, а ты остаёшься» Все засмеялись и уступили маме место рядом со мной.

Однажды ночью меня разбудили, укутали в одеяло, посадили в повозку и повезли. Проснулась я в ЕЛЬНЕ, в доме, где было много народу, душно и темно (Ставни закрыты были) Никого никуда не выпускали. Меня тошнило. Я подошла к двери, где стоял молодой сероглазый юноша, с кудрявыми волосами соломенного цвета. Я его попросила:

- Дядя, мне плохо, пусти поиграть на солнышке.

- Как тебя звать, девочка?

- Валя.

- Иди, Валюша, поиграй на солнышке, только далеко не ходи, кто знает, будут ли ещё в твоей жизни солнечные дни,

А у самого по щекам потекли слёзы. Я ничего не поняла, почему он плачет, и выбежала на солнышко. Это был первый добрый чужой человек в моей жизни, имени и фамилии которого не знаю.

Потом мы долго ехали в товарных вагонах, где было очень душно. Наконец оказались на Урале. Помню, как в Карауле мы с мамой перешли лоток, по которому сплавляли дрова, и оказались в лесу на горке. Мама села на пень и заплакала. Я насобирала вокруг пней растущей прошлогодней брусники, принесла ей и старалась успокоить: «Съешь, мама, сладких ягод, не плачь, посмотри, как красиво кругом!» А красота была неописуемая кругом неоглядные лесные дали, холмы, горки, покрытые голубовато-сизой дымкой. Вот таким синим, суровым, но красивым остался в моей памяти Урал.

Потом мы жили в Парче, где я чуть не утонула, потом в Старой Ляле. Там я пошла в школу, где встретила очень добрую учительницу Веру Николаевну Губернаторову. У неё я училась в первом классе.

Затем мы переехали в Нясьму, где я окончила четыре класса. Помню, как меня донимали в Парче клещи, как я болела, оставшись без мамы и дедушки. Как Виктор Михайлович Попов добром отучал нас от плохих поступков; как мы с мамой сеяли опил, чтобы положить его в лепёшки; как я съела белену вместо турнепса и заболела; как мы с папой на Печах купались. Он поймал под камнем налима. И вдруг разразилась гроза, а мы сели под большущую ёлку и, переждав грозу, пошли домой.

О добрых людях Рукавишниковых – соседях: тёте Оне дяде Алёше, не

давших мне умереть с голоду. На Нясьме я встретилась с человеком доброй души учительницей Евгенией Фёдоровной Шкарадёнок. Это решило мой выбор профессии - быть учителем и так же любить детей.

Жизнь в Нясьме совпала с голодными годами. И чего-чего мы только не ели: пиканы, пестики, крупянки и пальчики сосны, крапиву, молодой лист липы, щавель, заячью капустку, ягоды, грибы, белые стволы осоки, орехи и т.д.

В 1934 году мама вышла замуж за Боровкова Ивана Васильевича, так как папа Кирсанов И С умер в 1932 году. Родители всю жизнь заботились обо мне.

В 5-7 классах я училась в Старой Ляле. Добротой своего характера я обязана учителям: Василию Савельевичу Панкратьеву, Андрею Михайловичу Медведеву, Нине Лаврентьевне Быковой, Александру Филипповичу Кузьмину (погиб на войне). И знаниями тоже. В 1939 году я училась в посёлке Ис в средней школе. Чтобы поступить в неё, мне пришлось 46 километров идти пешком в район за разрешением: все учащиеся Старолялинской школы должны были учиться в Кытлыме. Это была ПЕРВАЯ В МОЕЙ ЖИЗНИ ВЫСОТА, покорённая мной.

Но в жизни, как в песне, после радости - неприятности, по теории вероятности. После окончания 9 класса мы всем классом были в сквере. И вдруг объявили, что началась война.

По Исовской школе я с благодарностью вспоминаю учителей: Антонину Степановну Соловьёву, Николая Яковлевича Фёдорова и Евдокию Ионовну Краеву. Экзамены за 10-й класс я сдавала экстерном на заочное отделение Свердловского пединститута, на филфак. Сдала все экзамены на «хорошо» Но учиться не пришлось: заболела мама, а потом Свердловск стал режимным городом - и там запретили даже временную прописку. Но я не жалела ни о чем, так как там встретила единственного верного, любящего и любимого друга Сергея Дёмина, погибшего на фронте 22 ноября 1945 года в Чехословакии, в городе Литомержище спустя 6 месяцев после окончания войны.

С.В. Дёмин

В 1943 году из Свердловска я перевелась в Нижнетагильский учительский институт. Окончила в июле 1945-го. Училась и работала по ночам лаборантом военной кафедры. Училась хорошо. Жили мы голодно и холодно: размерзлась система - и январь и февраль жили и учились в нетопленном каменном здании. В комнатах было по 16-18

человек. Но мы были дружны и веселы. Выходных и каникул не имели. Работали на военном заводе с 9 часов вечера до 2-х ночи, сколачивали ящики под снаряды. В выходные ходили на строительство комсомольско-молодёжной домны на НТМК, дежурили в госпитале по ночам по графику. Летом косили сено для лошадей института, на них возили уголь и дрова для котельной. Преподаватели были эвакуированные из Москвы, Ленинграда, Калинина, и знания мы получили прочные, хорошие. Мы жили единой семьёй с преподавателями. Это время осталось в моей памяти как чудный сон.

Затем, два года отработав в Шиловке, я с боем выпросилась из Нижнего Тагила в поселок Ис. Вот глупая была! На Ису три года, с 1947-го по 1950-й, работала в ремесленном училище № 46. Работать было интересно: мальчишки меня любили, слушались, а сотрудники уважали. В училище познакомилась с будущим мужем Чесноковым Федором Федоровичем.

В 1950 году я перешла в школу, так как училище закрыли. Школу я любила безумно! Всю жизнь и здоровье отдала ей. И если бы начать жизнь с начала, никуда не пошла бы, кроме школы. Все трудные ребята жили со мной в ладу. Этой осенью меня встретили, расцеловали мои бывшие шалуны Клещёв и Лягалов и сказали: «Спасибо, что вы нас добру добром учили». Значит, я не зря прожила жизнь на земле. Была ли я счастлива? ДА! У меня в жизни - сплошные трудности, Но преодолеть их – большое счастье! У меня была любимая работа - это счастье! Я всегда добивалась поставленной цели - это счастье! У меня прекрасные дети, внуки - это счастье! У меня прекрасный друг Тумаков Борис - это счастье! Я в своей жизни никому не делала зла, а делала только добро - это счастье! Я уважала людей. Люди ко мне относились с уважением, пониманием - это счастье! А если в жизни и встречалась «шелуха», то её относило и отнесёт ветром.

Уже 60 - зрелый возраст, но ещё не старость, и я ещё поживу. С пользой и интересно. Нужно уметь не стареть!

ВСТРЕЧА С УРАЛОМ

ПАРЧА (Детство)

Тайга. Весна. Снег налился водой. Нас привезли далеко в лес, куда весной не проедешь. Возчик, вероятно, это был добрый мужчина, сказал маме: «Беги к начальству и просись в барак на берегу речки Ляли, а то здесь с голоду умрёте, да и гнус ребёнка съест Мама побежала, вернулась под утро - и нас этот же дядя увёз из тайги.

Поселились мы в бараке, переполненном людьми до предела. Поставили сундучок, размером 1м 25см длиной, 70 см шириной, на нём и спали. На следующий день маму отправили на работу в Старую Лялю, это 12 километров. Дедушка, ничего никому не сказав, ушёл (Добрался до своей родины в Смоленской области, прожил три дня и умер)

Я, в свои 6 лет, жила одна. Питалась травой, почками и крупянками

сосны и ели, пила берёзовый сок, неумело ковыряя кору, подставляя кружку. Самое страшное было то, что от голода и нехватки витаминов у меня голова покрылась коростами, а под них забрались клещи, которых в лесу было многое множество. Они так беспокоили мою голову, что и теперь, в 62 года, я помню это мучение очень отчётливо. Кто-то мне остриг волосы.

Потом пришла мама, отправила в Лялю сундучок на лошади, а мы пошли пешком. Пройдя полдороги, я ослабла, села и заплакала. А мама пошла к пастуху, пасшему стадо коров, и попросила для меня немного молока. Он разрешил подоить чью-то корову. У мамы был белый литровый кувшинчик.. Надоив его, мама принесла мне молока. И так мы шли дальше. Я попью чуть молочка, силы прибавится - и иду.

В Ляле нам отгородили в холодном коридоре комнату, где из дранки на козлах соорудили кровати, поставили сундучок. Так мы жили. Мама уходила на работу - я оставалась дома. Нашими соседями оказались добрейшие люди: Тётя Оня и дядя Алёша Рукавишниковы. Он работал грузчиком, была у них корова, и тётя Оня каждый день давала мне кусочек хлеба и стакан молока. Это спасло меня от дистрофии.

Через дорогу жила женщина, любившая выпить. Она посылала меня купить ей вина. За это давала одно или два яйца, и мы с мамой их ели. А ещё помню, как мы с мамой уходили за опилом, сеяли его и добавляли в лепёшки, а потом было очень больно ходить в туалет, и мама не стала мне давать такие лепёшки, а добавляла в муку листья липы, это уже было съедобно.

Однажды, когда мне было шесть с половиной лет, мы с такими же голодными ребятишками пришли в магазин-золотоскупку, где всё продавалось не за деньги, а за боны. Там стояло много мешков грецких орехов, и мы взяли без спроса по 4-5 орешков: бон у нас не было, а голод мучил. Продавец дядя Витя Попов подозвал нас и сказал:

- Ребятки, идите сюда, я вам дам конфет, печенья и орехов навешаю, а те орешки, что вы сами взяли, положите на место, где взяли. И больше никогда в жизни не берите чужого без спроса. Это вас приведёт в тюрьму.

Взяли конфеты, печенье, орехи, сказали ему спасибо и ушли. На куче опила поделили это всё поровну и поклялись никогда ничего чужого не трогать, даже если будет мучить голод. В лес мы бегали ежедневно: ели пиканы, заячью капусту. На берегу речушки, впадавшей в Нясьму, росло много осоки. Мы её вырывали и ели белые стебельки у корня. Так заглушали голод. А когда нашли дикий лук и щавель, то это было блаженство. Набрав их, я несла маме, а она варила щи, и мы были сыты.

Осенью 1932 года я пошла в первый класс, а после школы бежала к овощехранилищу, где солили капусту, и мне разрешали чистить и есть кочерыжки, сколько хочешь. Так я была сыта ими, и до сих пор люблю их есть. Собирали в лесу грибы и ягоды, а было их много. Иногда местные женщины меняли кусочки хлеба на ягоды, и мы тогда блаженствовали. Ведь хлеб - всему голова. Откусив кусочек, мы пили с ним чай вместо сахара. Вот таким голодным и холодным было моё раннее детство. Таким же оно было и на Нясьме, где я училась во 2-4 классах.

А в 5-7 классах я снова училась в Старой Ляле. Мы еженедельно ходили за 20 километров пешком. По дороге была вывороченная с корнем сосна, и это была наша станция, где мы качались, отдыхали, Мальчишки нас не обижали, а наоборот, помогали нести тяжёлые сумки с картошкой, грибами, капустой. Но в школе было неуютно от местных ребят: мы все хорошо учились, а местные – плохо, и они нас дразнили, что мы –кулаки, выродки, скоты, а не люди.

В 6 классе нам было разрешено вступить в пионеры. Радости моей не было границ! В 1936-37 учебном году я училась в 5 «С» классе. Классным руководителем был нами любимый Василий Савельевич Панкратов. Его ни с того ни с сего арестовали и отправили поездом Бог весть куда. Мы с ребятами насобирали, кто что мог, ему на дорогу и прибежали на станцию, когда поезд уже трогался. Мы встали в четыре ряда поперёк линии и потребовали, чтобы нам разрешили проститься с любимым учителем и передать поесть на дорогу всё нами принесённое. Его вывели из вагона, он расцеловал всех нас и сказал:

- Ребята, я ни в чём не виноват, это какая-то ошибка, я вернусь к вам, мои хорошие!

Поезд ушёл, мы долго стояли, провожая его взглядом.

Вернулся Василий Савельевич, когда мы заканчивали седьмой класс. Он был реабилитирован за неимением улик. У нас должен быть после большой перемены урок географии. Я дежурила. И вдруг ребята увидели в окно Василия Савельевича, шедшего в школу. Все единогласно закричали: «Ура!» и поручили мне сбегать и пригласить его к нам на урок. Я помчалась. Запнулась на лестнице, упала, разбив в кровь локти и коленки, и уронила через себя А М Медведева. Вместо «Извините», я сказала: «Приятного аппетита, А М!» (Видимо, это по ассоциации со словами, которые мы говорили друг другу в перемену завтрака).

Прибежала в кабинет директора, бросилась на шею Василию Савельевичу и пригласила на урок. Он извинился, сказал, что придёт завтра, а сегодня с дороги отдохнёт, так как ехал шесть суток. Я вернулась в класс. Урок не начинали. Затем я села, и урок начался. После урока А М Медведев пригласил меня в директорскую и спросил, что я ему сказала на лестнице. Я ответила: «Извините, А М». Он рассмеялся и сказал, что я ему сказала не это. Лоб у него кровоточил, но он на меня не сердился, а сказал: «Доброй ты, Валя, души девочка!»

Василий Савельевич проконсультировал нас по всем вопросам перед экзаменами и уехал в Нижнюю Туру, где прожил всю жизнь до смерти. Мы встречались на конференциях, дружили, беседовали, когда я уже окончила вуз и работала учителем.

Исмагил ФАЙРУШИН

НЕОБОСНОВАННО РАСКУЛАЧЕН

Мой отец, Файрушин Давлетьяр Файрушинович, родился в 1890 году в деревне Нижнее Сикиязово Болтачевского района Башкортостана. Там и жил. Не знаю, учился ли он, но был грамотный. Участвовал в первой мировой войне, похоже, хорошо воевал, судя по наградам. И ещё для солдат-мусульман он читал Коран, проводил обряды.

После войны вернулся в родную деревню, где жил со своей большой семьёй – восемь человек. Беда пришла в 1929 году – его раскулачили и осудили. Сейчас обстоятельства тех событий известны благодаря документам, которые я получил в

Д.Ф.Файрушин

90-е годы: «судился за невыполнение общественных повинностей, присуждён к лишению свободы на 2 года, высылке на 3 года и конфискации всего имущества». Среди документов имеется опись имущества. Я хочу её привести, чтобы показать, каким «кулаком» был мой отец.

Постройки: дом, амбар, баня. Живность: лошадь, корова, телёнок (6 мес.), овцы 5 штук, куры – 10, гуси – 2. Инвентарь: тарантас, телега, сани, веялка. Продовольствие: ржаная мука – 8 пудов, овсяная мука – 2 пуда, картофель – 25. Домашний скарб: ящик, 2 матраца, перина, подушек – 6 штук, ватное одеяло, 2 паласа, железная кровать, 2 стола, 2 шкафа, сундук, 2 самовара, котёл – 2 штуки, 2 стула, диван, медный таз, 2 медных кумгана, два подноса, швейная

машинка. Да, и земля – крестьянин же: пашни надельной – 6,8 десятин, под посевами 3,9 десятин. Вот такое «кулацкое» хозяйство! На восемь-то человек! Это имущество сельский совет оценил в 685 рублей по тем деньгам. Оценка строений по страховым данным – 4580 рублей. Как-то высчитали доход от сельского хозяйства – 179 рублей 40 копеек.

В 2011 году я хоронил двоюродного брата, и мне показали дом, где отец жил; когда его раскулачили, дом перевезли в районном центре, в нём сделали сберкассу. И до сих пор стоит.

На выселках отец жил в посёлке Осиновая Гора. Но ночью тайно приезжал на родину и навещал семью. Из Осиновой Горы переехали в посёлок Щучье Озеро, в леспромхоз за Красноуфимском. Отец построил дом. В 1949 году у него умерла жена, он берёт в жёны её младшую сестру, с двумя детьми: дочь с 1932 года и сын с 1935-го. В 1951 году родился я.

Отец ещё раз попадёт в тюрьму – на этот раз из-за своей предпринимательской жилки. Он возил товары. Сейчас этот вид деятельности называется предпринимательством, а тогда это называлось спекуляцией и считалось уголовным преступлением. Мне иногда говорят: «Почему ты не в отца?» Я отвечаю, что получил хорошую прививку, когда 6 июня 1958 года при мне отцу надели наручники. Он получил два года, но вышел уже через год, как условно-досрочно освобождённый. Я удивился, когда обнаружил его почётные грамоты: оказывается, там тоже их дают.

Но 10 мая 1960 года отца не стало: рак лёгких… Мне было 9 лет.

В 90-е годы я услышал, что идёт реабилитация. В этом деле помог помощник прокурора города Качканара Г.Б. Бороздина. Она сделала запрос, результатом которого стали копии архивных документов, проливающих свет на события 1929-1930 годов. И справка о реабилитации, в которой чёрным по белому написано, что Файрушин Давлетьяр Файрушинович «был необоснованно раскулачен».

Галина КУЗМИЧ (КОТУГИНА)

ЖИЗНЬ ПРОЖИТЬ – НЕ ПОЛЕ ПЕРЕЙТИ

Родина моя – в настоящее время Курганская область, Шатровский район, деревня Дерновая с населением 120 дворов. Образовалась она из поселенцев с разных мест, так как место хорошее, на бугре между двух логов. Гор у нас нет, местность равнинная, земля чернозёмная. Вот там и поселился наш род Котугиных. Наш прапрадед – Котугин Борис, от него - Иван, от Ивана - Николай, мой дед; а отец мой – Василий Николаевич. У деда

Г.И.Кузмич (справа)

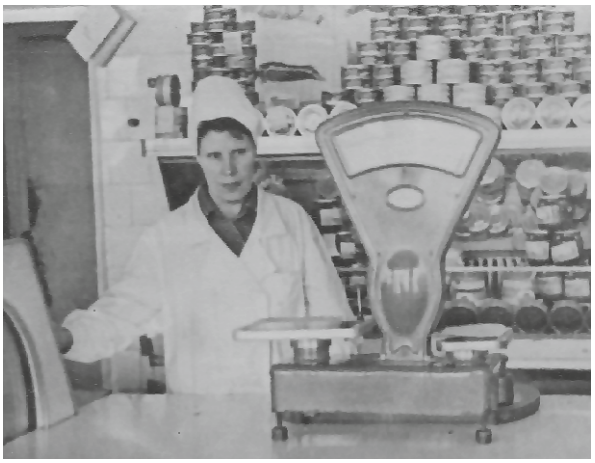
моего был брат Михаил (Михайло, так его звали).

Дед мой был небогатым человеком (средним), так как у него была большая семья: пять сыновей и две дочери. Всех женил, но нужно было наделить, построить дом и всё по хозяйству. А брат деда Михаил жил всех богаче в деревне. У него было два сына и две дочери. Он имел небольшой магазин (лавку) и всю принадлежность к хозяйству (веялка, жатка, мельница), много скота. Во время раскулачивания у него забрали всё это, а самого его не выселили, ввиду того, что дочь его была замужем за партийным, а его семью выселили. Это были 30-е годы.

У нас на всех братьев была маслёна, где из конопли и льна гнали масло. Мы были к принадлежности середняки. Отец был последним сыном. Жили - как жили. Отец и мать были трудолюбивые, у нас в 30-е годы было нормальное хозяйство: две лошади, две коровы, овцы, свиньи и вся мелочь – утки, гуси, куры, индюки. Отец мой был очень резок, но справедлив, и очень простой. Имел жалость к людям. Если зайдёт нищий – он обязательно накормит. Но был такой сорт людей, которые не хотели работать, а жить за счёт других.

Несмотря на то, что отец был рядовым колхозником, его решили раскулачить, так как лучше других живёт. Описали и вывезли всё, что попалось на глаза. Мы остались, в чём были. А был голод. Летом мы собирали колоски. Если за нами гнался на лошади с кнутом наездник, то мы убегали в лес. Если поймают, давали 3 года тюрьмы. Ели медуницы, разные травы. Мы снова купили корову. Она давала 24 литра молока. Но нужно было сдавать молоко, масло, яйца, шерсть. Налоги были большие. Людей не отпускали из сельской местности. Мой крёстный не смог перенести такую жизнь, распорол себе ножом живот и умер. В другом дому муж пришёл с совета, к их окну подошёл участковый. Жена хотела ему ответить – он выстрелил в неё и убил. И было, как будто так и должно быть, никто за это не отвечал.

В 30-е годы лезли в партию совершенно неграмотные люди. Поотбирали животных и птиц. Все стали дохнуть, и птицу стали отдавать обратно. Половина подохла: когда мы, 8-летние девочки, ухаживали, какой мог быть



Г.В.Кузмич в магазине. 1970 г.

толк? Вот так жили. Нас зорили, но люди боролись за жизнь различными путями. Отец был грамотным по тому времени, он предвидел всё. Из родных кто смог – уехали в Нижний Тагил. Нашу семью, а нас было четверо детей, выселили в район, вернее, довезли до района Мехонского. Там мы пробыли дней 12. Отец стал ходатайствовать - и нас вернули, разрешили жить в своём доме.

А через три года отца забрали как «врага народа», осудили на 10 лет (тройка) в 1935 году. Три месяца держали, заставляли подписать донос на своих друзей: Кропачева Дмитрия Васильевича и Кокшарова Василия Ивановича. А четвёртый из их же товарищей подписал - и его сразу же освободили. Отца пытали – он рассказывал об этом со слезами. Он сказал: «Отсижу 10 лет, но ложный донос я не подпишу!» И вот отцу дали 10 лет, и друзьям дали по 10 лет. Их отправили на Колыму, где они и сгинули. Отца отправили в знаменитую Мариинскую тюрьму в Новосибирской области. Сидел в камере со знаменитыми учёными людьми. Люди не знали физического труда, а работа была – лесоповал и земляные работы. Опухали с голода, умирали.

Отец был работящим. Он придёт с лесоповала, так ещё в зоне что-то сделает – он был мастер на все руки. На него обратило внимание начальство, его стали оставлять в зоне. Он столярничал, говорил: «Пойду ещё в столовую, наколю дров – меня накормят». Через некоторое время его поставили мастером по хлебопекарным машинам. Он рассказывал: «Я сделал ящик для инструментов – два дна, Раза два схожу (а пекарня была не в зоне), мне дадут по булке хлеба. Я сам там сыт, и ребятам принесу. Вот так я спас всю камеру».

Девять лет отсидел, и его перевели в Ульяновскую область, в совхоз «Хорошенькое» мастером по сельскохозяйственным машинам. Там он жил нормальной жизнью. Директор его полюбил как работника и не отпускал, предлагая все условия для жизни. Но мама не дала согласия. Он вернулся в 1947 году. Построил шесть домов: семья прибывала, сначала дочерям, а потом и внукам.

В Качканаре вначале работал в разведке, а потом столяром на 1-м участке. В 1964 году получил пенсионное удостоверение. Пошёл отработать последний день, и на площади его сбил пьяный шофёр на «бобике». Отцу было 65 лет. Врач сказал: «Сколько бы ещё жил этот мужчина: у него было сердце, как у 20-летнего!»

Нашей деревни почти не существует. Когда стали укрупнять колхозы, то все разъехались. Мне пишут, что в нашей Дерновой – пять дворов (старики), крапива да змеи, которых раньше я не видела.

На Урале, на прииске Косья, жила мамина сестра, мужем её был геолог Чащин И.Л. Она нас пригласила, чтобы мама сохранила детей. Мы приехали в 1934 году. Но по дороге двое младших – 5 и 3 года - простудились и умерли. Нас осталось две сестры. Мне было 14 лет.

Я пошла работать к мелким старателям – качала воду. Потом, в войну, и сестра тоже. Я выучилась на тракториста дизельного трактора и работала в артели Дроздова. Работала безупречно, обо мне, как хорошем молодом специалисте, писали в газете. Сестра, став постарше, пошла работать каталем в шахту, в артель Гатаулина, тоже была в почёте как хороший работник. Я поступила в горный техникум, на втором курсе ушла: прекратили платить стипендию, учиться было трудно…

Сестра вырастила пятерых детей, они работают в Качканаре. У меня трое детей: дочь в Санкт-Петербурге, имеет высшее образование; сыновья окончили ПТУ, их дети работают на фабрике.

Я живу в Качканаре с 1958 года, муж – с палаток, с начала стройки в бригаде Тополева. Я 26 лет проработала старшим продавцом, награждена почётной грамотой УРСа, медалями.

Жизнь прожить – не поле перейти. Были трудности, но были и радости. Я посещала разные кружки: танцевальный, драматический, музыкальный, и до сих пор хоровой. Всегда была активной. До сих пор сажу в огороде, мне это нужно, это здоровье.

В войне участвовало много родственников, пять человек вернулись, а одиннадцать погибли.

Дядя и его сын приехали через некоторое время, их обоих расстреляли. Это было году в 1937-м. Внук дядина сына живёт в Качканаре.

Да, та эпоха для людей была горькой долей, но мы не сломались, выстрадали, выстояли. Наша семья перенесла это непростое время. Мы живы – и это для нас великое счастье.

Отец мой был талантлив, он пел в церкви на клиросе, ходил за три километра. Придя из лагеря, он часто пел песню о своей доле.

Заброшен судьбою в далёкие края,
Лишён драгоценной свободы.
И там пропадёт вся юность моя,
Пройдут наилучшие годы.

Девки-красотки любили меня.
Во что вы меня превратили?
Богатство моё всё прахом взяло,
Я сделался нищим бродягой.

Сижу за решёткой в темнице один,

Никто на свиданье не ходит.
Милые друзья, не судите меня:
Быть может, и с вами случится:
Сегодня герой, а завтра с семьёй
Быть может, придётся расстаться.

5 июля 2006 года

Лидия ИВАНОВА, ветеран труда.

КУЛАКИ

Семья

В деревне Куваево Камышловского уезда жили семьи Лопатиных, Чистяковых, Шаршапиных.

Лопатин Неофид Никифорович в молодости с земляками пешком ходил мыть золото на прииск Журавлик около Иса. Заработал деньги, обзавёлся хозяйством, женился на хорошей девушке Екатерине. Правда, у Екатерины были больные ножки: варикозное расширение вен. Болезнь эту она получила в наследство от своего отца и передала её своему единственному сыну Егору (1903-1989 г.г.), ну, а Егор передал её нам — своим детям.

Чистяков Зиновий был большой мастер. Помимо саней, телег и бочек, смастерил без единого гвоздя ветряную мельницу! Несколько зажиточных крестьян в складчину купили паровую молотилку. Все почему-то решили, что это черти молотят и у них из ноздрей идёт дым. Зиновий на лошадях поехал посмотреть на это чудо. Посмотрел и сказал, что это никакие не черти, и если было бы у него железо, то и сам бы смог смастерить такую же молотилку. У Зиновия была дочь Авдотья — наша бабушка. Авдотья вышла замуж за Семёна Шаршапина. У них родились дети: наша мама — Парасковья (1902-1989 г.г) и три сына: Михаил, Алексей и Егор.

Егорка Лопатин в начальных классах лучше всех решал примеры и задачки по арифметике. Решит раньше всех и дразнит Паню, показывая ей язык и дёргая за длинную косу. Это единственный способ для мальчишки показать свою симпатию. Но Паня не ценила такие знаки внимания, а напротив — очень не любила его за эти дразнилки.

Но вот дети Егор и Паня выросли и превратились в Георгия и Параскеву. В 1921 году к всеобщей радости они и поженились. Вся домашняя работа лежала на плечах молодой женщины, так как. у её свекрови Екатерины очень болели варикозные ноги, которые еле передвигались. Два богатыря: муж Неофид и сын Георгий - на лошади возили камни с берега реки для фундамента строящегося дома. Дом выстроили знатный — пятистенок с шестью окнами на фасаде. Усадьба получилась богатая: большой новый дом, старенький дом (малуха), большие конюшни, баня, колодец. Молодая хозяйка оказалась на редкость работящая, поэтому дела шли даже очень хорошо! От овцы, полученной в приданое, развелось хорошее стадо. В хозяйстве также имелись лошадь, корова, телята, жеребята.

Параскева была хорошая рукодельница, с десяти лет уже лучше всех подавала в ниченку — это когда снуют пряжу на кросна-ткацкий станок. Вся деревня зазывала её на эту работу, потому что мало кто из девочек умел это делать.

Начали Лопатины богатеть. Шили шубы, шапки, сапоги, покупали на одежду промышленные ткани (называли «базарское»).

Первая дочь Шура умерла младенцем. В те времена хоть в сенокос, хоть в страду работали от зари до зари. С детьми оставались либо бабушки, либо няньки 7-10 лет. Наработается кормящая мать на жаре - молоко в груди и перегорит; ребёночек насосётся такого молока — животик заболит. Поболеет дитя пару дней, да и отдаст Богу душу. Поэтому с наступлением весны крестьяне говорили: «Начнёт Бог прибирать ребятишек». Видимо, это случилось и с Шурой.

Гриша родился 10 октября 1925 года. Чтобы сохранить ему жизнь, маму на покос и страду в поле не брали, а наняли на летний сезон 1926 года работницу.

Новая власть

С приходом советской власти крестьяне заговорили стихами: «Советская власть, чтоб тебе пропасть». В деревне ж голытьба. Образ жизни таких людей оставлял желать лучшего: мужики и парни пили и играли в карты, бабы судачили на завалинках, девки рожали без мужей, как говорится, таскали в подоле, их детей называли «зауголками». Вот эта самая голытьба и стала советской властью.

Организовали колхоз. У тех, кто побогаче, забрали скот. Потом у Сталина случилось головокружение — так назвали его статью «Головокружение от успехов». Колхоз распустили, скот вернули хозяевам. На этом не успокоились — во второй раз организовали колхоз и снова забрали скот. Шаршапины Михаил Семёнович и Пелагея Егоровна (стоят)

Лопатиных назвали кулаками, братьев Шаршапиных назвали середня-

ками, а потом — подкулачниками. Михаила поставили бригадиром. Он сам работал больше всех и бригаде не давал прохлаждаться, что очень не понравилось колхозникам. Скоро его с бригадиров сняли. Тогда он, с одним топориком, ушёл в Свердловск. За ним ушли Алексей и Егор. В Пионерском посёлке обзавелись домами, работали. Жёны их были домохозяйками, растили детей.

Шаршапины Михаил Семёнович и Пелагея Егоровна (стоят)

После этого бригадиром поставили лодыря и большого любителя баб. Вот сидит его бригада в сенокос под кустами. Жара. Работать лень. Подъехал на лошадке бригадир и до самого вечера проболтал с колхозницами под кустами о приятном. А ночью пошёл дождь, да ненастье установилось. Так вся кошенина и изопрела, оставив колхозную скотинку без сена. Шепчутся бабы, что прежний бригадир Михаил Семёнович не дал бы им без дела сидеть, всё бы сено разом сметали! Вот так началась в деревне колхозная жизнь.

Лопатиных, старых и молодых, из нового дома выгнали, скотину всю забрали в колхоз. Молодые, успевшие кое-что спрятать у родных, быстренько собрались и тоже уехали в Свердловск. Дед Неофид в какой-то деревне заработал полмешка ячменя и ночью крался домой. Так пьяные комиссары-бедняки увидели «кулака», избили его и забрали мешок. Добрался он до сватов Шаршапиных, да там под утро и помер.

У мамы была любимая тётенька Анисья, тонкопряха, рукодельница. Когда её раскулачили, все вещи из сундука выбрасывали в двери, и голытьба хватала её рукоделия. Одна колхозница схватила нарядную кофточку для дочери-зауголка — коров доить. В Троицу вышла эта дочь в кофте грязной-прегрязной. Анисья даже в сторону её не взглянула: противно было на душе. Беднота жила по принципу «В чём сплю, в том и жну, в том и в церковь хожу». А жёны и дочери кулаков при раскулачивании надевали все юбки, часто по шесть штук, чтобы не оказаться раздетыми.

Для раскулачивания Лопатиных были очень веские причины, и самая главная из них — трудолюбивая семья. У Лопатиных был большой новый дом, много скота и наёмная работница. Гриша, будучи уже взрослым, как-то с горечью поведал мне, что он считает себя виноватым в исковерканной жизни родителей. Я с трудом сдержала хлынувшие слёзы и сказала ему, что

это не младенец виноват, а сатанисты с их политикой человеконенавистничества. Они всё равно нашли бы ещё множество причин, чтобы завладеть «кулацким добром». Вот такие были трудные времена для работящего народа .

Как-то в 70-х годах наша мама побывала у своих знакомых в трехкомнатной квартире, увешанной коврами, уставленной новой лакированной мебелью, хрусталём в серванте. В сравнении с кулаками, она назвала их царями.

Свердловск

Итак, Лопатины уехали в Свердловск. Отец с Алексеем Семёновичем утроились на строительство УПИ, таскали кирпичи на «козе» - это такая рогатина за плечами, ведь подъёмных кранов не было, всё делалось вручную.

Лопатины Георгий Неофидович, Галя, Парасковья Семёновна, Лида (на коленях), Гриша. 1938 г.

Там же осенью они впервые ели арбуз. Мёрзли, но ели. Об этом рассказал мне отец, когда мы впервые купили арбуз в 50-х годах.

Потом отец устроился грузчиком на железнодорожную станцию Свердловск, потом его перевели бригадиром. Грузили в вагоны продукты для Германии, а когда грузили мясо и куриные тушки, ветеринар всё обязательно проверял. Также отец рассказывал, что однажды их ограбили. Родители жили в вагончике прямо на станции, вот воры и умудрились залезть в этот вагончик, пока дома никого не было. У мамы было много разных полотенец, скатертей и других рукодельных вещей, утащили всё подчистую.

А ещё зимой им повезло съездить по бесплатным билетам на юг. Посмотрели на море, умылись солёной водой. Родители с Гришей

Однажды бригаде отца дали бесплатные билеты на спектакль в оперный театр. Выходят грузчики с жёнами и детьми, а у театра стоят их земляки из деревни Куваево, что их раскулачивали. «Новые хозяева» в обутках, кулацкая одежда грязная, истрёпанная. Родители, как и вся бригада, одеты по-городскому, во всё новое: отец во френче, брюки наглажены, ботинки новые. У мамы платье со складочками, туфельки с ремешками. Гриша в

матросском костюмчике. Уже на пенсии отец поехал к другу в Дегтярск и там встретил ещё одного «раскулачника», которого под руки вели два милиционера. Вот такие дела. Работящий человек из любой жизненной ситуации выйдет достойно, а лодырь, как был лодырем, так им и останется!

Родители с Гришей

В Свердловске родители собрали уцелевшие шубы, мамино зелёное пальто и поехали по бесплатным билетам продавать добро в Читу. Их соседка Варя дала адрес своей сестры. В Чите пришли по указанному адресу, спросили Назаровых. Хозяева сказали: «Это мы». А сами с гостями и не разговаривают. Под вечер прибежал мальчик и назвал хозяев совсем под другой фамилией. Отец удивился и спрашивает: «Разве это не Назаровы?» Мальчик говорит: «Нет. Назаровы-то переехали, пойдёмте, я вас провожу». Пришли — тут совсем другое дело. Хозяйка сразу накормила, расспросила и про Варю, про детей. Вот так, Бог послал мальчика. Тёмная история. Зачем эти люди назвались чужой фамилией - непонятно. Может, и прибили бы ночью из-за кулацкого добра. В результате шубы за день продали, пальто никто не взял. С тех пор во всех скитаниях родители всегда держали корову, овец и огород.

На железнодорожной станции Георгия Лопатина перевели работать багажным кассиром. Как грамотного специалиста хотели послать в Ленинград учиться на десятника, но спецчасть выяснила, что он сын кулака. Тогда сорвались Лопатины с места и уехали с Сибирь, в Кузбасс, город Белово.

Сибирь

Там на станции железной дороги отец устроился на склад кладовщиком. Его, как грамотного специалиста, решили премировать. Написали в деревню Куваево, откуда, конечно же, сообщили подробности его биографии. В Белово в 1935 году родилась дочь Галина. Отец быстро уволился, продал землянку по улице Береговая, 9, и семья уехала в другой район к Маклаковым. От них на подводе - в Ленинск-Кузнецкий, к Спирёвым. В Ленинске отец работал в шахте. В 1937 году однажды ему кто-то шепнул, что ночью за ним придут. Быстро уволился и ночью где-то укрылся. За ним действительно приходили.

Рано утром сосед Спирёв на лошади увёз семью на соседнюю станцию. Сели в вагон. Мне было на тот момент всего девять дней. С тремя детьми поехали в Анжеро-Судженск, поселились по улице Пожарская, 122. Отец

работал в шахте «Физкультурник». Через полгода бывший сосед написал, что приходили друзья в синих штанах, спрашивали про сына кулака. Снова всё быстро продали, погрузили багаж и сорвались с места.

Урал

Перебрались на Урал, на станцию Егоршино (г.Артёмовский). На вокзале грязно-грязно. Мама с ребятишками и багажом просидела целый день. Отец за день устроился на шахту «Филипп», получил комнату в трехкомнатной квартире на берегу пруда около электростанции. Потом дали небольшую квартирку в восьмом ряду (так считали улицы) на улице Физкультурников, а потом уже, как хорошему работнику, дали квартиру в четвёртом ряду по улице Комсомольской. В квартире большая комната на два окна, кухня, большие тёплые сени. Во дворе конюшня с сеновалом, рядом колодец. Работал отец забойщиком на шахте «Ключи» треста «Егоршинуголь». В 1939 году родилась дочь Нина.

В Артёмовском отцу не понравилось, а может, по привычке боялся вездесущей власти, хотел ехать в подмосковный угольный бассейн, в Тулу. Но в 1939 году вышел указ Сталина — никого не увольнять. Хорошо, что остались, потому что в войну непременно оказались бы в оккупации или прифронтовой зоне.

Снимок из газеты "Егоршинский рабочий: "Семья передового забойщика шахты "Ключи" слушает русские народные песни". 1939 г.

Парторг шахты «Ключи», видимо, был порядочный человек и понимал, в чём дело. Спрашивает как-то: «Что же ты, товарищ Лопатин, такой хороший работник, семья большая, хозяйство держишь, а своего дома не имеешь?». Отец отвечает: «Так был у нас свой дом, сами строили».

А тут ещё пришёл домоуправ и увидел, что 14-летний подросток поставил удочки в сенях, и заорал, что он своими удочками стены поцарапает. Решили родители строить свой дом. Получили в лесу участок в 15 соток, взяли ссуду. Леса на участке было немного, выписали на собачьей гриве километров за 12, возили на лесопилку в деревню Паршино. Дом строили по утверждённому проекту: высокие потолки, большие окна. Напилили лес, срубили сруб, собрали помочь и поставили на мох. Пока родители строили дом, мы ходили в детсад, вечером с нами хозяйничал Гриша, а соседские девчонки дразнили: «Лопатин Гриша замуж вышел!». Жизнь стала помаленьку налаживаться. Но тут началась война.

Война

В начале войны, в августе 1941 года, переехали в дом, чтобы все работы были под рукой, а дел было много. Дом надо конопатить внутри и снаружи, это делал Гриша. Огород огородили жердями, из веток сделали плетень. Сеней не было, вместо крыльца — чурбаки. Надо было разрабатывать огород. В доме не было перегородок, и мы радостно бегали вокруг печи. Не было и электричества, в тёмное время горела пиличушка: в керосиновой лампе было отработанное трансформаторное масло, которое отец выписывал на шахте. На кухне одеялом завешивали окно — светомаскировка, там же были сколочены полати, на которых мы и спали, и играли, и учили уроки.

Во время войны, так как отец работал на шахте забойщиком, у него была бронь. Работал по 12 часов без выходных и отпусков, особенно трудно было в пересменки: после первой смены идти сразу во вторую, а после второй — в первую. Женщины работали перекидчицами: забойщик отбойным молотком, весом в 10 кг добывал уголь, а перекидчица совковой лопатой перекидывала его в жёлоб. Было очень тяжело. Не хватало рук, не хватало необходимых для работы вещей. Порой бывало, что прямо в шахте один рабочий снимал сапоги, как их тут же надевал сменщик. С продуктами тоже было туго, отпускались строго по карточкам. Потеряешь — останешься голодным. Хлеб подземным рабочим — 1 кг, иждивенцам — 400 гр. Маме нашей карточки вообще не полагались: домохозяйка.

На работу отец брал молоко в стеклянной бутылке, воду в зелёной фляжке, хлеб, варёную картошку, иногда маленький кусочек мяса. Всё это съедалось холодным, ведь в шахте запрещалось даже курить. Одно время на шахту пригоняли узбеков. Свои хлебные карточки они продавали, деньги зашивали в свои полосатые халаты, а потом умирали от голода прямо в шахте. Зная об этом, перед тем, как поднять тело наверх, шахтёры халат в клочья разрывали — искали деньги.

В войну велась ежегодная подписка в фонд обороны. Перед сменой зачитывался приказ, где все добровольно подписывались на двухмесячную зарплату. Отец всегда подписывался первым. Все знали: не подпишешься — к работе не допустят, а там прогул и суд. И после войны подписывались на двухмесячную зарплату только уже в фонд восстановления сельского хозяйства. Хрущёв заморозил все облигации.

Я видела расчётные книжки отца, в одной из граф была графа «за порчу оборудования». Как оказалось, это вычли за отработанный отбойный молоток, которым он добывал уголь.

Продуктовые карточки прикреплялись к какому-нибудь магазину. Очереди огромные, давка, жуликов тьма. В магазин впускали по 10 человек, остальная очередь на улице. Очередь продвигалась очень медленно. Продавщица вырезала нужные талоны в карточке, взвешивала хлеб. Однажды мама пришла из магазина и радостно сообщила, когда будет Пасха. Все очень радовались, такая информация во времена богоборчества была засекречена.

У нас были огород, корова, овцы, куры. Весной ходили переписчики, и родители за все эти удовольствия платили налоги. Мама варила из картошки супы с капустой и мяла пюре. Пюре было, правда, жидковатым, и я всегда мечтала поесть пюре погуще. Если удавалось купить немного муки, мама стряпала шаньги с картошкой. Я первым делом с шаньги слизывала горячую картошечку. Как же это было вкусно! Мама с Гришей косили сено в Мостовом бору исполу. Это когда ставят два зарода, один из которых забирает колхоз, а другой можешь вывозить. Я всегда удивляюсь, какие же мы хилые по сравнению с родителями!

В городе было много эвакуированных. Мама одной семье на железнодорожную станцию носила молоко, ведь нужно было платить за наш дом ссуду. Один раз Гриша обратил внимание на купюры, что приносила мама за молоко: серия у всех одна, номера по порядку. Значит, деньги из Москвы вывезены пачками. Не все бедствовали в войну. В то время ходила поговорка : «Кому война, а кому мать родна».

Гриша

10 октября 1942 года Грише исполнилось 17 лет. Фото взято из Храма Воинской славы в Москве. У нас такой фотографии нет. Она была передана в Храм Егоршинским РВК. 9 января 1943 года.

Когда Гриша ещё учился в 10 классе школы №1, пришла повестка. Вечером он переписал Псалом 90 на церковно-славянском языке, который всю войну носил с собой. А 10 января Гриша был отправлен в Кунгур. Помню, когда мне было уже 40 лет, мама со слезами рассказывала, с каким трудом она ездила тогда к нему в Кунгур. Хмурым, туманным утром на вокзал молча шли маршевые роты. Солдатики были такие молоденькие, что казались маленькими и беззащитными. Прохожие и даже ребятишки останавливались и осеняли их крестным знамением, шепча молитву. Мама представляла, что скоро и её высокий сын пойдёт на фронт. Она навестила Гришу и отправилась обратно на вокзал, где солдаты уже грузились в вагоны-телятники. Поезд отправлялся сразу на фронт.

С марта 1943 года Гриша был курсантом 2-го Тюменского военно-технического училища. В июне того же года направлен в формирующуюся 14-ю гвардейскую воздушно-десантную бригаду. Освоил специальности радиотелеграфиста и телефониста. За время службы совершил 20 прыжков с парашютом. Воевал в 345-м гвардейском полку в составе 3-го Украинского фронта действующей армии. Все передвижения в основном были пешие. В вещмешке — пара портянок, кусок хлеба да кусок сала.

При штурме Бухареста полк попал на участок фронта, где были венгры, которые не стреляли, а сразу выходили с поднятыми руками: «Мадьяр, Мадьяр».

При окружении и взятии Вены воевали на левом берегу Дуная у деревень Обирбаум, Нусдорф, Тульн. В одном из боёв Гриша от 76-мм орудия побежал восстанавливать телефонную связь. Только отбежал, как в орудие прямой наводкой попал снаряд, который убил сразу восемь человек.

Хранил Бог Гришу. За бои под Веной он был награждён медалью «За отвагу» (Приказ 03264. Действующая армия).

Победа

1 мая 1945 года в Вене был парад победителей под Егерский марш, муштры перед парадом не было. А 2 мая команда: в поход на Прагу. Орудия возили битюги — сильные австрийские и венгерские кони, солдаты шли пёхом. 9 мая перешли границу Чехословакии, где и объявили конец войне. Остановились у города Табор в бывшем концлагере. Заключённых уже не было. В концлагере чистота, порядок, двухъярусные нары сделаны из строганых досок, чему все были очень удивлены.

В январе 1946 года военная часть вернулась в Россию. Командир объявил: солдаты 1924, 1925, 1926 годов рождения остаются на срочную службу. Погрузились в теплушки — и в Ивановскую область, где расположились в бывшем овощехранилище. Вставили окна, предварительно вытащив их из соседнего свинарника, из сусеков сделали двухъярусные нары. Сучки рубили сапёрными лопатками, на нарах — только лишь шинель.

В разговоре с Гришей я как-то упомянула, что с детства не люблю офицеров. «Почему?» - удивился он. Вот мой рассказ.

В 1945-м или 46-м году появился без карточек коммерческий хлеб - по 2 кг в руки. Очереди огромные, в магазин впускали по 10 человек. Лето. Жара. Южный ветер нёс с электростанции дым и копоть. Выстояли мы с мамой очередь и идём радостные, несём 4 кг хлеба. Недалеко от нашего дома стояла высокая сосна. Навстречу нам шли солдаты, человек 12. Усталые, унылые, в старой, грязной форме, на ногах обмотки. Офицер остановился и приказал садиться. Сам же сел в тень от сосны. Один солдатик хотел тоже в тенёк присесть, но офицер его прогнал. Я, малолетка, и говорю маме: «Вот и нашему Грише тоже, наверное, не дают отдохнуть в тенёчке». Мама вытерла глаза.

Выслушав мой рассказ, Гриша только и сказал: «Всякое бывало».

Григорий Егорович в аспирантуре УФАНа. 1959 г

Уже на пенсии Гриша, посмотрев фильм «А зори здесь тихие», ночью долго не мог уснуть.

В армии и в институте Гриша был участником соревнований по биатлону. А на протяжении всей дальнейшей жизни был постоянным и верным болельщиком этого вида спорта.

Летом 1946 года Гриша был дома в отпуске. Утром по приезде мама покормила его блинами. За раз он съел аж 30 блинов! Вечером сходил в баньку. А потом допоздна сидел и потихонечку беседовал с отцом. Мы подойти не смели, но я, подглядывая за ними в окошко, увидела, что Гриша плачет. На тот момент ему было только 20 лет. Нам, малолеткам, он ничего не рассказывал, кроме того, что прошёл пол-Европы.

Демобилизовался Гриша в марте 1950 года. Итого отдал Родине 7 лет и 2 месяца самого цветущего возраста. Потом он с отличием окончил Свердловский горный институт, аспирантуру УФАНа. Стал кандидатом технических наук, преподавал в СГИ и Тюменском индустриальном институте.

Ушёл из жизни Гриша 9 января 2021 года. Покоится на воинском кладбище в Тюмени.

Отец

Фото брату на фронт.
Галя (9 лет), Нина (4 года), Лида (6 лет).
19.06.1944

Снова о жизни в войну. Отца мы видели очень редко. Он постоянно был на работе. Когда он был дома и спал, мы говорили тихо-тихо и ходили на цыпочках. Гриша в 1944 году попросил фотографию от сестрёнок, с которыми он нянчился до войны. Вот мы все трое: Галя, Нина, Лида. Волосы короткие, ведь мыла не было, одолевали вши, которые перепрыгивали в очередях с одной головы на другую. У всех были гребешки, которыми каждый день прочёсывали волосы. Женщины приходили друг к другу «искаться» - искать вшей. Люди помогали друг другу, как могли. У мамы была швейная машинка «Госшвей». В Сибири купила нитки и швейные иголки, которых на Урале не было, и соседи приходили к нам пришивать заплаты.

Знакомые называли всех по имени-отчеству, начальники обращались к рабочим: товарищ Лопатин, товарищ Волков и т. д. Начальника шахты «Ключи» Леликова все уважали: грамотный, строгий и справедливый. Жил он в казённой небольшой квартирке с огородом. На шахте выписывал

лошадь, покупал навоз, сам нагружал и разгружал в огород.

Трудно жили в войну. Постоянная тревога за родных на фронте, тяжёлая работа, нехватка денег, продуктов. У одной девочки пропал без вести отец, все считали, что он сдался в плен, что он предатель. Пенсии на отца не давали. Теперь-то знаем, как гибли целые армии и пропадали без вести. Все взрослые в присутствии детей молчали о прошлом, о Боге не говорили: боялись сексотов-доносчиков. Мы перед обедом и после слушали мамины и бабушкины молитвы, крестились, но никому не говорили об этом. Ели не спеша, без лишних разговоров, не болтали ногами, иначе мама поднимала ложку со словами: «Чем пахнет?». Могла и по лбу ударить неслуха. Один раз так хлопнула ложкой по лбу старшей сестре Галине, что старая ложка раскололась на две части. Из-за стола выходили все вместе, перекрестившись, говорили: «Спасибо, папа, спасибо, мама, спасибо, бабушка, спасибо, Гриша». Ходили в ремках, донашивая старое «кулацкое добро».

В конце войны на шахте давали американские подарки — сэконд-хенд. Отец получил пальто, одеяло, клубок шёлковых ниток, платье большого размера, из которого мама сшила мне платье. В нём я пошла в школу, а потом оно досталось моей сестре Нине, которая называла себя несчастной из-за того, что приходи-

Г.Н. Лопатин - Почётный шахтёр

Георгий Неофидович в санатории "Донбасс". Сочи. 1952 г.

лось ходить в обносках. За хорошую учёбу отец купил мне розовые ленточки, которые я очень берегла. После школы выплетала их из волос и сворачивала в аккуратные рулончики. В косы вновь вплетала обычные тряпочки. После войны по карточкам давали белый коленкор, краску синюю и зелёную, чёрные нитки. Ткань красили и шили одежду. Давали макароны из серой муки, крупу, пшено и даже конфеты-подушечки без фантиков. Однажды на шахте давали мандарины. Вот было радости! Всё это мы видели впервые. Детей, у которых погибли отцы, в школе кормили супом из картошки с перловкой, давали кусочек хлеба.

После войны отец занялся домом. Сделал сени с чуланом, веранду, перестроил конюшню с сеновалом, покрыл крышу шифером и сделал забор, который стоит до сих пор. За доблестный труд получил звание «Почётный шахтёр» и болячку силикоз (затемнение в лёгких от угольной пыли), так как отец был под завалом. Сшили ему шахтёрский мундир, в котором он ездил в 1950 году на слёт стахановцев в Кузбасс, делился опытом по устройству «печек» при добыче угля. Встретился в Ленинске-Кузнецком со Спирёвым, который спас его в 1937 году от ареста.

Ездил отец несколько раз зимой лечиться в Сочи, в санаторий «Донбасс». Там лечились шахтёры со всего Союза. Было много друзей, даже со Шпицбергена. Память у отца до конца жизни была отличная! Году в 1948-м ему был выделен мотоцикл «Иж» синего цвета. Отец называл его «голубок», на нём они ездили с мамой на покос. Потом купил «М-72». Мотоциклы были большой редкостью, выделяли их только лучшим работникам или по большому блату. Портрет отца, как передовика, был вывешен в кинотеатре «Горняк» в фойе на правой стене, прямо у зрительного зала.

В 50-х годах отец занялся садоводством. Садил яблони, вишни, иргу, малину, крыжовник. Был одним из первых мичуринцев. Его фотография около яблони висела в городском музее. После выхода на пенсию в 1956 году отец занялся ещё и пчеловодством. Выезжали на поля с друзьями-пчеловодами.

В пионеры и комсомольцы нас принимали сразу. Мама говорила: «У вас дорога не засорена, ваш отец стахановец, почётный шахтёр!». На приеме в райкоме комсомола мне задали вопрос, кто мой отец. Я, четырнадцатилетняя, с гордостью ответила» «Мой отец почётный шахтёр, работает забойщиком на шахте «Ключи». Позднее, во всех анкетах была графа «Происхождение», и я писала: «из рабочих». За отцом до 1939 года тянулся след «сын кулака».

Страх перед большевистским беспределом остался у отца до конца его жизни. В конце 50-х годов его крёстная благословила ему Евангелие. Обернул отец эту бесценную книгу, для отвода чужих глаз, обложкой от журнала «Садоводство» и поставил в книжный шкаф.

Один раз он ездил на родину, в деревню Куваево. Стояла жара, засуха. Так он в сторону своего дома даже смотреть боялся: вдруг случится пожар — скажут, что сын кулака поджёг. А Гриша в наш дом заходил. Там были почта и детский сад. А когда Горбачёв издал антиалкогольный указ, отец

сразу вылил несколько бутылок самодельного вина из ирги. Всё боялся, что придут с обыском и опозорят.

Как-то меня спросили, почему мы не занимаемся восстановлением справедливости. А зачем? Отец своей честностью и трудолюбием показал нам хороший пример. Мы выросли нормальными людьми, своим трудом добились всего, чего хотели, никто не пьянствовал и не воровал. В общем, несмотря ни на какие трудности, отец наш остался человеком и прожил достойную жизнь.

Бабушка

В 1946 году к нам приехала бабушка Авдотья Зиновьевна Шаршапина (в девичестве Чистякова). До замужества она была неграмотная. В Х1Х веке девочек не отдавали в школу. Нужно было нянчить младших, прясть пряжу, помогать матери по хозяйству. Незачем было девочкам знать грамоту, мальчишкам, что ли, записки писать? А вот когда её дети пошли в школу, тогда она и научилась писать и читать. Писала печатными буквами, читала по слогам Евангелие. Знала много молитв, молилась и по утрам, и на сон грядущий. Все крестьянские работы она хорошо освоила — была рукодельница, тонкопряха. Рассказывала, что когда в Россию завезли семена картофеля, то народ шибко восставал против картошки, и садили её помаленьку на грядках. Лишь позднее стали садить целыми полями. В коллективизацию и в войну выживали исключительно на картошке.

Все работы вручную, главный помощник — лошадь. Хлеба жали серпом, увязывали в снопы, снопы укладывали в суслоны, суслоны перевозили на гумно и укладывали в скирды. Перед молотьбой снопы сушили в овинах. Хлеба обмолачивали вручную цепами. Наша мама в 1920 году ещё молотила цепами.

Хлеба в скирдах хранились годами, и в случае неурожая хлеб был всегда. А позднее появились предприниматели, которые строили винокуренные заводы и открывали кабаки. Они скупали зерно и перегоняли на водку. Народ начал пить. Но в основном крестьяне были очень недовольны — над пьяницами смеялись, а кабаки жгли. Вот плясовая песня тех лет на злобу дня:

Здравствуй, здравствуй, Никанорка Третьяков!
У тебя сгорело много кабаков,
Остался один лишь кабачок,
Целовальничек — богатый мужичок.
Целованка - мамонька родна,
Так чудесно опохмелила меня.
За похмельице недорого взяла:
С меня последню рубашеночку сняла.
Призакинулся худёшеньким мешком
И отправился до Шадрина пешком.
А до Шадрина дорога далека,
Люди смотрят на меня, на дурака.

Люди смотрят и дивуются,
А пришёл домой — жена волнуется.
Кулаки под нос подтаскивает,
По затылку поколачивает.
Ох, как больно нахлестала,
Меня под лавку затолкала,
Я под лавочкой лежу, да на злу жену гляжу.

Садили лён, коноплю. Из них получали масло. Ещё лён мяли, трепали, чесали и т. д., получали куделю, потом её пряли, ткали холсты, отбеливали, шили и вышивали себе приданое девушки.

На Урале лаптей не носили. Было очень много скота. После забоя выделывали шкуры, из которых шили и шубы, и тулупы, и шапки, и сапоги. Для лета шили лёгкие обутки из цельного куска кожи, типа детских пинеток. Всё умел делать трудолюбивый народ. Сколько себя помню — работали всегда и много, а в сенокос или в страду — от зари до зари. Но в воскресные и церковные праздники все отдыхали. Наряжались и в лучших одеждах ехали в церковь, потом в гости. Говорилось: «Гость приехал — большая радость! Гость уехал — две большие радости». В обед посреди стола стоял ведёрный самовар, пироги, разные кушанья. После обеда веселились, плясали, пели шутливые песни:

Не хотела я сегодня угореть,
Пришёл вечер — голова стала болеть,
Раскипелся самовар на столе,
Расшумелся угар в голове.
Забренчали чайны чашки во шкапах,
Деревянная посуда в пестерях.
Ох, где это видано, ох, где это слыхано:
На базаре сын отца продаёт,
Полтораста запрашивает,
Полтораста никто не даёт,
Полтора рубля — набитая цена.
Старичонка поскакивает,
Бородёнкой потряхивает.

И частушки:

Неужели кареньки не будете вороненьки,
Неужели стареньки не будете молоденьки.

После домашнего веселья шли на улицу смотреть на молодёжь. Дети играли в разные игры, мальчишки — в чехарду, подростки и парни — в бабки, девушки водили с песнями хороводы.

После праздника снимали праздничную одежду, если нужно — стирали, а после убирали до следующего праздника. Переодевались в домашнюю, часто домотканную одежду.

Бабушка наша была всегда в работе. То теребила шерсть, то пряла, то

вязала. Если были нитки, вязала кружева. В детстве она болела оспой, лицо было рябое. Если увидит себя случайно в зеркале — сплюнет: «Тьфу, блазня» - и уйдёт в сторону. Очень не любила лентяев, одну такую девчонку называла «леньтюха, табунная корова, от семи собак отгрызётся». Не любила неаккуратных и лохматых девчонок: «Бежит, лохмами трясёт».

У бабушки была хорошая память. Она хорошо помнила, что слышала в детстве от неграмотных, но верующих в Бога, стариков, о будущем. Кое-что сбылось при её жизни:

- перед концом света будут страшные ветры, засухи, наводнения;
- будет война красного и белого коня, победит красный конь (гражданская война);
- земля будет опутана железом (железные дороги, провода);
- по небу будут летать железные птицы и клевать людей (самолёты, бомбы);
- бесы будут носить шапки, под которые будут прятать рога (будёновки);
- в избах будут выбрасывать иконы, в переднем углу запляшут черти (телевизор);
- в мире победят жёлтые люди;
- будет погоня за золотом, научатся получать его из воды, а воды для питья будет мало;
- человечество само себя погубит.

Ещё бабушка говорила, что кого Бог любит, того больше и наказывает.

Каждую весну к майским праздникам в доме была генеральная уборка. Конечно, готовились не к 1 Мая, а к Пасхе. С утра топили баню, горячей воды нужно было много. Мама белила стены и печку, мыла горячей водой потолок, межкомнатные стены, драила пол «голиком» - это банный веник без листвы. На улице вытряхивали постели. Мыла в то время не было, стирали щёлоком — древесную золу кипятили в воде и процеживали. Все мылись в бане, надевали чистое. Всё в доме было чисто и красиво. Некрашеный пол белый, пахнет свежей древесиной. Стены украшены вышитыми полотенцами с кружевами, на столе также вышитая скатерть с кистями. четыре полотенца и скатерть — это остаток от маминого богатого приданого, что смогли сберечь, остальное всё расхватали лодыри при раскулачивании.

Утром в Пасху смотрели в окно, как встаёт солнышко. На столе в центре крашеные яйца, по кругу шаньги с картошкой и творогом, пирожки с маком, варенец с множеством пенок. Все продукты экономились заранее. Перед едой молились, крестились и садились за стол. Сияло солнце, пели петухи, на улице теплынь, на душе — радость! В гости приходили свои: «Христос воскресе!» - «Воистину воскресе!». Все радовались, дарили друг другу крашеные яички. Всё без посторонних глаз. В школе никто о Пасхе разговора не заводил. Боялись сексотов-доносчиков.

Бабушка умерла в 1957 году в Свердловске. Накануне в Вербное Воскре-

сенье сходила в церковь на Ивановском кладбище. Народу там было так много, что невозможно поднять руку и перекреститься. Пришла домой, поболела с недельку, да и померла прямо в Пасхальные дни. Отпевали рабу Божью Авдотью в церкви на Михайловском кладбище. Меня на похороны не взяли. Студентка, комсомолка. Вдруг кто увидит в церкви - сразу попрут из института. Такие были времена.

Заключение

Краткая трудовая жизнь семей Лопатиных и Шаршапиных, живших в 20 веке. Простые русские крестьяне, православные, познавшие нелёгкий крестьянский труд. Ограбленные, изгнанные из родной деревни Куваево Камышловского уезда.

Люди, которые, несмотря ни на что, выживали, растили детей и вновь зарабатывали своим нелёгким трудом и дома, и огороды, и скотину. В военную годину трудились по 12 часов без выходных, без отпусков, без выхода на пенсию. Не озлобились, защищали Родину, ковали победу в тылу. Ежегодно сдавали двухмесячную зарплату в фонд обороны и в фонд восстановления народного хозяйства.

Кулак

Неофид Никифорович Лопатин. С сыном выстроил большой дом-пятистенок. Лишился всего. Убит пьяными комсомольцами-бедняками.

Сын кулака:

Георгий Неофидович Лопатин. На прочных фундаментах выстроил два больших дома в д Куваево и два в д. Артёмовский (см.интернет Свердловской обл г Артёмовский, Кольцова, 4). Оба дома стоят до сей поры. «Почётный шахтёр», стахановец, садовод, пчеловод.

Дети:

Григорий — участник Великой Отечественной войны, кандидат технических наук, преподаватель в институте;

Галина — учитель математики в п.Гари Свердловской области (см.интернет п.Гари, Рассохина,6);

Лидия — инженер, в Качканаре с 1961 года, ветеран треста «Востокметаллургмонтаж» и ООО «Востоктехмонтаж». Автор этих строк.

Нина — техник-лаборант в номерном заводе г.Каменск-Уральский.

Подкулачники:

1. Михаил Семёнович Шаршапин — в годы войны работал в трудовой армии, от тяжёлой работы рано скончался.

Дети:

Александра — секретарь-машинистка в штабе Ур.В.О.

Василий — главный инженер объединения «Автодор».

2. Алексей Семёнович Шаршапин — участник Великой Отечественной войны, воевал на германском и японском фронтах, артиллерист. После войны — конюх в поликлинике на ВИЗе.

Дети:

Мария — заведующая детским садом;

Анна — инженер;
Нина — врач;
Виктор — генеральный директор объединения кондитерских предприятий Свердловской области. Переведён в Москву.

3. Егор Семёнович Шаршапин — в годы войны работал в трудовой армии. После войны — столяр в больнице на ВИЗе и в новой областной поликлинике №1.

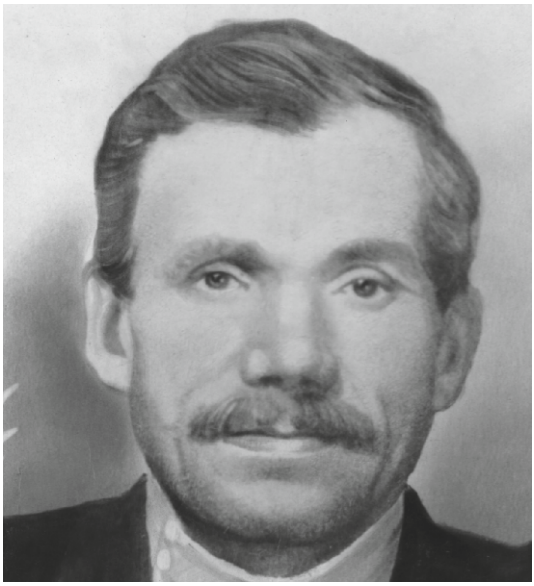
Сын Леонид — классный шофёр во время службы в Германии на «Виллисе», возил командующего военным округом.

Парасковья Семёновна Лопатина (Шаршапина) - наша мама, перед смертью сказала: «Умирать не страшно, страшно перед Богом за грехи отвечать».

P.S. Подробно о раскулачивании в деревне Овсянка Красноярского края читаем: В.Астафьев «Последний поклон».

Евгения БАКУЛИНА

Горжусь своей семьей



М.М.Бакулин

Место рождения

Мой прадедушка Бакулин Меркурий Маркович родился и жил в деревне Антонова Оричевского района Кировской области. Родился в обыкновенной русской крестьянской семье, воспитывался, как и другие дети. Образование 1-2 класса сельской школы. Религия была православие, отмечали все православные праздники. Семья жила в двухэтажном доме, дом наполовину состоял из кирпича, а наполовину был деревянный. Нижний этаж предназначался для хозяйства, а верхний этаж - для отдыха. Во

владении был небольшой участок земли, содержали две коровы, лошадь, три-четыре овечки, несколько кур.

Первая мировая война

В 1914 году всех начали забирать на войну, и моего прадедушку забрали в передовые части. Провоевал он недолго и попал в окружение, а затем и в плен. Пленных отправили в немецкие лагеря. Туда приехали хозяева и начали набирать себе рабочих. Прадедушка попал к хозяину. У хозяина был ресторан, и он содержал выездных лошадей и экипажи, на которых возили людей. Работал прадедушка шорникам, то есть ухаживал за лошадьми, также ездил на повозках (тарантасах). Жил он на западе Германии, два раза пробовали устраивать побег, но их отлавливали и возвращали обратно к хозяину.

Хорошо, что хозяин был добрый и на устроенный побег говорил: «Зачем тебе бежать? Разве здесь плохо живётся?». Жил действительно хорошо. Пленные в лагерях жили плохо. Когда началась революция, буржуазия просили, чтобы пленных не отпускали в Россию. Потому что если они вернутся и станут в ряды Красной армии, то революция быстро закончится в пользу народа, а пленных-то было два миллиона человек. Прадедушка пробыл в плену пять лет; когда начали отпускать домой, хозяин стал отговаривать: «Оставайся здесь, работа есть, жильё есть». Но прадедушка поехал домой, и привёз с собой велосипед, что было большой редкостью, и также говорит, что жилось там ему действительно хорошо. Он говорил: «Я бы остался там, но хотел съездить увидаться с родителями». А обратно его никто не отпустил. Создавались уже колхозы, а мужчин мало было: всех в войну забрали да перебили.

Н. В. Бакулина

По приезде домой прадедушку назначили председателем сельсовета, так как в деревне было очень мало мужчин (в войну всех забирали), а он был обучен грамоте. Была лошадь с бубенцами и извозчиком на ней он ездил по деревне. Своей должности он был не рад. Потому что в то время была продразвёрстка и заставляли собирать налог, а так как он очень хорошо знал жителей деревни и в силу своего характера не мог изымать последнее из семьи. Бывало одна женщина с детьми, она еле содержала семью, а налог надо собирать. Он знал, что ей нечем платить. А если он не возьмёт и не сдаст налог, то его посчитают врагом

народа. И отказаться впрямую от своей должности он тоже не мог: могли посчитать врагом советской власти, посадить в тюрьму или расстрелять. Всевозможными способами он пытался уйти с этой должности, и ему это удалось.

В 1921 году женился на односельчанке Бакулиной Надежде Васильевне, в 1923 году у них появился первый сын Аркадий, в 1926-м - второй сын Владимир, а в 1929 году появился третий сын Анатолий (мой дедушка).

Раскулачивание

Начался 1930 год. Всех крестьян, которых могли посчитать зажиточными, начали раскулачивать. Раскулачили Меркурия Марковича, Надежду Васильевну и их троих детей.

Процесс этот происходил быстро. Приходили люди, опечатывали имущество, разрешали брать немного вещей, а основное забирали. Также разрешили взять плуг и лошадь говорили, что будете там пахать, сеять. Когда всё, что нужно взяли, доехали до Оричей, а там пришлось всё оставить. Таким образом, получалось, что их выселили практически ни с чем. Они сели в вагон-товарняк и поехали поездом.

Привезли их в Свердловскую область, Исовской район, небольшой посёлок Федино, там жило немного старателей. Многие пытались бежать, но не всем это удалось, их ловили и возвращали.

Место пребывания

Вокруг был лес и маленький старательский посёлок.

Очень быстро сколотили два сарая и разместили всех людей под крышу. А потом уже срубили первых четыре дома и в них заселили семьи с большим количеством детей. Пилили лес, раскорчевывали землю, стали её разрабатывать, садить, поначалу сделали совхоз. Появилась большая деревня. Но в совхозе эта работа не смогла обеспечивать большие семьи. Появился первый трактор, который пахал дальние поля. Работали очень много и днём и вечером, на работу ходили на Ис. На Ису был прииск, драги, занимались строительством. Вскоре совхоз забросили.

Так как прииск был недалеко, а в деньгах все нуждались, то мой дедушка со своими братьями и друзьями работали там. Мыли золото; что намоют - на сданный товар получали муку, сахар, соль. Была у них корова, давали покосы, покос был далеко за много километров, трава плохая, работали целый день, ходили в лес за ягодами, за грибами. Свободного времени у них не было.

Уже на Федино у моего прадедушки и прабабушки родился сын Алексей и дочери Валентина и Нина. Также потом родились ещё четыре ребёнка: две дочки и два мальчика. Но они умерли в годовалом возрасте. Потому что в то время было очень много разных болезней, которые не могли лечить. И таким образом получилось, что всего у прадедушки и прабабушки было шестеро детей.

В поселке был комендант, без его разрешения никуда нельзя было

отлучиться из посёлка. Если кто-то приезжал в посёлок, должен был отметиться у коменданта. Так, например, приезжали наши родные из Кирова и гостили у моего прадедушки с прабабушкой. Они также отмечались у коменданта.

Комендантры, в свою очередь, прижимали людей и называли их кулаком, намекая на то, что у них нет никаких прав, они не могут никуда уехать и что-то в этом роде. В целом дисциплина в деревне стояла очень строгая.

1937-1938 годы

1938 год, начались аресты. Хорошо, что в нашей семье никого аресты не коснулись. Но от рассказов очевидцев знакомых и друзей очень хорошо знали, как всё это происходит.

Приходят ночью и забирают хозяина. Увозят, а затем предъявляют: «Ты поджёг дом» или «Ты отравил скотину», хотя на самом деле этого не совершал. Если человек не признавался, то его били. Егоров Леонид, который всё это прошел, рассказывал:

- Забирали, начинали спрашивать: «Ты поджёг?» Он говорил, что нет, его дальше продолжали пытать. Давали есть солёное, а пить не давали, спать не давали, ночью вызывали на допрос, пытали: «Кто твои сообщники?» Через несколько дней человеку надоедало - и он соглашался подписать необходимые бумаги. За это ему давали 10-15 лет.

Были случаи, даже расстреливали. Например, Рубцов Василий Ильич. Его забрали и объявили, что он поджигал леса. Также предъявили ему, что он вредил на предприятиях. И его приговорили к расстрелу как врага народа. Но самое интересное, что он этого не делал.

Те люди, которые оговаривали других (кто им не понравился), специально были подговорены комендантом, они назывались доносчиками. Придирались к любым мелочам. Например, ты что-то рассказываешь, и сказал лишнее, случайно имея в виду совсем другое. Но в этом уже никто не разбирался, тебя просто садили, посчитав врагом народа. Поэтому люди были очень напуганы и боялись сделать лишний шаг, сказать лишнее слово.

Великая Отечественная война

В 1941 году началась Великая Отечественная война. Моего прадедушку не забрали на фронт, так как большая семья, да и возраст уже не тот. А старший сын Аркадий попал на войну и провоевал довольно долго. На войну он попал не сразу, тут вышла не совсем приятная история.

Аркадия отправили на работу в Бокситы от военкомата. Там они работали. Еды было очень мало. Они голодали, и тогда придумали одну вещь. Подделав в справке печать и подпись, работающие там люди могли съездить домой. Так они сделали справку и двое первых человек съездили домой, на неделю набрали еды и привезли её. В первый раз всё вышло гладко.

А во второй раз поехали дядя Аркаша и Иванов Пётр. В Серове стали

внимательно проверять и увидели, что справка не настоящая, подделана - и они попали под суд. Пока шло время, до суда их держали в колонии. Суда ещё не было, и их послали на покос под Именновским. А моя прабабушка, когда узнала, что сын рядом, поехала туда. И пешком, и всяко ей пришлось идти.

А они там косили, была охрана, а местный повар сказал: «Погоди, они будут обедать, я его крикну». И когда пришло время обедать, он его крикнул посуду мыть, а там мама. Он пришел, и мама с ним поговорила минут десять, он вернулся обратно, потом его позвали на выход. Мама из-за кустов смотрит: он подошёл, ему руки назад и повели. Ей было больно на это смотреть. После того как состоялся суд, ему предложили сделать выбор: или сядет в тюрьму, или пойдёт на войну. Он выбрал войну.

Когда он попал на фронт, сначала был пулемётчиком, потом его ранили в плечо, и после выздоровления он попадает в артиллерию, взвод разведки, и в этой должности он служил до конца войны. Служил он года три, до Берлина оставалось дойти немного (уже практически подошли к Берлину), но его призвали в Харьковское танковое училище учиться на офицера.

После того как война закончилась, многих демобилизовали. Аркадию предложили сделали выбор: учиться дальше или домой. Он не захотел учиться и поехал домой в звании старшина. Получил награды: орден Красной Звезды», медаль «За отвагу», орден Славы третей степени и много медалей за взятие городов. Мой дедушка, его брат, рассказывает: «Мы пилили дрова в деревне, вдруг видим: мужчина идёт такой в форме. Сначала не узнали, потом смотрим: Аркаша! Обнялись, заплакали, как долго не виделись!»

Хорошо, что он живой вернулся. Он рассказывал, что был с ним случай, когда он раненный с сослуживцем лежал в какой-то бане, был весь в крови. И в этот момент в баню вошли немцы, сослуживца они убили. А Аркадия не тронули: посчитали его мёртвым - ему повезло.

Дальнейшая жизнь

Дальнейшая жизнь текла своим чередом. Кто смог из детей - поступили в училище, проучившись там, устроились работать. В большинство своими силами и трудолюбием построил свою карьеру. Когда все выросли, кто-то вышел замуж, а кто-то женился. Разъехались по разным городам, но не совсем далеко. Каждое лето привозили своих детей, внуков Меркурия Марковича и Надежды Васильевны, в деревню Федино.

Мой дедушка Анатолий Меркурьевич вырос и женился на односельчанке, также репрессированной Синцовой Лидии Львовне. В браке у них родилось трое детей: старшая дочь Марина, средняя Лена и младший сын Алексей (мой папа). Одно время они жили в деревне, но потом дедушке дали квартиру в Качканаре, и они переехали туда. Сестра дедушки Валентина также переехала в Качканар.

Построив дом, обжившись на новом месте, примерно в 50-60-х годах, Меркурий Маркович, его жена и несколько детей съездили в деревню. Там

они встретились со своими односельчанами - и не пожалели, что их выселили, так как деревня была бедной, много разрушенных домов, и люди там жили бедно. Там же они увидели человека, который способствовал их выселению. Он был бедный, ходил в обносках, а они приехали хорошо одетые. Поэтому резких причин для того чтобы жалеть о том, что переехали, не было.

Моё мнение

В ту эпоху пострадало огромное количество людей, семей. И моя семья не была исключением. Сколько выпало на её долю, сколько она перетерпела…

Мне очень жаль, что власть того времени, выкрикивая лозунги «Всё - для народа!», так жестоко обошлась со своим народом. И я считаю, что людям, пережившим всю ту эпоху, нужно отдавать большие почести. Столько пережить сможет не каждый.

Моя семья прошла через всё это, ей было очень тяжело, но она не сдавалась. Благодаря трудолюбию, мужеству, любви, заботе о близких они смогли выстоять, несмотря ни на что. Меркурий Маркович и Надежда Васильевна воспитали достойных детей, а те в свою очередь - достойных внуков. Я горжусь своей семьёй, её поступками, я благодарна тому воспитанию, которое она мне дала и до сих пор даёт, в атмосфере любви и заботы.

Дети Меркурий Марковича и Надежда Васильевны выросли и разъехались, но они каждый год приезжали в деревню Федино, собирались своей большой и дружной семьёй, чтобы побыть вместе, вспомнить былое и поговорить о новом…

Григорий ДЕЛЛО

ЖИЛИ И РАБОТАЛИ

О том, что наша семья раскулачена и выслана, я узнал, наверное, уже после школы. Ни папа, ни мама - ничего не рассказывали, все плотно молчали. Может были запуганы властью, или какие-то другие были на то причины – не знаю. Мама проговорилась, когда на 31-м делали пристрой к дому: «Когда нас выселяли…» И рассказала, что когда дед (её отец) строил на родине дом, он положил в пазухи три золотых монеты. А когда выселяли, он сумел их вытащить и взять с собой, и они очень даже пригодились на новом месте. Как это «выселяли»? Откуда? Почему? Об этом мама стала рассказывать позже, когда переехали на Сигнальный.

Наша родина – Ельня Смоленской области. Мама рассказывала, что у её

А.П. Делло

отца, моего деда Макаренко Петра, было всё, что необходимо в крестьянском хозяйстве: лошади, плуги, жнейки, сеялки и другой инвентарь. И он батраков не нанимал! Он давал, например, сеялку кому-то, а тот отрабатывал. Вся деревня подписалась, что Макаренко не нанимал батраков! Наверное поэтому и дед отделался Нясьмой, а не лагерем.

С отцовской стороны дед жил там же. Говорили, что он был сильно богатый, но чем занимался – не знаю. А вот происхождение… Однажды по молодости слышал разговор папы с мамой. «Во Францию поедем жить», - пошутил отец. И такой был случай. Однажды я захожу в кабинет к зубному врачу, а она у меня спрашивает: «Ты не француз?» - «Нет». Она фамилию записывает: «Я неделю как из Франции приехала, ты – чистый француз!» Старшая дочь начала копать, обнаружила дворянский герб Делло и много ещё чего. И отцовские слова – «Мы во Францию…» Может с наполеоновских времён остались - я не знаю. Так вот этого деда – Делло, отправили в лагерь. И больше его не видели, там он и сгинул: или сам умер, или расстреляли. А жену его с тремя сыновьями выслали в Восьмивёрстку. У папы было два брата, Сергей и Григорий. Они взяли балалайку и сбежали с Восмивёрстки. Пошли пешком, на родину, в Смоленскую область. Больше отец их не видел. У нас в семье передо мной был мальчик, он на Сахалине родился, но умер маленьким. Его Сергеем назвали, а меня Григорием - в честь братовьёв отца.С Восьмивёрстки они почему-то переехали на Нясьму, может их туда переслали. Так что мама с папой видели друг друга. Мама, Александра Петровна, 1924

В.С. Делло

года рождения, папа Владимир Сергеевич, 1920-го. Жили в бараках. Надзиратель прямо на лошади ехал по бараку и стучал в двери, выгонял на работу.

Перед самой войной, со слов мамы, приехал какой-то уполномоченный, или НКВДэшник с целью забрать с Нясьмы всех мужчин старше 17 лет. А дед мой по маминой линии, Макаренко - он дома хорошо рубил, и был как бы бригадиром. Он спрашивает: «Ну что, мне-то собираться?» - «Нет, Макаренко, ты остаёшься». А всех мужиков старше 17 лет, в том числе моего отца, увезли в Соликамск и посадили в тюрьму. Война началась, отец с Соликамска, из тюрьмы попал на фронт.

Мама училась в школе кончала в Старой Ляле - пешком ходили с Нясьмы. После школы в Тагиле окончила курсы медсестёр. Она тоже попадает на фронт - с Нясьмы.

Отец был легко ранен в руку ещё до 1943 года, лежал в госпитале. В 1943 году ему отрывает ступню. Его находят на поле боя, везут в госпиталь. Машину бомбят, ему отрывает эту же ногу - до колена. В госпитале они встретились с мамой с одного посёлка, земляки. Готовится эшелон вывозить в тыл тяжелораненых, мама попадает в этот же эшелон сопровождающей и они едут в Тагил. По пути - бомбят этот поезд, и у отца вырывает мякоть до кости этой же ноги с внутренней стороны. У него на кости кожичка только была, а мякоти не было. Протез у него был. И он чуть проходит, кожичка сотрётся, кровоточит...

Приехали они в Тагил, отец там лежал в госпитале. И мама в Тагиле осталась. Когда война закончилась, отец выздоровел, вернулся в Нясьму. Но ненадолго: всех благонадёжных людей из числа спецпереселенцев с Нясьмы завезли на Сахалин. Дали лопаты, каёлки, они построили себе землянки и стали жить. Родители поженились и стали там жить. Дед Макаренко срубил им на Сахалине большущий дом. И мы все родились на Сахалине: Сестра Елена (1948 г.), Николай (1953 г.), Леонид (1955 г.), и я последний - родился в 1961 году..

Мама отца во время войны умерла здесь, похоронена на Ниновском. Красивая, говорят, была женщина. Материн отец после смерти Сталина собрал свою большущую семью и все они уехали в Тагил. А мама с папой остались на Сахалине. Сахалин создали, чтобы он кормил Ис. Там было скотины – не меряно, а так же гуси, утки… Отец говорил: свиней бьют, грузят на деревянные сани и в ночь везут на Ис. Тракторов не было, был танк без башни.

Отец пока лежал в госпитале, обучился и получил профессию. С Сахалина он три раза ездил на ВДНХ. Выбирал трактора для колхоза. Мама работала в детском саду фельдшером.

После смерти Сталина народ стал разъезжаться с Сахалина: «каторгу» свою они отбыли, их никто не имел права удерживать. А наши переехали на 31-й, там была железнодорожная ветка, какая то цивилизация. Но света там не было, жгли лучинку. Отец работал управляющим, мать приняла магазин и 40 с лишним лет там отработала. Мы во время учёбы жили в интернате на Ису, на выходной ездили на паровозе на 31-й, все 10 лет В 1973 году погиба-

У Поклонного креста

ет брат Николай. Он служил в морской части погранвойск на Уссури, где остров Даманский. Он отслужил всего год. Мы туда ездили всей семьёй. Командир части – хороший мужик. Погода не лётная была, мы трое суток в аэропорту сидели, и командир трое суток сидел с нами в аэропорту. Он нам лет шесть кету присылал. Похоронили Николая На Савиной горке.

Я нахожусь в таком возрасте, когда задумываешься о прошлом, о судьбах родителей и дедов. Мы ведь как сыры в масле. А вот их судьба? Это же страшно. Но они стойко всё преодолели. Просто жили и работали. Работали, работали, работали… Вся жизнь – в работе.

Мы один дом не можем построить, а они строили 5-6. Мы очень мало знаем о них. Про войну тоже практически ничего не знаю. Макаренко дед воевал в Первую мировую, два его креста у нас есть. Он был очень хозяйственный, выращивал лошадей. Беговых! Когда его раскулачивали, лошади попали на ипподром. Человек на ипподроме тоже понимал толк в лошадях. Деду жалко: кони то свои, и он ему рассказывал этому человеку, как ухаживал, как кормил… Этот мужик посылал на Нясьму посылки, продукты, которые помогли выжить.

Бабушка умерла 96 лет. Я в учился в ГПТУ в Качканаре, жил в общаге. Первый час ночи, стук в комнату, открываю – бабушка! Качканар, вокзал

Николай Делло

чёрт знает где, она первый раз в Качканаре и добралась, нашла! Надо внучка попроведовать! Бабушка была сильно верующая. Она и к нам на 31-й – легко, и никого не просила.

Удивительные были люди. Я имею в виду не только моих родственников. Много таких. Иван Иванович Игнатович, без ноги, отработал конюхом всю жизнь на 31-м. По их жизни это не совместимо – они родину защищали.

Сильно жалею, что в своё время не расспросил, А сейчас расспрашивать некого…

Галина КРАСНОПЕВЦЕВА

ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ

«Что поделаешь, дорогая Груша. Нам выпала нелегкая судьба. Мы с тобой родились на пороге революции. Нам с раннего детства пришлось наблюдать, как разрушали старый мир до основанья, камня на камне не осталось… А новый мир строим 70 лет…»

Письмо двоюродного брата Дмитрия было длинным и тревожным, полным воспоминаний, в основном печальных. Но странно: к Агриппине Ивановне из прошлого приходили в первую очередь самые светлые картины. Что это: свойство женской памяти или инстинкт самосохранения? Об этом она не думала. Ей вспомнилось детство.

Не успеет утро свой огонь разжечь –
Звоном сковородки отзовется печь.
Мать, поднявшись рано, нам блины печет.
Вот уж первый с жара солнышком плывет.

Мы нетерпеливы: все труднее ждать.
Новое светило выпекает мать.
Мы глотаем слюнки: до каких же пор?
Мать зовет: «Садитесь, милые, за стол!»
Долго звать не надо, мы бегом, бегом…
Посидеть бы снова за ее столом!..

Почувствовать бы вновь и жар русской печки, и тепло материнских рук; пробежать бы босиком по той земле, которую почему-то звали «сибирский угол».

Жили они в Курганской области. Село Чимеево находилось вдали от больших дорог и городов, зато была там красивая река, которая казалась Груше большой, полноводной. У самой реки стоял их дом. Он был уже старый, но под его крышей жилось уютно и спокойно.

Кто же тут хозяин: отец, мать или дед Филипп? Тогдашняя Груша об этом не думала, а теперешняя Агриппина Ивановна знает: главным хозяином в их большой и дружной семье был труд. Он, словно талисман, передавался от поколения к поколению и, как талисман, сохранил их души добрыми, помыслы - чистыми. А земля, на которой они работали от зари до зари, делала их мудрыми и щедрыми. От поколения к поколению передавались ремесло и мастерство, многие предметы и вещи, которые ценились как семейные реликвии.

– Жили в достатке и с достоинством, – говорит Агриппина Ивановна. – Пьянство, курение, лень презирали как грех великий. Грешить вера не позволяла… Мы ведь из староверов. За веру свою еще при Иване Грозном были высланы из Москвы. И по фамилии-то мы Москвины…

Этот «сибирский угол», явившийся для предков Груши местом ссылки, стал родным для многих поколений Москвиных. Отсюда был призван в царскую армию отец Груши – Иван Филиппович Москвин. Домой он вернулся бойцом Красной Армии, в рядах которой защищал революцию. На родине вновь принялся крестьянствовать. Вместе с земляками, избравшими его председателем сельского Совета, налаживал в Чимееве новую жизнь.

Ох, и нелегко это было! Все перемешалось: кто прав, а кто виноват? Кого любить, а кого ненавидеть? Родной дядька Александр Москвин, державший до революции стекольный завод, разорился: растащили завод по винтику, по кирпичику, остался дядя бос и наг. Другого дядю, офицера в отставке, доброго, интеллигентного старичка-фельдшера Нифатия Москвина, убили красные: сбросили со второго этажа, увезли в другую деревню и там изрубили шашками, как котлету… Жизнь бурлила и пенилась, словно река в половодье – пойди и отыщи ее русло, попробуй не утонуть в этом потоке! Иван Москвин не утонул, нашел свое русло и тем был счастлив. Люди верили Ивану, ценили его сметливый ум, уважали за широту души и верность слову.

– А мы его просто любили, – говорит дочь Груша. – За то, что он отец. Мы

гордились его талантом. Может, это и громко сказано: талант, мол. Но у папы был очень красивый голос, он пел на сельской сцене, играл в спектаклях.

Старался везде успеть: на работе, в клубе, в семье, где подрастали шестеро детей. Жил, как велели сердце и совесть. Шли годы, трудные и радостные, урожайные и голодные – разные. Но жизнь не останавливалась. Она, словно река, текла все вперед и вперед, суля надежду на лучшее.

И вдруг случилось такое, что впору было подумать: уж не вспять ли пошла река жизни? Москвины еще не знали, что потом это время назовут годами Великого перелома, но уже почувствовали это на себе.

– Все произошло быстро. Сначала отца сняли с председателей сельсовета, – рассказывает Агриппина Ивановна. – А потом на собрании нас объявили кулаками. Нанимали работника – значит, кулаки. А раз кулаки – значит, раскулачить. Все отобрали. И не оправдывайся: все равно ничего не докажешь… Да уж что про нас-то говорить (мы не бедствовали), если даже Кичигиных в кулаки записали. Оба всю жизнь коров пасли, как говорят, ноги на пеньке грели. Потом съездили на заработки, вернулись с деньгами. Радости своей ни от кого не скрывали, выручали всех деньгами в трудную минуту. Оказалось: на свою беду. В общем, надо было из Чимеева три семьи – три и выселили. Такая, говорили мужики, разнарядка была…

И вот всех выселенцев согнали в один дом, и ютились они там в ожидании дальнейшей участи. Ждать пришлось недолго. Однажды ночью подъехали подводы. Погрузились. Да и что грузить-то было? У Москвиных все богатство – немощные старики да шестеро детей, старшей из которых четырнадцать лет, а младшей – полтора года. Да сундук и мешок с самым необходимым. У других «кулаков» и того меньше.

Навсегда запомнила Груша эту ночь 3 марта 1930 года. Жалобно стонал под полозьями снег, с плачем налетал порывистый ветер, Грушина душа беззвучно рыдала, а сверху взирала равнодушная луна. Молчаливо, спокойно шли рядом с повозками сопровождавшие сельские активисты. Интересно: о чем они думают?.. Папа ведь тоже был активистом, уважаемым человеком, а оказался ненужным, врагом. Может, завтра и их вот так же повезут в неизвестность – и никто не защитит. Наверно, тревожно конвоирам и страшно, и спокойны они только внешне, как эта река, спрятавшая свои чувства и характер под ледяной и снежной коркой.

Так размышляла Груша и тихо плакала от горькой обиды. Ей было жаль родной дом, в котором, едва их выселили, устроили конный двор. Было жаль всю живность, все добро, отобранное вместе с домом. Но больше всего она жалела домашнее убранство. Ведь все в избе: шторки и полотенца, покрывала и половики – сделано маминими руками; уж такая она была мастерица-кудесница, ни один лоскуток у неё не пропадал, все в дело шло… Груша ёжилась – от холода и страха, от своих печальных дум. А думы были длинные, угнетающие, как эта дорога. Когда же она кончится?..

Приехали в Курган. Тут поместили всех в большой вагон, где еще не было

убрано после лошадей, но для людей уже были сделаны нары. Посередине – железная печка. Она спасала в дороге от холода и от голода: многие пекли на ней лепешки. Ела Груша этот колючий, с отрубями хлеб, замешанный на одной воде, и вспоминала домашние блины-солнышки.

В Челябинске их покормили похлебкой из чечевицы – всем по одной поварешке. В Надеждинске (ныне Серов) всех выгрузили из вагонов, дальше повезли на лошадях. Куда? И будет ли конец этой дороге?

Остановились на Волчанке. Холодно, темно, мрачно. Ветер воет, как волк голодный. И страшно Груше за себя, за сестер своих младших и братьев. А ехать, оказывается, еще десять километров. На какие-то угольные печи.

Наконец, приехали. Лес, бескрайний лес. И один барак. В нем когда-то жили зыряне; они рубили дрова, жгли их на уголь, который возили на лошадях в Надеждинск, на завод. Теперь барак пустовал.

– Вот вам и жилье, – сказали переселенцам.

– Да как же тут разместятся все сорок семей?

– Жить хотите – стройте!

И они строили. Работали все: и такие старики, как дед Филипп, и такие подростки, как Груша.

– Построят барак, сделают в нем нары с обеих сторон, посредине печь железную поставят – и за другой барак принимаются. В каждый селили по четыре семьи, а в наш – только три, так как семья у нас была большая… Радовались жилью, хотя уюта в бараке не было. Стены сырые, к тому же в сере. Пока печка топится, с них течет, а перестали топить – в бараке холод.

Так начиналась их жизнь на уральском севере, где нелегкая судьба свела русских и украинцев, татар и немцев. Рядом с ними Груша взрослела, вместе с ними узнала, что такое холод и голод, цинга и куриная слепота, и вши. Узнала, что такое изнуряющий труд в лесу, на лесоповале, на стройке. Вместе с ними испытала она унизительную участь переселенцев; среди них встретила образцы бескорыстия и доброты.

Воочию, как и они, видела Груша голодную смерть, которая косила в первую очередь стариков и детей. Зимой 1932 года умер ее дедушка Филипп Николаевич Москвин. Одним из первых умер и дед Коврига.

– Были они с Украины. Два брата учились со мной в школе. Их мать работала, как и все. А дед в лесу работать не мог, но без дела не сидел: то кастрюлю кому запаяет, то валенки подошьет. Чистенький такой старичок с большой, красивой бородой… А как голодно стало, никто к нему с просьбами и заказами больше не приходил. Умер дед Коврига с голода. А вскоре умерли мальчишки и долго лежали мертвыми на нарах; не знали люди об их смерти: ведь к Ковригам давно никто не заходил… Первой увидела их наша мама; она носила почту с Волчанки и в тот день принесла им письмо. Мать этих мальчиков была еще жива, а когда пришли люди, то и ее нашли мертвой… Их отец, высланный в Мурманскую область, приехал за семьей, а семьи-то нет… Высокий, красивый мужчина, хотя лицо в корявинках…

Люди страдали, умирали. Но по-прежнему вращалась Земля, каждый день вставало солнце, каждый год приходила весна, а в душе были мрак и холод. Случались там редкие оттепели – и опять на душе морозило, метелило, вьюжило… И думала Груша: как беззащитен, как мал человек в сравнении со вселенной и вечностью и еще с чем-то жестоким, всемогущим…

Но пришла пора, и сквозь тучи пробился к девушке светлый лучик счастья. Было это в 1934 году в поселке Ауэрбах, куда приехала работать Груша Москвина, получившая специальность слесаря-инструментальщика. Там познакомилась она с Иваном Желтухиным, рабочим парнем, тоже из переселенцев. Через год они поженились, а еще через год Груша стала матерью. И засияло для нее солнце во весь горизонт.

Трудностей в жизни не убавилось, забот прибавилось, но душевный свет, который теперь несла в себе Агриппина, помогал переносить все лишения и невзгоды. Девять детей родилось у Желтухиных. Троих, в том числе и первенца Юру, они потеряли. Как не сломиться под тяжестью утрат? Как не погасить в себе солнце? В этом Груше помогли живые дети, которым нужно было ее материнское тепло. Так и жила она с любовью в сердце, с искрой в глазах.

Эта северная, неуютная земля, принявшая в могилы родителей Агриппины, стала родиной ее детей. И Груша уже любила эту землю.

Паровоз считает шпалы
и стучит колесами,
За окошком пробегают
все места таежные.
Кедрачи, сосенки, ели,
мелколесье вперебор…
Удивительные песни
мне поет уральский бор…

Суровый край встретил девочку-подростка волчьим завыванием метели – теперь Груше слышатся его удивительные песни. В этом лесном краю выросли новые города: Волчанск, Краснотурьинск, Североуральск, ставшие бессмертной песней человеческому труду, рабочим рукам переселенцев. В этом краю выросли и дети Желтухиных.

– Богатства мы не нажили, хвалиться нечем. Вот наша единственная ценность, – говорит Агриппина Ивановна и показывает фотокарточки детей.

Римма – медик. Живет на Байкале. Она самая старшая, ей уже 53 года.

Тамара – педагог. С отличием окончила Шадринский пединститут. Работает на Кавказе.

Женя – конструктор. Сейчас она свердловчанка. Инвалид второй группы, но не отчаивается, ведет интересную, полнокровную жизнь. Сильная духом женщина.

Тоня живет здесь, в Качканаре, работает на заводе по ремонту горного оборудования. С тонкой и чуткой, как у мамы, душой. Как и мама, Тоня пишет стихи.

Саша окончил летное училище. Был штурманом-инструктором в Тамбове. Недавно умер. Было ему 39 лет.

Наташа (ныне Семакина) – самая младшая. Выпускница Краснотурьинского технического училища №3, она была направлена в Качканар и вот уже двадцать лет работает на дробильной фабрике горно-обогатительного комбината. Качканар – это ее юность, родина ее детей.

В трехкомнатной Наташиной квартире живет и Агриппина Ивановна.

– Это моя последняя земная пристань. Иван мой уже ушел… на вечное поселение. А детки разлетелись, как птицы из гнезда. Ноженьки мои теперь не ходят. Молодость ушла – не попрощалась, старость пришла – не поздоровалась. А умру – унесу в душе своей и широкие просторы, и лесные тропочки…

Так говорит, так мыслит эта женщина, которая, невзирая на лишения и невзгоды, не ожесточилась, а сохранила поэтическую душу, как ее отец и дед, и осталась такой же мастерицей-искусницей, как ее мать. И по сей день самыми дорогими украшениями в городской Наташиной квартире являются изделия Агриппины Ивановны. И сейчас она нередко обращается к рукоделию. А также к дневнику, где записывает свои мысли и свои стихи.

Вы не дивитесь, мои детки,
Что иногда печалюсь я.
Меня уже не солнце греет,
Как в былые времена.
Меня теперь согреть сумеют
Лишь ваши добрые слова.

Волосы её – короткие седые волны, лицо в бороздках добрых морщин, а глаза – лучистые, молодые, как у одиннадцатилетней внучки Алёны. А у Алёны руки такие же искусные и терпеливые, как у бабушки. И в характере внучки, к радости Агриппины Ивановны, уже вырисовываются знакомые черты Москвиных.

Алёне Семакиной жить в двадцать первом веке. Пускай, как эстафету из прошлого, принесет она туда свои умелые руки, доброе сердце и высокие идеалы. Пусть будет верна своим идеалам, как это умели ее далекие предки, готовые за убеждения и веру пойти в Сибирь, на крест, на плаху.

1989 год

Павел БАРАНОВ

ВНУКАМ КРАСНЕТЬ НЕ ПРИДЕТСЯ

Я, Баранов Павел Егорович, принадлежу к поколению людей, жизнь которых пришлась на XX век. Что это был за век, думаю, никому объяснять не нужно. Конечно, не в самое лучшее время довелось нам жить. Хватило нашему поколению тягот и испытаний. И всё же, оглядываясь на прошлые годы, на жизнь не жалуюсь.

Высоких чинов и званий не заслужил - был простым работягой. Но прожил жизнь честно, так что моим детям и внукам за меня краснеть не придётся. От трудов праведных не нажил палат каменных, зато обрёл богатство другого рода. Это моя прекрасная семья! Любимая жена Баранова Александра Александровна, с которой мы прожили пятьдесят с лишним лет. Царствие ей небесное: в 2004 году она отошла в вечность. Горжусь своими детьми и внуками.

Единственно, не могу привыкнуть к тому, как быстро пробежали-пролетели годочки. Кажется, вот-вот была детства пора золотая. Так и вижу себя с другими деревенскими ребятишками, как мчимся мы зимой с крутой горки… Нет, не на санках: у нас их не было. Мчимся мы на деревянных лотках, обмазанных… Вы ни за что не догадаетесь, чем? Коровьим этим самым… ну, вы понимаете. Летели с горы, будь здоров. И много было мелких радостей, потому что это - детство. И вот уже 15 лет, как на пенсии. Здоровье неважное, но не сдаюсь. Стараюсь шевелиться, в основном по хозяйству: как говорится, дом не велик, но лежать не велит.

Когда сын предложил вспомнить кое-что о моём житье-бытье, я не возражал. Сейчас жизнь совсем другая. Того, что пережили мы, Бог даст не повторится. Но помнить об этом стоит как раз потому, чтобы нынешнее поколение ценило то, что имеет.

В большей или меньшей степени меня коснулись три важных исторических события: раскулачивание в период коллективизации, Великая Отечественная война и создание ядерного щита Родины. Причем, первые два события вошли в жизнь, не спрашивая нашего желания, а в третьем я принимал участие добровольно и вполне осознанно. Но, давайте по порядку.

Коллективизация

Роду мы крестьянского. Дедушка мой, Баранов Николай Поликарпович, жил в Казанской губернии. В начале XX века с семьёй он перебрался в Красноуфимский уезд Пермской губернии. Что это было: столыпинская переселенческая политика или что-то другое – я не знаю. Знаю лишь, что приехали по приглашению некоего влиятельного человека по фамилии Бурмышев. Переселенцам, а их было 30 семей, нарезали земельные наделы. Ну, и всё: корчевали лес, из него же строили дома, распахивали земли. Вот и дедушка с моим отцом, Егором Николаевичем, построили дом. В этом доме появились дети: мои братья Петро, Василий, Андрей, потом я, сестра Раиса.

Сеяли рожь, пшеницу, разводили скот. Этим жили сами, это же возили на базар в Красноуфимск. Крепло и развивалось хозяйство Егора Николаевича. Накануне раскулачивания «экономическую мощь» хозяйства составляли 2-3 коровы, лошадь и конная молотилка. О молотилке следует сказать особо, потому что её наличие действительно увеличивало эффективность крестьянского хозяйства, натурального, по сути. Ведь хлебушек не в магазине покупали, а выращивали своими руками, на весь год и на всю семью, и чтобы скотине иногда перепадало. Это сколько нужно махать цепами, чтобы измолотить все снопы! А здесь - механизация. Зубчатка такая, она вертится, а от неё ремень через шкив на барабан, где сноп молотится. Сноп развяжут, потихоньку подталкивают туда - зерно в одну сторону, солома - в другую. Молотилка была конная. От неё были сделаны три жерди, по две лошади по бокам, всего – шесть. Лошади ходят по кругу и крутят барабан. Работы хватало всем: кто таскает солому, кто – отгребает зерно, а дети подгоняют лошадей. И вообще работали, не покладая рук. Поэтому был достаток. Богатства – не было, но достаток - был.

Всё рухнуло в одночасье. Как-то приехали «коммуняки» из Красноуфимска и попросили отца поехать на лесозаготовки: надо помочь Родине. Почему бы не помочь, тем более – Родине. Егор Николаевич уехал, а наутро эти приехали к дому верхом и начали описывать имущество. Я сидел с сестрой Раисой на печке и ревел. Мать упала в горнице. Петро не растерялся и давай прятать, что мог. Утащил в лес швейную машину «Зингер», бобриковое полупальто. А те - запрягли нашу Рыжку, вывели коров, всё вывезли, а нам велели освободить дом.

Когда отцу сообщили о раскулачивании, он сразу приехал с лесозаготовок в деревню Турыш, к своему другу, которого звали Нарулла. А уже оттуда на лошади приехал за нами, и мы стали переезжать. В телегу положили какой-никакой скарб, кошку – и поехали. А дедушка Николай пошел с бабушкой Марией на край деревни, выкопал землянку, стены обшил досками. Баню построил, которая топилась по-чёрному. Ульи вырезал для пчёл, но не такие, как сейчас, а просто дупло.

Мы были первыми в деревне, кто попал под раскулачивание. Наш дом был самый большой. В нём разместилось правление колхоза. Сарай был тоже большой - из него сделали конный двор.

Конечно, жаль было всё это потерять. Но отец, Егор Николаевич, отнёсся к этому как к фатальной неизбежности. Хотя позднее в минуту откровенности у него вырвалось признание, что будь у него ружьё, и находись он в тот момент дома, то перестрелял бы этих бандитов. А так как не было возможности сопротивляться, значит - судьба.

Наши скитания по квартирам прервал дедушка Семён (отец матери), когда построил себе новый дом: «Хватит болтаться по углам! Занимайте эту хату!» - и отдал избушку на два окошка. Так мы обрели жильё. Дом находился рядом с Леспродторгом. Мы ходили к дедушке Николаю Поликарповичу в гости, ночевали у него в землянке, а в свой когда-то родной дом - нельзя было заходить. Такое вот было время. Меня же вскорости отец повёл в первый класс в посёлок Камушки.

Военное детство

Итак, я был учеником. На ученике - штаны портяные, с одной пуговкой. Через плечо - холщовая сумка, тоже с одной пуговкой.

Учительницу звали Александра Владимировна. Какие изучались предметы - ладом не помню. Ну, письмо, чтение, арифметика и ещё что-то - в сумке носил пять учебников. Сказать честно, учёба особенно не шла на ум. Может быть, потому, что постоянно хотелось есть. Говорят, что сытое брюхо к ученью глухо. Может быть, и так, не знаю. Но то, что брюху голодному не до ученья - знаю из личного опыта. Поэтому обучение моё не затянулось. Доучившись до пятого класса, бросил сумку с учебниками и заявил, что больше в школу не пойду, а пошел в Леспродторг: лошадей кормил, в пасево водил, воду возил, муку отвозил в артель инвалидов и т.д. Денег не платили, но хотя бы кормили.

Война в нашу жизнь вошла неожиданно. Шли с ребятами с реки Уфы, и вдруг слышим крики: «Война! Война!» Дети, мы не понимали, какая пришла беда. В памяти запечатлелась картина: на улице Мизерова, ниже Леспродторга, нагнано много лошадей: собирали со всех колхозов и эшелонами направляли на войну.

Получили повестки братья Василий и Андрей. Оба были взяты на фронт, оба пропали без вести. Делали запросы - безрезультатно. Будто бы кто-то из них скончался в госпитале в Перми.

Иногда нам приходилось разгружать вагоны с продуктами: сало, мясные консервы, сахар и другие в условиях войны деликатесы. Но продукты эти предназначались не жителям, горожанам, а отвозились в лес, где шла заготовка леса-кругляка, который затем сплавлялся по реке Уфе, грузился на платформы и куда-то отправлялся. .

Однажды случился и на моей улице праздник. В Леспродторге, где я помогал, обратили внимание, что я плохо одет, оборванный весь. Главный бухгалтер (я его иногда возил на лошади) сказал: «Что вы пацана держите, а одеть не можете?» И вот тогда мне сшили костюм из зелёного армейского материала. Ни у кого из пацанов такого не было! У меня даже есть фотография, где я - в этом костюме.

Однако отцу не нравилось такое моё неопределённое положение. «Сколько ты можешь там таскаться? - сказал как-то он.- Выбирай профессию: сапожником, кузнецом или мастером швейного дела иди, будешь до старости обеспечен». Я выбрал профессию сапожника и пошёл учеником в артель «Кожевник». Подшивали валенки для фронта: дратву сделаем, наделаем стелек и строчим. Приходил вагон с валенками с фронта - нужно было сначала разгрузить. Таскали на руках во двор артели. Валенки эти были с убитых солдат, поэтому видели то ногу, то полноги: видно, некогда было вытаскивать. Как бы то ни было, валенки подшивали, грузили обратно в вагон - и отправляли. Сам тоже подшивал. Деньги давали, сколько – уже не помню.

Дома ели гнилую картошку. По ночам стояли в очереди за хлебом и, чтобы не замёрзнуть, гоняли всю ночь лошадиные говёшки, как хоккейные шайбы. Так что и полагавшуюся булку хлеба не просто было получить.

Много было наших раненых. Леспродторг ликвидировали, и там сделали госпиталь, где их лечили. Потом госпиталь открыли в здании школы по улице Советской, при школе был парк, находящиеся в госпитале там прогуливались. Выздоровевших отправляли обратно на фронт.

Память - инструмент несовершенный. Я сейчас уже не могу в деталях вспомнить День Победы 1945 года. Но прекрасно помню чувство, которое переполняло нас всех от мала до велика. Это было ликование.

На строительстве

В русских народных сказках судьбоносные варианты главного героя были прописаны на камне, а он выбирал, куда ему пойти. Мою последующую судьбу определило объявление о наборе молодёжи в количестве тридцати человек на курсы водителей для автотракторной колонны города Красноуфимска. Обещали даже стипендию. Замечательно! Прошли медкомиссию – и на учёбу.

Преподаватель был из Свердловска, звали Николай Николаевич. Дали машину- полуторку: козырёк железный и еле-еле живой кузов. Инструктора по вождению звали Захар. Он бил по коленке всякий раз, если кто непра-

вильно нажимал на педаль или сильно жал на газ (педаль была маленькая - с пятак, нога соскальзывала). Права после курсов не давали, а давали стажёрки - такой документ, где было написано, когда нужно пройти курсы водителей.

И вот когда мы пришли получать эти самые стажёрки, в кабинете вместе с Николаем Николаевичем сидел военный, он назвал себя капитаном Непрозвановым, сказал, что он прибыл с управления исправительно-трудовых лагерей МВД из Нижней Туры. «Я приглашаю вас в Нижнюю Туру, там пройдёте стажировку три месяца, получите права, а работать будете на стройке», - сказал он. Ребята разошлись из автошколы. И что вы думаете? Назавтра ни один из них не пришел. Тогда капитан Непрозванов берёт Захара, садится в машину, ездит по родителям и просит, чтобы те отпустили сыновей на стройку. Неделя или две у него ушло на это дело, потому что ребята были со всей округи: с Сараны, с Криулино - в общем, со всех деревень. И уговорил-таки!

Впереди будут многие годы работы шоферской работы по строительству комбината и города Свердловска-45. Некоторые вехи, события врезались в память очень отчетливо.

Итак. На поезде привезли нас в Нижнюю Туру, пересадили в «ЗИС-5» и привезли на «Новый завод». Завели в юрту, сделанную из щитов. Там стояли кровати, посередине - кирпичная печка. Сказали: «Здесь будете жить». Пришла комендант Раиса Михайловна, всем выдали матрасы, и пригласила пройти в рабочую зону. Там работали заключённые, которые распиливали лес, и был опил. Опилом она посоветовала набить матрасы. Дали ещё одеяла - и стали жить.

Повели нас в гараж возле пруда. Этот пруд, когда замерзал, использовался как аэродром. За управлением стройкой был закреплён специальный самолёт. Пилотом был Костя Бахмуров, шустряга такой, жил с нами в бараке. Самолёт стоял на льду, туда прямо и приземлялся. Потом сделали аэродром за гаражом 13-го цеха, а позднее - где стояли теплицы совхоза «Таёжный».

Так вот, возле пруда был авторемонтный завод. Там же жили заключённые-уголовники. Они ремонтировали машины. Некоторые из заключенных были бесконвойными. Один из них - Гена, здоровый такой парень. Я сначала у него стажировался. Посадили нас на автомобили «ЗИС-50». Приехала комиссия из Свердловска, и мы стали сдавать на права. Но что интересно: получив права, некоторые стали сбегать со стройки. Но не тут-то было: на них устраивали облавы и возвращали обратно.

Первая моя работа заключалась в том, что на своём грузовике возил камень для строительства железнодорожного моста. Камни грузили и разгружали заключённые - вручную. Со мной шофером работал Колька Баранов. А я – Павел Баранов. И мы долгое время получали зарплату: он - мою, я - его. Бухгалтеры были заключённые - перепутали.

В рабочей зоне заключённые пилили бревна, готовили пиломатериал, который шёл на строительство жилых домов в городе, на строительство

комбината. Для строительства Нижнетуринской ГРЭС был свой лагерь заключенных. Приходилось иногда стоять и ждать на машине целый час, пока заключённых проведут на работы.

Построили первые дома - в них жили чекисты. Потом огородили сквер (ныне сквер им. Гагарина). Был из ряда вон выходящий случай. Как-то мой грузовик направили возить продукты для заключённых. Приехал, зашёл в кабинет начальника лагеря. Начальник вызывает заключённого и приказывает доставить двух «доходяг». Им приказывает: «Вот ваш шофёр. Сделайте будку на его машину и будете на ней возить продукты для лагеря». Затем вызывает завскладом и приказывает выдать мне полушубок и валенки. Заключённые сделали будку, доложили начальнику. Он спросил у одного заключенного: «Где спишь: на первом или на втором ярусе? Будете охранять водителя, и чтоб он спал на пятом ярусе. Если что случится, будете отвечать головой, или расстреляю». А как-то утром я пришёл на работу, механик говорит: «Сегодня туда не поедешь: начальника лагеря поймали с радиоаппаратом: он оказался американским шпионом». Был он на самом деле шпионом или нет - не знаю.

Потом стал работать на лесовозе, для нужд стройки возил лес по старой бушуевской дороге. Брали сначала на Валериановске, а потом - в Качканаре. Не путать с нынешним Качканаром, строительство которого началось в 1957 году. Тот был, где сейчас ходят электровозы. Лес заготавливали женщины-заключённые. Лагерь был сначала на Бушуевке. На Качканаре был этап женщин-заключённых, в основном из сферы торговли. Они валили лес вручную: бензопил не было. Ещё с войны в Качканар пригнали здоровенных немецких лошадей-битюгов, они цепляли 2-3 хлыста и тащили на разделку. Женщины отпиливали верхушки и рубили сучья. За 15 минут женщины вручную грузили лесовоз: делали горку, ставили жерди и, когда лесовоз подъезжал, накатывали брёвна.

Однажды приехал утром на погрузку, а вместо женщин – солдаты. Я поинтересовался: «Где женщины?» Солдаты сказали: «Нас привезли ночью, мы никого не видели, здесь никого не было». Приходилось им объяснять, как надо грузить: они ничего не умели. После разоблачения Берии заключённых вернули, а солдат убрали.

У меня был спецпропуск, и я возил лес на все площадки, на 51-й и на 35-й. На 35-й лес возил на строительство тоннеля. Котлованы на площадках рыли заключённые: делали из досок полати. Заключённые, которые находились в котловане внизу, бросали землю на полати, другие заключённые с этих полатей бросали на верхние полати и так далее до полной выгрузки, вручную, без тачек. Бетонного завода ещё не было, на основание жилых домов и магазинов брался бутовый камень, который заготавливался заключёнными. Они сидели со сроками 10-25 лет.

Как-то пришло приказание: в 5 часов утра нагружаться деревянными щитами, на 42-м будет ждать трактор. Дорога была ужасная, не проехать, поэтому трактор будет таскать машины на гору, на Карьер, и от Карьера ещё влево. Щиты следовало выгрузить в лесу. Через день ждали прибытия

эшелона, как вечером после работы механик сказал: «Поедем завтра в Нижнюю Туру: пришло 25 новых машин «ЗИС- 50» с заключёнными». Они из этих щитов строили себе бараки. Заключённые эти работали в тоннеле. Стройка близилась к завершению.

Когда заводы запустили, нас, водителей, решили передать военной части, командиром которой был подполковник Пивненко. Начальник транспорта Ходок Яков Давыдович отправил телеграмму руководству о том, что три группы по 30 человек (Исовская, Красноуфимская и Свердловская) подлежат призыву в армию. Зачем их учили, и, главное, кто будет работать на стройке? Проблему решили: мы ездили на Ис (тогда райцентр), прошли комиссию, и нас определили в запас 2-й категории. Работайте, ребята!

Потом я чистил город от снега на шнекороторной машине. На эту машину никто не садился, потому что не хотели на ней работать. Как только выезжала машина - обязательно ломалась, и её притаскивали трактором в гараж. Шнекороторная машина была сложна в управлении, но снег кидала дальше 20 метров.

Вызывает меня Дягилев: «Баранов, лошади без овса, а овёс на Вые. А до Выи дороги нет, снегом всё замело. Садись на шнекороторную машину, учи инструкцию, осваивай, будешь на ней работать». Дело пошло, сезон отработал без замечаний. Летом был прикреплен на базу ОРСа, возил продукты. Потом пришла первая «Волга» - такси, и меня посадили на неё, обкатывать. Зимой хотели меня опять на шнекороторную посадить, но я Константинычу сказал, что коленки отмываю только в мае, потому что на шнекороторной машине приходится на платформе на коленках стоять, ползать. Подготовил себе замену, а сам остался на такси.

С сыном Николаем и дочерью Анной

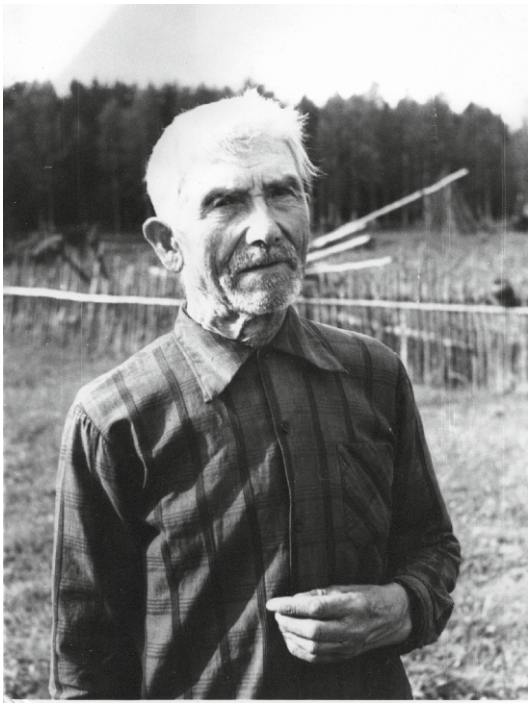
Да что говорить, всякое было. Постепенно жизнь налаживалась. Быт устроился, дом построил, детей на ноги поставили, Внуки взрослые, правнуков дождались. .Так что грех жаловаться. Им я такой жизни не пожелаю, но мне она дорога, потому что она - моя. В общем, всю жизнь за рулем в родном городе!

Михаил ТИТОВЕЦ

СТАРЫЕ ДОКУМЕНТЫ – О СУДЬБЕ СЕМЬИ

На Псковщине

С Н.А.Чучалиной познакомились мы в исовском автобусе, когда устремлялись с Качканара каждый на свою малую родину. Однако есть разница. Где родиться мне, решили мои деды, бежавшие от колхозной неволи и основавшие поселок Малая Белая. Дедушку и родителей Надежды Алексеевны в наши края привезли в качестве невольников-спецпереселенцев и определили им местом жительства поселок Лабазку – один из островов спецпереселенческого архипелага на территории Исовского района.



Ф.Ф. Федоровский

Не будь исторических потрясений двадцатого века, развивайся страна органично и динамично, малой родиной Надежды Алексеевны была бы деревня Елины Островского района Псковской области. Край этот интересен еще с древности: Новгород и Псков – два республиканских островка среди великого множества княжеских монархий удельного периода. Как знать, может, традиции вольности генетически наследовались из поколения в поколение местным населением. Опять же рядом заграница с ее экономико-культурным влиянием. Это благоприятная среда для формирования инициативного, деятельного типа личности. Именно на таких людей «сильных и трезвых» будет опираться великий реформатор П.А.Столыпин, проводя грандиозные преобразования в начале двадцатого века.

Таким человеком, инициативным и деятельным, «сильным и трезвым» был дедушка Н.А.Чучалиной – Федор Федорович Федоровский. Утверждение это не голословное, но документально обоснованное. Никогда прежде ни в какой семье не приходилось видеть такого количества дореволюционных документов имущественного характера. Практическая их ценность на

сегодня – никакая. А вот историческая, познавательная – очень большая.

Итак. Что являлось главной ценностью в дореволюционной России, крестьянской стране? Земля, естественно. Судя по сохранившимся документам – «выписям из крепостной Псковского нотариального архива», книгам по Островскому уезду с 1887 года Федор Федорович начинает прикупать землицу. Понемногу. Восемь десятин сто двадцать шесть саженей – у собственного деда Алексея Абрамовича.

В 1907 году *«Островская купчиха Ирина Антоновна Иванова …*

продала ему, Федору Федоровичу… мерой четырнадцать десятин или сколько окажется всю без остатка со всеми принадлежностями: с одной стороны между шоссе и владениями помещика барона Фитингофа, а с двух других сторон между ручьем Вербинским и землей Ельнинского церковного притча. Взяла же я, Иванова, с него, Федорова, за это недвижимое имущество четыре тысячи пятьсот рублей, с отнесением на его же счет всех расходов по совершенной и утвержденной этой купчей крепости, до которой названное имущество никому другому не продано, не заложено, ни в какие крепости не укреплено, в споре и под запрещением не состоит».

Документы красноречиво свидетельствуют, что стереотип советской поры, будто до революции крестьяне были темными и совершенно бесправными – мягко говоря, не совсем правда. После отмены крепостного права в 1861 году крестьяне становятся полноправными субъектами права, в том числе и имущественного. Вот, пожалуйста: покупки нотариально заверены. Далее приобретенное имущество подлежало регистрации. Сохранились и «*исполнительные листы», в каждом из которых «по*

указу его императорского величества Псковский окружной суд определяет крестьянина ... Федора Федорова ввести во владение участком». В них же окружной суд приказывает «всем местам и лицам, до коих сие может относиться, исполнить в точности настоящее решение, а властям и местным полицейским и военным оказывать исполняющему решение судебному приставу надлежащее по закону «содействие без малейшего отлагательства».

Для пущей верности приобретенные участки межевались. Выполненные с присущим для дореволюционных документов изяществом, и даже в цвете, межевые планы прекрасно сохранились: тогда все делали качественно, на совесть.

А страхование?! Это показатель цивилизованности хозяйства. Крестьянину Федору Федорову оказывало услуги Псковское взаимное земское от огня страхование. Партнером крестьянина в этом деле было «Псковское взаимное земское от огня страхование строений». Полисы – просто шикарные! Псковская губернская земская управа «принимала на страх» имущество на год, например «с 12 часов дня 23 октября 1912 года по 12 часов дня 23 октября 1913 года». А какое имущество? Оно перечислено: дом деревянный, крытый деревом, ворота, повет, 4 крытых соломой амбара, 2 сарая, конюшня, 2 задворка, гумно, баня. Причем, напротив каждого строения указаны две суммы: страховая и оценочная.

А вот какой любопытный документ (ясно, что права крестьян уважались и защищались). *Это акт №76 от 20 мая 1917 года, составленный Островской уездной оценочной комиссией в составе председателя – уездного предводителя дворянства Н.Н.Спиринга - и членов податного инспектора Г.В.Юрковского, уездного члена окружного суда И.Г.Емельянова, представителя полевого контроля, контролера П.Ф.Зембицкого, уездного воинского начальника полковника В.М.Фомина, гласного земского собрания И.Ф.Спасского, представителей от местного населения Н.И.Цукерберга и Н.В.Затеплинского ... и «производила определение убытков, причиненных землевладельцу деревни ТряпиноТолковской волости Островского уезда Федору Федорову вследствие порубки для инженерных позиционных работ принадлежащего ему леса» комиссия установила, что «на площади 1,5 десятин всего вырублено хворосту разнородного» 12 единиц по 16 рублей 50 копеек за каждую. Итого насчитали убытка на 198 рублей, «каковые и подлежат уплате владельцу»*.

Может возникнуть вопрос, с какой целью такую кипу документов несчастные изгнанники везли с собой за тридевять земель, а потом долгие годы бережно хранили. Наверняка подспудно надеялись, что рано или поздно это бесовство прекратится, здравый смысл восторжествует.

Еще пара очень любопытных документов об образовании. В России начала двадцатого века не составляло проблем получить начальное образование – в стране осуществлялся переход ко всеобщему начальному образованию, открывались разноведомственные начальные училища. В 1911 году начальное образование получил сын Федора Федоровича

Алексей – отец Надежды Алексеевны. Тому имеется свидетельство.

«*Островское уездное отделение Псковского епархиального училищного совета сим удостоверяет, что сын крестьянина Псковской губернии Островского уезда, Покровского сельского общества деревни Тряпино Толковской волости Федора Федорова Алексей Федоров, родившийся 7 февраля тысяча девятисотого года, успешно окончил курс учения в одноклассной церковно-приходской Ельнинской школе Островского уезда Псковской губернии.*

1911 года, месяца мая 10-го дня

Председатель отделения, протоиерей Николай Панов».

И окончил не абы-кабы, а с похвальным листом «*в награду за примерное поведение и отличные успехи в науках*».

Старые документы. Для кого-то они – ненужные бумажки, хлам. На самом же деле это бесстрастные свидетели эпохи, которые очень многое могут рассказать о событиях и судьбах людей.

На Урале

Как сложилась бы судьба Федоровских, не будь революции? Предсказуемо, как и судьбы их предков. Молились бы да трудились. Благо, что молиться было где - православные храмы имелись и в уездном центре, и в сёлах. Где приложить труд – тоже было, мы в этом убедились. Выращивали бы хлебушек. Хотя Псковская губерния, ныне область, не самая главная хлебная житница страны. А вот технические культуры там удаются хорошо. В хозяйстве Федоровских произрастали лён и конопля – тому также есть документальные подтверждения.

Смена политического режима не сразу сказалась на семье. Младший Федоровский, Алексей, как законопослушный гражданин в 1919-1921 годах проходил службу в Красной Армии, во втором стрелковом Меровском полку. В 1921-м большевики объявляют «новую экономическую политику». В отличие от политики «военного коммунизма» периода гражданской войны, когда у крестьян выгребали всё подчистую, сейчас любо-дорого: заплати продовольственный налог, а остальное реализуй по своему усмотрению.

Уже нет сил удивляться, но у Н.А. Чучалиной среди документов есть, в том числе, и справка об уплате налога за 1927-1928 годы. И серебряный полтинник 1924 года (аж целых 9 граммов серебра!) – тоже имеется. Сей полтинник наряду с бумажным червонцем – денежные символы эпохи НЭПа. Знали бы крестьяне, как их при этом разведут! Большевистская власть с НЭПа поимеет «два горошка на ложку»: восстановится разрушенная гражданской войной экономика, а потом ещё ограбят разбогатевших нэпманов и живших в достатке крестьян.

В 1926 году в судьбе Алексея Федоровского произошло значительное событие: он женился. Анна Терентьевна, став его женой, родит ему со временем четверых детей. Это было последнее радостное событие в семье на тот период.

Беда уже стояла у ворот. В 1918 году обрели независимость находивши-

еся буквально рядом прибалтийские республики. Но «заграницей» они ещё долго не воспринимались, так как два столетия эти территории находились в составе Российской империи. Знакомая ситуация, согласитесь, на примере уже нашей недавней истории. Вот и жители Островского района по-прежнему ходили в Латвию: молодёжь – на танцы, кому нужно – за товаром: селёдкой, нитками… Но всё – до поры.

В какой-то момент Алексей был арестован и осуждён. Новая власть хорошо умела выбивать признательные показания и карать. Позднее, уже в Лабазке, когда его дочь Надежда вступит в пионеры и придёт домой в красном галстуке, Алексей Федорович скажет: «Красное – это хорошо, но когда красный топтал меня конём – это было плохо». Таким образом пытали: положили человека под коня с поднятым копытом, которое тот в любой момент мог опустить.

Алексей Фёдорович отбывал наказание в Средней Азии. Там тяжело заболел малярией – едва не умер. Отец хлопотал за освобождение сына, но неудачно. 2 августа 1930 года из Москвы был получен ответ: «Комиссия по делам частной амнистии при Президиуме ЦИК Союза ССР сообщает, что Президиум ЦИК Союза ССР не находит возможным удовлетворить Ваше ходатайство о помиловании Вашего сына Федоровского Алексея Федоровича».

Мартовской ночью 1931 года беда снова постучала в дом Федоровских. Это уже было раскулачивание. «Кулаков» оказалось трое: практически слепой старик Федор Федорович, его сноха Анна и малолетняя внучка. Старшая дочь была замужем – её репрессии не коснулись. С собой разрешили взять имущества и продовольствия не более пуда, погрузили в вагон – и на Урал.

Н.А.Чучалина рассказывает:

«Отец у нас молчаливый был, а мама нет-нет, да что-нибудь вспомнит. Например, каким тяжелым был переезд. Ехали в малоприспособленном вагоне больше месяца. Иногда – даже без воды. На станции набросают в вагон снега – люди и рады. Привезли на Верх-Ис, оттуда на подводах – на Косью. На Косье поселили в бараке. Мама уже на второй день вышла на работу – золото мыть. Дед остался дома – приглядывать за внучкой. Однажды маленькая Зина упала с нар – он сильно считал себя виноватым, что не усмотрел. А за ним самим смотреть нужно было.

Дедушка не смог пережить свалившихся невзгод, где-то через месяц умер. Даже могилы его точно не знаем: умирало много народу, только что друг на друга не укладывали. Мама говорила примерное место – три сросшихся сосны. Тому месту и кланяемся, поминая…

Когда построили спецпереселенческий поселок Лабазку, переселились в Лабазку. В 1935 году вернулся из заключения отец. Работал в шахте забойщиком – по 12 часов на коленях: забой был низкий. Мама с Зиной работали на воротке. Это как у колодца, только бадья была огромная, в ней опускали-поднимали людей и породу поднимали».

И на этот счет имеется документ – справка, выданная Федоровской

Анне Терентьевне 5 ноября 1934 года, что «за время нахождения в ссылке ... проявила себя в добросовестной работе, проводимых мероприятиях и т.п. Из учета этих моментов согласно постановлению ЦИК СССР от 17 марта 1933 года восстановлена в гражданских избирательных правах вместе с членами своей семьи:

дочь Зинаида Алексеевна, 1927 года рождения и ей предоставлено право свободного перемещения без ограничений.

Что и удостоверяется».

А.Т. Федоровская

А вообще же, по словам Надежды Алексеевны, «на Лабазке был режим, все должны были отмечаться, постоянно проводились проверки. При комендатуре была каталажка с решёткой на окне. И аресты тоже были. По нашему ряду взяли Егорова, Ноздрина – их отправили в тюрьму в Соликамск, оттуда они уже не вернулись».

И дальше: «*Постепенно обзавелись хозяйством. Но налоги были – прекрасные! Держишь поросёнка – шкуру сдай, корову – мясо сдай, по-моему, 40 кг, масло – сдай. Маме сбивать масло некогда было – она относила молоко в детский сад, остальное – на Верх-Ис, на маслобойку. Оттуда принесёт обрат: «Пейте, дети»*. Картошка постоянно вымерзала. Когда началась война, мужиков стали призывать, но отца не взяли из-за того, что он был забойщиком.

В войну жили тяжело, но после войны почему-то ещё хуже. Голодно было. И морально – нелегко. Люди ведь всякие были. Кто-то пожалеет, а кто-то обзовёт «куркулём». Начальную школу заканчивала на Лабазке – там мы были все свои. А вот с четвертого по шестой учились на Верх-Ису – там могли и обидеть».

Рубежом для спецпереселенцев, в том числе Федоровских, стал 1947 год.

Последняя в этой связи справка, выданная «*Федоровской Анне Терентьевне в том, что она на основании приказа Министерства Внутренних дел СССР от 26 марта 1947 года № 00353 освобождена из спецпереселения вместе с семьей*» - и перечисляются все члены семьи. «Справка выдана для предъявления в органы милиции на предмет получения паспортов, без

ограничений».

Формально, этот документ – последняя страница трагической главы истории семьи Федоровских.

И таких историй – миллионы. Но недосказанность оставалась ещё несколько десятилетий. В чём провинились эти люди? За что их наказали? Ответ был циничным и нелепым: перегиб, нарушение социалистической законности. Тогда – кто извинился перед людьми и компенсировал им материальный и моральный ущерб? А никто и никак. Так и жили люди с комплексом социальной неполноценности, потому что в обыденном сознании окружающих они продолжали оставаться кулаками. Кулаки! Посмотрите на руки «кулака» Алексея Федоровского (на фото). Посмотрите на руки нынешних новых русских (или как их там сейчас называют) и, как говорится, найдите десять различий.

Ну, а если бы и действительно будь кулак? В чём здесь криминал? Попробуйте разбогатеть, занимаясь сельскохозяйственным производством! Что-то не видно в Качканаре таких желающих. По одной простой причине: крестьянский труд – это адский, не знающий себе равных труд, без выходных и проходных. Я держу в руках серебряные обручальные кольца Алексея Фёдоровича и Анны Терентьевны: они изношены и истёрты до крайности. Думаю, не нужно говорить, по какой причине.

Только в 1991 году на своём практически исходе Советская власть признала очевидное, и был принят закон «О реабилитации жертв политических репрессий». Правда, «платить по счетам» этого закона пришлось уже совсем другому политическому режиму, который к этим преступлениям не имеет никакого отношения.

Надежда Алексеевна побывала в Островском районе Псковской области. Можно только догадываться, какие чувства обуревали ее на малой родине своих родителей.

Но история не имеет сослагательного наклонения, поэтому бессмысленно гадать, что было бы, если бы… Родилась Надежда Николаевна на Урале, с этими краями связана вся её жизнь, с радостями и проблемами. Окончив шесть классов на Лабазке и Верх-Ису, продолжила образование в Волчанске (там жила её старшая сестра Валентина). Затем снова вернулась в Лабазку, но ненадолго: там не было работы. Дальше её трудовой путь пролегал через Первоуральск, где по комсомольской путёвке принимала участие в строительстве нового прокатного стана на Новотрубном заводе.

С 1961 года – в Качканаре, работала в детском саду, затем – на радиозаводе, откуда и вышла на пенсию.

От трудов праведных со своим мужем они не нажили палат каменных, как и подавляющее большинство россиян. Однако достойно прожитая жизнь, доброе имя - свое и родителей, уважение родных, близких и знакомых – это тоже богатство, которого у Надежды Алексеевны - с избытком. Было бы здоровье. Его я Вам, уважаемая Надежда Алексеевна, и желаю.

СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЫ ФИЛИППОВЫ

Сов. секретно
Секретарю Исовского райкома ВКП(б)
Лично т. Мелешко

СПЕЦ. ЗАПИСКА
По спецссылке Исовского РО НКВД

В оперативно-чекистском и административном обслуживании
Исовского РО НКВД имеется в основном два вида спецпереселенцев:

1) Спецпереселенцы быв. кулаки в количестве 1056 семей, или 2549 чел. с расселением на 10 спец, поселках;

2) Спецпереселенцы южного контингента (крымские татары) 313 семей, или 1096 чел. с расселением в 6 спецпоселках.

16 февраля 1945 г.

Вспоминается, как в школьные годы чудесные иногда возмущался, когда в весенне-осенний сезон нас, *школьников, привлекали в выходные дни на какие-нибудь общественные работы: ведь в своем огороде было дел невпроворот. «Ну, кулак», — говорила мне в таких случаях классный руководитель. И хоть говорилось это в шутку, и хоть отшучивался, дескать, не кулак я, а бедный крестьянин-безлошадник, все же было как-то не по себе: уж очень большой негатив несло это слово.*

А как иначе? От младых ногтей мы уже знали, что кулаки убили Павлика Морозова — отряды его имени были в каждой пионерской дружине. Масла в огонь классовой ненависти к кулакам подливало изучение романа М.Шолохова «Поднятая целина», в котором за обаянием главных героев: Давыдова, Нагульного, Разметнова—мы внутренне оправдывали чинимый ими от имени партии и государства произвол, называемый раскулачиванием.

Пожалуй, в эпоху перестройки, благодаря гласности, кто хотел, тот

осознал, что так называемое раскулачивание — на самом деле преступление сталинского режима, в результате которого порушена одна из традиционно несущих социальных конструкций российской государственности — крестьянство. А на последнем году перестройки и само государство признало свою ответственность. Начался процесс реабилитации.

«Антисоветский элемент»

Новгородско-Псковская земля. Здесь истоки русской, еще вечевой, демократии. Здесь героика побед русского воинства под руководством Александра Невского. Здесь испокон веков проживали два крепких крестьянских рода с одинаковой фамилией. В селе Свининово Палкинского района Псковской области жил со своей большой семьей в 10 человек Филиппов Алексей Филиппович. В пяти верстах от села Богдаши жила семья Филиппова Павла Филипповича. Молись и трудись — этому жизненному принципу русского крестьянства следовали и Филипповы, те и другие. Люди очень набожные, они регулярно посещали приходской храм в селе Богдаши. С Божией помощью и своим упорным трудом нажили достаток, который, однако, во время оно послужил основанием для причисления их хозяйств к категории кулацких.

Из архивной справки Государственного архива Псковской области:

«В списке кулацких хозяйств по Палкинскому району от 29 марта 1930 года значится хозяйство Филиппова Павла, д. Богдаши. Состав семьи 16 человек, из них трудоспособных 8. Сумма индивидуального налога 240 руб. 15 коп. Лишён избирательных прав. Экономическая мощность хозяйства: 2 лошади, 3 коровы, шерстечесалка, 13,09 га земли. Характеристика: применяет наёмный труд, участник белых банд, антисоветский элемент».

Насчет «белых банд» следует пояснить. На стороне белых какое-то время воевал сын Павла - Фёдор Филиппов. Деревенский красавец отменного здоровья, к тому же грамотный (4 класса церковноприходской школы), служил ещё в царской армии, в одном из полков лейб-гвардии. Естественно, присягал государю императору, поэтому вполне логично, что оказался в рядах белой армии. Был амнистирован новой властью, которая, однако, при случае могла напомнить о прошлом.

А вот «экономическая мощность» Алексея Филиппова: дом пятистенный, 15 га земли, баня, гумно, сеновал, 3 хозяйственные постройки, два амбара, сельхозинвентарь, станки ткацкий и сновальный, 2 лошади, 5 коров, 12 овец, кабан и свинья.

Не надо быть великими антисоветчиками, чтобы задаться элементарными вопросами: почему советское государство так поступило с Филипповыми и миллионами других крестьян? Какую угрозу они представляли? В чём была их вина? Что, у них было огромное богатство? Или они нечестным путем нажили свой достаток? Ведь и налоги платили. А зачем эти налоги, если можно все отобрать? Это во-первых. А во-вторых, из сел и деревень сознательно убирали экономически сильных, а значит, независимых,

самостоятельно мыслящих крестьян, с тем чтобы остальных без проблем загнать в колхозное рабство.

Рассказывает внук А.Ф. Филиппова, Анатолий Васильевич:

- Раскулачивали тихо, предварительных бесед не было. Но наши об этом узнали где-то за неделю: рядом была граница, и офицеры иногда заходили к деду то чайку попить, то покушать. Один офицер предупредил: «Павел Филиппович! Выселять будут!» И действительно в конце марта 1931 года приехала тройка и объявила: «Вы выселяетесь как кулаки. Срок — три дня». С собой разрешили взять из одежды самое необходимое и на месяц продуктов. Зарезали поросёнка. Ехали, но мяса и сала не ели: был великий пост. Приехали на Урал. Высадили в районе Косьи, посёлок Петропавловский. Сгрузили. Пасха была — первый раз поели сала. Достали всё свое родное, один даже гармонь достал. Все плакали: старики, взрослые, дети...»

Лабазка

Так в силу трагических исторических обстоятельств Филипповы стали уральцами. А местом их жительства становится поселок Лабазка, один из десяти островов Исовского спецпереселенческого архипелага.

Нужно ли говорить, как трудно им пришлось в первый год? Ведь своего ничего не было: ни имущества, ни грядки. Но привычные к труду люди не гнушались любой работой, которую могли предложить местные жители: кому дров наколоть, кому сена накосить. Но обживались — и дела пошли в гору. Ведь, если разобраться, у нас замечательный край и сейчас, и тогда был. Отборный лес, в те времена полный дичи и ягод; земля, способная давать приличные урожаи. Труд только к этому нужно приложить, что и делали выселенные сюда люди, для которых труд - способ существования. Да плюс еще нехитрые блага цивилизации, как-то: электрическое освещение, радио.

Когда стало возможным и в Лабазку стали приезжать родственники, они ахнули от удивления, потому что у них в Псковской области были керосиновые лампы, свечи, лучины, ну и прелести колхозной жизни. И вот это относительное благополучие (которое не с неба свалилось) у некоторых спецпереселенцев породило мысль: дескать, даже хорошо, что раскулачили: если бы не раскулачили, то ещё больше мучились бы в колхозах. Ох, уж эти великие русские «если бы» да «кабы»... Но ведь их можно поставить и в другие места. А если бы не было коллективизации вообще? А если бы не было большевистского переворота в октябре 1917 года?..

Жизнь брала своё. Среди детей спецпереселенцев возникали симпатии, любовь, создавались семьи. Полюбили друг друга и поженились сын Алексея Филиппова Василий и дочь Павла Филиппова Валентина. Для их сына Анатолия, для его двоюродных братьев и сестер Лабазка — малая родина.

За Родину, но не за Сталина!

Обязательно следует рассказать о таком факте в судьбе наших спецпереселенцев, как их участие в Великой Отечественной войне. Безбожная власть, ограбив людей, не погнушалась отправить «антисоветские элемен-

ты» на войну. И спецпереселенцы пошли на фронт, но защищали, надо думать, не власть, а свою родную землю: псковскую, уральскую, российскую, одним словом. Потому что власти, политические режимы приходят и уходят, а Родина остаётся. За неё клали головы, в том числе и Филипповы.

В первые месяцы войны пропвл без вести Николай Филиппов (сын Алексея). Судя по письмам, воевал в прибалтике, недалеко от родных мест, где жили до выселения. После войны, навещая те места, родственники слушали рассказы местных бабушек, как забегал молодой парнишка, расспрашивал обо всём, а представился сыном Алексея Свининовского.

В 1943 году, по достижении призывного возраста, ушёл воевать другой сын Алексея Филипповича — Владимир. Война для него оказалась скоротечной. «*Уже семь недель на передовой отстоял я честно и благополучно. Ещё осталось немного времени, и я снова буду дома. Будем жить по-старому, как жили раньше*», — делится он мыслями с сестрой Ниной в письме от 16 марта 1944 года. Но жить, как раньше, ему не придётся: уже 27 апреля В.Филиппов погиб.

А вот ещё одному брату, Василию Алексеевичу, пришлось пережить горечь плена и всех вытекающих из этого события обстоятельств. После освобождения в 1945 году вместе с другими бывшими Донбасс на восстановление шахт — «искупать вину» за пребывание в плену. Хотя в чем здесь вина? «За что мы страдаем?» — такой резонный вопрос задали министру угольной промышленности. Он или кто другой принял меры — и после доскональной проверки обстоятельств попадания в плен некоторых освободили и даже вернули награды. В числе таких счастливцев оказался и Василий Филиппов.

В.А.Филиппов

В книге о качканарцах - участниках Великой Отечественной войны имеется информация о Филиппове Анатолии Федоровиче. Это внук Павла Филипповича. Он громил врага из самого смертоносного орудия той поры — реактивного миномета БМ- 13, легендарной «катюши».

Вот и понятной становится подозрительно низкая цифра количества спецпереселенцев в Исовском районе в 1945 году (см. документ): мужчины, способные носить оружие, нахо-

дятся в действующей армии, а некоторые уже погибли.

В конце сюжета о войне хочется привести эпизод из воспоминаний Анатолия Васильевича Филиппова («Толя маленький»), который в ту пору был учеником начальной школы в Лабазке:

— Я учился вместе с Анатолием Мосным. 22 августа 1942 года наших отцов забрали. В конце года объявили: кто хорошо учится, без троек, тому к новому году дадут валенки. Я учился хорошо, но когда пришёл получать—моя фамилия была зачёркнута. Как я горько плакал: ведь с обувью были большие проблемы. Учительница отвела меня к директору. «Толя! — сказал мне директор, — Мы твои валенки отдали Толе Мосному. У него отец погиб, и он никогда больше не увидит своего отца, а у тебя отец бьет фашистов, и ты его увидишь». И так хорошо, так легко стало у меня на душе, что мои валенки получил мой друг Толя Мосный!

Толя Мосный — это светлой памяти А.Н.Мосный, замечательный человек, в своё время возглавлявший железнодорожный цех Качканарского ГОКа и оставивший о себе добрую память. Он тоже из семьи спецпереселенцев.

Генофонд нации

Спецпереселенцы и их потомки составляют значительную часть населения Урала в целом и наших мест, включая Качканар, в частности. Это одна из причин динамичного развития нашего края. Ведь люди — это главный капитал, главнее, чем полезные ископаемые и другие факторы. А эти люди не что иное, как генофонд нации.

Кратко, буквально штрихами набросали мы судьбу двух репрессированных семей. Люди очень достойные, труженики и воины, они много и хорошо потрудились на благо страны. Меня лично удивил такой факт из биографии Анатолия Васильевича Филиппова, как его заграничная командировка во Францию, где он вместе с другими специалистами треста «Востокметаллургмонтаж» участвовал в монтаже доменных печей. Не в Монголии, заметьте, не в какой-нибудь слаборазвитой стране, а в развитой капиталистической Франции. Вот тебе и застой! Анатолий Васильевич — главный хранитель семейных преданий, потому что он представитель обоих Филипповских кланов.

Многим качканарцам знакома Штина Лидия Ивановна: долгие годы она работала фельдшером в ЦГБ, в последствии одна из активистов общества жертв политических репрессий.

Из молодых на слуху имя Кати Филипповой, в своё одной из лучших медицинских сестер Свердловской области: в областном конкурсе медсестер она заняла почетное третье место.

История сделала очередной виток, и вновь стали востребованы страной люди творческие, инициативные, трудоспособные. А откуда им взяться, если почти восемьдесят лет нужны были «винтики», если за это время глубоко укоренилась психология: «Греби реже — деньги те же», «От работы кони дохнут»... От работы, кстати, кони

не дохнут, а вот наш брат активно это делает, но не от работы, а от водки. Это ж сколько времени пройдет, пока вычистится наше сознание! Но примеры, образцы, к которым следует стремиться, слава Богу, есть. Это наши же семижильные родители, дедушки и бабушки с их жизненным принципом: «Молись и трудись».

ТОПОРОВЫ

Корни у меня вятские: предки жили в деревне Пальники Немского района Кировской области. Уральцами стали дедушка Топоров Фёдор Ильич, его жена – моя бабушка Топорова (девичья фамилия Осипанова) Анна Самойловна (Самуиловна) и Топорова Анастасия Ильинична (сестра Фёдора Ильича). Уральцами стали не по своей воле: причина переезда из Кировской области – раскулачивание. По рассказам папы дед, Фёдор Иванович, имел землю,маслобойку, катал валенки...

Обосновались в посёлке Кучум. Здесь уже жила сестра Фёдора Ивановича - Мария Ильинична. Она работала на Косье в аптеке. По приезде деда она жила с ними на Кучуме, своей семьи у неё не было, и она рано ушла из жизни.

В это время на Кучуме добывали золото и платину, работали артелями. Дед купил здание бывшей конторы, в которой жили всей семьёй до 1958

года. Затем дед построил новый дом и жил там до своей кончины. Сейчас этот дом содержит его внучка. Чтобы заработать пенсию, Фёдор Ильич и его сестра Анастасия перешли работать на гидравлику. Таким образом и обеспечили себе проживание. Бабушка Анна никогда и нигде не работала, занималась домом и семьёй. Дед имел дополнительный заработок: катал валенки, делал грабли деревянные для гребли сена на покосах. И ещё изготовлял берестяные туеса (их называли бураки), плёл корзины.

О фамилии. Со слов папы, Александра Фёдоровича, наша фамилия, Топоровы -приобретённая. Отец деда Фёдора Ильича в своё время был арестован властями «за политику». Каким-то образом ему удалось сбежать и по этой причине поменять фамилию на Топорова и поселиться в Кировской губернии.

У Фёдора Ильича и Анны Самойловны (Самуиловны) всего было 10 детей, но выжили не все. Их дети и внуки стали достойными людьми.

Сама я окончила в Качканаре школу №2 в 1965 году. В 1971 году Нижнетагильское педагогическое училище, получила специальность воспитателя. С 1969 по 1993 год работала на радиозаводе регулировщиком радиоаппаратуры, затем 20 лет – воспитателем в детском саду №24 «Чебурашка». У меня сын и внучка. Во все времена активно занималась общественной работой. Да и сейчас, находясь на заслуженном отдыхе, моё комсомольское и профсоюзное прошлое не даёт мне сидеть на месте.

Нина КОПТЕЛОВА, Любовь ЛЕДНЁВА

БОРОВСКОЕ – ВТОРАЯ РОДИНА НАШЕЙ СЕМЬИ

По постановлению правительства и решению сельского Совета в августе 1931 года было принято решение выслать семью Васениных из родной деревни Филичи Халтуринского района Кировской области.

Семья была большая: прадед Макар Никитич, прабабушка Ираида Тимофеевна, их сын (дедушка) Яков Макарович (1880г), его жена (бабушка) Наталья Артамоновна (1886г), дети. А детей в семье было девять, пятеро умерли в разном возрасте. В живых остались – Татьяна (1906 г), Иван (1912г.), Григорий (1914 г.) и Анна (1916г.). Семья имела земельный надел, коров, лошадей. Жили в зимнее время в маленьком доме, его называли малуха. Подрастали дети, стали помощниками. Построили новый дом, амбар и другие постройки.

Когда пришли забирать семью, дома оказались прадед, прабабушка, дедушка Макар, Григорий и Анна (бабушка Наталья, Иван и Татьяна уехали по делам в Молотов). Увезли в район, поместили в сарай. Утром прадеда и

Нижний ряд – Я.М. Васенин (дед), Н.А. Васенина (бабушка), А.С. Васенина (Ростовская) (жена дяди), Васенин (дядя);
второй ряд - Т.Я. Васенина (Овчинникова)(тётя), А.П. Васенина (женя дяди), А.Я. Васенина (мама)

прабабушку выпустили: были уже старенькие. И отправились они домой пешком за 30 километров. Пока добирались до дома, на подворье осталась только малуха. Ни нового дома, ни инвентаря, ни скотины, никаких припасов. Так и ходили, побирались по деревне до конца своих дней.

Дедушку Якова Макаровича с двумя детьми: Григорием и Анной - отправили на Урал. Привезли в поселок Косья Нижнетуринского района Свердловской области. Поселили в барак, где были топчаны для сна и большая посередине печь. Каждая семья селилась за шторкой. Позже приехала бабушка Наталья Артамоновна с Татьяной и Иваном.

Дедушку Якова Макаровича и Гришу отправляли с другими мужчинами на строительство домов (бараков) за семь километров. Так строился поселок Боровское. В декабре семью переселили в сырые бараки. Опять посередине большая печь и в каждом углу по семье. Топили печь, а стены и потолок «рыдали влагой». Так и жили. Под надзором комендатуры, без

разрешения которой никто не мог покинуть поселение. Работали везде: и на стройке, и в старательских артелях – везде, куда посылали.

Постепенно семьи из бараков стали расселять. Жить стало полегче. Татьяна пошла работать в детский сад, Иван работал на строительстве драги. Григорий пошел работать в местную кузнецу. Анна работала в старательской артели. Поселок потихоньку разрастался. Построили школу-семилетку, детский сад, ясли, клуб, баню, фельдшерский пункт. Постепенно стали отмечать праздники, проводили танцы в клубе. Молодость брала свое. Но вскоре началась война. У Ивана и Григория была бронь.

Женился Иван Яковлевич на Ростовской Анне Степановне (тоже переселенке). Родили пять сыновей: Анатолий, Михаил, Виктор, Александр и Василий.

Женился и Григорий Яковлевич на Васильевой Александре Павловне (переселенке из Смоленской области). Родились дети: Нина и Николай. Григорий Яковлевич от непосильного труда и простуды умер в 1944 году.

Татьяна Яковлевна вышла замуж за Овчинникова Сергея Григорьевича (тоже переселенец). Детей не было.

Вышла замуж Анна Яковлевна за Мельчакова Павла Николаевича (переселенца из Кировской области). Родились два сына: Виктор и Геннадий. Мельчаков Павел Николаевич погиб под Сталинградом. В 1949 году Анна Яковлевна вышла замуж за Шефер Филиппа Яковлевича, репрессированного по национальному признаку. Это наши родители. Филипп Яковлевич проработал всю жизнь на гидравлике. Родились две дочери: Любовь и Нина. Начинали учиться уже в начальной школе поселка Боровское. В 1962 году переехали на Косью. Жизнь всех родственников прошла на уральской земле.

Хочется рассказать немного о людях, которые жили рядом в этом замечательном посёлке.

Семья Посаженниковых. Глава семьи Лаврентий Васильевич (1897г.) и его жена Парасковья Николаевна (1909 г) - переселенцы из Кировской области. Детей было девять. Лаврентий Васильевич успел до революции послужить в конной армии в звании улана его величества. Судьба этой семьи сложилась так же, как и у многих переселенцев. Лаврентий Васильевич работал кузнецом. И был награжден орденом Трудового Красного Знамени за изобретение станка по ковке гвоздей: купить было негде, а гвозди были нужны всем.

Ростовские. Глава семьи Степан Антонович, жена Пелагея Дмитриевна и дети: Анна, Михаил, Иван, Владимир, Георгий. Были высланы из Смоленской области. Сыновья Михаил и Иван погибли на войне. Сын Владимир посвятил свою жизнь службе в Армии и вышел в отставку в звании подполковника.

Рассказывать можно о многих жителях, каждый человек был со сложной судьбой. Интересно было бы услышать воспоминания о судьбах людей от близких родственников.

С особой теплотой хочется отметить людей, которые выбрали профес-

сию учителя . Учителя математики Власов Василий Михайлович, Скороков Николай Ильич и Скорокова Александра Михайловна, учителя начальных классов Пузырева Ольга Кондратьевна и Большакова Зоя Григорьевна, учитель русского языка и литературы Гусева Вера Павловна, Касьянова Анна Семеновна, Ястребова Галина Григорьевна, Домнина Алевтина Васильевна, заведующая детским садом Руфина Николаевна Нартова.

Можно перечислить земляков, которые достигли успехов в жизни: начальник карьера Соколов Анатолий Михайлович, следователь прокуратуры Плевако (Дубкова) Юлия Анатольевна. Многие жители поселка стали первостроителями и ветеранами города Качканара: Ермолаева Александра Александровна, Антипина (Домнина) Валентина Егоровна и другие.

Земляки, которые жили и родились в поселке Боровское, не забывают свою малую родину. Желание собраться вместе было всегда. Много и долго решали. И вот по решению и согласованию инициативной группы в 2011 году состоялась первая встреча земляков. Эта встреча была приурочена к 80-летию основания поселка. Радости не было предела. Ведь за много лет мы собрались на родной земле. Решили собираться на малой родине каждые три года. В 2014 году также состоялась очередная встреча.

А в 2018 году на свои собранные средства установили памятную плиту всем жителям и поселку, который расположен в живописном месте, где сливаются реки Железёнка и Ис. Благодарны всем, кто принял участие в сборе денежных средств.

Прошла встреча и в 2021 году. Каждый раз говорим о том, что дорого каждому. Вспоминаем родителей, школьные годы, своих соседей, друзей и всех поименно, кто жил в этом поселке. Хотелось бы пожелать землякам, чтобы не терялись из виду, приезжали, отзывались на приглашения и принимали активное участие в организации таких встреч.

Лидия ШТИНА

МЫ РЕАБИЛИТИРОВАНЫ

В Нижнетуринском районе было три спецподразделения: п. Лабазка, п.Боровское п. Федино. Люди были высланы из разных мест России.

По воле судьбы многие из них оказались в Качканаре. О многих подробно в местных газетах писал Титовец Михаил Иванович. Мы ему очень благодарны за то, что он нас понимал, и казалось, что переживал за нас, как за себя. Я ему даже говорила, что он как будто бы такой, как и мы — переселенец. А он отвечал, что нас-то выслали, а они сами сюда добровольно приехали от колхоза.

Некоторые газетные статьи Михаила Ивановича увёз в Санкт-Петербург бывший спецпереселенец Гусев Владимир Дмитриевич из посёлка Лабазка. Он написал книгу о спецпереселенцах, но нет спонсора, чтобы эту книгу напечатать. Живёт он в Питере, не далеко от Пискаревского кладбища.

Во многих городах Свердловской области написаны книги о спецпереселенцах. И в нашем городе такая книга есть. Она называется «Мы — дети страшных лет России». Автор этой книги — учитель немецкого языка Андриевская Алина Эдуардовна.

Наша местная краевед (п. Лабазка, В-Ис) Козлова Лариса Николаевна готовится написать книгу об участниках Великой Отечественной войны и репрессированных посёлка Лабазка. Она пишет стихи о наших посёлках:

Хороша деревенька родная,
Позади неё сказочный лес,
Красота в нём почти неземная,
Сосны, ели стоят до небес.

За рекой песня нежная льётся,
Где июльский идёт сенокос.
Она в сердце моём остаётся,
Под неё в деревеньке я рос.

Я шагаю дорогой знакомой
По земле, нет которой милей.
Каждый раз, возвращаюсь к убогой,
Но родной деревеньке моей.

Хочу вспомнить с большим уважением своих замечательных учителей. Это моя первая учительница — Зоя Григорьевна Большакова из посёлка Боровское. Она также была выслана с семьёй, как и наша семья Филипповых, с Псковщины. В Качканаре она работала учителем в школе №3.

Моим классным руководителем в Косьинской средней школе с 8 по 10 класс была Софья Николаевна Волкова-Щепанковская. По физике и математике нас учили Скороковы Александра Михайловна и Николай Ильич —

Л. И. Штина

тоже из высланных.

Директором Косьинской школы был Константин Семёнович Юмин. В городе Качканаре он был заведующим ГорОНО.

Теперь хочу вспомнить о тех, кто начинал в Качканаре работу с реабилитированными. Это были:

1. Бучминская Любовь Яковлевна
2. Кравец Галина Андреевна
3. Штина Лидия Ивановна
4. Чучалина Надежда Алексеевна
5. Халтурина Алевтина Михайловна
6. Синеговская Тамара Алексеевна
7. Хмелёва Тамара Исаевна
8. Васильева Маргарита Дмитриевна
9. Счастливцева Людмила Егоровна

Узнавали мы друг друга постепенно. Кое-кто из Качканара оформлял документы по реабилитации в Нижней Туре.

Больше всех людей мы узнали из наших спецпосёлков: Лабазка, Боровское, Федино. А потом стали узнавать друг друга на работе, по месту жительства и т. д.

Когда я узнавала, что в городах Свердловской области организуются «ассоциации жертв политических репрессий», то обратилась в городскую общественную организацию пенсионеров и участников Великой Отечественной войны, к Кораблёву Ю.А. Он мне ответил, что у него нет списков реабилитированных. Я обратилась в соцзащиту к Румянцеву Василию Анатольевичу, и он мне в этом вопросе не отказал. А когда списки реабилитированных принесла его секретарь Маргарита Васильевна Сесёкина, выяснилось, что она тоже реабилитированная. Для Василия Анатольевича это оказалось большой новостью, и он пообещал поставить ей бесплатно телефон, так как у реабилитированных есть такая льгота. Он активно помогал в бесплатной установке телефонов всем реабилитированным через узел связи и городской финотдел. Спасибо ему огромное!

Но ещё больше удивился Василий Анатольевич, когда узнал, что Сторожева-Счастливцева Людмила Егоровна тоже реабилитированная. Мы встретились у неё в кабинете, и она пообещала, что когда выйдет на пенсию, то пойдёт к нам работать. Но не получилось! Очень жаль!

2004 год. Со списком работали 9 человек. Они были распределены по квартирам, по улицам, по домам. Начинать работать было трудно в том

плане, что люди боялись, стеснялись, даже не все открывали двери.

В списке было 252 человека. У каждого мы узнавали дату рождения, телефон и кто где работал до ухода на пенсию. Позднее присоединилась Пашенкова З.И. Но немного грустно, что до сих пор нет связи ни с городским советом ветеранов, ни с городской администрацией, ни с городской думой.

Многие реабилитированные по состоянию здоровья уже не могут ездить в областной госпиталь на мемориальный комплекс на 12-м километре Московского тракта. За них ездят дети, внуки. В областной газете от 27-28 октября 2017 года Евгений Куйвашев написал, что 30 октября Россия вспоминает о жертвах политических репрессий.

В Москве откроется монумент «Стена скорби», камни для которого привезены из 58 регионов — с мест заключений, массовых расстрелов и захоронений.

В Екатеринбурге, на 12-м километре Московского тракта, в ноябре будет воздвигнута композиция «Маска скорби» по проекту скульптора Эрнста Неизвестного.

Среди погибших от сталинского террора — тысячи наших земляков, которых в регионе насчитывается двадцать тысяч.

Наша задача — передать горькие уроки прошлого будущим поколениям, сохранить в России свободу совести и вероисповедания, уважение к закону, исключить элементы диктата и произвола в государственном устройстве.

Первую материальную помощи для ассоциации реабилитированных от администрации КГО оказала Утягулова Е.И. Мы с Сесёкиной М.В. получили деньги в кассе администрации. С помощью городского совета ветеранов (председатель Кораблёв Ю.А.) мы добились в ЦГБ отдельные палаты для ветеранов ВОВ и реабилитированных. В городском Совете ветеранов Кораблёв Ю.А. мне доверял автобус для поездки в Екатеринбург, к мемориалу на 12-м километре по Московскому тракту.

Так за что же раскулачивали в те лихие годы? Нашу семью раскулачили за пятистенный дом из двух изб, за 15 га земли, сад и баню, гумно и сеновал, ещё за три хозяйственных постройки, 2 пруда и 2 лошади, за 5 коров, 12 овец, за два амбара, сельхозинвентарь, за станки ткацкий и сновальный. Наёмного труда у нас не было. Сами вкалывали. Благо семья большая - 11 человек, справлялись.

При обращении в городской суд Качканара 9 апреля 1998 года (председатель Богомолова И.А., прокурор Абрамов С.Н., секретарь Порцева Е.И.) компенсацию за имущество выплатили полностью, на тот период живой из всей семьи Филипповых — Островерховой А.А. Это моя тётя из Нижней Туры, сестра моей мамы.

Титовец М.И. подробно писал в газетных статьях о высланных переселенцах. В одной из таких статей он обратился к людям с южного направления России, если таковые есть, чтобы обязательно к нему подошли.

Такими оказались Бучминская Любовь Яковлевна и её сестра Нюкина Елизавета Яковлевна. Они из Крыма. Но Любовь Яковлевна была уже

немощная, не могла даже забраться в автобус, ходила с лыжной палкой. Но она так мечтала встретиться с Михаилом Ивановичем, чтобы всё ему рассказать. Доживала она у племянника Нюкина Андрея по ул. Октябрьской. Он окончил Нижнетагильский педагогический институт и работал в Качканаре учителем в школе. Позднее перешёл работать на предприятие электриком.

Любовь Яковлевна Бучминская вела работу с реабилитированными по телефону и всё передавала мне. В городе её многие знали. До прибытия в Качканар она работала заведующей детским садом, а уже будучи в Качканаре — воспитателем в детском саду №18.

Её сестра Нюкина Е.Я. работала фельдшером в детской поликлинике, в доврачебном кабинете. Там же работала фельдшером и Грибова Людмила Викторовна. Вот так мы, реабилитированные, друг друга и узнавали.

О своей семье

В 1931 году были высланы мой дед Филиппов Алексей Филиппович и бабушка Анна Григорьевна. Высланы из села Свининово Палкинского района Псковской области, что на границе с Прибалтикой. А границей была речка, которую можно было перейти вброд.

Привезли на Урал (Лабазка, Петропавловск, Каменушка).

Дедушка и бабушка умерли от голода. Ушли друг за другом через день, похоронены на Лабазке. Реабилитированы. Мать - Орешкина Нина Алексеевна, высланная с родителями. Реабилитирована.

Отец — Орешкин Иван Григорьевич, выслан из Дубовского района Ростовской области, участник Великой Отечественной войны. Долго лечился в госпитале города Саратова. Реабилитирован.

Тётя — Островерхова Олимпиада Алексеевна. Похоронена в Нижней Туре. Реабилитирована.

Тётин муж — Островерхов Харитон Васильевич, участник Великой Отечественной войны, погиб. Его фамилия на стеле поселке Косья

Дядя — Филиппов Василий Алексеевич, участник Великой Отечественной войны. Был в плену, плен отбывал в Донбассе, г. Горловка, в должности зам. в должности зам. начальника шахты.

Дядя — Филиппов Владимир Алексеевич, участник Великой отечественной войны, погиб на Волыни, село Купичев. Пионеры писали, что ухаживают за могилой. Имеются похоронка и последнее письмо с фронта. Его фамилия на памятнике в Нижней Туре.

Вот таких спецпереселенцев - «врагов народа» - посылали в первую очередь в первые дни войны в самое пекло. Но они, как говорили, воевали не за Сталина, а за Родину!

О другой семье Филипповых также подробно писал Михаил Иванович Титовец:

Филиппов Анатолий Фёдорович — участник Великой Отечественной войны, работал в Качканаре на фабрике, там же работала и его жена Клавдия Петровна.

Об их внучке Филипповой Екатерине очень много и подробно писала в

И.Г.Орешкин

газетах Краснопевцева Галина Петровна.

Но, как писал Михаил Иванович Титовец, самый главный хранитель Филипповских кланов — Филиппов Анатолий Васильевич, сын Василия Алексеевича Филиппова, который работал бригадиром в организации «Востокметаллургмонтаж» и был в командировке во Франции. Сейчас живёт в Качканаре с женой Зоей Петровной, занимаются садом, ежегодно подлечиваются в областном госпитале для ветеранов войны и реабилитированных.

Я, Штина Лидия Ивановна, — инвалид второй группы, фельдшер с 40-летним стажем. Реабилитирована. Ранее занималась общественной работой в группе народного контроля. Являлась народным заседателем Качканарского городского суда, состояла в общероссийской Партии пенсионеров, была членом Совета движения трудящихся за социальные гарантии «Май». Также состояла в группе поддержки, была агитатором и наблюдателем на выборах.

Моя сестра Марфина А.И. живёт в Екатеринбурге. Реабилитирована.

Двоюродная сестра З.Х. (Островерхова) живёт в Омске. Реабилитирована.

Двоюродный брат Островерхов Н.Х. жил и похоронен в Нижней Туре. Реабилитирован.

Двоюродный брат Филиппов А.В. живёт в Качканаре. Реабилитирован.

Подруга детства Чучалина Н.А. из поселка Лабазка сейчас живёт в Качканаре. Реабилитирована.

Работу с реабилитированными в Качканаре я начала с отдела ФСБ. Сотрудник ФСБ мне ответил, что это их работа, и я обратилась по адресу. Но в Качканаре уже создана комиссия в администрации по работе в реабилитированными во главе с заместителем прокурора Бороздиной Галиной Борисовной. К ней обращались, и она помогала реабилитированным по многим вопросам.

Список реабилитированных в 2004 году из 252 человек, данный Румянцевым В.А. конфиденциально, сохранён.

МАЛАЯ РОДИНА

Надежда ШУЛЕПОВА

БОРОВСКОЕ. ДОЛГОЖДАННАЯ ВСТРЕЧА

— Без меня не собирайтесь! — прокричала в трубку Мария Александровна, — я обязательно прилечу, только предупредите.

Идея встретиться зрела давно; лет 10-15 всё никак не могли собраться, хотя живут все рядышком: на Косье, на Ису, в Качканаре, в Лесном, в Екатеринбурге. Вот только Мария Александровна Киппес забралась очень далеко - уже лет семь живёт в Германии.

1931 год. Коллективизация, борьба с кулачеством. Трагические времена для нашей страны. Людей семьями вывозили с насиженных мест, лишая крова, имущества, близких, которые умирали от голода и холода ещё в дороге. Спецпереселенцев, голодных и убитых горем людей, выбрасывали на произвол судьбы. К житью - так выживут. И они, так стремившиеся к жизни, выживали и в новых местах отстраивали заново свою жизнь. Так возник на Урале, в семи километрах от Косьи, посёлок Боровское - один среди многих.

Русский народ всегда отличался трудолюбием, золотых рук во все времена хватало: и плотников, и печников, и жестянщиков. Поэтому к осени 1931 года уже десятки бараков стояли на пригорке среди леса, где речка Железёнка впадает в реку Ис.

Один из бараков был отведён под комендатуру, половину которой занимал комендант посёлка с семьёй. Вторая половина - для писаря и приёма посетителей. Рядом с комендатурой - катаверная для умерших. Люди болели цингой и умирали из-за отсутствия нормальных условий жизни и питания, особенно женщины и дети. Два барака отвели под школу, были также фельдшерский пункт, магазин, а позднее даже своя пекарня, где хлеб и продукты выдавались по карточкам. Для проведения досуга был построен клуб. До 1934 года переселенцам без пропуска коменданта запрещалось посещать местные посёлки.

К 1934 году стало полегче, жизнь налаживалась, болезни отпустили. Тайга была заполнена ягодами, грибами, люди рыбачили и охотились, кто как умел. В клубах стали проводить различные собрания, появилась художественная самодеятельность. Потом появились детские ясли, детский сад, чтобы и женщины могли работать. А сколько радости было у переселенцев, когда засветилась лампочка Ильича! Намного легче стало ссыльным, когда разрешили заниматься старательством. Даже мальчишки научились добывать крупинки платины, сдавали и покупали на эти деньги муку, продукты, одежду. Благодаря артелям стали лучше одеваться, люди

приобретали промышленные товары, домашний скот, заводили лошадей.

Радовались недолго: началась война... Уже летом 1941-го стали приходить похоронки. Всякое было на фронтах, но призванные из числа ссыльных не предали своей Родины и героически сражались, отдавая свои жизни.

После войны тоже было несладко. Ели крапиву, лебеду, но выжили. Жизнь худо-бедно, но продолжалась. В 1946 году был снят запрет на выезд, и многие из посёлка уехали к себе на родину.

Народившееся поколение тоже вырастало и разъезжалось: кто учиться, а кто сразу работать, создавая свои семью *виепгсглепие ui aivu* встречи, где перемешалось всё: и ликование души, и ностальгия с грустью, и тёплые воспоминания: ведь все собравшиеся ныне, начиная с 1933 по 1953 годы, родились и выросли в этом посёлке.

Не то, чтобы на Боровское никто из них не наведывался – приезжали, конечно, и на выходные, и на целый месяц, а некоторые даже на всё лето. Как же здорово после городской суеты передохнуть, вернувшись в родные места, под лазурный кусочек неба, сделать глоток таёжного воздуха, послушать тишину, почтить память ушедших родных и поправить могилки.

Потом, в 80-х, велась разведка для строительства второй очереди Качканарского ГОКа, бурили скважины, замеряли воду, и шли разговоры, что посёлок пойдёт под затопление. Прииски были истощены, работы не было, и народ стал потихоньку разъезжаться, продавать дома: что получше - на жильё, похуже - на дрова.

А летом позапрошлого года, когда стояла сушь, начался пожар и остатки домов окончательно сгорели, только Домниным удалось отстоять свой дом, и то благодаря тому, что он находится близко у воды. Именно сёстры

Домнины: Валентина Егоровна (Антипина) и Нина Егоровна (Гаязова) - и приняли гостей под своё крыло, за что им отдельное спасибо.

И полились воспоминания...

Валентине Егоровне в следующем году будет 79 лет. Она давно ведёт дневник, в котором указывает, кто в каком доме жил и куда переселился. Поэтому не ошибусь, если скажу, что все собрались благодаря её усилиям. А непосредственно организацией встречи продолжительное время серьёзно занимались сёстры Васенины: Любовь Филипповна (Леднёва) и Нина Филипповна (Коптелова).

И вот к полудню все слетелись к своим гнёздам: Колеватовы, Домнины, Соколовы, ПОДМИНОГИНЫ, Васенины, Посаженниковы, Петровы, Шерф, Киппес, Власовы, Дубковы, Дюльдины. Многие даже приехали с детьми и внуками, так что в общей сложности собралось человек тридцать.

Столы, поставленные под открытым небом, завалили всякой всячиной, но было не до еды. Говорили много, все и обо всём. Только и было слышно: а помните, а помните, а помните? Надо сказать, что уныние было чуждо этим людям, людям особого духа, который учуешь за версту. Они всегда умели радоваться жизни, не размениваясь по мелочам, и только крепли, переплавляясь в преодолении трудностей.

— Нам ведь унывать некогда было, с утра до вечера работы невпроворот, — вспоминает Борис Александрович Колеватов, — выгнать скотину, загнать обратно, кто в лес за грибами, за ягодами, кто на покосах, кто на огородах картошку окучивает, кто воду из колодца таскает. Рыбачить ходили. Какие налимы водились на плотине — руками ловили! Но замечу, что ловили исключительно только на раз поесть.

При хозяйстве шибко не расслабишься. Зато уж вечерами отдыхали на полную катушку. Играли в лапту и в городки, в салки и в чижа, гоняли на велике. Самый первый, у кого появился велик, был Сашка Гусев. Катались все, кому не лень. Я хоть к этому времени и взрослый был, но шибко охота было прокатиться! Еду, а коленки около ушей - обхохочешься! Это уж позднее папка мне мотовелик купил, я на нём в школу гонял. Иван Васильевич Звягин, который был в то время директором Косьинской школы, увидит и смеётся: «Что, Колеватов, опять на своей технике прибыл?»

— Старшеклассники-то ходили в школу аж за семь километров на Косью, — вспоминала Нина Филипповна Васенина (Коптелова), — потому что на Боровском была только начальная школа. Выходили в 6.30 утра и только к восьми добирались до школы. Но в основном ходили мальчишки, а девочки жили в интернате.

— А я помню, как у Кольки Ермолаева появился первый транзистор, сколько было радости и удивления, - продолжил Борис Александрович, - слушали всё подряд. Часто вспоминаю, как пекли картошку в лесу и приходили домой чумазые, но довольные. Помню, как на охоту ходили: ведь ружья были в каждом доме. Из школы придёшь, портфель бросишь, ружьё на плечо - и на охоту. Правда, если на тетеревиный ток, то вставать надо

рано, ещё затемно, чтобы спрятаться хорошо: ведь тетерев птица умная, его не проведёшь.

А молодёжь, что постарше, в то время увлекалась волейболом. Площадка находилась прямо перед клубом. В самом клубе были бильярд и теннис.

— А помните, какие танцы проводились в клубе? - продолжила Нина Филипповна,— я тогда маленькая была, лет шести, и всё бегала подглядывать. Помню, одевались хоть и простенько, но со вкусом, взять-то негде, всё шили сами, в основном из ситчика. А как красиво танцевали! И вальс, и кадриль, и польку-бабочку, и всё под развесёлую гармонь! Да-а... умели люди и работать, и отдыхать.

Надежда Васильевна Власова (Павлова) вспомнила, как они с ребятишками потихоньку таскали с кухни вилки и бегали на речку Железенку и, по колено в холодной воде, этими вилками, словно острогами, ловили гольцов. Домой она возвращалась уставшая и зелёная, потому что по уши была в речной тине. И был несказанно рад её кот, с удовольствием уплетавший этих гольцов. А уж какие вкусные блины пекла в русской печи её бабушка Устинья Ильинична – и словами не передать!

Ещё одно из самых ярких воспоминаний - это дубковский мёд! Хозяин дома Анатолий Арсентьевич Дубков щедро потчевал этим мёдом всех ребятишек деревни.

Потом вдруг вспомнилось, как вся деревня ходила к Васениным точить топоры. У них на весь посёлок было самое лучшее точило, диаметром миллиметров 600. И что, вы думаете? Васенины: Михаил Иванович, кото-

рый, к слову сказать, не был на родине с 1956 года, Виктор Иванович и Александр Иванович, — навестив своё родовое гнездо, вернее, то, что от него осталось, отыскали в высокой траве это точило — сколько же было радости и удивления!

Слушая все эти воспоминания, невольно задумываешься о том, что нынешнему поколению есть чему поучиться у этих людей - хотя бы умению в простоте сердца радоваться жизни и с благодарностью ценить каждый подаренный день.

А этот подаренный день клонился к вечеру, и нужно было потихоньку собираться домой. Все изъявили желание встречаться почаще, даже определили день: первая суббота июля каждого года. Разъезжаться стали часов в шесть вечера, предварительно сходив на кладбище и навестив заросшие травой тени от родных жилищ.

И хотя посёлка уже нет, но каким-то особенным духом пронизана каждая травинка, растущая на местах деревенских изб, в которых выросло это золотое поколение людей. Их родители были настоящими самородками и оставили в наследство детям самое дорогое, что у них было, — огромный запас жизненной силы.

Разъезжались с надеждой на новую встречу в будущем году, чтобы снова увидеться и снова произнести: а помните, а помните, а помните?..

ДОКУМЕНТ

НИЖНЕТУРИНСКИЙ ИЗОЛЯТОР СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ

Давно уже не является секретом, что многие советские промышленные объекты возводились силами заключенных. Особенно ярко это проявилось на Урале - регионе традиционной ссылки, размещения «мест не столь отдаленных».

По состоянию на октябрь 1928 года, в Уральской области, объединявшей нынешние Свердловскую, Пермскую, Челябинскую, Тюменскую, Курганскую области, было дислоцировано 15 «мест заключений»: 4 изолятора (Свердловский, Златоустовский, Нижнетуринский, Тобольский), 8 исправительно-трудовых домов (Курганский, Тюменский, Челябинский, Пермский, Усольский, Ирбитский, Шадринский, Нижнетагильский), 1 дом заключения (Троицкий), 2 трудовые колонии (Верхотурская и Надеждинская)[1]

В Нижнетагильском городском историческом архиве (НТГИА) имеется фонд Административного отдела Нижнетагильского окружного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (Окрадмотдела), осуществлявшего организацию деятельности всех административных органов и учреждений Нижнетагильского округа[2] (городских и районных отделов милиции, отделов ЗАГС, паспортных столов, мест заключения и др.) с ноября 1923 года по август 1930 года. В штате окрадмотдела имелся инспектор домов заключений (помощник начальника окрадмотдела по местам заключений), на правах отдельной части функционировало окружное бюро принудительных работ[3].

В составе фонда отложились документы о местах заключения, дислоцированных на территории округа: Нижнетагильского исправительно-трудового дома, Надеждинской трудовой колонии и Нижнетуринского изолятора специального назначения, располагавшегося на территории одного из ближайших соседей современного города Качканара. Отчеты, доклады, акты обследования, протоколы совещаний при окружном

[1]НТГИА. Ф.211.Оп.1.Д.103. Л.234

[2]В состав Нижнетагильского округа Уральской области в 1923-1930 годы входила территория 5 городов (Алапаевск, Верхотурье, Кушва, Надеждинск (в настоящее время - Серов), Нижний Тагил) и 15 районов Уральской области, в т.ч Нижнетуринский район (в состав которого входили посёлки нынешнего города Качканара) - Краткий справочник по фондам Нижнетагильского городского исторического архива. Нижний Тагил. 2005. С.15, , 151, 157

[3]НТГИА. Ф.211.Оп.1.Предисловие.Л.1

административном отделе, его переписка с подведомственными учреждениями позволяют выявить отдельные факты из истории этих учреждений, проследить динамику их развития.

Николаевское арестное отделение[4] было открыто в Нижней Туре в 1893 году. Изначально оно было размещено в 9 зданиях общей площадью 13662,47 кв. метра, построенных в 1860-х годах для ружейного завода[5]. Это было основательное сооружение: толщина стен Главного корпуса составляла 0,9-1,25 метра. Комплекс зданий имел свою электростанцию, калориферное отопление (некоторых помещений), водопровод, который хоть и не действовал с 1922 года[6], но имел шанс на восстановление. Имелись и собственные баня, прачечная и больница на 50 коек с амбулаторией, аптекой, кухней, прачечной и даже ванной. Больница изолятора состояла на бюджете окружного отдела здравоохранения и ее обслуживало 24 штатных работника[7].

Учреждение имело собственные производства: столярную, слесарную (жестяно-посудную), лапотную, сапожную, портновскую, переплетно-кулечную мастерские, лесозавод, кирпичный завод (в 9 км от учреждения), электростанцию, кузницу. Контингент Изолятора занимался также бортничеством, сенокошением, заготовкой дров и бревен для собственного учреждения и по заказам лесничества, осуществлял строительные и земляные работы на Исинской узкоколейной дороге и других объектах Нижнетуринского района. Наибольший оборот средств приходился на продукцию лесозавода, лесозаготовки и кирпичное производство учреждения, вырабатывающего в летний сезон до 350 тысяч кирпичей. Табуреты, столы, шкафы, ведра, тазы, бачки, умывальники производились для собственных нужд и по заказам Исовского горного округа. Организацией производства занимался отдел труда, штат которого составлял 17 человек[8].

К концу 1920-х годов Нижнетуринский изолятор специального назначения стал крупнейшим в Уральской области пенитенциарным учреждением, в котором отбывало наказание более 1000 заключенных (при 650 по нормативам и по смете расходов)[9]. Это было связано с тем, что по мнению вышестоящих органов Нижнетуринский изолятор был самым «укрепленным» к округе местом заключения, позволяющим содержать «рецидив», а также имел «развернутые внешние работы… и возможности дальнейшего

[4]Так Нижнетуринский изолятор назывался в момент открытия

[5]Оружейный завод в Нижней Туре был открыт в 1884 году, но проработал только 6 лет и в 1890 году все здания завода и общежития для служащих (7 кирпичных и 1 деревянный дом 1870-х годов постройки) со всеми земельными угодьями были переданы тюремному ведомству - НТГИА. Ф.211.Оп.1.Д.103. Л.191.

[6]НТГИА. Ф.211.Оп.1.Д.103. Л.191

[7]НТГИА. Ф.211.Оп.1.Д.103. Л.192

[8]НТГИА. Ф.211.Оп.1.Д.103. Л.13-19, 192, 196

[9]Для сравнения: в Нижнетагильском исправдоме в 1928 году содержалось в среднем 350 человек (при плановой вместимости в 140 заключенных) - НТГИА. Ф.211.Оп.1.Д.103. Л.26 об.

их расширения». Изолятор в большей степени, чем другие аналогичные учреждения, был подготовлен к переходу на частичную самоокупаемость, и в него, помимо рецидивистов, с конца 1928 года засылались заключенные, «могущие быть использованными на внешних работах»[10]. А при ликвидации Нижнетагильского исправдома в июне 1929 года было принято решение о передаче всего сырья, инвентаря, инструмента и действующих договоров учреждения, реорганизуемого в «Домзак»[11], «мощному Нижнетуринскому изолятору» для укрепления его материальной базы[12].

Публикуемый Доклад составлен начальником Нижнетуринского изолятора специального назначения Зерниным Петром Фрицевичем[13]. Документ отражает деятельность учреждения за период с 1 октября 1927 года по 15 августа 1928 года, характеризует его материально-техническую базу, финансирование, штат служащих, состав заключенных, снабжение их продовольствием, инвентарем, медицинское и культурное обслуживание и др. Документ ярко показывает типичное для конца 1920-х годов состояние советского «места заключения».

Документ подлинный, выполнен от руки химическим карандашом.

Текст документа передан в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации, с сохранением стилистических особенностей подлинника. При воспроизведении дат сохранено их авторское сокращенное написание с использованием римских цифр, обозначающих месяц, обозначение года двумя цифрами («27» вместо «1927»), сокращения «г.» (год), «с/г» (сего года). Также сохранено своеобразное обозначение денежных сумм с проставлением буквы «Р» в начале суммы.

Восстановленные части сокращенных слов в тексте документа воспроизведены в квадратных скобках. В таблицах сохранены сокращения автора, расшифровка которых приведена в примечаниях.

В таблицах со сведениями о продуктах и засеве огорода учреждения информация об единицах измерения (в килограммах и десятинах) вынесена в заголовочную строку граф 2-4 и заключена в скобки.

Вступительная статья, текст документа к публикации и комментарии к нему подготовлены главным архивистом Нижнетагильского городского исторического архива И.В. Злобиной

---

[10]НТГИА. Ф.211.Оп.1.Д.103. Л.37

[11]В Дом заключения помещались только следственные, пересыльные и осужденные, ожидающие утверждения приговора или отправки в другие места заключения - НТГИА. Ф.211.Оп.1.Д.103.Л.351

[12]НТГИА. Ф.211.Оп.1.Д.103.Л.321об.; Д.195

[13]Начальник Нижнетуринского изолятора Зернин Петр Фрицович и помощник начальника Нижнетагильского окрадмотдела по местам заключения Поль Герберт Фридрихович представляли Нижнетагильский округ на 1-м Всесоюзном пенитенциарном съезде, проходившем в Москве в октябре 1928 года - НТГИА. Ф.211.Оп.1.Д.103.Л.33-35

Доклад

о деятельности Н[ижне]-Туринского Изолятора с/н[14]] [специального назначения за период времени с 1/X 1927 г. по 15/VIII 1928 г.

В изоляторе имеется 8 корпусов, из них:

1) главный мужской корпус, 2) женский корпус, 3) одиночный корпус с мастерскими, 4) больница, 5) клуб, 6) дежурное помещение, 7) конвойное помещение и 8)баня.

Все корпуса находятся в удовлетворительном состоянии, за исключением главного мужского корпуса, где необходимо переделать все двери, т.к. последние не отвечают своей пригодностью, а также исправить и прочистить основательно калориферное отопление, т.к. ввиду неисправного состояния последняго нередко приходилось ставить в камерах железные печки, как для осушки сырости, также и для поддержания соответствующей температуры.

Штатных мест при Изоляторе значится 550 человек, в настоящее время содержится заключенных по состоянию на 15 августа 1928 г. 974 человека, из них: срочных 957 человек, следственных 17 человек, пересыльных нет.

Мужчин срочных и следств[енных] 903 челов[ек], женщин срочных и следственных 71 человек, из общего числа заключенных содержится в корпусах изолятора 606 челов. и на внешних работах 368 человек. Срочных со строгой изоляцией 128 человек, б[ез]/строгой 829 человек.

Указываемый состав заключенных подразделяется следующим образом[15]:

По срокам:	По социальн[ому] происхож[дению]	По категориям:
До 1 года - 358 чел.[16]	Рабочие - 419 чел.	I-й категор.[19] - 143 чел.
До 3 лет - 349 чел.	Служащие - 71 чел.	II-й категор. - 247 чел.
До 5 лет - 147 чел.	Крестьяне - 373 чел.	III-й категор. - 567 чел.
Свыше 5 лет - 103 чел.	Нетруд.элем.[17] - 27 чел	
	Без опред.зан.[18] - 69 чел.	По разрядам:
		Начальный - 496 чел.
		Средний - 444 чел.
		Высший - 17 чел.

[14]Так в тексте. Расшифровано как «специального назначения»

[15]Имеется отметка: «См. на обороте»

[16]чел. - человек . Здесь и далее в тексте сохранено авторское сокращенное написание

[17]Категор. – категории. Здесь и далее в тексте сохранено авторское сокращенное написание

[18] Нетруд.элем.- нетрудовые элементы

[19]Без опред.зан. - без определенных занятий

Во всех номерах корпусов имеются нары или же достаточное количество деревянных топчанов, стол, скамейки, для воды оцинкованные ведра или бачки и ковш луженные, для одежды имеются вешалки.

Режим по содержанию заключенных в Изоляторе с/н проводится согласно Исправительного Трудового Кодекса, которому подчиняются почти все заключенные, за исключением особо отъявленных лиц из среды преступного мира, так называемого «рецидива». Последние всецело стараются во что бы то ни стало ослабить и подорвать существующий режим в Изоляторе, но благодаря принимаемым своевременно мерами со стороны администрации Изолятора, а также и то, что таких лиц незначительное количество, режим остается непоколебим, как не выходящий из пределов И.П.К[20].

Для заключенных из Глав[ного] упр[авления] м[ест] з[аключений][21] в феврале месяце текущего года было получено разное мешочное полотно в количестве 2300 метров на сумму 1661р[убль] 04 к[опейки], из которого произведена пошивка нательного белья, брюк, матрацев, которыми в первую очередь снабжаются рабочие, работающие на внешних работах и частично содержащиеся в корпусе. По настоящий момент изготовлено разн[ого] белья до 900 пар, в наличии имеется 400 пар, матрацев имеется 720 шт.[22], наволочек д[ля]/подушек 384 шт. В скором времени от Главумзака ожидается еще партия материала - бязи в количестве 1400 метров, а также открывается кредит в сумме Р.860-00 [рублей] на приобретение обуви и спецодежды.

При Изоляторе имеется лавочка, которая снабжает заключенных предметами первой необходимости - как-то: сахаром, маслом, табаком и прочими товарами, которые не запрещено приобретать заключенным. Но необходимо отметить, что снабжение товарами бывает с частыми перебоями, ибо таковых не всегда можно приобрести на местном рынке, но за последнее время эти дефекты, в связи с тем, что администрацией изолятора принимаются все, возможные с ее стороны меры по доставке предметов первой необходимости, понемногу изживаются.

По самообслуживанию изолятора на разных работах использовано заключенных свыше 100 чел.

Больница

Больница Изолятора рассчитана на 50 коек, заключенные, находящиеся в больнице на излечении, довольствуются за счет здравотдела. Медперсонал по штату полагается следующий: врачей 2, фельдшеров 5. Имеется же налицо в настоящее время 2 фельдшера и 3 сестры, постоянного врача нет. Заведование больницей Изолятора возложено по совместимости[23] на

[20]И.П.К. - Исправительного Трудового Кодекса
[21]Далее автором местами употребляется сокращенное наименование «Главумзак»
[22]шт. - штук. Здесь и далее сохранено авторское сокращенное написание
[23]Так в тексте

врача Н[ижне]-Туринской заводской больницы, который посещает больницу 1 или 2 раза в неделю, а иногда и совсем не бывает.

Заболевания и посещаемость больницы заключенными за время с 1/X 27 г. по 15/VIII с/г. следующие

Месяца	Первичн[ые]	Повторн[ые]	Всего амбул[аторных] больных	На стационарном лечении
Октябрь	545	465	1310	42
Ноябрь	681	434	1115	46
Декабрь	476	587	1063	46
Январь	585	730	1315	49
Февраль	863	391	1254	45
Март	530	975	1505	55
Апрель	697	656	1353	49
Май	11045[24]	907	2052	49
Июнь	863	368	1259	73
Июль	931	428	1359	78
1-я пол[овина] августа	390	280	670	29
Всего:	7706	6521	14227	555

Из указанного выше числа больных было: туберкулезом легких 60 чел., малярией 13 чел., грипп 678 чел., сифилис 2-ой ст. 36 чел., сифилис 3-й ст.9 чел., триппер 66 чел., цинга 51 чел. и трахома 23 чел.

Общее число рецептов, выпущенных больницей: амбулаторных 8215 и стационарных 1562, а всего 9777 рецептов.

Штат надзора и служащих

На 1928 г. Главумзаком утвержден штат служащих и надзор следующий:

Начальник 1	Мл[адший] пом[ощник] начальника 7
Зам[еститель] началь[ника]1	Бухгалтер 1
Счетовод 1	Воспитателей 2
Зав[едующий] дело[производст]вом 1	Ст[арший] надзирателей 6
Ст[арший] дело[производите]ль 1	Отд[еленческих] надзирателей 8
Мл[адший] дело[производите]ль 2	Мл[адших] надзирателей 55
Конторщиков 1	Рассыльных 1
Машинистка 1	Возчик 1
Учителей 2	Всего 90 человек

[24]Так в тексте. Должно быть указано - «1145»

За отчетный период времени было принято на службу 61 человек, уволено 45 человек.

Дисциплина среди надзора установлена твердая - согласно Устава службы в местах заключения. За отчетный период наложено дисциплинарных взысканий -[25].

Имеется из общего числа служащих и надзора членов ВКП(б)[26] 22 челов[ек], из них служащих 7 чел., надзора 15 чел., членов ВЛКСМ[27] 3 чел., из них служащих 2. надзора 1.

Из общего числа сотрудников Изолятора состоит в добров[ольных] о[бщест]вах: Осоавиахима[28] 73 чел., МОПРа [30]9 46 чел.

Займы, как укр[епления] крест[ьянского] х[озяйст]ва, так и индустриализации[29] распространены среди сотрудников на 100 % всего на сумму Р [31].

При Изоляторе имеется 7 казенных кварт[ир], которым в настоящее время производится капитальный ремонт - работы выполнены на 60%, после окончания ремонта таковые предоставятся под общежитие надзора.

Учебно-воспитательная часть[32]

За отчетный период времени в Учебно-воспитательной части сменилось три заведующих и воспитателей -[33], учителей 4 человека, что в сильной степени отражается на работе УВЧ, и в данное время также на должность Заведующего УВЧ выдвинут временно воспитатель тов.[34] Адалов, который совершенно не соответствует своему назначению, так как не имеет специального педагогического образования, а также и опыта в этой отрасли работы.

Имеющиеся в данный момент воспитатели и учителя также не имеют специального образования, а только самообразование, в связи с чем работа УВЧ среди заключенных по культурной и воспитательной, а также и внешкольной поставлена весьма неудовлетворительно. Текучесть состава работников УВЧ объясняется низкой оплатой труда и материальной необеспеченностью их. Продолжительность службы сотрудников УВЧ, и в особенности учителей выражается около 2-3-х месяцев. Как правило, к участию в культ[урно-]воспит[ательной] и учебной работе привлекаются

[25] Указан прочерк
[26] ВКП(б)- Всероссийская коммунистическая партия большевиков
[27] ВЛКСМ - Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи
[28] Осоавиахим - Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству - советская общественно-политическая оборонная организация, существовавшая в 1927—1948 годы, предшественник ДОСААФ
[29] МОПР - Международная организация помощи борцам революции — коммунистическая благотворительная организация, созданная по решению Коммунистического Интернационала (Коминтерна) в качестве коммунистического аналога Красному Кресту
[30] Облигации Займа укрепления крестьянского хозяйства были выпущены государством в обращение в 1928 году, Займа индустриализации - в 1927,1928 и 1929 годах
[31] Сумма в документе не указана
[32] Далее автором употребляется аббревиатура «УВЧ»
[33] Указан прочерк
[34] тов.- товарищ

и заключенные из числа случайных преступников, получивших на воле познания в этой отрасли работы.

На внешних работах Изолятора заключенных работает 368 человек на расстоянии около 7-12 килом[етров] от Изолятора, эти заключенные культурно-воспитательной работой совершенно не охвачены, кроме только того, что снабжаются небольшим количеством выписываемых газет и журналов.

По школьной работе среди заключ[енных] в отчет[ный] период времени функционировали: одна группа ликв[идации] безгр[амотности] на 30 челов[ек], одна м/ж[35] на 17 чел. и одна группа татаро-башкир. В настоящее время и эта работа прекращена по целому ряду причин, как указываемых выше, а также и тем, что большинство состава групп находится на внешних работах.

При УВЧ имеется библиотека со следующим составом литературы: беллетристики 426 кн[иг], политических 271 кн[иг], хозяйственных 67 книг, популярно-научных - 115 кн[иг] и антирелигиозных 68 книг. Всего 947 книг, но подбор этот за небольшим исключением устарелый, в особенности беллетристика и, конечно, также недостаточный.

Для библиотеки выписываются также следующие периодические издания:

Газеты:

Правда 2 экз.[36]	Уральский рабочий 2 экз.
Известия 2 экз	Батрак 1 экз.
Сабан-Чукы 2 экз. тат[арский] яз[ык]	Раб. газета 7-е изд. 1 экз.
Нух 1 экз. -"-[37]	Пахарь 2 экз. пермк.яз.[38]

Журналы:

«Долой неграмотность» 1 экз., «Агитпром» 1 экз., «Работница» 2 экз.

Кроме того выпускается силами заключенных своя стенгазета «Голос заключенного» примерно 2 раза в месяц.

Клубная работа за весенний и летний период также ослабла - удалось поставить только 3 спектакля и 1 концерт, из них в Н[ижне]-Туринском заводском клубе 2 платных спектакля: 1) в пользу Недели обороны страны и 2) на нужды клуба.

По внешкольной работе работают до некоторой степени сносно созданные кружки. Метод преподавания - лекционно-беседный, лектора - за незначительным исключением, все из заключенных, под наблюдением УВЧ. За отчетный период работают след[ующие] кружки: 1) сельскохозяйств[енный] - 6 лекций, 2) естествоведение - 6 лек[ций], 3) политико-

[35]Так в тексте
[36]экз.- экзкмпляров- здесь и далее сохранено авторское сокращенное написание
[37]Указано отточие
[38]Так в тексте

воспит[ательный] - 6 лекций, 4) по санитарии - 3 лек[ции], 5) юридический - 2 лекции, 6) кооперативный - 2 лек[ции], 7) шахматно-шашечный - 2 лекции. 3 лекции из естествоведения провод[ились] с волш[ебным] фонарем. Посещаемость лекций довольно порядочная, в среднем - 30-40 % состава заключ[енных], находящихся в корпусе. Примерно за 21/2[39] пропущено 2800 человек.

Сметно-кредитная часть

На 1927-1928 бюд[жетный] год[40] смета по содержанию Изолятора утверждена финотделом НКВД[41] в размере Р104720-00[42], каковой суммы, как видно из ниже помещаемой ведомости далеко не достаточно.

Ведомость состояния кредитов Н[ижне]-Туринского Изолятора

Наименование статей расхода	Открыто кредита	Израс-ход[овано] за 10 мес[яцев]	Предп[олагаем ых] расходов за август- сен-тябрь	Остается кредита на 1/X 28 г.	Не хватает кредита на 1/X 28 г.					
Заработная плата	45338	-	37626	-	7712	-	-	-	-	-
Хоз[яйственные] и канц[елярские] расходы	11000	-	8175	-	4000	-	-	-	1175	-
Путевое довольств[ие]	480	-	547	-	120	-	-	-	187	-
Капитальный ремонт	8200	-	6400	-	1800	-	-	-	-	-
Спец[иальные] опер[ативные] расходы	5650	-	3600	-	2050	-	-	-	-	-
Перевозка заключ[енных]	1800	-	3430	-	1000	-	-	-	2630	-
Продовольствие закл[юченных]	25500	-	22470	-	4500	-	-	-	1470	-
Вещев[ое] довольст[вие] закл[юченных]	713	-	365	-	348	-	-	-	-	-
Спецодежда надзора	1213	-	1213	-	-	-	-	-	-	-
Соцстрахование	4826	-	3491		1335	-	-	-	-	-
Всего руб[лей]	104720	-	87314		22865	-	-	-	5462	-

Предполагаемая задолженность по канц[елярским] и хоз[яйственным] расходам объясняется необходимостью погашения задолженности, оставшейся от 1926-27 бюд[жетного] года. Перерасход же по продов-

[39]Так в тексте. Возможно, имеется в виду «2,5 года»

[40]В 1920-х годах исчисление хозяйственного года в СССР было установлено с 1 октября по 30 сентября.

[41]НКВД- Народный комиссариат внутренних дел

[42]Так в тексте. 104720 рублей

ольствию возник в текущем году вследствие переполнения штата заключенных почти до 100%, благодаря чему пришлось установленную норму значительно снизить, чем, однако, перерасхода избежать не удалось.

При полной даче пайка на 1000 человек при штате 550 чел[овек] задолженность выражалась бы в 5-6 тысяч рублей.

На перевозку заключ[енных] отпущено по смете 1800 руб[лей] и Облкомиссией[43] помощи освобождаемым заключенным отпущено 2000 руб[лей], всего же израсходовано по 1/VIII с/г Р5430-00 [рублей], благодаря чему образуется задолженность, о чем финотдел НКВД поставлен в известность.

Имея в виду, что расходные сметы на содержание Изолятора на 1928-29 бюд[жетный] год будут составляться Глав[ным] управ[лением] м[ест]/заключений, а не Изолятором, то в финансовый отдел дан весь материал к составлению смет с указанием существующих цен и представлением соображений на необходимость отпуска средств по капитальному ремонту общежитий Изолятора, восстановления водопровода и другие неотложные нужды, вследствие чего дать перспективы бюджета Изолятора на 1928/29 бюд[жный] год не представляется возможным.

Хозяйственная часть

В текущем отчетном году на довольствие заключенных было ассигновано Р25500-00 рублей, т.е. только на штатное количество мест при нормальной установленной даче пайка, но в следствие того, что Изолятор почти все время перегружен до 100% норму пришлось понизить (См. табличку)

Наименование продукта	Норм[ативный] паек	Выдается	Примечание
Хлеба	600 гр.[44]	500 гр.	В настоящее время ввиду неимения крупы таковая заменяется пшеничной лапшой по 200 гр. на челов[ека]
Мяса	100 гр.	80 гр.	
Крупы	150 гр.	110 гр.	
Масла растительного	20 гр.	-	
Картофеля	150 гр.	-	
Капуста и др. овощи	5 гр.	9 гр.	
Лук	4 гр.	8 гр.	
Лавровый лист[45] и перец	2 гр.	-	
Подболт. муки	10 гр.	10 гр.	
Стоимость	13,5 коп[еек]		

[43]Облкомиссия- областная комиссия
[44]гр.- граммов. Здесь и далее сохранено авторское сокращенное написание
[45]Так в тексте

Несмотря на просьбы Изолятора об отпуске кредитов дополнительно на сверхштатное содержание заключенных, дополнительного кредита отпущено не было и предложено обойтись кредитом, ассигнованным по смете на этот предмет.

Кроме того, на местном рынке у госуд[арственных] орган[ов] и коопер[ации] не всегда можно было получить необходимое продовольствие полностью. В связи с чем приходилось приобретать или у частников или у кооперации других округов, что безусловно влияет на планомерность снабжения заключенных необходимыми продуктами. Несмотря на то, что установленная норма пайка в значительной степени снижена и все заключенные, занятые на внешних работах Изолятора, переведены на довольствие Отдела работ, все же к концу года образуется перерасход против сметы около 1500 руб[лей].

Сведения
о продуктах, израсходованных на продовольствие заключенных
с 1/X по 1/VIII 1927/28 г[ода]

Наименование продуктов	Израсходовано	Остаток на 1/VIII	Примечание
Муки ржаной	126015	9014	Имеется для убоя на мясо 35 голов круп[ного] скота в сред[нем] 3000 клгр[46]

Огородничество

Сведения о засеве огорода

Наименование предметов засева	Засев прошлого года (десятин/кг)	Засев текущ[его] года (десятин/кг)	Засеяно более в тек[ущем] году на (в десятинах):
Картофеля	5 / 4300	7 / 8187	2
Моркови	1	1,15 / 10,4	0,15
Свеклы	0,5	0,95 / 18	0,45
Капусты	0,5	2 / 0,3	1,5
Луку	0,1	0,25 / 448	0,15
Калеги[47]	0,02	0,09 / 0,1	0,07
Помидор	-	0,02 / 0,79	0,04
Укроп, анис, редиска и др.	-	-	0
Всего	7,12	11,5	4,38

[46]клгр-килограммов - относится ко всем значениям столбца 2 и столбца 3
[47]Калега - другое название брюквы (семейство капустных)

Овощи с огорода для котла начали получаться с 15/VI с/г. Урожай ожидается средний, а в прошлом году был ниже среднего.

Отопление, освещение и водоснабжение

Главный корпус имеет калориферное отопление, а остальные корпуса отапливаются голландским печами. Дрова в текущем году заготавливаются отделом работ, который должен заготовить к 15/IX 2500 к[убических] метров по 30 копеек за к[убический] метр.

Освещение электрическое, которое получается с Лесозавода отдела работ.

Водоснабжение производится подвозкой бочками из колодца или пруда. Приняты меры к исправлению имеющегося при Изоляторе водопровода, который подает воду качанием таковой ручной силой.

Конный двор

В распоряжении хозяйственной части имеются 6 лошадей, кои ежедневно обслуживают Изолятор по разным хозработам. Лошади уже старые, и 2 из них требуют замены. Состояние их выносливости среднее.

Состояние обоза и упряжи желательно иметь более лучшее, чем имеется, но отпускаемых кредитов на этот предмет недостаточно. В прошлом году вследствие несвоевременно принятых мер по заготовке сена почти в половине зимы заготовленное количество кончилось и пришлось закупать у частников по значительно повышенным ценам.

Овес также приходилось закупать в других округах, т.к. на местном рынке его в достаточном количестве не было.

В текущем году сена уже заготовлено до 100 пудов, и в ударном порядке ведется дальнейшая заготовка. Всего необходимо до 200 пуд[ов], каковым количеством Изолятор будет обеспечен на весь год.

Овса потребно 650 пудов, по заготовке которого также приняты надлежащие меры.

Вещевое довольствие заключенных

В отчетный период заготовлено разного белья до 900 пар, но из него в наличии пригодного для носки 400 пар. Матрацев имеется 720 шт., наволочек д[ля]/подушек 384 шт. В ближайшее время от Глав[ного] Упр[авления] м[ест]/закл[ючений] ожидается получение 1400 метров бязи для нательного белья и открывается кредит в сумме Р860-00 [рублей] на приобретение обуви и различного рода спецодежды для заключенных.

Обмундирование надзора

Для надзора обмундирование по штату на 75 человек имеется в достаточном количестве.

Постовая одежда

Постовой одеждой Изолятор вполне обеспечен.

Санитарно-гигиеническое оборудование

Все камеры корпусов надлежащим инвентарем и гигиены снабжены в достаточном количестве. Имеется 65 общих умыв[альников]. Пища разносится в оцинков[анных] бачках. Впредь, нежели раздать пищу, подается проба нач[альнику] Изолятора и врачу, и по признании ее доброкачественной, раздается заключенным.

Через определенное время производится полная дезинфекция всех камер. Замечается, вследствие перегруженности Изолятора заключенными, сильная потребность в обеденной посуде, а также и котлах для приготовления пищи, кипячения воды. Возможности же к приобретению таковой нет за неимением на этот предмет кредитов.

Имеется дезинфекционная камера дезинф[екционный] аппарат «Гелиос». Все белье, выдаваемое заключенным, а также и др[угие] вещи пропускаются через нее.

Строительная часть

В плановом порядке на ремонтно-строительные работы на сезон 1928 г. Главумзаком отпущено было предварительно 4000 руб., но в связи со слишком плохим состоянием домов общежитий отпущено было еще 3000 руб., а всего 7000 руб. вместо 16800 руб., испрашиваемых Изолятором. В связи с чем смета на ремонт была составлена только лишь на необходимые и неотложные ремонтные работы при условии хозяйственного расчета по зарплате.

Ремонтируется 7 домов общежитий только лишь внутренним ремонтом. Состояние домов против акта 1926 г. ухудшилось, почему все работы ведутся с превышением. Так, например: в сметах предполагалась смена одной трети полов и отсутствовал расход по внутренней штукатурке, но к 1927 году состояние домов ухудшилось и смена полов идет в среднем на 65-70 %, а штукатурка стен доходит до 30-40 %.

Работа ремонта[48] начата силами срочно заключ[енных] рабочих, б[ез]/строгой изоляции с малыми сроками с половины апреля и находится в стадии выполнения на 60 %, но необходимо отметить: а) текучесть состава рабочих (малосрочно), б) не квалифицированность (из 10 рабочих - 1 плотник, 9 чернорабочих) и т.д. Но все же ремонт может быть закончен к 1/X с/г полностью по наметке сметы, если рабсила[49] будет увеличена и улучшена качественно.

Отпущенных средств в размере 7000 руб[лей]. на ремонт домов - общежитий и частичный ремонт главного корпуса хватит, но предполагаемые к постройке заборы построены не будут за счет этой суммы, а будут отнесены за счет хозяйств[енных] сумм.

К неблагоприятным условиям проведения ремонтных работ необходимо отнести низкое качество материалов, а главным образом, инструмента,

[48] Так в тексте
[49] рабсила- рабочая сила

высылаемого по заказам Изолятора разными фирмами и предприятиями. Данный недостаток и задерживает работу, и также влияет и на качество ее.

К строительному сезону 1929 года ведутся подготовительные работы - составление предварительной сметы. К ремонту на 1929 год относится наружный ремонт зданий Изолятора и общежитий на конном дворе. Смета достигает Р13500-00 [рублей].

Стол принуд[ительных] работ

За отчетный период времени столом принуд[ительных] работ пропущено 17 человек, из них уже отбыли срок принуд[ительных] работ, назначенный приговорами судов - 14 человек и отбывают - 3 человека.

Общая сумма дохода от принуд[ительных] рабочих выражается в сумме Р285-00 [рублей], из коих 50% подлежит высылке в обл[астной] отдел принуд[ительных] работ и 50 % остается в распоряжении стола принуд[ительных] работ для оплаты обслуживающего персонала, а также канцеляр[ских] и постовых расходов.

Начальник Изолятора подпись[50]

НТГИА. Ф.211.Оп.1.Д.103.Л.5-12. Подлинник. Рукопись

Василий КОЗЛОВСКИЙ

ПИСЬМО ХРУЩЕВУ

Постигать историю можно по-разному. Кто-то увлекается историческими романами; это неплохо, но в них большая доля авторской фантазии. Лучше читать научную, научно-популярную литературу или смотреть телепередачи, коих довольно много появилось на разных каналах, повествующие о людях, событиях и фактах нашей истории. Но «высший пилотаж» - это развить в себе вкус к чтению исторических источников, то есть документов. Будучи продуктом эпохи, они эту самую эпоху зеркально отражают. В них же – замечательные судьбы людей, в том числе наших родных, близких, знакомых. Наглядный пример тому – судьба В.В.Козловского, которая легко могла бы стать хорошим сюжетом для телепередачи.

Василий Васильевич – это отец известной в Качканаре Н.В.Бакановой, ветерана труда, многие годы работавшей в отделе труда и заработной

[50]Подпись выполнена красным карандашом

платы Качканарского ГОКа. Это дед Баканова П.И., знаменитого «дяди Паши», как уважительно до сих пор называет его повзрослевшая качканарская пацанва, не одну сотню друзей которой он сводил водными маршрутами в лучшие времена существования турклуба «Исток» в Качканарском ГОКе. Он же, Василий Васильевич, отчим А.М.Кузьминых, замечательнейшей учительницы, классного руководителя автора этих строк. Очень сожалею, что, часто навещая Альбину Михайловну, не нашёл времени пообщаться ни с Василием Васильевичем, ни с её мамой Марией Ивановной, вдовой репрессированного начальника отдела Николаевского обкома партии М.И.Голобокова, которые вынесли немало мытарств в сталинском ГУЛАГе.

В 1956 году В.В.Козловский написал письмо Н.С.Хрущёву с просьбой, по сути дела, с требованием о реабилитации. Прошёл уже XX съезд КПСС, где руководитель партии выступил с докладом (засекреченным, правда) «О культе личности и его последствиях». Люди же, пострадавшие от этого самого культа, по-прежнему ходили с клеймом «враг народа».

В 1937 году я работал главных бухгалтером Камышловского диатомитового комбината, г. Камышлов Челябинской области.

22 апреля 1937 года я был арестован Камышловским райотделом НКВД. 3 мая мне предъявили обвинение по ст. 58-7-11 УК РСФСР. Я был обвинен в том, что якобы состоял членом и являлся одним из руководителей троцкистской организации, которая, по утверждению начальника РО НКВД Мальцева и следователя Ощепкова, существовала на комбинате.

По утверждению работников РО НКВД, в состав контрреволюционной организации входили:

1. Директор комбината – Нохрин И.Г.
2. Секретарь парткома – Друзин М.М.
3. Главный бухгалтер – я.
4. Главный инженер – Гурин М.Я.
5. Начальник планового отдела – Погорельский М.Н.
6. Зам. главного инженера – Козлов М.А.
7. Начальник погрузбюро – Янюк Н.
8. Начальник леспопил. Цеха – Цилев В.В.
9. Механик паросилов. стан. – Головин.

Причем первые три являлись руководителями организации. Все вышеперечисленные лица подвергнуты аресту в разное время.

Поводом и основанием для ареста руководящего состава комбината послужило заявление проживавшего в Камышлове и ранее работавшего (до ноября 1935 года) на комбинате Койсина. В своем заявлении Койсин писал: «В июне м-це 1935 года ко мне на квартиру зашел Цилев Вас. Вас. и в разговоре сообщил мне, что на Камышловском диатомитовом комбинате создана и существует контрреволюционная вредительская организация, в состав которой входят Нохрин, Друзин, Козловский, Пурин, Погорельский, Козлов, Янюк, Головин и он – Цилев, и приглашал меня вступить в эту организацию,

я же ему положительного ответа не дал.»

Подобного содержания заявление Койсин подал в РО НКВД только в 1937 году. Я обратил внимание работников РО НКВД на неправдивость заявления Койсина, а именно: по заявлению Койсина, его разговор с Цилевым состоялся в июне м-це 1935 года. Я направлен на работу на Камышловский комбинат в августе 1935 г. Зам. главного инженера Козлов М.А. прибыл на комбинат в ноябре 1935 г., главный инженер Гурин М.Я. – только в марте 1936 г.

Но на все мои возражения и доказательства о лживости заявления Койсина получил ответ начальника РО НКВД: «Несоответствие дат никакой роли не играет; нам известно, что вы являетесь врагами народа, и требуем, чтобы вы сказали следствию о своих планах и фактах вредительской деятельности».

О каких фактах и планах вредительской деятельности я мог говорить: с перечисленными работниками комбината никогда никаких вредительских не только дел, но и разговоров не было.

Не добившись от меня требуемых показаний, 17 мая 1937 года начальник РО НКВД Мальцев отвез меня в г.Челябинск, в обл. управление НКВД, и меня заключили в спецкорпус (внутренняя тюрьма НКВД).

С 17 мая 1937 года начались допросы в областном управлении НКВД. О методах и способах, применяемых при следствии и допросах, я Вам писать не буду, Вам они известны больше, чем мне. (Да, это точно: и у самого Хрущева крови на руках хватало – М.Т.) Следствие в областном управлении НКВД длилось с 17 мая по 26 июля 1937 года. Я категорически отказывался подписывать вымышленные показания о якобы проведенных нами вредительских актах, ибо их не было.

26 июля 1937 г. следователь ст. лейтенант Тимофеев заявил мне: «Козловский! Возимся мы с тобой три месяца, и ты все скрываешь свое подлинное лицо врага народа. Завтра поедем в Камышлов, и там мы тебя положим на обе лопатки: Камышловский РО НКВД раскрыл твое личное и всей вашей шайки вредительство. Имеется три неопровержимых факта».

27 июля 1937 года меня вновь привели в город Камышлов. «Неопровержимые факты» таковы:

1. Опрошенный начальником РО НКВД Мальцевым некий Шихалеев показывает: «В феврале м-це 1936 года Камышловский диатомитовый комбинат получил два почтовых перевода фонда соцсоревнования, один 50000 рублей и другой 60000 рублей. Главный бухгалтер комбината Козловский лично получил суммы по этим переводам по почте, привез к себе на квартиру и у себя на квартире разделил полученную сумму между собой и директором Нохриным поровну на цели финансирования контрреволюционной организации».

На вопрос Мальцева: «Откуда Вам это известно?» - Шихалеев отвечает: «Мне сказал кучер Нохрина, он подсматривал в дверь, когда они делили деньги». Что может быть грязнее подобных показаний? На вопрос ст. лейтенанта Тимофеева: «Ну что теперь скажешь, Козловский?» - я ответил:

«Дурак говорил, а трижды дурак записывал. Что может быть глупее подобного обвинения?»

Я просил Тимофеева навести справки в Госбанке, познакомиться с законом о создании фонда соцсоревнования – конечно, ничего этого не было сделано.

2. Начальник спецотдела комбината Рябин показывает: «В октябре 1935 г. прибыл состав огнеупорного кирпича для строительства электростанции комбината. Главный бухгалтер Козловский в вредительских целях отказался от оплаты кирпича и переадресовал весь состав обратно поставщику».

Глупый вымысел. Фактически было не так. Огнеупорный кирпич прибыл с Уктусского завода «Огнеупор», был разгружен и уложен на строительство электростанции, но поставщик неправильно предъявил счет к расчетному отделу эксплуатации, а следовало к субконтокорренту промбанка. Мною был дан отказ оплаты с расчетного счета и в этот же день оплачен с субконтокоррента промбанка. Правильность этого может сейчас подтвердить главный бухгалтер завода «Огнеупор». Следователь ст. лейтенант Тимофеев отказался проверить правильность показаний Рябина.

3. Мне была дана очная ставка с моим заместителем Казанцевой Ольгой Павловной. Смысл этой очной ставки я и сегодня не понимаю. Следователь требовал от Казанцевой, чтобы она рассказала, какую антисоветскую агитацию я проводил среди рабочих комбината. Казанцева, плача, отрицала, но под нажимом и угрозами подписала какую-то чушь.

После предъявления столь «неопровержимых» фактов мне объявили об окончании следствия и в первых числах августа потребовали подписать протокол об окончании следствия. Я в свою очередь потребовал предоставления мне возможности ознакомиться с материалами следственного дела, в чем получил категорический отказ. Продержав на следствии безвыходно трое суток, меня заставили подписать протокол об окончании следствия, не предоставив следственного дела.

Считая следствие законченным, я ожидал дня суда, однако 4 сентября 1937 г. меня вновь повезли в г.Челябинск, облуправление НКВД. Следователь ст. лейтенант Тимофеев задал мне вопрос: «Козловский, ты знаешь, зачем тебя вызвали?» Я ответил, что не знаю. После чего Тимофеев придрался к моей фамилии и лишь только потому, что моя фамилия кончается «ский», а отсюда следовал вывод Тимофеева, что я – поляк, от чего я категорически отказывался.

В один из допросов я заявил, что соглашусь подписать, что я поляк, но прежде чтобы мне сказали, какой вывод из этого. Тимофеев пояснил: «Ты, Козловский, поляк и состоял членом ПОВ (польская организация войсковая), числился в списках 2-й комендатуры ПОВ г. Челябинска, которой подготавливалось восстание».

В Челябинске я не жил, жил я в Камышлове, 400 км от Челябинска, и никого вообще из поляков не знал, по национальности я русский. А подтвер-

ждающий отцовский документ о том, что русский (копия паспортной книжки отца, выданной ему в 1910 г.) Тимофеевым был при мне уничтожен.

После всего этого от подписи, что я поляк, я категорически отказался.

На этом закончилось следствие.

Я задел только некоторые основные вопросы дела, но в период пятимесячного следствия мне приписывали связь с Зубовым В.П. (управляющим трестом) и даже с Кабаковым И.Д. (первый секретарь Уральского обкома партии. Расстрелян. Его фамилию раньше носил г.Серов – М.Т.), рисуя их обоих как врагов народа. От подобных показаний я категорически отказался. С 22 сентября 1937 года я ждал суда, будучи уверенным, что на суде будет вскрыта вся ложь и клевета на меня и остальных товарищей по работе, но ошибся. 3 ноября 1937 года меня отправили с эшелоном и выгрузили на ст. Сама Свердловской ж.д. в Ивдельлаг НКВД. Только в Ивдельлаге неофициально я узнал, что осужден тройкой НКВД сроком на 10 лет.

Мною было написано 17 заявлений о том, чтобы мне объявили постановление тройки, за что же меня бросили на 10 лет в лагеря с маркой «враг народа», но ни одного ответа не получил. С момента прибытия в лагерь до 1941 года я, не переставая, писал всем, взывая о справедливости, но бесполезно, а с началом войны переписка была запрещена.

В лагере я отбыл 9 лет 4 месяца (8 месяцев мне сократили за мою работу). Излишне говорить обо всем пережитом и перенесенном, но тяжелые месяцы следствия, годы лагерного заключения меня не сломили, я остался и остаюсь верным сыном своей Родины, своего народа. Но выйдя из лагеря, отбыв срок заключения, марка «враг народа» остается на мне, и есть люди и, к сожалению, руководящие партийные работники, которые по сей день меня презирают, избегают и преследуют. Хотя я работаю честно и преданно, меня ущемляют везде, где находят возможным.

Тов. Хрущев! Обращаюсь к Вам с данным заявлением, убедительно прошу Вас поручить соответствующим органам и лицам изъять дело руководящих работников Камышловского диатомитового комбината из архива и объективно, беспристрастно его пересмотреть, снять с меня, а также и других работников клеймо «врагов» народа, ибо это никто из нас не заслужил, а это сделать можно, ибо еще много живых свидетелей, которые докажут, что все дело основано на лжи, клевете и явно фальсифицировано.

Козловский
17 мая 1956.

Следует обязательно сказать, что страдали и члены семьи этих несчастных. Даже формально не будучи репрессированными, они фактически были таковыми, становясь изгоями в обществе с ярлыком «члены семьи врага народа». Семья В.В.Козловского это испытала на себе в полной мере. Н.В.Баканова рассказывает, что мать назавтра же уволили с работы и их выселили из квартиры. То же самое было проделано с ее теткой, к которой они подались на жительство: вон с работы и из квартиры! Куда? Бедная женщина нашла землянку, в каких, по словам Нинель Васильевны, и скот

не держат. Христианская, да и просто человеческая мораль требует быть милосердным даже к врагам. А здесь – несчастные женщины и ребенок. Хороши враги! Девочка не смела свою мать называть мамой – в целях безопасности ее выдавала за свою дочь тетя. Грамотой почетной за успехи в обучении – не моги наградить: нельзя хвалить дочь врага народа.

Список примеров «сталинской заботы» можно еще долго продолжать. Вот ведь времечко было…

Военный трибунал Уральского военного округа
6 августа
Гор. Свердловск

СПРАВКА

Дело по обвинению гр-на Козловского Василия Васильевича пересмотрено Военным трибуналом Уральского Военного округа 10 июля 1956 г.

Постановление от 2 октября 1937 года в отношении гр-на Козловского В.В. отменено и делопроизводство прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления.

Справедливость восторжествовала. Но девять лет были вычеркнуты из жизни.

Сергий АРХИПОВ, протоиерей, настоятель прихода во имя иконы Божией Матери «Живоносный источник», г. Лесной

НАША ПАМЯТЬ

«Никто не забыт и ничто не забыто»…
Но на самом деле о них все забыли.

6 июля 2015 года Информационное Агентство РИА Новости сообщило по всем центральным телеканалам следующую новость:

"*Днем 3 июля 2015 года в правоохранительные органы города Нижняя Тура поступило сообщение об обнаружении костных человеческих останков при проведении работ на Нижнетуринской ГРЭС. По данному факту следственным отделом по ЗАТО город Лесной Следственного Комитета России по Свердловской области организовано проведение доследственной проверки.*

По предварительным данным, останки были обнаружены во время работ с использованием строительной техники на глубине около 2,5-3 метров. Сообщается, что останки принадлежали не более чем 9 лицам.

Для определения времени и возможных причин смерти людей назначены

экспертные исследования, опрашиваются работники ГРЭС. По итогам проверки будет принято процессуальное решение.

Сообщается, что в августе прошлого года (т.е. 2014 г.) на территории Нижнетуринской ГРЭС были найдены аналогичные останки семи человек. Исследования показали, что давность захоронения составила не менее 40 лет. Следов насильственной смерти выявлено не было, в связи с чем в 2014-м году было принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела".

Только вдумайтесь, дорогие читатели: нашли останки 16 человек; а кто они такие, эти люди, как они погибли, когда они предстали пред Богом, для нас с вами осталось неизвестным.

В голове проносятся еще несколько неразрешенных вопросов. Сколько там еще людей погребено? И есть ли документы, раскрывающие тайну массового захоронения? Сохранились ли какие-нибудь воспоминания? Наверняка у этих людей были родственники, друзья, соседи, сотрудники? Что здесь вообще произошло???

Оказывается, такие документы есть. Но они не смогут нам назвать всех погибших поименно, а лишь приоткроют тайну этого захоронения и приблизительное время гибели этих людей. И если ты, дорогой читатель, стремишься приподнять завесу истории и заглянуть почти на 90 лет назад, то ты станешь свидетелем массовых репрессий, которые происходили на территории Нижнетуринской тюрьмы и Исправительной Трудовой Колонии (ИТК) в 1933 году.

Итак, обратимся к документам.

Из докладной записки начальника Нижнетуринского райотдела ОГПУ Милованова и уполномоченного Ермакова от 7 апреля 1933 года: «*За время с января по 6 апреля 1933 года смертность в Н(ижне)туринской трудовой колонии достигла до 2200 человек. Смертность повысилась исключительно за счет вновь прибывших заключенных из Магнитогорска, Перми и других исправительных трудовых колоний, поступавших с 20 февраля 1933 г., которые прибыли в Н(ижне)-Туринскую колонию до состояния смертности истощены, везли их в крытых, совершенно необорудованных вагонах из-под угля; в дороге вагоны, вероятно, не отапливали, так как приходили они со снежным покровом на стенах изнутри и по углам с намерзшими наледями, водой снабжались не достаточно. В результате чего в пути следования лишенные свободы помирали в вагонах: так, 20 февраля из прибывшего эшелона из Магнитогорска привезли 18 трупов, при выгрузке умерло 15 человек и в ночь этого же дня умерло 60 человек.*

К тому же дирекция Н(ижне)туринской колонии почти совершенно не была подготовлена к приему и размещению прибывших вновь лишенных свободы, бараков подготовлено не было, питания и воды – тоже, а равно и медобслуживания. Прибывшие – лишенные свободы, слабые - помещались в не совсем отстроенные бараки по 200 и 180 человек в одно отделение, с нормальной вместимостью на 45 и 50 человек; и в стандартный барак вместимостью на 300 человек вмещали до 1800 человек; слабых, больных клали в этих бараках на пол, так как нар, не говоря уже о койках, не было

сделано. Клались мертвые вниз, а на них умирающие, и так рядами продолжалась укладка.

Со стен этих бараков текла вода, на полу сырость, и никакого медицинского обслуживания не было, так как старший врач Степанов относился к этому безразлично и другим вмешиваться в это дело не позволял. Все прибывшие заключенные по неделе и больше получали один хлеб, 300 граммов, и тот выдавался несвоевременно; воды недостаточно, были случаи - по суткам воды не было. 20 февраля фельдшером Гиайнулиным был составлен акт на 4-х человек умерших, которых направили в катафальную, где при снятии одежды старшим санитаром Кутюк обнаружены два человека живых, которых он поместил в ванную, и они еще живы были после этого 10 часов.

При появлении 2-х случаев заболевания тифом Степанов решительных мер к предупреждению его распространения не предпринял, называл лишенных свободы – мразью, паршивцами и т. д., в бане их не мыл, и лишенных свободы из тех камер, откуда взяты тифозные, не изолировал, одежду их не продезинфицировал, ждал, когда будет больше; и когда он явился уже массовым, то Степанов на это, иронически улыбаясь, заявил: «Теперь уже ничем не поможешь, будет 500 случаев». С приездом же из области врача Мирова Степанов заявил: «Ничего не выйдет», когда же Миров взялся за это дело решительно сам, в 5 дней перемыл всех в бане и через 5 дней еще повторил, мобилизовал весь медицинский персонал на борьбу с тифом, после чего он пошел на сокращение. Степанов является бывшим врачом при кавалерийском полку в старой армии в чине офицера.

Эти безобразия являются, безусловно, результатом семейственности дирекции колонии: в лице директора Ляпунова, заведующего отдела снабжения сына кулака Ощуркова и помощника директора по воспитательной части Лузянина с работниками областного управления исправительно-трудовых учреждений и областной прокуратуры.

После приема этапов в Нижнетуринскую колонию в начале марта по расследованию безобразий в колонии, прибыла из области комиссия в лице Зырянова (второй помощник начальника областного УИТУ), из производственного сектора обл. УИТУ – Петровых, из административного сектора – Андрюкова, помощника обл. прокурора – Сироткина и старшего следователя областной прокуратуры – Попова.

В процессе расследования из этой бригады Зырянов неоднократно днем и ночью будил Ощуркова и посылал за вином, который его распоряжения выполнял дословно. Проработала, таким образом, бригада по расследованию безобразий в колонии с неделю, а числа 13 или 15 марта собрались в квартире помощника директора по воспитательной части товарища Лузянина и устроили коллективную пьянку, где до бессознательности перепились.

Ермаков (заместитель начальника областного УИТУ) еще до прибытия этапа, на фракции райисполкома заявил местным организациям, вместо решительных и настойчивых требований от местных организаций и

конкретной помощи Ляпунову, в связи с прибытием этапа, что ничего особенного нет, смертность в связи с прибытием этапа будет большая и удивляться этому не нужно.

Избиения в колонии продолжаются: числа 20 января (1933г.) Надзиратель Наумов Михаил избил лишенного свободы рукоятью нагана, по прозвищу Еремка, за то, что последний вместе с другими настоятельно требовал у него воды.

Наличие указанных безобразий является продолжением еще прошлых, и при наличии такой семейственности руководящей части колонии, областного УИТУ и областной прокуратуры, они очень трудно искореняемы». [ЦДООСО Ф.4, ОП. 11, Д.198, Л.3-6].

Необходимо отметить, что некоторые ответственные областные и районные чиновники все-таки пытались хоть как-то выправить положение в Нижнеетуринской исправительной колонии.

Сохранилось «Письмо председателя Нижнетуринского райисполкома Колобова к председателю Уральского облисполкома М.К. Ошвинцеву о расходовании фонда централизованных мясозаготовок для обеспечения продовольствием контингента исправительно-трудовой колонии.

№78. *г. Нижняя Тура, 5 июля 1933 года. Секретно.*

В момент наиболее тяжелого положения Н(ижне)-Туринской ИТК(олонии), когда люди по 50-60 человек умирали в 1 сутки, когда число истощенных больных доходило до 500-600 человек, 6 апреля сего года, по настоянию товарища Ларичева (члена ЦК ВКП(б)), на это имеется решение Фракции Райисполкома от 6 апреля, нами было выделено без наряда из централизованных мясозаготовок 2 тонны мяса для истощенных больных ИТК». [ГАСО Ф.255-р, ОП.1, Д.866, Л.338].

Неизвестно, насколько сократилась смертность в колонии вследствие улучшения питания, но согласитесь, что и условная цифра умерших – 2200 человек, прозвучавшая в первом представленном документе, - это очень много. Обращаю ваше внимание, что цифра приведена не за весь год, а только лишь за первый квартал 1933 года. Страшно даже подумать, сколь-

ко же еще умерших поглотила нижнетуринская земля.

Среди узников Нижнетуринской тюрьмы было много людей, осужденных по 58-й статье – это политическая статья (контрреволюция и агитация против советской власти). Здесь сидели и белые офицеры, и царские чиновники, и члены колчаковского правительства, и духовенство, и раскулаченные крестьяне, и спецпереселенцы из Польши, Прибалтики, Украины, Белоруссии и других мест, а также много-много других, чаще всего невинных людей. К великому сожалению, память о них совершенно

забыта, но данная статья направлена на то, чтобы мы их вспомнили и больше не забывали

Интересные воспоминания о Нижнетуринской тюрьме оставил советский диссидент Петр Якир – сын репрессированного в 1937 году командарма. В 1972 году в Лондоне вышла его автобиографическая повесть «Детство в тюрьме». Приведем маленькую толику воспоминаний, связанных с Нижней Турой.

«Наконец, мы увидели четырехэтажное здание тюрьмы, прилегающую к ней огромную зону, приблизительно, километра два с одной стороны, очень высокий, метров десять, забор, перед забором двенадцатиметровая запретная зона, вспаханная и прибранная граблями. По верху забора – колючая проволока на специальных кронштейнах, направленная в обе стороны. В середине забора – ворота, маленькая вахта. Это была Нижнетуринская колония строжайшего режима, а рядом с ней находился Нижнетуринский изолятор.

Прямо перед нами стоял громадный барак – это была столовая. Налево в углу, отгороженном высоким забором с проволокой, карцер; направо, тоже отгороженный, большой барак – БУР (барак усиленного режима). Сразу за БУРом был склад, куда мы по описи сдали свои вещи. После этого нас повели в баню.

В Нижнетуринской колонии было 12 больших бараков по три секции в каждом, в средней секции, помещалось 50 человек, а в боковых по 100. Всего в зоне находилось около 3000 человек. Было два женских барака.

Как и везде, в Нижней Туре существовал карцер, куда сажали на срок от 30 суток до 45; БУР, где держали по три месяца; а затем уже корпус, то есть, полит. изолятор.

В начале 1938 года из Москвы пришел этап – человек двести, мужчин и женщин, по 58-й статье (политические). Непонятно, почему их пригнали сюда. Это были простые люди, невинно осужденные».

Воспоминания Петра Якира относятся к периоду «Большого террора», когда по разным оценкам «жертвами репрессий стали от 11-12 до 38-39 миллионов человек» по всей стране.

Но вернемся к нашему повествованию, а именно в страшный 1933 год. Сохранилось имя священника Пермской епархии, который попал в лагерные жернова, но до конца не был перемолот, так как память о нем не была

стерта в сердцах его родных и близких.

Священник Михаил Тимофеевич Тюрин родился в городе Кунгуре в 1887 году в крестьянской семье. Подростком он все свое свободное время проводил в храме и, имея прекрасный голос, пел в церковном хоре. Он был рукоположен в сан диакона, а затем священника ко храму села Пожва. Прослужив здесь несколько лет, в 1924 году был переведен в село Посад Усть-Кишерского района.

Летом 1932 года секретарь сельского совета Степан Оборин подал на священника ложный донос, отца Михаила арестовали и заключили под стражу в Усть-Кишерти. Суд приговорил его к десяти годам заключения.

Степан Иванович Оборин после приговора пришел к жене отца Михаила и просил прощения за то, что оклеветал ее мужа, объясняя случившееся тем, что его заставили написать ложный донос. У священника осталось четверо детей – семнадцати, двенадцати, девяти и трех лет, а также тяжело больная жена. Но прихожане настолько любили и уважали отца Михаила, что, несмотря на угрозы преследователей, не оставили его детей, и только благодаря поддержке прихожан семья выжила.

5 марта 1933 года отец Михаил писал из заключения: «Я нахожусь в Нижней Туре, завод, исправительно-трудовой лагерь за линией (железной дороги), камера 13». Он писал в надежде, что кто-нибудь из родных его посетит, но жена в это время была тяжело больна, и поехал один из племянников. Он приехал в лагерь 25 марта. Представители лагерной администрации сообщили ему, что отец Михаил скончался 11 марта.

Несмотря на то, что времени со дня кончины священника прошло немного, администрация лагеря отказалась показать место его могилы. Умер ли он от болезней, от голода или был расстрелян – неизвестно. К сожалению, в архивах Свердловской и Пермской областей «ДЕЛО гражданина Тюрина М.Т.» отсутствует, как отсутствуют и учетные карточки всех прибывших и погибших в 1933 году граждан СССР в Нижне-Туринской трудовой колонии, но хоть ты, дорогой читатель, вспомни о них.

ПРОЗА

Надежда ШУЛЕПОВА

УТРО САЛАТНОГО ЦВЕТА

Светлой памяти КОЛЕВАТОВЫХ
Александра Афанасьевича
и Марии Ивановны

Я холщёвые шторы рассвета
Распахну в разрисованный мир,
Когда утро салатного цвета
Нежной порослью всех удивит,
Пробежит босоногой девчонкой
Беззаботности детской полна.
Кто ты? – крикну я ей удивлённо,
А в ответ: - «Твоей жизни весна»...

Воспоминания... Далёкие и близкие, чёткие и расплывчатые, весёлые и грустные, они сопровождают людей на протяжении всей жизни, и для каждого они неповторимы. Но особенно дороги сердцу воспоминания детства. Именно там, в начале пути, в абсолютной свободе от суетности мира, в чистоте, в доброте помыслов и заключается вся полнота человеческого бытия. Только осознание этого, к сожалению, приходит не сразу. Лишь накопив кое-какой опыт, столкнувшись с проблемами взрослой жизни и набив шишек, вдруг начинаешь понимать: какая же хорошая эта штука - память! Ведь в трудную минуту она обязательно выручит, согреет и напитает больную высохшую душу живительными и светлыми воспоминаниями из детства. Детства, которого, так не хватает в нашей взрослой жизни. И чем дальше удаляешься от детства, тем ярче становятся воспоминания о нём...

1971 год...Я просыпаюсь под сенью бревенчатого дома под очумелое пение деревенских петухов. Большая комната в три окна. Через беленькие в голубой цветочек ситцевые шторки в комнату пробиваются солнечные лучи и тянутся весёлыми полосками вдоль широких досок свежевыкрашенного пола. Во дворе слышится бодрый голос бабушки, кормящей бесчисленное количество кур: «Цып-цып-цып-цып-цып...».

Соскочив с кровати, шлёпаю босыми ногами к окошку. Весь двор залит утренней нежностью. Тёплые лучики солнца осторожно скользят по

маковкам молодой травы, которая кучками расселась по обе стороны дощатого тротуара. На тоненьких, салатного цвета стебельках поблёскивают кристаллики утренней росы. Во двор весело заглядывает черёмуха, облокотившись на забор огорода тяжёлыми ветвями, с которых свисают гроздья белых её соцветий, обрамлённых листочками того же салатного цвета.

Посередине двора стоит белый красивый конь, а дедушка, высокий и немного сутуловатый, гладит морду животного, что-то при этом ласково приговаривая. Затем потихоньку начинает его запрягать. Пальцы ловко и уверенно справляются с этой хитрой работой, временами похлопывая коня по крупу. У деда удивительные пальцы – крупные, узловатые, усыпанные крупными рыжими веснушками. Когда-то сжимавшие холодное тело автомата, сейчас они всё время что-то пилят, строгают и мастерят, а в великий День Победы весело бегают по маленьким кнопочкам трофейной немецкой гармони. Они гладят меня по голове, и я чувствую, как тепло и любовь проникают в самое сердце. Любовь… Она – везде. Я растворяюсь в ней всем своим маленьким существом. Она и в родном дядьке, с хохотом подбрасывающим меня под потолок, и в ласковой бабушке с её забавными придуманными сказками, и в молодой, светловолосой, ослепительно красивой маме, которая всякий раз, обнимая меня, с удивлением обнаруживает, как же быстро я расту…

Я и на самом деле росла с невероятной скоростью. Да и могло ли быть иначе? Взращиваемая на свежем воздухе, на коровьем молоке, купаясь в безграничном море всеобщей любви, я лихо отплясывала на радость всем своим тёткам и дядькам под задорные переливы дедовой гармошки! Я была по-настоящему счастливым маленьким человечком со своим огромным миром, где никогда не было скучно. И это счастливое беззаботное время навсегда отпечаталось в моей памяти самым ярким пятном в жизненном пространстве, где росли огромные ромашковые поляны, в воздухе плыл незабываемый запах сена и ярко сиял расплавленный шар солнца, на который можно было смотреть только через зелёный осколок стекла. А ещё там всегда радостно улыбались довольные и перепачканные мордаш-

ки таких же, как я, счастливых деревенских ребятишек.

Я вспоминаю своё босоногое деревенское детство и чувствую, как с каждым годом во мне нарастает неудержимое желание жить. Жить наполненно, богатея духовно и не цепляясь за материальное. Я храню в своём сердце образы двух дорогих мне людей – бабушки и дедушки, таких тёплых и жизнерадостных, но с такой нелёгкой судьбой. Откуда мне было знать о том, что все жители деревни были раскулачены в годы репрессий и высланы в верховье реки Ис, где они и выстроили собственными руками эту деревушку под названием Боровское. И что дорогие мне люди, от которых я получила в дар неисчерпаемый запас терпения и любви, тоже из их числа. Нелегко приходилось им, оставленным посреди тайги, привыкать к суровым жизненным условиям, и выживать в них. Но они выживали! В них была неведомая сила, называемая великим русским духом, накопленная не одним поколеньем людей. Они никогда не унывали и пускали на Урале свои могучие корни, рожали детей, обрабатывали землю, любили, радовались и плакали. А я, маленький счастливый человечек, являлась неотъемлемой частью чего-то очень значимого и настоящего…

Бабушкины сказки, или Самая настоящая принцесса

Бабушка и дедушка очень любят Найдёнку, да и как её не любить? На тот момент, когда она появилась на свет, у них было уже целых три внука. Поэтому, пользуясь привилегией единственной внучки, Найдёнка с большим удовольствием принимает любовь своей многочисленной родни.

Найдёнка тоже всех очень любит: и маму, и дядюшек, и тётушек, и двоюродных братишек, и, конечно же, дедушку с бабушкой. Только бабушку она любит чуточку больше. У бабушки очень добрый и мягкий характер, и она никогда не ругает Найдёнку, даже если та и напроказничает. А ещё бабушка очень здорово рассказывает замечательные сказки, часто на свой манер, в которых почти всегда Найдёнка - главная героиня. И при каждом удобном случае, когда бабушка после долгих домашних хлопот ложится отдохнуть, Найдёнка пристраивается к ней под бочок и начинает канючить:

- Бабушка, ну, расскажи сказку…

- Жила-была принцесса, и звали её Найдёнка… – как обычно, заводит бабушка…

- Нет, не эту, - капризничает девочка, - расскажи настоящую сказку и про настоящую принцессу.

- Глупая, - говорит бабушка и ласково гладит её по голове: - ведь ты для меня и есть самая настоящая принцесса.

Вредная буква, или Как найти выход из трудной ситуации

- Н А Д Я – выводит Найдёнка химическим карандашом крупные печатные буквы на листе бумаги. Ей уже шесть лет, и дедушка сказал, что она должна обязательно научиться писать своё имя. По всему видно, что Найдёнка очень старается, но её маленькая пухлая ручка всё равно дрожит,

не слушается, а палочки, из которых состоят буквы, получаются корявыми и неровными, совсем не похожими на те, что нарисовал дедушка. Найдёнка пыхтит уже целых полчаса, время от времени слюнявя химический карандаш, отчего её язык давно стал фиолетовым. Особенно трудно даётся буква Д.

Наконец, совсем отчаявшись, Найдёнка отбросила карандаш в сторону, и, подперев подбородок рукой, стала нервно болтать ногой под столом.

- Какая всё-таки вредная эта буква, и зачем только у неё так много палочек? - пробурчала она себе под нос, сердито надув фиолетовые губы и уставившись на корявую букву Д.

Но, повнимательней приглядевшись к букве, Найдёнка на мгновение задумалась, хитро улыбнулась, и, схватив карандаш, быстро дорисовала к ней ступеньки.

- Ну вот, совсем другое дело! - и она, довольная, откинулась на спинку стула, с удовольствием рассматривая получившийся из буквы Д очень красивый маленький домик с лесенками.

Васька, или Короткий рассказ о кошачьей преданности

- Ну-ка, догадайся, что я тебе принесла? – с этими словами в клубах морозного пара в избу вошла бабушка.

Держа руку за пазухой овечьего полушубка и загадочно улыбаясь, она подмигнула внучке и достала оттуда пушистый серый комочек. Найдёнка во все глаза уставилась на него, и осторожно задев его пальчиками, тут же отдёрнула руку. Комочек зевнул, открыл глазки, растянулся во весь рост и оказался маленьким пушистым котёнком.

- Вот тебе, внученька, подарочек, - улыбаясь, сказала бабушка, и протянула его девочке.

Подарочек назвали Васькой.

У Васьки была забавная серая мордочка с еле заметными светлыми полосками и удивительно большие зелёные глаза. Маленький хвостик тоже был полосатый и торчал вверх. С этого дня Найдёнка с ним ни на минуту не расставалась. Она с ним и ела, и спала, забыв про «Мурзилку» с картинками и про игрушки. Котёнок мог целыми днями носиться за фантиком, привязанным на нитку, а Найдёнка дёргала нитку и с восторгом бегала по избе. Она тискала Ваську, пеленала, поила его из ложечки молочком, кормила конфетами «Батончик» и, убаюкивая, пела ему песенки. Её расцарапанные ручки красноречиво говорили о том, что коту совсем не нравится игра в дочки-матери, но Найдёнка, несмотря на его протесты, сопя от усердия, продолжала упрямо его пеленать.

Со временем Васька всё-таки понял, что всякое сопротивление бесполезно, и стал терпеливо переносить все издевательства, но при каждом удобном случае он удирал от девочки во всю свою кошачью прыть. Забегая вперёд, хочется отметить, что он оказался очень преданным котом. Когда Найдёнка, переехав в город, пошла в школу, кот, всем на удивление, отказался от еды. Казалось бы, все мучения позади, но Васька целыми днями ходил как потерянный и жалобно мяукал в поисках девочки, а через какое-то время и вовсе пропал.

Компот, или Почему нельзя слизывать иней с молотка

В деревню пришла настоящая зима, снега навалило выше колена. Дедушка залил водой деревянную горку, которую ещё осенью смастерил из добротных досок прямо в огороде. Потом взял холщовый мешок, набил его соломой и одну из сторон тоже облил водой, а когда она покрылась тонкой корочкой льда, то получилась замечательная мягкая подушка, на которой Найдёнка целыми днями с визгом каталась с горки.

Но сегодня стоит такой мороз, что Найдёнка и носа на улицу не высовывает, а дедушка даже перенёс из хлева в дом маленьких ягняток, чтобы они не замёрзли. Он расстелил для них прямо на полу целую охапку сена, от которого по избе поплыли такие летние ароматы, что на мгновенье Найдёнка даже забыла, что на улице зима. К тому же с кухни, где бабушка варила компот из сухофруктов, тянулся тонкий запах яблок, изюма и абрикосов. В избу пришло настоящее запашистое лето.

- Обедать! – коротко скомандовала бабушка, и дед с внучкой не заставили себя долго ждать.

Найдёнке так хотелось поскорее компота, что она, не капризничая, в один миг сметала всё, что ставила перед её носом бабушка.

Компот закончился удивительно быстро, оставив после себя только выпуклые светло-коричневые косточки от абрикосов.

- Ну что, будем колоть орехи? – улыбаясь, спросила бабушка Найдёнку, - сходи-ка, озорница, в сени и принеси молоток, - и уже вдогонку добавила: - только не вздумай его лизать!

Найдёнка выскочила в сени и быстро окинула взглядом холодные

стены: над дверью висела подкова, дальше вдоль стены - старая пила со сломанными зубьями и длинная полка с множеством гвоздиков, напильников и других непонятных железячек.

- Где же молоток? – забравшись на скамейку, на которой стояли сразу несколько вёдер с ледяной колодезной водой, Найдёнка забегала глазами по полке.

- Да вот же он! – обрадовалась девочка, наконец-то разглядев в этой куче заветный молоток, и стащила его с полки.

Молоток был тяжёлый, холодный, покрытый тонким слоем инея.

- Как всё-таки хочется слизнуть иней с молотка – промелькнуло у Найдёнки в голове. - Но бабушка сказала: не вздумай! Почему? – Найдёнка хмыкнула и пожала плечиками.

И тут она вспомнила, как две недели подряд проболела ангиной, наевшись в прошлом месяце сосулек, которые так аппетитно свисали с крыши бани.

- Сосулек я съела, конечно, очень много, - рассуждала Найдёнка, уже переступая порог, - а тут лизнуть-то – всего ничего...

И… лизнула. Всё то, что произошло в следующую секунду, ей запомнилось на всю оставшуюся жизнь. Началась настоящая суматоха! Обнаружив, что язык накрепко прилип к молотку, Найдёнка от неожиданности наступила на хвост коту, который с истеричным воплем сиганул под стол. Сообразив, что произошло непоправимое, Найдёнка завопила следом за ним, да так, что заглушила всех деревенских петухов, вместе взятых! Бабушка суматошно носилась по кухне, размахивая руками и не зная, за что же схватиться, а дед громко кричал:

- Старая! Воду, воду тёплую наливай!

Но было уже поздно. Найдёнка с силой рванула молоток, и тут же с ужасом почувствовала, что язык во рту горит так, как будто его приложили к накалившейся сковородке. На гладкой металлической поверхности молотка белела нежная кожица. Ядрышек от абрикосовых косточек на этот раз Найдёнке поесть так и не пришлось.

Дядька, или Как привить ребёнку вкус к настоящему искусству

Весной у курицы-наседки вылупились цыплятки. Маленькие жёлтые комочки сидели в большой коробке и пищали, потому что всё время хотели есть. Поэтому бабушка для них мелко-мелко рубила ножом варёные яички, а Найдёнка крутилась рядом и глотала слюнки.

- Как же хочется стащить со стола ну хоть малю-ю-ю-сенький кусочек…

Но Найдёнка понимала, что этого делать нельзя, потому что цыплятки маленькие и голодные, а Найдёнка большая и сытая, потому что позавтракала полчаса назад.

С улицы послышался свист Димки.

- Ой, жених-то на велсапеде приехал! - весело сказала бабушка, бросив взгляд в окно.

Димка – это ровесник Найдёнки и самый преданный друг. Он живёт на

другой стороне деревни у Ивановых. Его так же, как и Найдёнку, родители привозят на всё лето к дедушке и бабушке.

Найдёнка натянула резиновые сапожки и пулей вылетела на крыльцо, тут же упёршись взглядом в чью-то полосатую спину. Это была спина дядьки Геннадия. Геннадий - самый младший сын в семье, и бабушка ласково называет его Генашкой.

Белокурый, всегда весёлый Генашка недавно вернулся из Германии, где служил в армии. Найдёнка очень хорошо помнила, как в прошлом году от него пришло письмо с фотографиями в конверте. На одной из них Генашка стоял в солдатской шинели, подтянутый, красивый, и торжественно держал под руку длинноволосую немецкую девушку. Бабушка тогда объяснила, что эта девушка – переводчица и, как выяснилось из письма, неплохо «шпрехает» по-нашему. Когда никто не видел, Найдёнка потихоньку доставала из сундука эту фотографию и любовалась, надеясь, что дядька непременно привезёт эту красавицу в деревню и женится на ней. Но Генашка вернулся домой один, как обычно, весёлый и довольный и, наслаждаясь спокойной, размеренной деревенской жизнью, пел весёлые песни под гитару.

Вот и сейчас он, греясь на солнышке, сидел на верхней ступеньке крыльца в тельняшке и с гитарой в руках.

- Опять будет меня учить петь! – ужаснулась Найдёнка, на ходу обдумывая, как бы незаметнее прошмыгнуть мимо дядьки, потому что Димка снова стал нетерпеливо и многозначительно посвистывать. О, как бы сейчас пришлась кстати шапка-невидимка из сказки, которую ей вчера читала бабушка!

- Надь, ты куда? – схватил её за руку Генашка.

Найдёнка поняла, что её опасения были не напрасны, но всё же с затаившейся надеждой жалобно выдавила из себя:

- А меня Димка за воротами ждёт.

- Подождёт, - коротко заключил дядька и продолжил: - садись, будем прививать тебе вкус к настоящему искусству. Сейчас быстренько одну песню дуэтом споём, и побежишь к своему Димке.

Найдёнка смутно понимала, что это вообще такое «дуэтом», но выбора у неё всё равно не было. Она послушно села рядом, а дядька проникновенным голосом запел:

- А волны и стонут и плещут, и бьются о борт корабля.

- Повтори, - приказным тоном сказал он.

Найдёнка старательно повторила, а Генашка почему-то заулыбался. Конечно, многие слова из песни ей были совсем непонятны, например, что такое «аборт корабля», но она всё равно повторяла, стараясь уловить хотя бы мелодию: уж очень ей хотелось поскорей со всем этим покончить! Прошла четверть часа, на улице стояла мёртвая тишина. Очевидно, Димка, не дождавшись, умчался на своём велике, а Найдёнка всё пела и пела, чувствуя, как с каждой минутой у неё нарастает полное отвращение к искусству.

По выражению лица дядьки было видно, что у неё получается не очень. К тому же девочка совсем не выговаривала букву «р», и Генашка, наконец, от души рассмеявшись, сказал:

- Ладно уж, иди к своему Димке, всё равно от тебя нет никакого толку!

А Найдёнке этого и надо! Она так рванула на улицу, что только пятки засверкали!

- Бестолковая, - вздохнул Генашка, глядя ей вслед.

В тот момент он даже и предположить не мог, что через много-много лет Найдёнка будет учить играть на гитаре свою собственную дочку.

Рыбалка, или Руководство по ловле рыбы

Наступила пятница. Для Найдёнки это самый радостный день, потому что по пятницам на выходные из города приезжает мама и привозит гостинцы.

Найдёнка не всегда жила в деревне. Какое-то время она жила с мамой в Качканаре, но из-за проблем с детскими садиками, а потом и со здоровьем, Найдёнку приходилось всё время пристраивать у родственников, соседей или подруг. Кроме того, мама по вечерам училась в техникуме. Если пристроить дочку всё-таки не удавалось, она брала её с собой, посадив на последнюю парту, предварительно вооружив тетрадкой и цветными карандашами. Но Найдёнка была страшной непоседой, все уроки ползала под партами и приставала к молодым людям, которые вместо того, чтобы заниматься, кормили её конфетами, шутили и рисовали ей кошек и собак.

Иногда маме приходилось брать её с собой даже на работу. Она работала в одной из строительных контор, где запах клея, бумаги и женских духов перемешивался с запахами рабочей спецодежды маляров, прорабов и строителей.

Однажды, отработав смену, мама долго не могла найти дочку. Она уже обошла всю территорию и стала нервничать, когда заметила под сломанным трактором, стоявшим у входа в здание, знакомые сандалии. Изо дня в день под трактором копошился тракторист, но поломку найти ему так и не удавалось.

- Надь, что ты там делаешь? – наклонившись под трактор, воскликнула мама, откуда незамедлительно донеслось:

- Тлактол лемонтилую.

Мама за ноги вытащила дочку из-под трактора и рассмеялась: Найдёнка с ног до головы была перепачкана мазутом. Она стояла, виновато опустив голову, и вытирала чёрные жирные ручки о подол некогда белого платьица. Нос, лоб и пухлые её щёчки тоже лоснились от мазута.

Когда стало понятно, что дальше так продолжаться не может, на семейном совете бабушка с дедом постановили: жить Найдёнке в деревне, пока не утрясутся все житейские проблемы. Найдёнку это обстоятельство ничуть не огорчило, потому что интереса, внимания и любви к ней со всех сторон было предостаточно, и она благополучно жила круглый год в деревне, хотя по маме скучала очень.

Сегодня мама привезла дочке игрушку. Это был яркий, пластмассовый, довольно внушительного размера волк. Найдёнка вообще-то всегда мечтала о новой кукле, но волк ей тоже понравился: уж очень он был похож на волка из её любимого мультика «Ну, погоди!».

Время было вечернее, и все отдыхали после сытного ужина. Найдёнка, по своему обыкновению, сидела на высоком крыльце и вертела в руках новую игрушку.

- Надь, а пошли на речку, - присела рядышком мама, - отдохнём на берегу, рыбку поудим, Бог даст, и на уху наловим.

Найдёнка утвердительно кивнула, хотя её на рыбалку ещё никто никогда не брал, но с мамой – хоть на край света! Они взяли удочки и отправились на речку.

На берегу реки была удивительная тишина. Деревья стояли, не шелохнувшись, а птицы, уставшие от дневных концертов, уже чистили пёрышки, лениво перекликаясь.

Маленькая речушка тоже будто бы остановилась, замерла. Течение было незаметно, и только кое-где слышались негромкие всплески играющей рыбы, на мгновение выскакивающей из воды, чтобы ухватить муху или комара…

Мама зачем-то поплевала на червяка и насадила его на крючок. Червяк обиделся и стал извиваться, стараясь соскочить с крючка. По всему было видно, что рыбалка в его планы совсем не входила. Мама протянула удочку, что поменьше, Найдёнке.

- На, забрасывай, - сказала она и, отвернувшись, занялась другой удочкой. Найдёнка взяла удочку, повертела в руках, на мгновение задумалась и… бросила её в воду.

Когда мама обернулась, то было уже поздно: Найдёнка разочарованным взглядом провожала её по воде.

- Зачем ты это сделала?! – воскликнула мама.

- Ты же сама сказала: забрасывай, я и забросила, – заикаясь, ответила Найдёнка и от обиды разревелась так, что перепугала всех лягушек в округе.

- Ладно, не плачь, ты мне сейчас всю рыбалку испортишь, - уже спокойно сказала мама.

Найдёнка, немного успокоившись, села на поваленное старое дерево и, всхлипывая, стала наблюдать, как мама вытаскивает одну рыбёшку за другой. Клёв в этот вечер был просто замечательный.

На следующий день, собравшись за столом, все с удовольствием уплетали уху и весело смеялись, слушая рассказ о том, как Найдёнка забрасывала удочку.

Косички, или Как обманным путём подстричь непослушного ребёнка

Найдёнка стояла у дверцы шкафа с зеркалом во весь рост и плела косички. Коротенькие и тоненькие, они торчали в разные стороны, как

крысиные хвостики. Девочка разглядывала своё отражение и тяжело вздыхала:

- Не косички, а одно недоразумение.

Найдёнка втайне мечтала о длинной и толстой косе, как у Василисы Прекрасной, ну, или хотя бы как у блиновской внучки Оли. Блиновы жили в самой середине деревни в добротном высоком доме с резными ставнями. Их внучки Света и Оля - худенькие, воспитанные девочки - каждое лето приезжали погостить к своей бабушке и всегда приглашали Найдёнку в гости. Они вытаскивали всех своих кукол во двор и играли на завалинке в детскую больницу. Когда Оля наклонялась, чтобы сделать кукле укол, косы мешали, и Найдёнка с замиранием сердца наблюдала, как она отбрасывает их за спину.

У Найдёнки же с первых дней рождения вместо волос на голове был один только пух. Поэтому до определённого возраста её всегда стригли под машинку, как шутила бабушка, «под Котовского», отчего и без того её пухлые щёчки становились ещё круглее.

- Ну, прям вылитый Фантомас! – дразнил тогда её дядька Борис и громко хохотал, тряся кудрявой головой.

Найдёнка не знала, кто такой Фантомас, но ей всё равно не нравилось это слово. Она обиженно надувала губы и отворачивалась, а дядька хватал её своими сильными ручищами и несколько раз высоко подбрасывал вверх. Всякий раз, взлетая под потолок, Найдёнка с ужасом думала о том, что же он скажет бабушке в своё оправдание, если вдруг её не поймает? Но огромного роста богатырь, дядька Борис держал ситуацию под контролем и всегда вовремя её подхватывал.

Найдёнка точно знала, что никакой она не Фантомас, а просто девочка, и поэтому, когда немного подросла, то наотрез отказывалась стричься, и никакие доводы не могли повлиять на её твёрдое решение.

И вот в тот самый момент, когда Найдёнка стояла у зеркала и представляла себя Василисой Прекрасной, в комнату вошёл дядька Борис с ножницами в руках и решительно сказал:

- Надь, мы тут с бабушкой посоветовались и решили немного подравнять тебе волосы.

Найдёнка отрицательно тряхнула головой и испуганно попятилась назад…

- Да ты не бойся, я состригу совсем чуть-чуть, сантиметрика два, не больше, зато волосы после этого у тебя станут гуще, да и вырастут быстрее.

Найдёнка с большим недоверием слушала сладкие речи, но заключительная фраза дядьки касаемо быстрого роста волос прозвучала более чем убедительно, и Найдёнка, после недолгих раздумий всё-таки согласилась.

Дядька повязал старую простыню вокруг тоненькой шейки и со знанием дела, лихо орудуя гребнем и ножницами, принялся за работу.

- Ну, всё? - нетерпеливо спросила девочка через минуту.

- Надь, да ты чё, я ж только начал, - ответил дядька, и стал что-то насвис-

тывать себе под нос, щедро подрезая крысиные хвостики. Прошло минут пять, но для Найдёнки время тянулось невыносимо долго, и она, чувствуя неладное, заёрзала на табуретке:

- Ну, скоро?

- Сиди смирно, - строго сказал дядька, - вот тут ещё немного подравняем, и ты будешь у нас просто красавица!

Минут через двадцать он стянул с неё простыню и торжественно произнёс:

- Ну вот и всё. Мадам, вы свободны, – стряхнув при этом подозрительно много волос.

Найдёнка вприпрыжку подбежала к зеркалу и почувствовала, что земля уходит из-под ног. Ни о какой Василисе Прекрасной и речи быть не могло. На неё смотрела совсем незнакомая девочка с очень коротенькими стрижеными волосами. Оклемавшись от шока, она сорвалась с места и с рёвом бросилась на кухню.

- Ой, кто это? Откуда взялась такая красивая девочка?! - всплеснула руками бабушка.

- И совсем некрасивая, – рыдала Найдёнка, уткнувшись в её передник, – косичек-то нет, как же я теперь без косичек-то?!.

- Надь, ну ты прям, как маленькая! – вклинился в разговор дядька Борис, всё же довольный, что удалось обмануть племянницу, - вон, погляди, у бабушки нет длинной косы, у твоей мамы тоже нет – они ведь не плачут.

У Найдёнки моментально в голове выплыл родной образ мамы с коротенькими светлыми волосами, которая действительно была очень красивая и без косы. Девочка вытерла слёзы, но обида на дядьку всё равно не прошла, и она снова отправилась к зеркалу. На этот раз оплакивать свои крысиные хвостики.

Грандиозное строительство, или Как избежать наказания ремнём

Найдёнка сидела в густых зарослях гороха, плотной стеной обвивавших торчащие из земли крест накрест палки, с которых аппетитно свешивались пузатые зелёные стручки. От разогретой земли тянуло тёплой влагой с тонким ароматом душицы. Полуденное солнце светило так ярко, что даже не верилось, что три дня до этого, не переставая, лили дожди.

Девочка уже капитально успела подкрепиться, когда в прорехе забора появилась белоголовая голова Димки. Он оценивающим взглядом поглядел на Найдёнкину стрижку и заключил:

- Очень даже ничего…

Затем, шмыгнув своим загорелым и уже успевшим облупиться носом, добавил:

- Надь, пойдём секретики делать, а?

Секретики – дело, конечно, хорошее, интересное и делаются как нельзя просто. Нужно только раскопать маленькую ямку, положить в неё всевоз-

можные листики, цветочки, разноцветные пуговки, бутылочные стёклышки и, закрыв ямку большим осколком прозрачного стекла, которого на деревенской свалке полным-полно, зарыть секретик землёй. Вот и всё. Потом, когда аккуратно ладошкой убираешь землю со стекла, перед глазами открывается такая красота, что глаз не оторвать, ну, прям, как за витриной городского магазина! Секретики делали все деревенские ребятишки и даже устраивали конкурс на «самый красивый».

Но сейчас Найдёнке было не до секретиков, хотя Димка пришёл как никогда кстати. Дело в том, что за три дня до этого деревенские ребятишки начали строить шалаш на пустыре, но дождь неожиданно нарушил все планы. И сегодня Найдёнка с самого утра с нетерпением ждала Димку, чтобы позвать его на стройку. Напихав в карманы ситцевого платьица гороха, она взяла Димку за руку, и они отправились на пустырь.

Большой и просторный шалаш величественно возвышался посреди пустыря и выглядел как дрейфующий айсберг посреди моря. Весь строительный материал был позаимствован с деревенской свалки, находящейся неподалёку. Доски разных размеров, старые стулья, дверцы от шифоньеров, дырявые корыта – всё шло на возведение крепких стен! Работа закипела. Димка добросовестно латал дырки между досок большими листьями лопуха, а Найдёнка, как настоящая хозяйка, занималась благоустройством жилища изнутри, сооружая из всевозможных ящичков и досочек символический стол и стулья.

День за строительством летел незаметно, тем более, что в перерывах между работой они пару раз сбегали искупаться на речку. И вот, наконец, под вечер всё было закончено.

Дети на коленках забрались внутрь шалаша. Найдёнка водрузила на столе в высокой жестяной банке из-под тушёнки букет куриной слепоты, росшей тут же на поляне, и от этого внутри стало совсем по-домашнему уютно. Было тепло, сильно пахло увядающей травой, слабые вечерние солнечные лучи проникали внутрь шалаша через множество маленьких щелей и, разрезая полумрак, создавали какую-то особенную загадочную атмосферу.

- Димка-а-а… домой! - раздался в вечерней тишине голос Димкиной бабушки – Димка-а-а….

- Сейчас будет кричать, пока голос не охрипнет, - недовольно пробурчал Димка.

Но, как ни странно, голос утих: видимо, бабушка подумала, что внук проголодается и сам прибежит домой, как это бывало уже не раз. Но сегодня был не тот случай, потому что Димка, уходя из дома, потихоньку стащил с кухни два огромных ломтя белого хлеба. Он посыпал хлеб сахарком и слегка полил водичкой, чтобы сахар не рассыпался. Потом аккуратно завернул хлеб в кусок газеты и засунул его в бездонные карманы широких штанин. И теперь, сидя в собственном доме, они с удовольствием уплетали этот хлеб за обе щёки, а заодно и Найдёнкин горох. Наевшись, Найдёнка развалилась на мягком матраце из ароматной травы и, зевнув, подумала о

том, что наверняка и её звали домой, да как тут докричишься, когда дом на другой стороне деревни?

Солнышко медленно клонилось к закату, оставляя на небе багряные разводы. С речки повеяло прохладой, и наперебой застрекотали кузнечики... В шалаше незаметно становилось всё темнее и темнее, а когда стало совсем неуютно, дети выбрались наружу и отправились домой.

Всю дорогу они шли молчком. Найдёнка, наевшись всухомятку, икала и мечтала о кружке парного молока, а Димка обдумывал план незаметного проникновения в дом, дабы избежать нагоняя от бабушки. Надо сказать, что Димкина бабушка, как и все бабушки на свете, была очень добрая, и её крутой нрав давал о себе знать только в одном случае - когда Димка не слушался. Вот тогда и обнаруживалось, что у неё не на шутку тяжёлая рука.

Подкрадываясь к дому почти в полной темноте, они увидели у ворот женский силуэт. Димка остановился. Найдёнка, решив поддержать друга, осталась стоять рядом, взяв его за руку.

- Опять выдерет, - прошептал Димка, изо всех сил безрезультатно напрягая зрение и стараясь разглядеть выражение лица бабушки.

- Ну-ка, иди домой, сорванец, - вдруг резко сказала та. Димка от неожиданности вздрогнул, но с места не двинулся.

Он стоял, как вкопанный, а Найдёнка, которая от страха даже перестала икать, изо всей силы сжимала его руку.

- Димочка, миленький, ну, иди домой, - после затянувшейся паузы уже ласково позвала его бабушка, сообразив, что Димку по-другому домой просто не загнать.

Наивный Димка, чуть помедлив, всё же купился на её ласковый зов и вприпрыжку побежал навстречу, даже не подозревая, что за спиной она держит ремень....

- А-а-а-а-а, - тут же послышался его вой, от которого Найдёнка, словно очнувшись, мгновенно рванула с места и пулей помчалась домой. Она летела напрямик по кустам, спотыкалась, падала и снова летела, обжигая крапивой голые коленки, одновременно думая о том, что хотя её и не наказывают, но, наверное, имеет смысл в другой раз припрятать дедушкин солдатский ремень с глаз подальше. Так, на всякий случай…

Сенокос, или Как, особенно не стараясь, привлечь к себе всеобщее внимание

Было раннее июльское утро. Найдёнка уже проснулась и сидела на высоком крылечке, наблюдая, как во дворе пасётся красивый белый конь. Колька, так звали коня, не спеша, с чувством собственного достоинства щипал траву, время от времени помахивая хвостом.

- Какой же молодец этот Колька, - думала Найдёнка, - весной землю в огородах плугом пашет, летом – на телеге сено возит, зимой – на санях дрова.

Конь был удивительный, в смысле – удивительно брезгливый. Он

никогда не брал хлеб из грязных рук, даже если был очень голоден. Поэтому, прежде чем его накормить, дедушка тщательным образом мыл руки именно хозяйственным мылом и хорошенько ополаскивал их водой. Потом он доставал из холщового мешка целую буханку чёрного ароматного хлеба и, разламывая на большие куски, кормил животное, не забывая давать кусочек и Найдёнке. Она, хотя и очень боялась, но всё равно протягивала вперёд свою маленькую ладошечку. Колька тянулся к ней губами, и у Найдёнки от страха так замирало сердце, что она зажмуривала глаза. Губы у коня были очень большие, коричневато-серого цвета, и когда они приближались, обнажая огромные ровные зубы, ей казалось, что он сейчас откусит у неё всю руку. Но конь очень осторожно, едва касаясь мягкими и тёплыми губами, брал с её ладони хлеб.

Сегодня у Кольки насыщенный рабочий день: домочадцы собрались на покос. По этому поводу из города приехали все дети дедушки и бабушки: Борис, Николай, Геннадий, Валентина, Екатерина и, конечно же, мама Найдёнки – Фаинка. Все суетились, готовили провизию, укладывали на телегу нехитрый скарб: котелки, ложки, плошки; готовили косы, грабли, вилы и прочий инвентарь. У Найдёнки тоже были свои маленькие аккуратные грабельки, которые специально для неё смастерил дедушка.

Колька наконец-то наелся сочной травы, дедушка его запряг, и всё семейство, дружно усевшись на телегу, с песнями выехало за деревню. Как же радостно и спокойно было на душе у Найдёнки, вокруг которой собралась вся её многочисленная семья! И как звонко разносились в утреннем прохладном воздухе весёлые голоса, среди которых особенно выделялся сочный и красивый голос мамы. Она пела, крепко прижимая к себе довольную Найдёнку: ведь за целую неделю они очень соскучились..

И вот, наконец, семья добралась до места. Это была огромная поляна, окружённая лесом. Наскоро разбив лагерь, все, вооружившись косами, дружно рассыпались по лугу. Мама бросила Найдёнке старую фуфайку, детские журналы с картинками и тоже отправилась косить. Травы были высокие, сочные, с коротким подшерстком розового пушистого клевера, усыпанного мелкими капельками утренней росы.

Оранжевый солнечный шар поднимался всё выше и выше, воздух постепенно нагревался, а с луга доносился монотонный звук литовок: «Вжик-вжик-вжик»… Все были заняты делом, и на Найдёнку никто не обращал внимания. Её маленькие грабельки лежали рядом без дела. Девочка, растянувшись на фуфайке, наблюдала за букашками, копошащимися в траве. Увидев Божью коровку, она осторожно посадила её на ладошку и запела:

- Божья коровка, улети на небо, дам тебе хлеба….

Божья коровка забралась на самую макушку указательного пальца, распустила крылышки и упорхнула. Найдёнка с замиранием сердца проводила её восторженным взглядом, вздохнула и взялась листать старый номер журнала «Весёлые картинки». Но ей было скучно. К тому же становилось невыносимо жарко. Оглядевшись по сторонам, она решила

войти в лес и поискать ягод.

В лесу было удивительно хорошо. Прохлада стелилась по земле, пахло грибами, мхом, а птицы старательно наперебой выводили трели, каждая на свой манер. Найдёнка вытерла платком пот с лица и опустилась под тенью большого куста с множеством фиолетовых продолговатых ягод.

- Фу, жимолость, - догадалась она, потому что такой же куст рос у них в огороде, и Найдёнке были не по вкусу её горьковатые ягоды.

Но она, немного помедлив, всё же сорвала одну ягодку, которая, на удивление оказалась сладковатой, и девочка стала срывать ягоды одну за другой, незамедлительно отправляя их в рот. Вкуснотища!

- Вжик-вжик-вжик - раздавалось вдалеке… То ли от лесных ароматов и сладкого пения птиц, то ли от монотонного звона литовок веки у Найдёнки становились всё тяжелее и тяжелее. Сладко зевнув, она увалилась тут же под кустом, подсунув ладошки под щёку. Ей снились удивительные сны. Светловолосая, вся в лучах солнечного света, красивая мама весело смеялась и прижимала Найдёнку к себе.

- Как же ты быстро растёшь, доченька! – удивлялась она и ласково гладила её по волосам.

Снился кот Васька, сидящий рядом с Найдёнкой на мостике, перекинутом через речку. Найдёнка закидывала в воду удочку с пустым без червяка крючком, вытаскивала одну за другой рыбу и отдавала коту. Потом ещё приснился Димка. Он ехал по берегу реки на велике, размахивал руками, и ветер еле доносил до неё его далёкий голос:

- Н-а-а-а-а-д-я…

- Н-а-а-а-а-д-я… - на этот раз раздалось где-то совсем рядом.

Найдёнка вздрогнула и открыла глаза. Мама, всхлипывая, схватила её, крепко прижав к себе. Девочка спросонья ничего не понимала, ей казалось, что продолжается сон. Мама же, вытирая глаза от слёз, молча поднялась с земли, взяла её за руку и повела к телеге, вокруг которой собралась вся родня, которая что-то горячо обсуждала. Найдёнка ещё издалека заметила, что лица у них были очень встревоженные. Бабушка, увидев дочь с внучкой, бросилась им навстречу. Она схватила девочку и прижала к себе так крепко, что Найдёнка, до сих пор ничего не понимающая, чуть не задохнулась.

- Как же ты нас всех напугала, – причитала она, - мы ведь весь лес в округе прочесали, где же ты была?!.

Она расцеловала её и облегчённо вздохнула:

- Ну, слава Богу, нашлась!

Потом все облепили Найдёнку, и каждый норовил её потискать, ущипнуть, потрепать по волосам, будто хотели убедиться, что это именно она, а не какое-нибудь привидение. А Найдёнка, уткнувшись в бабушкино плечо, думала о том, что весь этот переполох совсем ни к чему: ведь она вовсе и не думала теряться, а ещё о том, какая всё-таки сладкая эта лесная ягода - жимолость…

Первый урок рукоделия, или Как отбить охотку шутить над ребёнком

У дядьки Бориса порвались штаны. И ещё, как на грех, на самом интересном месте. Шутка ли – сметать зараз целый стог сена! С самого утра ярко светило солнышко и ничего не предвещало перемены погоды, но к обеду стали подозрительно собираться тучки, и мужчины в срочном порядке, без перекуров, метали сено на сеновал. Дядька лихо орудовал вилами внизу, поддевая немыслимые охапки сена, и забрасывал наверх, где, не уступая сыну, так же лихо орудовал вилами дедушка, разбрасывая запашистое сено по сеновалу. И вот в один прекрасный момент, когда дядька, поддев очередную охапку, присел – штаны-то и треснули.

И теперь он сидел на кровати, внимательно разглядывая дыру, а Найдёнка, развалившись тут же, листала свежий выпуск «Весёлых картинок».

- Вот ведь кому везёт! Никаких тебе забот, лежи себе на пузе да разглядывай картинки, - вслух подумал дядька Борис и переключился снова на штаны. Выяснилось, что они разошлись по швам на все четыре стороны, и зашить их дело совсем плёвое, было бы только время.

- Ладно, потом починю, - подумал он и, скинув штаны за дверцей шкафа, натянул другие.

Проходя мимо, он небрежно бросил драные штаны на кровать рядом с Найдёнкой и как бы между прочим сказал:

- На вот, зашей, – и, хохотнув, отправился на кухню, где за обедом уже собралась вся семья.

Надо сказать, что Найдёнка по простоте своей совсем не разбиралась во взрослых шуточках и всё принимала за чистую монету, поэтому просьбу дядьки она приняла вполне серьёзно, и более того - как неукоснительный призыв к действию.

Она отложила в сторону журнал и, деловито разглядев дыру на штанах, отправилась с табуреткой к стене, на которой висела подушечка для иголок. Бабушка её называла игольницей. Подушечка сплошь была утыкана иголками, как маленький ёжик, а из каждой иголки обязательно торчала нитка с уже готовым узелком на конце. Бабушка любила, чтобы иголки на всякий пожарный всё время были наготове, и предусмотрительно вставляла в них нитки, причём всех цветов радуги.

- Какую же иголку взять? - думала Найдёнка, разглядывая разноцветные нитки, - можно и жёлтенькими зашить, а можно и беленькими, да и красными получится очень красиво.

Немного поразмыслив, она решила снять с гвоздика всю подушечку целиком и разобраться уже в процессе работы.

Усевшись поудобней на кровати, она с усердием принялась за работу. Взяв в первую очередь иголку с понравившейся жёлтой ниткой, она продела её в один край дыры и соединила с противоположным. Для начала получилось очень даже неплохо, концы ткани соединились, и дыра стала миллиметра на два меньше. Воодушевлённая таким обстоятельством, Найдёнка стала лихо орудовать иглой туда и обратно, в результате чего дыра заметно уменьшилась, а нитка с такой же скоростью закончилась.

Немного подумав, Найдёнка взяла другую иголку, уже с белыми нитками и продолжила рукоделие. Впрочем, вторая нитка была много короче первой и закончилась быстрее, а дырка не уменьшилась даже наполовину. Девочка, не долго думая, достала следующую иголку, а потом следующую, и следующую… Так незаметно дыра и закончилась, впрочем, как и иголки в игольнице.

Дело было сделано, и она, по взрослому вздохнув, с чувством выполненного долга отправилась на кухню. Родные дружно сидели за столом и, уже отобедав, что-то оживлённо обсуждали. Найдёнка ткнула кулачком в дядькин бок и молча протянула ему штаны. За столом тут же воцарилась мёртвая тишина, вслед за которой последовал бурный взрыв хохота. Все смотрели на дядьку Бориса, который в недоумении упёрся глазами в свои штаны, на самом интересном месте которых торчал разноцветный клубок переплетённых друг с другом ниток с торчащими в разные стороны иголками.

Хозяюшка, или Как прибавить хлопот бабушке

Бабушка и дедушка собрались ехать в лес за ягодами. Найдёнку на этот раз решили оставить дома.

- Остаёшься за хозяйку, – уезжая, строго и многозначительно сказал дедушка, а бабушка ласково погладила её по голове и шепнула:

- Не скучай тут без нас, а мы тебе землянички привезём.

Найдёнка не очень обиделась на то, что её не берут с собой, потому что Димка обещал сегодня покатать её на велосипеде.

- А я ведь и правда всамделишная хозяйка! - подумала Найдёнка, окинув взглядом избу, когда старики выехали за ворота. - А что должна делать хозяйка? Конечно же, хозяйничать.

Но она ещё ни разу в жизни самостоятельно не хозяйничала. Нет, конечно же, она не лентяйка и помогает бабушке по хозяйству, но чтобы вот так – на целый день остаться полноправной хозяйкой в доме – такое было впервые.

- Чего бы такого сделать, чтобы бабушка сразу заметила и похвалила? – подумала Найдёнка и окинула взглядом избу.

Варить она не умела, да к тому же для этого нужно как минимум растопить печь, а трогать спички бабушка категорически запрещала. Разве что постирать кухонные полотенца? Бабушка частенько, когда сама что-нибудь стирала, то и для Найдёнки наливала маленький тазик воды, чтобы та стирала своей кукле платья. Но, к сожалению, бабушка накануне выстирала всё грязное бельё, и полотенца в том числе.

- А вот пол грязный! – радостно заметила девочка и отправилась искать ведро и тряпку.

К слову сказать, Найдёнка тряпку в руках никогда не держала. Единственное, что ей доверяла бабушка - так это веник, чтобы подметать избу. Найдёнка подметать любила, потому что кот Васька очень боялся веника и

под радостный хохот девочки носился от него по всей избе, как угорелый.

Найдёнка нашла в сенцах пустое ведро и отправилась к старой позеленевшей от времени невысокой бочке с водой, находившейся на углу дома. Бочка стояла прямо под стоком, который был установлен вдоль кромки крыши, и вода во время дождей всегда попадала прямо по назначению. Бочка и сейчас была почти доверху наполнена водой.

Найдёнка, начерпав ковшом в ведро воды ровно столько, сколько могла с трудом нести двумя руками, потащила его по лесенкам в избу. Потом она взяла лежащую в сенях у самых дверей тряпку, о которую вытирали ноги, и принялась за дело. Тряпка, казавшаяся с первого взгляда не очень большого размера, после того, как Найдёнка окунула её в воду, оказалась на удивление очень тяжёлой. Девочка с усилием вытащила её из ведра и в растерянности бросила на пол, не зная, что же с ней делать дальше. Потянув тряпку на себя, она обнаружила, что та легко подалась, и, обрадовавшись, повезла её поперёк половиц. Так и возила, ещё пару раз окунув в ведро, пока в комнате не осталось ни одной сухой половицы. Маленькая хозяюшка так старалась, что даже вспотела.

- Ой, и нелёгкая же эта работа – хозяйничать по дому, - думала она, переезжая вместе с тряпкой на кухню.

После того, как она, наконец, вымыла кухню, воды в ведре явно поубавилось. Разогнувшись и деловито вытерев пот со лба, она заглянула в ведёрко. Воды осталось на донышке. Найдёнку совсем не смутил её мутный цвет. Она лишь подумала о том, что воды в самый раз хватит для того, чтобы вымыть ещё и крыльцо.

- Бабушка не сможет не заметить, что пол вымыт, и обязательно скажет: «Хозяюшка ты моя!» - мечтала девочка, щедро размазывая оставшуюся жидкость по лесенкам.

Когда работа была закончена, она с чувством выполненного долга умчалась на улицу…

А вернулась домой только часа через три, когда после неудачного виража они с Димкой шлёпнулись вместе с велосипедом прямо в лужу. Надёнка стянула с ног мокрые сандалии и, расплакавшись, отправилась домой. Но плакала она не от боли, а от обиды, потому что насквозь вымочила своё любимое платье в горошек.

У ворот она увидела коня, который мирно щипал травку.

- Ура! Бабушка с дедушкой землянику привезли! - слёзы на щеках моментально высохли, и она, на ходу приплясывая, весело вбежала во двор.

То, что Найдёнка увидела в следующую секунду, её разочаровало ещё больше, чем падение с велосипеда: бабушка домывала крыльцо! Услышав шлёпанье босых пяток по тротуару, она обернулась. По добродушному лицу промелькнула еле заметная тень смущенья, но бабушка быстро с этим справилась и, улыбнувшись, ласково промолвила:

- Хозяюшка ты моя…

Найдёныш, или Откуда берутся дети

- Ба, почему ты меня зовёшь не Надей, а Найдёнкой? - спросила как-то раз внучка. Бабушка, которая в это время пекла блины, на секунду задумалась, потом хитро улыбнулась и стала рассказывать:

- Однажды я пошла поливать капусту. Один вилок полила, второй, а в третьем, смотрю, какой–то найдёныш шевелится. Пригляделась, а это маленькая девочка – ручки малюсенькие, ножки тонюсенькие, ну вылитая Найдёнка! Вот так ты и нашлась.

- Очень странно, - подумала Найдёнка, - а вот Димка утверждал, что его аист принёс.

Но спорить с бабушкой не стала, решив, что, наверное, все ребятишки находятся по-разному.

- Ладно, не отвлекай меня, егоза, а то потом будешь есть горелки, - сказала бабушка, опрокидывая очередной блин со сковороды на стол.

Она пекла блины в русской печи сразу на нескольких сковородках - и еле успевала подтаскивать их к себе одну за другой. Чуть зазеваешься – блин непременно сгорит. Найдёнка как заворожённая наблюдала за этим непрерывным процессом, пока не надоело. Она очень любила бабушкины блины. Удивительно пышные и румяные, они возвышались посередине стола высокой башней, вокруг которой стояли тарелки, наполненные разным содержимым: в одной - варенье, в другой – сметана, а в третьей – растопленное сливочное масло. Обычно, когда дедушка приезжал из леса, они садились все вместе за стол, скручивали блины в трубочки, макали в чашки и с удовольствием наворачивали! Вкуснятина!

Найдёнка вышла на улицу и присела на крылечко, лениво наблюдая за курами. Было скучно. Единственный друг Димка куда-то запропастился, с куклами ей играть совсем не хотелось, да и кот Васька куда-то удрал, не иначе, как отправился в подпол ловить мышей.

- Вот было бы здорово, если бы у меня был братишка, – вдруг подумала она. – Мы бы с ним уж точно не скучали. Играли бы и в прятки, и в догонялки, строили бы из кубиков домики, вместе рассматривали бы «Мурзилку» и «Весёлые картинки».

Найдёнка тяжело вздохнула, поднялась с крылечка и решительно отправилась на огород проверить на всякий случай капусту. Ведь она не знала, что её братишку там найдут только через пять лет…

Прощай, деревня, или Последние дни беззаботного детства

Найдёнка с Димкой сидели на крыше старого заброшенного дома и, причмокивая, объедали черёмуху, ветви которой висели прямо над их головами. Ягоды на этих ветках находились ближе всего к солнышку и поэтому были самые крупные и сладкие. Черёмуха была такая же старая, как и сам дом. Его хозяева давно умерли, и он, так и не дождавшись новых жильцов, растерянно поглядывал по сторонам пустыми глазницами окон, сиротливо покосившись набок.

Стоял конец августа. Лето, будто чувствуя свой скорый исход, изо всей

силы выдавливало из себя последнее тепло. Деревенские ребятишки, которые собирались этой осенью пойти в школу, догуливали последние деньки своего беззаботного детства.

До оскомины во рту наевшись черёмухи, дети по толстым её веткам спустились на землю. Почувствовав, что оскомину нужно обязательно чем-то заесть, Найдёнка отправилась домой, даже не подозревая, что там её ждёт настоящий сюрприз. Из Качканара приехала мама и привезла обновы: новую школьную форму и красивый блестящий портфель.

Девочка крутилась у зеркала, то и дело, поправляя крылышки на белом кружевном фартучке. Новое коричневое платье в складочку ей тоже было очень к лицу. Жаль, конечно, что не было косичек, но Найдёнка уже привыкла к своей новой стрижке и не особенно расстраивалась. К тому же мама пообещала ей первого сентября завязать на макушке большой белый бант. Найдёнка очень пожалела, что не позвала в гости Димку: вот бы он сейчас поглядел, какая она нарядная!

Душа у Найдёнки просто пела от радости:

- Прощай, деревня! Я уезжаю в город и иду в школу, и уже не придётся скучать по маме, которая теперь всегда будет рядом!

Бабушка стояла в дверях, смотрела на внучку и подолом фартука утирала мокрые от слёз глаза. Найдёнке было непонятно, то ли она плачет от радости, то ли от грусти. А бабушка радовалась, что внучка, которую она вынянчила, выросла и теперь вступает в самостоятельную жизнь, а плакала, как, наверное, плачут все бабушки, когда приходит момент расставания с внуками.

А Найдёнка, которая не могла знать, что видит бабушку в последний раз, и что её любимого и самого доброго человека скоро не станет на белом свете, продолжала радоваться. Сердце её было настежь распахнуто новому и неизведанному миру. Маленький человечек стоял на пороге в большую жизнь…

Родная земля

Отчего так в последнее время
Мои тянутся руки к земле,
И тоскует душа сокровенно
По забытой родной стороне?
И в размытых порой очертаньях
Всё отчётливей день ото дня
В моих детских воспоминаньях
Проявляется смысл бытия.

Просыпаясь под крик петушиный
От дымка разгоревшихся дров
В деревенском бревенчатом доме
С ароматом сушёных грибов

Я бежала в луга за цветами,
Я жила и дышала землёй,
И своими босыми ногами
Я вбирала всю силу её

Через борозды огорода,
Через рощи, покосы, стога,
Изучая простор небосвода
Сквозь зелёный осколок стекла;
Прикасаясь ладошкой к мозолям
Изработанных дедовых рук,
Из трофейной немецкой гармони
Извлекающих русский звук;

Видя сны под бабулины сказки
И мурлыкание кота,
Под охраной в углу красном
Из простого металла креста.
И стремится душа к порогу,
В непростой заплутав судьбе,
В Боровское, забытое Богом,
Возвращаясь к самой себе.

Вспоминаются запахи, звуки,
Жаркий полдень и скрип сохи,
И к земле мои тянуться руки,
И поют на душе петухи.

NOTA BENE

Михаил ТИТОВЕЦ

ИРИНА ВЕЛЕМБОВСКАЯ

Хотелось бы обратить внимание, что 24 февраля этого года исполнилось 100 лет со дня рождения писательницы Ирины Велембовской. Сильно сомневаюсь, что кто-то из качканарцев читал её произведения. Даже фамилию эту наверняка слышали единицы. А если кто-то и смотрел фильм «Сладкая женщина» с блистательными Гундаревой и Янковским в ролях – вряд ли обратил внимание, кто написан в титрах «автор сценария». А написана там именно эта фамилия: Велембовская – она автор повести и сценария.

Спрашивается: к нам какое отношение имеет эта писательница? А вот какое: она – наша землячка! Правда, по несчастью: сидела в Нижнетуринской тюрьме, а потом находилась на поселении на Ису. Ну, и, как творческий человек, даже в такой сложной жизненной ситуации напитывалась у нас впечатлениями для своих будущих произведений.

Немного биографии. Родилась в 1922 году в … хотелось бы написать «в благополучной семье»: по отцовской линии там были купцы 1-й гильдии, личные почётные граждане, по материнской линии – дворяне. В общем – не бедствовали. Но! Отец Ирины, Александр Шухгальтер, был революционер, принимал участие в вооружённом восстании в 1905 году. Вот чего, спрашивается, не хватало? Свободы? Так он её получит: в 1938 году будет арестован

и осуждён по статье 58/10 на 5 лет, а освободится только в 1946 году. Понятно, что после ареста главы семьи уровень благополучия резко снизился.

А потом – война. И уже в 1941 году Ирина Шухгальтер была осуждена. Обстоятельств этого дела доподлинно мы не знаем. Приходилось читать, что, будучи кладовщиком, она по молодости и по простоте своей выдавала солдатикам по их просьбам рукавицы взамен утерянных, валенки взамен прохудившихся, что было не положено. По другой версии – обокрали склад, который она охраняла. Как бы то ни было – суров закон, но это закон, особенно в условиях военного времени. Тюрьма, поселение, тяжёлый физический труд… Мытарства и неустроенность после освобождения…

С начала 60-х годов, когда стали появляться публикации в журналах, издаваться книги – пришло признание. Творила Ирина Александровна под псевдонимом Велембовская.

Понятно, что нас в первую очередь интересуют произведения, в основу которых легли впечатления от пребывания в наших местах. А таких немало. Это повести «Лесная история», «Дороже золота», «Ларион и Варвара», «Несовершеннолетняя», роман «Немцы».

Ну, возьмём на вскидку повесть «Лесная история». Муж и жена Логин и Ефросинья Широковы жили на прииске Благополучном. Кстати, было бы свободное время, так и просится для написания статья «География произведений Ирины Велембовской». Автор «маскировала» названия населённых пунктов, незначительно их изменив. Вымышленный прииск Благополучный – это, скорее всего, реально существовавший Благонадёжный. Для работы драги подняли уровень воды в реке, в результате чего смыло их огород, под угрозой оказался и дом. Реальной была перспектива перебраться в квартиру в каменном доме на соседнем прииске (к гадалке не ходи, что это посёлок Ис), но уж больно Широковым этого не хотелось. Поэтому когда Логину предложили должность огневщика в лесном отделе, они перебрались в лесную сторожку. А вскоре прибыли вербованные рабочие, причём женщины-татарки. Ефросинье полюбилась молоденькая 17-летняя девушка Газиля. «Маленькая, аккуратная, всегда пахнущая душистым мылом, она даже в рабочей одежде выглядела складно. На шее у неё краснели нехитрые бусики, в маленьких ушах поблескивали полумесяцы латунных сережек». До кучи девушка оказалась рукодельницей, удивительно работящей, да ещё и певуньей. В общем, не девушка, а просто клад. «Хороша девчонка-то! Молоденькая больно, а то Мишке невеста была бы», - думала Ефросинья. Мишка – это их сын, он служил в армии.

И вот под осень Мишка приехал в отпуск. Девушка сначала дичилась парня, ну, а потом привыкла. Мишка уехал дослуживать, а Газиля оказалась беременной – от Мишки. Просто удивительно! В сценах встреч молодых людей даже намёка нет на интимную близость. Это современный автор расписал бы всё в цветах и красках, в деталях и подробностях, а в советское время, как известно, секса не было. И что? Логин в ярости, Ефросинья, наоборот, готова принять ребёнка, когда тот родится.

Родился мальчик. Бедная Газиля извелась вся: и работать нужно, и ребёнок-грудничок… Сердобольная Ефросинья, несмотря на недовольство Логина, стала деятельно помогать молодой матери. Но случилась беда: Газиля трагически погибла. И как поступить с ребёнком? Ефросинья была категорична: мальчик останется с ними. Логин, считая ниже своего достоинства прогибаться под жену, ночью, когда умаявшаяся Ефросинья уснула, схватил ребёнка и повёз на прииск, чтобы сдать его сначала в больницу, а потом в дом малютки. Но и у него сердце оказалось не каменным. Последней каплей стали слова нянечки в больнице:

- Одеялку-то забери: может, сгодится тебе на что. Парню твоему теперь казенное обеспечено: государство, оно не родная мать, а заботливо. Может, поглядеть напоследках хочешь на парня-то?

— Дура языкатая! — Логин Андреевич вдруг повернул к ней лицо, по которому бежали слезы. — Неси малого обратно сей же минутой! Я его забираю… Неси, говорю, а то убью!

Хороший поворот: ребёнок получил семью! А что же его кровный отец, Мишка? Логин и Ефросинья очень хотели, чтобы их сын оформил отцовство. Но у вернувшегося из армии Михаила это никак не входило в планы. Он считал, что ребёнок помешает его жизненным планам, ибо никакая девушка не пожелает получить с мужем такое «приданое». И вскоре, к неудовольствию родителей, женился: его избранницей стала аж дочь начальника драги, но, увы, как это сейчас принято говорить – девушка с низким порогом социальной ответственности.

А мальчик между тем рос всем на радость, потому что был очень обаятельным и талантливым, прекрасно пел и играл на гармошке. Логин с Мишкой, который развёлся с наставлявшей ему рога женой, построили огромный дом. Мишка снова женился – на этот раз на простой, скромной

девушке. Логин купил внуку новый аккордеон. И вот все они: Логин, Ефросинья, Мишка и его молодая жена - собрались в ожидании, когда Камиль начнёт играть и петь «Амурские волны». Такой вот хепи энд, как и положено произведению социалистического реализма.

Конечно, эти события могли произойти где угодно. Это так! Но антураж-то! Прииск, драги, Песчанка… Песня! Как и в других вышеназванных произведениях.

А вот роман «Немцы» - здесь другое. Прямо скажем, этот роман для нас – откровение! Он повествует о событии, о котором мы, местные жители, и знать не знали до той поры, пока не прочитали роман. Речь в нём идёт не о пленных немцах, а о немцах, интернированных с территории Румынии, из провинции Банат, на территорию Исовского района. И.Шухгальтер работала с ними на лесоразработках. Её роман - в настоящее время единственный для нас исторический источник по этой теме. Сейчас и старожилов не осталось, которых можно было бы об этом порасспрашивать.

Итак, эшелон немцев, порядка 400 мужчин и 150 женщин в начале 1945 года направляются из Румынии в Россию, конкретно – на Урал, ещё конкретней – в Исовский район. Конечно, для людей это трагедия. Это не военные преступники, это не военнопленные. Повторимся, это интернированные, вся вина которых заключалась в том, что они - немцы. И суровый Урал с 50-градусными морозами – это совсем не солнечная Румыния. Люди разного социального положения, причём некоторым из них никогда не приходилось заниматься физическим трудом. А здесь пришлось, причём очень даже тяжёлым, а именно – заготовкой дров, которые требовались в больших количествах – для драг, школ, детских садиков, семьям: ведь мужчины были на фронте.

Но! Тягостного ощущения при чтении романа нет. Всё познаётся в сравнении. В сравнении с жизнью наших соотечественников, угнанных в Германию. Что уж говорить о существовании заключённых в концлагерях. А наши, у нас же – трудармейцы, или обитатели ГУЛАГовской империи…

Румынские немцы везли с собой баулы-чемоданы со снедью, одеждой и другими вещами. Работа тяжёлая, но привычные к труду иногда выполняли норму уже к обеду. Оказывалась медицинская помощь – ровно такая же, как местным жителям. Кормёжка оставляла желать лучшего, но даже офицеры питались этим же. Был организован какой-никакой досуг – танцы по вечерам. Даже плотскими утехами ухитрялись заниматься. А один из главных героев и очень даже положительный персонаж Рудольф Штребль даже заполучил таким образом ребёночка. То есть жить можно. За единственным исключением. Это когда на должность командира роты прибыл молодой лейтенант Вольф. Немец по национальности, дабы ему что-нибудь не предъявили в плане сочувствия к людям своей национальности, устроил бедным немцам форменный ад, но его быстренько сняли, и жизнь вошла в привычную колею.

Роман сложно пересказать. Он и производственный, и бытовой, и психологический одновременно. Особой динамики и лихо закрученного

сюжета там нет. Там жизнь, работа, человеческие межличностные отношения. А они ведь многогранны, эти самые отношения. Поэтому в романе - как в жизни: сила духа и человеческие слабости, радости и печали, подлость и благородство… И, конечно, – любовь. Изначально обречённая. Искорка взаимной симпатии в сердцах немца Рудольфа Штребля и молоденькой девушки Татьяны Черепановой, прораба Чисовского лесоучастка, полыхнули пожаром любовной страсти. Да, насчёт названия прииска и реки – Чис: только самый сообразительный читатель, и то с большим трудом догадается, что это – Ис. Но кульминации пожар не достиг: желая уберечь девушку от рокового шага, мудрые руководители (это без иронии) отправили Татьяну от греха подальше, на отдалённый лесоучасток, а Штребля скоренько отправили в Румынию – туда стали отправлять пожилых людей, женщин и вот его – с маленьким ребёнком. Конечно, оба сердечно страдали. Татьяну выдали замуж за лейтенанта Звонова, хорошего парня. А весной Татьяне пришло письмо, написанное на немецком языке.

- От кого это, - спросил Саша, заглядывая ей через плечо.

- От Штребля, - чуть слышно ответила он.

- Что он пишет-то? – зевая, спросил Саша.

Татьяна не ответила. Она плакала.

Вот такой роман.

Мы не берёмся рассуждать о художественных достоинствах произведений Ирины Велембовской. При случае об этом можно обменяться мнениями с теми, кто их читал. Но мы твёрдо убеждены, что нам, жителям Качканарского, Нижнетуринского городских округов и городского округа Лесной, необходимо знать имя писательницы Ирины Велембовской, а её книги должны быть в наших библиотеках: в муниципальных обязательно, в домашних - желательно! Вопрос только в том, откуда им там взяться? Не больно-то сейчас издают произведения советских писателей. К 100-летию, правда, издан сборник произведений Ирины Александровны, тиражом аж 1500 экземпляров. В нём есть роман «Немцы». А другие её произведения «исовской» тематики автор этих строк скачал из интернета и переплёл.

Советую, дорогие земляки: обратить внимание на этого автора.

ЛИТЕРАТУРНО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ
КАЧКАНАРСКИЕ ГРАНИ

Выпуск 12

Редактор – Титовец М.И.
Ответственный секретарь Краснопевцева Г.П.
© 2022, Администрация Качканарского городского округа
© 2022, МКУ «Качканарский городской архив»

Отпечатано в типографии «Репринт» (ООО «Онлайн-сервис»)
622001, г. Нижний Тагил, ул. Ломоносова, 49.
Тел. (3435) 215-210. E-mail: info@reprint.ru www.reprint.ru
Подписано в печать 20.08.2022.
Печать офсетная. Формат 70х100/16.
Бумага ВХИ 80 г/м2.
Заказ 221825 Тираж 450 экз.

МУНИЦИПАЛЬНОЕ КАЗЁННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ «КАЧКАНАРСКИЙ ГОРОДСКОЙ АРХИВ»

ОКАЗЫВАЕТ МУНИЦИПАЛЬНЫЕ УСЛУГИ:

- выдача копий архивных документов, подтверждающих право на владение землёй;
- предоставление архивных справок, архивных копий, архивных выписок, информационных писем, связанных с реализацией законных прав и свобод граждан.

АДРЕС	624357 Свердловская область, г. Качканар, 8 микрорайон, д.18
ДИРЕКТОР	Титовец Михаил Иванович
ГЛАВНЫЙ АРХИВИСТ	Макарова Наталья Григорьевна
ВЕДУЩИЙ АРХИВИСТ	Железнова Ольга Александровна
ТЕЛЕФОН	(8-343-41) 3-52-72, 6-08-17
E-MAIL	archiv@kgo66.ru
WEB-САЙТ	archive.kgo66.ru

МЫ РАДЫ ВАМ ПОМОЧЬ!